

РУССКИЙ РЕВАНШ

**ОЛЕСЬ
БУЗМИНА**

**РАССТРЕЛЯННАЯ
ПРАВДА**

Annotation

Сон разума рождает чудовищ. Украинский проект был кабинетной игрой интеллектуалов, модной игрушкой, за которой не было никакой социальной базы. Никакой Украины не было на землях Малороссии. Но трагические повороты нашей истории привели к тому, что сон благодушных мечтателей стал страшной явью, которая утопила юго-западные земли Российской империи в крови.

Украинский публицист Олесь Бузина всю жизнь развенчивал ложь об «Украине». Он написал множество книг о подлинной истории Малороссии, в которых разоблачал те многочисленные мифы, которые за какие-то сто лет наворотили кровавые мифотворцы.

За это его и убили. Смерть Олесь Бузины не стала смертью его идей и взглядов, которые нельзя убить. Убийцы не заставили замолчать слово правды. Эта книга и расскажет, о чем предупреждал Бузина и что он предвидел.

- [Олесь Бузина. Расстрелянная правда](#)

- - [Великий Богдане, вставай!](#)
 - [Эхо убийственных майданов](#)
 - [Скрежет плуга о трезубец](#)
 - [Сегодня и завтра Украины](#)
 - [Ты превратился в свет...](#)
-

Олесь Бузина. Расстрелянная правда

© Бобров А.А., составление, предисловие, комментарии, 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Великий Богдане, вставай!

Подлые выстрелы в Шевченковском районе Киева попали в Россию, в наш общий Русский мир... Самым потрясающим моментом на «Прямой линии» президента Владимира Путина лично для меня стало сообщение о том, что в Киеве среди белого дня демонстративно убит наиболее яркий писатель и публицист майданутой Украины – Олесь Бузина. Все знаменитые письменники незалежной – давно струсили и заткнулись. Измельчавший и изолгавшийся канал Евроньюс назвал Бузину «пророссийским журналистом» и показал грузного киевского дядьку из МВД – Геращенко, который нагло заявил о российском следе в убийстве оппозиционеров (дешёвое условие попадания во все мировые новости). Нет, Олесь – истинно проукраинский писатель! Я жадно следил за его творчеством (у Соловьёва и в других дежурных сварах он говорил хуже, чем писал!), потому что соратник зрел в корень и первым улавливал суть происходящего, а если и позволял себе не соглашаться с ним, то как раз из-за его украиноцентризма, слепого порой украинофильства. Помню, Олесь спросил один провокатор: «Вы так же плохо относитесь к украинскому народу, как утверждают нижеперечисленные знаменитости: “Мы, украинцы – нация злодеев”. – Леся Украинка (Л.П. Косач-Квитка). “Украинцы – народ подзаборников, бездельников и злодеев”. – Т.Г. Шевченко. “Украинская нация не дала ни одной творческой идеи”. – М.С. Грушевский. Став “незалежными”, мы это подтвердили? Как Вы думаете?».

И что ответил Олесь? Он взорвался: «Я – хохол. Я – украинец. Я – русский. У меня другой менталитет. Мы не злодеи. Мы – избранный Богом народ. Я имею в виду всех русских, состоящих из москалей, из хохлов, из белорусов или, как их называют, бульбашей. Я не считаю эти клички оскорбительными. И даже слово «жид» не считаю оскорбительным. Важно не что ты произносишь, а как. С какой интонацией. Есть ли в твоих словах любовь? У нас три государства. Но мы один народ. Бог нас избрал хранить светоч истинной православной веры». Этот свет любви и справедливости затмили сегодня жовто-блакитные и чёрно-красные знамена, сполохи огня и грязные потоки лжи. Включая российскую телеложь и мрак антинародной политики.

А насчёт российского следа... Пока писалось по горячим следам это предисловие к книге, группа украинских хакеров «КиберБеркут» опубликовала на своём сайте материалы, которые, по словам организации, доказывают причастность Службы безопасности Украины (СБУ) к убийству Олесья: «Мы, КиберБеркут, выкладываем в открытый доступ материалы, подтверждающие то, что физическая ликвидация общественных и политических деятелей, находящихся в оппозиции к Киевской хунте – была санкционирована СБУ, курировалась харьковскими политическими элитами, а сама группа “чистильщиков Свободной Украины” территориально принадлежит к харьковским националистическим группировкам», – говорится в сообщении хакеров. Активисты утверждают, что им удалось получить доступ к почтовому ящику заместителя главы Харьковской областной государственной администрации Вячеслава Абакумова, где они обнаружили его переписку с «неустановленным лидером одной из неонационалистических группировок Харьковщины». В письме, отправленном сразу после убийства Бузины, Абакумов ругает националистов и напоминает, что в их задачи не входило убивать оппозиционного журналиста, поскольку его гибель вызовет широкий общественный резонанс. «Вы что делаете? Это, по-вашему, меры физического влияния? <...> Вам дали лицензию на то, чтобы вы этих подонков заставляли

замолчать, но не навечно!!! Ты же мне в трубку говорил о выбитых зубах, собираемых сломанными пальцами! – возмущается чиновник в переписке. – И что касается дальнейшей судьбы вашей бригады отморожков: мне Дублон звонил лично уже три раза. Вы сейчас и немедленно отправляетесь назад в Харьков и возвращаетесь на базу. Остальные акции пока отменяются. А остальными пунктами из списка пока займутся ребята из Днепра – это приказ Дублона! Всё. Уезжайте немедленно, и телефоны, пока не придёте на базу, не включайте». В свою очередь, лидер радикальной группировки резко ответил чиновнику, чтобы тот «больше никогда не смел унижать» его или его ребят. Кроме того, он написал, что не собирается покидать Киев и подчиняться всем распоряжениям СБУ, подчеркнув, что у его людей в украинской столице «ещё много работы»...

Да, работы – непочатый край. Кто там перестарался или утратил контроль, почему не изуродовал только, а убил в упор? – время и другие документы обязательно покажут. Но эта книга – не детектив и не журналистское расследование, это – дань замечательному писателю, публицисту, сатирику, чьё слово не просто остаётся в строю, а будет обретать всё большую силу, когда Украина очнётся и начнёт (обязательно – с помощью России!) стряхивать бандеровский морок и кровавую пелену. Пропагандистское клише «Евроныус» о «пророссийстве» воспринимаешь с горькой усмешкой и с болью, глядя на лица и дела хунты. Если сложить в кучу правящую клику Порошенко-Яценюк-Гройсман-Аваков, то по казацкому духу, малороссийской крови и украинской сути Бузина – украинец больше, чем все они вместе взятые! Этим-то он и стал ненавистен для лжеукраинцев, захвативших власть! Глава СПб Наливайченко недавно твёрдо заявил: «Мы будем использовать опыт и методы спецслужб ОУН-УПА!»... Начали по полной программе. Бузина, как и следует писателю, глубоко узнал человеческую природу. Он говорил: «Правда состоит в том, что люди гораздо охотнее верят в мерзость, чем в доброту». Он переживал за Украину, погружённую в нацистский шабаш, и утверждал: «Сегодня умным людям на Украине, приходится скрывать своё имя, а людям с именем, скрывать свой ум». Но сам Олесь не скрывал ни того, ни другого. Он продолжал говорить ПРАВДУ. А это в сегодняшней Украине равносильно смертному приговору. И приговор этот был приведён в исполнение. Но пули, убившие Олесья, не способны убить нашу память о нём.

Сегодня на Украине не осталось историков и исторических писателей в строгом смысле этого слова. Олесь был не единственный, кто знал историю, но сохранился единственным, кто не боялся применять сравнительный исторический анализ и постигать смысл первоисточника. Вы представляете, в какой среде он творил и печатался? Например, доктор исторических наук и священник Юрий Мыщык, который преподаёт в рассаднике национализма – Могилянской академии, внушает студентам откровенный бред: «За всю историю украинско-российских отношений, начиная со времен Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского, насчитывается около двух десятков войн». Так что же, основатель Москвы князь Юрий, который занял потом киевский престол, и его сын, который перенёс столицу из Киева во Владимир, воевали сами с собой? Олесь Бузина разделял мою иронию в стихах:

Эх, профессор Мыщык —
Могилёвский титан,
Тот, который привык
Пудрить мозги детям.

Вот ведь создали класс
Из лжецов-подпевал:
Долгорукий у вас
Сам с собой воевал!

А вот дивитесь: Пётр Кралюк – проректор Национального университета «Острожская академия», из того города Острога, где Иван Федоров-Москвитин издавал библию и первый русский календарь со стихами белорусского поэта Римши. Он тоже называется сегодня философом и историческим писателем. Но каков его главный труд? Хвалится: «Мой «Синописис» – это литературно-художественная альтернатива Киевскому «Синописису» 1674 года, который заложил основу для схемы российской истории, согласно которой Московия является наследницей Руси, – рассказывает в комментарии газете «День» Петр Кралюк. – В моем же «Синописисе» Русь существует и без России, и без Беларуси. Русь – это то, что ныне мы называем Украиной. Собственно, в книге речь идет о древней русской культуре, которая была аристократической, дала нам Галицко-Волынскую летопись, Пересопницкое Евангелие, Острожскую Библию и много чего другого, но которую, к сожалению, мы сильно подзабыли». Ну да, например, сам Кралюк забыл, а на каком языке была напечатана библия. «Острожская Библия» Ивана Федорова практически без изменений была перепечатана в Москве в 1663 году, так что, по сути, являлась официальной редакцией славянской Библии до 1740-х годов! И после Полтавской виктории русские повсюду обращались к ней – от Днепра до Волги. Более того, значение «Острожской Библии» было огромным для православного образования, которое было вынуждено противостоять сильному католическому давлению на Украине и в Белоруссии.

Олесь Бузина был убит после размещения полных данных о нём на сайте с издевательским названием «Миротворец». В названии – этакий бандеровский «гумор». Как писал советник МВД Антон Геращенко, на сегодня в базе данных Центра собрано более 7500 профилей террористов, сепаратистов и их пособников. По его словам, технология сотрудничества с сайтом Центра «Миротворец» проста: «Увидели где-то в сети или по лживым российским СМИ сообщение о каком-то очередном «герое» Новороссии. Зашли на сайт Центра «Миротворец» и проверили по поиску – есть ли ФИО террориста в существующей базе данных. Если нет, то отправляете информацию о террористе или сепаратисте на почту сайта. Если информация о террористе или сепаратисте там есть, то все равно отошлите информацию преступлению этого негодяя, о котором вам стало известно. Волонтеры обобщат присылаемую вами информацию и выложат на сайте», – призывает стукачей и сексотов советник Авакова. Он также просит, по возможности, помочь сайту финансово, перечислив деньги на карточку «Приватбанка» Коломойского. Бузина попал на этот сайт после его выступлений в эфире и выхода книги, которая называется «Союз плуга и тризуба – как придумали Украину». Эта книга о первой четверти XX века, когда конструировалась и навязывалась австро-польская, галицийская Украина. Сегодня она победила, простёрла свои совиные крыла над всей страной Богдана Хмельницкого, Григория Сковороды, Николая Гоголя, Владимира Вернадского, Ивана Кожедуба – многих великих истинных украинцев. В этой книге, которая укрепила и меня в необходимости завершения своей книги «Галиция – проклятье Украины», была поставлена кровавая точка.

Сразу вспомнилось, как в октябре 1949 года во Львове по указке подполья ОУН

бандеровцы зверски расправились с известным публицистом Ярославом Галаном, ему нанесли одиннадцать ударов гуцульским топором. Он одним из первых встал на пути злодеяний бандеровцев, обличил их в страшных и ярких очерках. Убийца Стахур был пойман через два года и по приговору суда повешен, другие злодеи – расстреляны. Пособники поучили по 10–25 лет лишения свободы, а вот убийцы Бузины, похоже, уйдут от ответа! О Галае давно не пишут, его книги не издают, и это не удивительно ни для Украины, ни, что странно, для современной России. Ярослав Александрович, будучи русином, уроженцем и жителем Западной Украины, всю свою сознательную жизнь положил на борьбу против украинского национал-сепаратизма, униатства, открывая противную Богу и здравому смыслу их природу. Он боролся с предателями нашей великой единой Родины пером, действенными памфлетами и очерками, за что и был зарублен прямо за рабочим столом. Помню, на Всесоюзном совещании молодых писателей во Львове мы первым делом пошли на могилу Ярослава Галана. В сегодняшней бандеровской Украине только Олесь Бузина подхватил его традиции, унаследовал смелость писать правду. Кстати, и его книги не издавались в России, хотя, например, бестселлер «Революция на болоте» вскрыла всю подноготную и губительную сущность Майдана до его повторения. Открываю скромную книжку в бумажном переплётe с автографом автора и снова читаю: «Я благодарен Майдану за то, что он дал возможность мне стать контрреволюционером. А настоящая революция впереди. Великий Богдане, вставай – работы непочатый край! Когда он встанет, нынешние контрреволюционеры станут революционерами». Вот этим он и стал страшен антинародной власти.

Президент Путин на прямой линии подхватил новость и сразу приплёл убийство Немцова – «позор России». Как можно сравнивать! Мы ведь ещё не знаем, за что был убит и заказан мнимый оппозиционер, выросший из ельцинской семьи – за деньги, политические разборки, амурные похождения? Из него усиленно делают знамя оппозиции с табличкой «Немцов мост», который ведёт в прошлое и либеральный беспредел, а Олесь Бузина погиб за правду, пал как солдат за великое будущее родной Украины. Да и России – тоже! Вот что органично не смог понять и выигрышно выразить такой креативный, быстрый на ответ и расхваленный по всем телеканалам Путин. Оно ему надо? – как говорят на еврейском Подоле.

За что убили Олесья

Уроженец славного Киева – политик, разведчик и публицист Василий Шмелёв утверждал: «Москве без Киева не быть Россией, а только Московской, а Киеву без Москвы не быть Русью, а всего лишь продолжением Австрии». Олесь Бузина понимал это как никто, я не раз цитировал его афоризм: «Современный украинский язык родился в австрийской казарме». И этой запоминающейся афористичностью был особенно ненавистен слепым националистам. Украинский портал «Гуляй поле» злобствовал: «Три минувших вечера, в Москве, скандальный украинец Олесь Бузина развлекал российский народ. В самых рейтинговых вечерних телешоу наш «авторитетный специалист по Тарасу Шевченко» морализаторствовал, поливал грязью, кликушествовал, врал, лебезил, визжал, угождал, унижался, но искренне наслаждался славой и аплодисментами восхищенного русского телезрителя. Его лозунг-заклинание: «Один народ – два государства» («народ единый – русский, а государства Россия и Украина – два), написали огромными буквами и золотой

краской на стенах московского Кремля (прямо за мавзолеем Ленина)! Мэр Москвы Сергей Собянин переименовал улицу «Коммунистический тупик» в проспект «Наш украинский Олесь». Государственная библиотека имени Ленина стала носить имя Бузины. А московское метро стало «олесьябузиновским». Благодарными слушателями Олесь Бузины стали миллионы почитателей федерального ТВ «Россия-1», главного пропагандистского рупора единой, неделимой России... Союз писателей России единогласно принял Олесь в свои Члены, а российская телевизионная академия избрала нашего Олесь «Академиком российского ТВ». В центре Москвы Олесь Бузине поставили памятник из бронзы. Это самый большой памятник писателю (будущему лауреату Нобелевской премии) в Европе и Азии. Олесь Бузине подарили шестиэтажное, помпезное здание, в котором разместился научный центр. Лично премьер-министр РФ Дмитрий Медведев утвердил бюджет этой исследовательской организации истории Украины и борьбы с Украиной».

По сути, этот пещерный стёб – ядовитый пересказ мечты любого сведомого украинца – кому бы подороже продаться? Да чтоб с наградами, со своим исследовательским центром, баблом и памятником! Но Бузина был принципиально другим, потому его и обвиняли с этих рваческих иудиних позиций: неужели он говорит правду по убеждению и бесплатно? Истинную причину убийства Бузины, каких бы отморожков для этого ни использовали, раскрывает последняя беседа писателя на «Радио Вести». Подчеркнём, что это радио вместе с «Эхо Москвы» впервые за годы противостояния, а потом и информационной войны нашли общий язык на русофобской почве и организовали общий эфир. Впервые украинское и российское радио объединили свои специфические аудитории. В галерее ведущих этого украинского радио на первом месте оказался... Матвей Ганапольский. Этот уроженец Львова кругом успеваёт. Он сразу устроил беседу с телеведущим Евгением Киселёвым, тот сразу начал врать, хотя время и последовательность сообщений о грянувшей трагедии были уже просчитаны – президент России был далеко не первый проинформирован, но Киселёв жуёт усы: «Э-э, то, что Путин комментирует эту новость раньше, чем украинские СМИ, это дорогого стоит... Э-э, я не верю в такие совпадения – чтобы одновременно были убиты два скандально известных человека, которые были такими возмутителями спокойствия, общественными деятелями, но никаким особым влиянием не пользовались. Есть ли в Украине атмосфера для убийства политических оппонентов? Э-э, я ее не чувствую!». Ещё ты – ты часть этой атмосферы: когда в комнате смердит – свою вонь не чувствуешь...

Но Олесь приходил не к Моте, а к другим ведущим: его пытались расколоть, унять и вразумить Василиса Фролова Юрий Кулинич.

– Итак, как Вас называть – журналистом, политиком, общественным деятелем?

– Скромнее надо называть – писателем. Издал восемь книг и живу на них. Это при всех должностях – постоянно!

– Историю с «Сегодня» – можете объяснить? «Украинская правда» написала, что вы не нашли с руководством общий язык.

– В «Украинской правде» много брехни. Я работал в газете «Сегодня» с весны 2006 года. А тут вдруг «не нашёл общий язык». Я ушёл из-за цензуры, из-за диктата, что публиковать.

И тут ведущая Василиса сделала прокол, поддавшись профессиональному задору: «А давайте проведём голосование: сайт Бузины или Украинской правды – кому больше доверяют?.. Хотя нам для этого надо спросить разрешения у главного редактора (в эфире переговоры). Вот – он разрешает! Хорошо, мы стартанули – звоните по телефонам таким...

– Давайте обсуждать животрепещущие темы. Украинскому режиссёру Олегу Сенцову

грозит 20 лет, как он заявил на заседании Лефортовского суда.

– Я с таким режиссёром не знаком, как и большинство украинцев. Это для него пусть и трагическая, но реклама. Если он умный, то использует её, как Солженицын или герой моей книги Шевченко, которые стали великими писателями-страдальцами. На месте российских властей, я бы отпустил его и снял вопрос. Так же, как и Надежду Савченко отпустил бы. Это смягчит наши отношения. А я – только за это!

– Радиослушатели спрашивают: как наладить отношения после того, что происходит на Востоке? Что творят с тем же Сенцовым...

– Очень просто. Это конфликт не Украины и России, а Запада и России. Объясню конкретно: вкладывались огромные деньги и усилия в западное лобби, многие прикармливались, получали гранты. Ниже этой прозападной элиты жила реальная Украина, которой выгодны самые тесные связи с Россией. Их надо восстанавливать! Прекратил свою главную работу Южмаш. Порошенко обещал там троллейбусы производить, вооружение. Это мы проходили, загубили самолётостроение... Завод Мотор-Сич, в котором нуждается российское вертолётостроение, гибнет. Для выживания работающей Украины надо было сохранить её не прозападной, не как сателлита США. Превращение Украины...

Ведущие его перебивают: «Есть и другое мнение, иное направление!». Но Бузина, набычившись, как обычно, гнёт своё:

– Кораблям РФ нужны наши газовые турбины. Но в связи с госпереворотом (пусть потом легализовали его, и вина Януковича, конечно, была, который тоже вёл прозападный курс) к власти пришла политическая группировка, которая выбрала западный вектор. Всё теперь летит под откос. Людей занять на производстве невозможно, всё обещанное – брехня. Запад не будет покупать упомянутые газовые турбины. Ничего не будет!

– Это ваше мнение...

– Да, конечно, моё! Но его многие разделяют. Надо признать: мы ошиблись на майдане всей страной!

– Ого! – вскричала Василиса. – Вы предлагается поднять руки и идти сдаваться?

– Так что, плясать под дудку России? – вскинулся и Юрий, – это значит...

– Это значит, что элита Украины не думает о стране. Запад не будет покупать украинские самолёты, украинские моторы. На майдане развели всю Украину и небесную сотню положили просто так! Когда в стране правят воры, то легко говорить, что Путин во всем виноват.

– Я микрофон вам выключила, – задыхнулась Василиса. – После перерыва мы продолжим....

Тут на записи программы в YouTube появляется чья-то метка: «За это убили Олеся Бузину!» и идёт повтор вышеприведённых слов про ошибку всей страны, воровскую власть, развод Украины. Всё так, но, по-моему, последней каплей стали итоги голосования в прямом эфире, которые и вызвали приток ослепляющей чёрной ненависти у тех, кто сперва собирался «только изуродовать, чтобы зубы собирал переломанными пальцами».

Василиса Фролова включается: «В эфире – буря. Столько СМС приходит! 400 человек уже позвонило. Итак: кому больше доверяют – «Украинской правде» или сайту «Бузина.орг»? О, у нас на телефоне – главный редактор «Радио Вести». – Да, вот хотел дозвониться и дозвонился. С Пасхой поздравляю! Я тоже имею право задать любой вопрос. Вот авиация – вы хотите лететь через море на «Боинге» или на ПО-2? Ну, это к слову. Как ты, Олесь, относишься к писателю Эдуарду Лимонову?»

– Как к писателю, а не политику. Считаю одним из самых ярких русских писателей современности.

– Он из Харькова. Как к писателю я к тебе тоже отношусь с уважением. Но некоторые суждения...

– Ты ведь из Москвы, многие суждения не знаешь. Почитай мои колонки в «Сегодня» – я столько предсказал от падения гривны до диктата США – снятие Коломойского, например. Но гражданскую войну даже я не мог предсказать.

Василиса:

– А вот ваше интервью 1999 года – вы сказали, что стоите за воссоздание Российской империи. В Википедии написано...

– Ложь. Вы нигде это не найдёте, а цитируете по Википедии, там что хочешь напишут. Вы ссылку дайте!

(Хочу просветить, почему в раскалившемся эфире прозвучала фраза: «Ты из Москвы»: формированием редакции и концепции новой радиостанции занимаются российские медиаменеджеры – два бывших руководителя «Коммерсантъ FM» Дмитрий Солопов и Алексей Воробьев. Кроме российских, к проекту привлечены европейские и американские специалисты. Назначенный главным редактором украинского радио «Радио Вести» Алексей Воробьев рассказал, что слово «профессиональный» лучше всего подходит для описания миссии: «Мы – радио, которое делает профессиональный и качественный контент, не оппозиционное и не провластное». И вдруг дозвонившийся главный редактор – «профессионал», испугавшийся результатов набирающего силу опроса и поддержки Бузины, оправдывается перед каким-то высшим начальством и сбивается на нотацию):

– Ты говоришь в России ужасные вещи по телевидению. Ты в отличие от многих твоих единомышленников живёшь в Украине. Это они там получили по три квартиры, но ты-то... Лучше пиши книжки, а не рассуждай о Путине с Обамой.

Вот о чём его упорно предупреждали: пиши книжки, которые сегодня многие просто не читают, да и тираж их небольшой. Только не лезь никуда! Вот и Василиса подхватила:

– Я тоже удивилась, так часто видя вас по российскому ТВ. Зачем?

– Да, принимаю, но не так часто, участие в российских ток-шоу, чтобы высказать свою позицию. Говорю и там прямо, что стою за единство Украины. Когда один политик выразился, что нет такого государства Украина, я достал свой паспорт. А вот на украинское телевидение меня никто не приглашал – ни Шустер, ни Киселёв. Я – запрещённый человек, потому что говорю: происходящее на Донбассе – не АТО. Представьте, что среди нас в студии террорист, и всю радиостанцию вдруг начали обстреливать из орудий... Мой друг Сева – офицер 47 лет, говорил ему перед гибелью: «Не бери в руки оружие – этот конфликт не будет решён военным путём». Там армия 100 тысяч, они что, все из России?

– Представители НАТО говорят, что 13–14 тысяч, – проявил осведомлённость Юрий. – А вы уверены, что все там граждане Украины?.. Ну, всё, время кончается. Итак, кому больше доверяют – «Украинской правде» или сайту Бузины? – 44 % и 56 % – почти пополам. Вы хотели расколоть и раскололи!..

На слух было непонятно, кто сколько голосов отдал и за кого. Но я пересмотрел концовку программы по видео: при называемой цифре 56 – жест был в сторону Бузины. Обвал! – он победил весь огромный прохунтовский информационный ресурс: 56 на 44. Вот это удар! Сам Олесь удивился:

– Чёрт возьми, я ж не получаю никаких денег, и вдруг!..

– Ну, есть же ещё Российская Федерация. Я вам потом покажу список, кто за что деньги и откуда получает...

Эфир скомкали и оборвали. Увы, ведущий – не сумел показать порочащий Бузину и других список лично: Олеся через два дня подло и демонстративно убили. Концовка программы, конечно, произвела шок. Представьте себе ужас националистов: провластный, дорогуший и многолюдный проект, так называемый аналитический журнал «Украинская правда» (написано на шапке сайта: «Основан Г. Гонгадзе в 2000 году»), и вдруг писатель-одиночка повергает могучее СМИ в пропасть, в навоз втоптывает. Эта «правда» тянет только на информацию такого рода: «1 мая в с. Нижнетеплое (Станично-Луганский район, Луганская область) бойцы батальона «Айдар» снесли монумент Ленину. Об этом в Facebook сообщил один из добровольцев Максим Осадчук: «Дело Ленина живет и побеждает: минус одна огромная каменная башка, которая оказалась пустой...»

Пустыми головами да с пустыми сердцами оказались все создатели и спонсоры этого ресурса, а слушатели поверили Олеся. До сих пор продолжают появляться отклики на архивные записи программы: «Какой грамотный человек! Слушаю снова – и опять интересно! Не знаю, многие ли со мной согласятся, но думаю: ни слова вранья! Вот в чем его можно обвинить??? В том, что патриотам Украины это все скучно слушать? А правда не всегда приятна? Легче же убить, чем привести аргументы! Вот Олеся говорил, что ему Донбасс жалко, а я вдруг с ужасом вспомнил, смотря это видео, что уже самого Олеся – то нет!.. Нет его больше! И когда слушаешь его, то погружаешься в самую историю! И во время просмотра еще пришло осознание, что Олеся очень любил свою страну, очень! Видео есть, а человека уже нет! Некоторые «укры» пишут мне, когда читают другие мои комментарии по поводу Олеся Бузины, но как много грязи от «укров» по поводу смерти Олеся! Именно укры, ведь это не те Украинцы, о которых говорит Олеся! Олеся был Настоящим «Русским, Украинцем». Я не ошибся! Такие бы люди Украину сейчас и подняли, но увы... на Украине – отстрел самых лучших. Мое почтение Олеся и вечная память!».

Характерно, как совсем по-другому отозвались о подлом убийстве известные политиканы и его украинские коллеги. Ну, про упырей-свободовцев и говорить нечего. Экснародный депутат Украины Ирина Фарион прокаркала: «Убит дегенерат Бузина. Возможно, эта наглая смерть хоть как-то нейтрализует грязь, разлитую этим подонком. Таких не убеждают. Такие приходят в мир, чтобы мы очищались от ментального ила и творили духовную вертикаль. Такие идут в канализацию истории», – написала Фарион в своем Facebook. Помню, в 2010 году Бузина и Фарион схлестнулись в прямом эфире у продажного Евгения Киселёва в программе «Большая политика», и Олеся сказал депутатше: «Вы – Бандера, но только блондинка. И кончите тем же, чем и он». Не угадал пока – Фарион оказалась живучей его! Лидер украинской Радикальной партии Олег Ляшко в Facebook тоже иронично и кощунственно сразу отозвался о гибели:

«Еще один поэт погиб – изжога доконала... Регионаловски-ватнический флешмоб продолжается. Это насколько убудочно надо жить, чтобы даже смерть не вызвала ни капли сочувствия...» – сказано в сообщении о том, кто тоже прикладывал его в прямом телеэфире. Вот у кого изжога не проходит!

Президент Украины, в отличие от его реакции на смерть журналистов-провокаторов в Париже, соболезнования семье погибшего соотечественника – писателя, журналиста и общественного деятеля выразить не посчитал нужным. На своей странице он лишь политикански отметил, что убийство Олеся Бузины и бывшего депутата Партии регионов

Олега Калашникова, произошедшее днем ранее, – «сознательная провокация, которая льет воду на мельницу наших врагов», и дежурно потребовал в кратчайшие сроки найти исполнителей и назвать организаторов. То ли французские журналисты ценятся выше украинских, то ли рисование оскорбительных для многих карикатур – это истинная свобода слова, а выражение мнения о ситуации в нашей стране, отличного от нынешнего мейнстрима – нет. Как бы то ни было, но и украинское медиасообщество, которое, по идее, просто обязано было выступить с осуждением хладнокровного убийства коллеги, ничего подобного не продемонстрировало. Американский комитет защиты журналистов осудил убийство Олеся Бузины. А что же у Киеве? На сайте Национального союза журналистов есть интервью первого секретаря НСЖУ Сергея Томиленко от 17 апреля, в котором тот призывает раскрыть преступление, чтобы развеять спекуляции, и новость за 23 апреля, что Комитет ВР по вопросам свободы слова и информполитики обратится к МВД с просьбой о расследовании. Но официального заявления Союза журналистов и Рады с осуждением убийства коллеги на их сайте обнаружить не удалось. Позор...

Даже по нынешним меркам это за гранью морали. Казалось бы, вне зависимости от политических взглядов должна же быть в журналистском цехе какая-то профессиональная этика? Но ее, видимо, заменила спайка корпоративная, где в лице корпорации выступает работодатель или заказчик. Пусть и заказчик убийства – в одном лице. Имя Олеся Бузины в репортажах упоминалось исключительно с определениями «скандальный публицист» и «скандальный писатель, известный своими украинофобскими взглядами». Хотя Бузина ни капли украинофобом не был. К развалу страны никогда не призывал, а на российском ТВ, где был частым гостем, доказывал псевдошовинистам от политики, что есть такая страна Украина, и лично он – украинец казацкого рода. Большая часть сюжетов была посвящена не личностям погибших писателя и депутата или разным версиям трагедий, а поискам российского следа. Профессиональная и моральная деградация – налицо!

Некто Десятерик написал в украинской националистической газете «День»: «В Киеве, возле собственного дома, убит бывший журналист Олесь Бузина. Тот самый, что «Вурдалак Тарас Шевченко». В некоторых сообщениях его еще называют «писателем» (хорошо хоть не кинорежиссером, хотя о снятых им аж 29 фильмах вспоминают)». Вот как пренебрежительно – «бывший журналист» и писатель – в кавычках. А тогда кто же сам Десятерик – шавка из пропагандонов? Он делает вид, что объективен, намекает на российский след, но главное – умаляет достоинства Бузины, как только могут кияне определённой национальности: «Известная античная максима в полном варианте звучит так: «О мертвых – или хорошо, или ничего, кроме правды». Правда о Бузине не замешкается, однако гораздо больше внимания будут привлекать поиски того или тех, кому это выгодно. Кое-что кажется слишком очевидным. Например, моментальная реакция Путина, которому об убийстве доложили прямо во время очередного телеобщения с народом, а также то, что первые фотографии с места преступления обнародовал некий Дмитрий Филимонов – блоггер-провокатор, которому на московских ресурсах дали прозвище «адекватника» – факты, красноречивые сами по себе, независимо от того, кто является настоящими убийцами. С другой стороны, Бузина не был причастен к сомнительным финансовым потокам или к организации Антимайдана, не походил на хранителя тайн клана Януковича. Его единственным капиталом была громкая дурная репутация, заработанная годами информационной активности: скандалы вокруг Шевченко, нападки на Майдан, пророссийская риторика. Но из публичного поля он выпал давно, вспоминали о нем мало».

Мало?! Это ваши статьи в газетёнке «День» никто не вспомнит, а Бузина вписал своё имя в литературу и историю Украины. Потому-то смерть Олесея Бузины в России стала искренней болью для патриотов и славянофилов, но и раздражителем, предметом для политических спекуляций врагов Русского мира. Или поводом для политиканства и сомнительных публикаций. Так, Олег Кашин выступил с заметкой «Не радуйтесь!»: «На Украине убили журналиста Олесея Бузину. Я не знал его, но у нас, как оказалось, было много общих друзей и знакомых, все они отзываются о нем исключительно тепло и описывают его как настоящего патриота той Украины или, если угодно, Малороссии, которой сейчас нет, но о которой некоторые у нас всерьез мечтают, то есть Украины, где все говорят по-русски, Бандеру считают фашистом, голодомор выдумкой, а девятого мая надевают георгиевские ленты и обнимаются, поздравляя друг друга с праздником. Такой Украины, как известно, нет, а теперь нет и Олесея Бузины».

Ложь провокационного журналиста, который и сам мог отправиться на тот свет, если бы арматура, спрятанная в букет цветов, достала бы до виска нарывавшегося на скандалы писаки! Теперь он старается занимать умеренную либеральную и слегка русофобскую позицию, не вдаваясь в крайности. Но лгать-то зачем? Сама жизнь Олесея Бузины, а главное – его яркое творчество показали, что такая Украина-Малороссия – есть, стонет под игом, корчится в муках, ищет своих защитников и выразителей. Самый главный и последовательный из них был – Бузина. И нельзя сказать, что его самого теперь – НЕТ. Он тоже ЕСТЬ, потому что остались его книги и статьи, а в воздухе Украины, среди её просторных полей и долин растворилось его горячее, умное и смешливое Слово. Поэтому, я убеждён, крайне важно, чтобы как можно больше русских читателей прочитали лучшие главы книг самого Бузины, прониклись его взглядами и чувствами, уверились, что есть в современной измученной и свихнувшейся Украине родная душа.

Наследие для нас

Перечитал почти всё из написанного Олесем, включая подённые заметки и колонки в газетах, пересмотрел его убедительные и неудачные телевыступления (последних было немало и у нас на ток-шоу) и ещё раз убедился, что историческая проза его с проекцией на современность и с заглядом в будущее – выдающееся и немеркнущее явление, которое надо донести до самого широкого читателя. Ведь книги Бузины в России не выходили, издательство «Алгоритм» только вело с ним переговоры об оригинальном издании, но вот грянули четыре роковых выстрела – Олесь уже не принесёт новую рукопись. Конечно, теперь книги его будут переиздаваться, пришедшие в себя мама и жена вместе с друзьями соберут какие-то рукописи для новых книг необыкновенно работоспособного литератора, который не пил и не курил, а вкалывал без усталости и оставил огромное творческое наследие. Но по горячим и скорбным следам надо донести до русского читателя те заветные мысли, изыскания, концепции, которые приобретают всё большую остроту и являются краугольными камнями, на коих и будут строиться наши отношения с братской Украиной – она ведь всегда останется рядом с нами и в нас!

Меня неприятно удивил, например, политолог Ищенко, уехавший из Украины и работающий теперь на агентство «Россия сегодня»: понимаю, что он обижен и раздавлен даже, сожалеет вслух на программе «Право голоса», что «оставил в Киеве добра на один миллион долларов». Но начинать один из ответов в интервью: «Когда Украины уже не

будет...» – просто странно для меня, русофила и славянофила. Куда ж она денется? Упыри, надеюсь, сгинут, бандеровцы затаятся, Ирина Фарион, если снова не попытается наложить на себя руки, опять запоёт о дружбе народов, как в комсомольские года. Но ненька Украина-то куда денется? Выразил недоумение публично, какой-то хохол или русофоб под трусливым ником РУ ответил на мой вопрос по-идиотски: «Что значит – куда она денется? Известно куда – российская армия превратит ее в выжженную пустыню – такую, как сейчас около границы Украины с Ростовской областью. Все города будут сожжены «Градами», все АЭС будут взорваны. Нельзя же было хохлам не слушаться самого Путина! Теперь нам нужна одна только победа и мы за ценой не постоим».

И ведь таких много в России, а на Украине – пруд пруди. Как и тех, кто не желает осознать причин трагедии Украины. Упертый депутат Верховной Рады с русской фамилией Сергей Соболев начал рассказывать Станиславу Белковскому на радио «Свобода», что Путин напрасно надеется на крах экономики Украины: «Пятнадцать миллиардов МВФ с лихвой перекроют все потери от агрессии Путина на Донбассе. На стороне Украины весь мир, а Россия теряет из-за санкций миллиарды». Чудак он! – у России радость и судьба такая: миллиарды терять. В Украину валюту валили, как в помойку, теперь вот Грецию спасаем. Значит, и тут скоро нас кинут, разведут и... проклянут. Почему-то этого не могут понять аналитики: Вот тот же Ищенко, которого я читал на Украине охотно, особенно в закрытой ныне (свобода слова!) газете «2000». Он же всё равно по ментальности – украинец и не может постичь тайну России, поэтому предрекает такое фэнтези: «В целом, Венгрия активна в Закарпатье до той степени, до которой позволяют обстоятельства. Если распад Украины состоится, у Будапешта все равно будет больше всех возможностей взять под крыло Закарпатье. Если, конечно, Россия будет склонна выделить Евросоюзу долю малую из украинских земель». На что намёк? На то, что Украина развалится, ополченцы дойдут не только до Киева, но и до Карпат (или прокатится перманентная революция?), и Россия будет решать, какие земли выделить Евросоюзу и его членам – Венгрии да Румынии.

Это же бред! Ничего Венгрия не будет «братъ под своё крыло», а уж тем более Румыния. В последней вообще немец стал президентом, который умеет считать и думать трезво. Гадить России на постсоветском пространстве, румынизировать Молдову, получать оттуда грошовую рабочую силу – это охотно, а под крыло брать и деньги тратить – увольте! Как венгерский премьер Орбан выступил против вступления Украины в ЕС и вмешательства в войну? Первый тезис: «На спасение убитой экономики надо срочно 25 миллиардов евро. Кто даст и за чей счёт?». А уж потом – разговоры про безопасность венгров в Закарпатье или прочие национально-декоративные соображения.

Я ведь сам езжу по Украине, общаюсь, пишу, вникаю во всё это и ловлю себя на мысли, что смотрю на многое с других позиций – чисто человеческих, гуманитарно-исторических, даже русско-сентиментальных. Этого уже никто не понимает, кроме таких патриотов и знатоков Украины, как Олесь Бузина. С ним можно было спорить по частностям, не соглашаться в политических сиюминутных оценках, но ни зачеркнуть, ни опровергнуть его нельзя – он знал и чуял историю Украины, понимал характер этой гарной и противоречивой жинки и любил её до наивности, не видя, как часто она ему изменяет. Но он терпеть не мог, когда к его любимой Украине относятся с пренебрежением. Вот Петр Толстой в дневной программе «Время покажет» обращается к депутату от ЕР Клинецвичу с таким небрежным вопросом: «А не кажется Вам, что всё происходящее на Украине – это пережиток (или отрыжка) советской провинциальности?». Какая-то немислимая формулировка

заготовленная, дурной штамп. Бузина вскинулся бы и спросил: а что такое «украинская советская провинциальность» – институт имени Патона, самолёт Антонова, державная архитектура Крещатика, киностудия Довженко? Но Клинецвич ответил уклончиво: «Да, нам трудно порой освободиться от прошлого...». А зачем и как от него «освободиться», объясните нам, преуспевающие журналисты и депутаты, апологеты капитализма в антисоветской России? Неужели вам ещё время не показало, что всё дурное творящееся и у нас, и на Украине – это как раз и есть результат борьбы с советским прошлым? Надо историю постигать, как дано было свыше Бузине, уважать, учитывать её уроки и предостережения, а не проклинать с пренебрежением и отрешиваться снобистски!

Олесь написал к годовщине Майдана стихи «под песню Высоцкого», где ёмко выразил своё кредо:

Я не люблю всю копоть от майдана,
Я не люблю кровавый беспредел.
Уже как год зияет эта рана
И кровоточит тысячами тел.
Я не люблю, когда гарант закона
Уничтожает собственный народ.
Я не люблю стратегов Пентагона,
Привыкших от войны иметь доход.
Я не люблю американцев важных,
Я не люблю заведомый обман.
Я не люблю политиков продажных,
Я никогда не полюблю майдан.
Я не люблю, что всюду лезут янки,
Линчуют Украину, как хотят.
Я не люблю, что киевские танки
Донбасс утюжат, города бомбят.
Я не люблю такую Украину,
Где честь и совесть проданы давно,
Где «Градами» стреляют подло в спину,
Насилуют и грабят, заодно.
Я не люблю цинизм политиканов —
Они людей меняют на барыш.
Их ждут давно курорты Магадана,
Казённый дом и шифер серых крыш.
Я не люблю фальшивых демократов,
Они торгуют жизнями людей.
Их место там – в стенах шестой палаты,
Я не люблю бредовых их идей.
Я не люблю пассивных либералов,
Я не люблю предателей страны.
Я не люблю Америки вассалов,
Я – против ужасов войны.
Я не люблю «шестёрок» псевдосмелых,

Хвастливые словечки «кто – кого»,
Я не люблю истерик оголтелых,
Я не люблю толпой на одного.
Я не люблю коварство и измену,
Я не люблю за пазухой топор.
Я не люблю, когда лицом об стену,
Я также против выстрела в упор.
Я не люблю шизоидов во власти,
Я не люблю интриги и враньё.
Я не люблю оскал звериной пасти,
Когда над домом кружит вороньё.
Я не люблю двуличных фарисеев —
Они распяли бедного Христа.
Две тыщи лет войну по миру сеют,
У них душа черна и нечиста.
Я не люблю безверье и насилие,
Зачем дразнить насмешками ислам?
Когда же эта еврокамарилья
Запомнит, что «шалом» равно «салам»?..
Я не люблю бесстыдных лицемеров,
Они как будто не имеют глаз.
Я не люблю карикатур на веру,
Я не Шарли, я – огненный Донбасс!
Я не люблю высокомерной фразы:
«Американцы – избранный народ».
Фашизм воскрес и нет страшной заразы —
Как будто снова сорок первый год!
Я не забыл победу в сорок пятом,
И в генах наших память не убить!
Мы кланяемся в пояс всем солдатам
Погибшим, чтобы нам спокойно жить!
Я не забыл героев Сталинграда,
Я не забыл про Курскую дугу,
И ужасы блокады Ленинграда,
Не сдавшегося лютому врагу.
Я не люблю трусливую Европу,
Она забыла, кто её спасал,
Как миллионы полегли в окопах —
Их до сих пор никто не сосчитал!
Я не люблю войну – она всё рушит,
Я не люблю, когда невинных бьют,
Я не люблю, когда Россию душат,
Особенно, когда в неё плюют!

Россия потеряла вернейшего друга и борца за неубиваемый и неискажённый наш общий Русский мир. В нём всё настойчивее и безнадежней звучит призыв Олеса: «Вставай, великий Богдане!».

Корни, дела и взгляды

Прежде чем дать слово самому писателю и журналисту Бузине надо обратиться к его корням, биографии и важнейшим вехам судьбы, определившим взгляды и мечты Олеса. Имя его благодаря трагедии, смакуемой во всех СМИИ, теперь и в России на слуху. Убит, застрелен, проклиная нацистами, любим друзьями – это звучало ежедневно. А кто и за что именно убит? – это уходило в тень сенсационных сообщений. На сайте Олеса Бузины написано так:

Родился Бузина 13 июля 1969 года в Киеве. Родители Олеса, согласно его словам, по происхождению были потомками украинских казаков и крестьян, отец, Алексей Григорьевич Бузина (1937–2000) – подполковник КГБ УССР и СБУ. Прадед писателя служил в царской армии офицером, а во время коллективизации 1930-х годов был раскулачен и отправлен на строительство Беломорканала. Учился в одной школе с будущей украинской писательницей-феминисткой Оксаной Забужко. Закончил в 1992 году филологический факультет Киевского национального университета им. Тараса Шевченко по специальности – преподаватель русского языка и литературы, но преподавательской деятельностью не занимался. Работал в разных киевских изданиях: газетах «Киевские ведомости», «2000»; журналах «Друг читателя», «Лидер», «Натали», «Эго», «XXL». Вёл авторскую колонку и блог в газете «Сегодня». Был автором и ведущий программы «Следами пращуров с Олесем Бузиной» на телеканале К-1.

Литературные взгляды: любимыми русскими книгами Олеса Бузины являются «Герой нашего времени» Михаила Лермонтова и «Белая гвардия» Михаила Булгакова. Из современных украиноязычных литераторов выделяет Леся Подеревянского и Юрия Винничука. Книгу Оксаны Забужко «Полевые исследования украинского секса» считает бездарным текстом с удачным названием. Думаю, не случайно второй раз на авторском сайте всплывает имя коллеги по поколению и университету – Оксаны Забужко. Само это соседство-отторжение наглядно демонстрирует, как мировоззренчески и нравственно расколота Украина! Вместе учились у одних педагогов, ходили по одним улицам Киева, возрастали рядом как граждане и творческие личности и что? – небо и земля, полные и непримиримые противоположности. Причём, Олесь даже сочувствует ей: «Она прогремела в основном полупорнографическими «Полевыми исследованиями украинского секса», где пришла к выводу, что мужчины ее не хотят, потому что она сознательная украинка, а сознательные украинцы не хотят, потому что они – не мужчины». Как же дошла бывшая любимица руководителей Спилки письменников до жизни такой?

Оксана Забужко окончила философский факультет и аспирантуру Киевского университета. Она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Эстетическая природа лирики как направления искусства». В 1987 году (перестройка, жажда карьеры!) вступила в КПСС, тогда же стала членом Союза писателей ССР, сразу стала ездить в лучшие Дома творчества, встречал её, помню, на приморских дорожках Пицунды, где она просвещала старых еврейских писателей, как борется за свободу Украины. Но потом – резкий поворот, и уже в 1992 г. Забужко за бугром – преподаёт украинистику в университете Пенн Стейт как

приглашенный писатель. В 1994 г. она получила стипендию Фонда Фулбрайта и преподавала в Гарвардском и Питтсбургском университетах. И понеслось: премия Фонда Рокфеллера (1998); премия Департамента культуры г. Мюнхена (1999); премия Фундации Ледиг-Ровольт (2001); награда департамента культуры г. Грац (2002)... И так далее.

А она ведь в отличие от сокурсника Бузины писала на украинском – кто в его тонкости на Западе вникал? Правильную политическую линию вела. А какую дичь она несла! При таком обилии премий невольно вспоминается реплика Бузины: «Ну почему, скажите, какие-нибудь литературные недоноски, живущие только за счет очередного гранта, – это «вітчизняні письменники», а Гоголь – «зарубіжний»? Или потому, что его за рубежом читатели знают, а их – нет?». Забужко радуется, что её «знают и ценят» за рубежом, но послушал на радио «Свобода» её беседу – уши вянут.

Некто Виталий Портников пытается:

«Самый простой вопрос: украинская и русская интеллигенция расстались уже окончательно?»

Оксана Забужко: Я очень не люблю это русское слово «интеллигенция», оно действительно русское, в русскоязычном употреблении обозначающее прослойку людей в доиндустриальных обществах, в тех обществах, в которых не было самостоятельных культурных элит, опирающихся на традицию, независимую от самодержца, аристократии. Поэтому все это – разночинство, которое все шло одним пакетом и называлось «русская интеллигенция» – это действительно явление историческое. Если говорить «русская и украинская интеллигенция», то для меня тут изначально есть определенные ошибки в определении.

Вопрос в том, насколько сегодняшняя русская культура, российская культура (тут тоже можно запутаться в определениях) вообще жизнеспособна, а значит, способна к диалогу. Она ведь всегда была очень монологична, это византийская традиция. Генетически русская культура весьма и весьма монологична, она, с одной стороны нуждается в другом, ином, в подпитке «дружостью», но диалога на уровне классического буберовского «я – ты», как такового, там в принципе не было...»

Забужко числится философом и культурологом. Читала ли она, кроме Бубера, русскую литературу? Слова Достоевского о всемирной отзывчивости Пушкина и вообще русского писателя? Но у Забужко по лекалам американских университетов выстроена своя картина мира, духовная история России и Украины: «Виталий, мы сделали эту империю, мы ее создали, наши предки, мои предки в XVI–XVII веке. Мы создали этот миф о Малороссии и Великороссии по аналогии с Малой и Великой Грецией. Кого надо сейчас переводить на русский язык, так это Юрия Владимировича Шевелева (любимый предатель из Харькова, пособник фашистов, которой писал в США! – А.Б.), во всяком случае, небольшие статьи формата «Москва, Маросейка». Я думаю, это очень пригодится для русского общественного сознания, если таковое еще не совсем замерло в ужасе перед надвигающимся на него тоталитарным монстром. Да, собственно, первая волна европейского просвещения и этот образ славянского лица российской государственности со всеми соответствующими и полагающимися византийскому православию мифами – это все «made in Kiev» (сделано в Киеве, *англ.*), это все «made in» наша Могиланка, Киево-Могиланская академия, даже Отрожская академия, еще пораньше, потому что уже после Петра Первого, когда пошла секуляризация просвещения и когда церковные приоритеты были уже не столь важны, тут малороссы оказались сдвинутыми на второй план, а потом уже пошла провинциализация.

Николай Васильевич Гоголь тут был последним замыкающим, таким ярким взрывом, завершающим 200-летнюю традицию... Расставание произошло еще в XIX веке, когда то самое малороссийское дворянство (Кирилл и Мефодий – из дворян Полтавской губернии), чьи отцы и деды рассчитывали на мультикультурную империю, где Киев – сердце, Украина – душа, Малая Русь – душа и сердце, Афины, а там, на Севере, есть монархия и есть военная сила, вместе получается – душа и тело, – обнаружили, что они сильно проиграли в своих правах и вольности, получили на выходе совершенно не то, чего ожидали на входе. Вот этот уже современный проект современной Украины... Извините, наше расставание длится уже 150 лет... Мы-то расстались, нам не жалко, у нас еще есть. Мы – источник, культурный донор, который производит жизнь и смыслы, а без этого источника, как оказалось, очень трудно и сложно вообще состояться русскому миру, потому что тогда происходит возвращение в москалицкую эпоху.

Всё понятно? То свидомая эта публика знать не хочет унижительное название – Малороссия, которое, кстати, Олег Бузина очень любил, то называют именно её Малой (коренной) Грецией и душой империи, которую «они и создали». Хоть бы определились, прежде чем голову морочить и каркать про москалицкую эпоху! Разве подобные люди могут принять и признать любую здравую историческую точку зрения?

«Виталий Портников: Вы говорите, что русская культура не может просуществовать без Украины. Может быть, как раз могла бы, если бы была только русской, а не московской, столичноцентричной?

Оксана Забужко: А для этого пусть они, простите, у себя займутся настоящей федерализацией, истинной федерализацией и дадут свободу регионам, дадут этим регионам жить и дышать. Тут ведь происходят очень интересные вещи: то, чего боится российское руководство, с моей точки зрения, сейчас жизненно необходимо России просто для выживания, для осмысленного существования. Вот то, чего они боятся: да, децентрализация, да, распад, да, раскол, да, большая свободы регионам. И в конечном итоге, если бы сегодняшняя Россия действительно представляла из себя настоящую, очень разную федерацию, то, безусловно, всем было бы лучше жить в этом мире».

Ох, не зря она поехала по америкам и европам, усвоила штампы, как надо поступить с Россией и какие советы давать. А если бы Украина сама федерализировалась? Пусть она у себя займётся настоящей федерализацией и воспоёт свободу для регионов, чтобы дать этим регионам жить и дышать, развиваться, как они хотят, а не как посольство США и Забужко велят. Дудки! Потрясающие двойные стандарты, которые женщиной с материнским инстинктом не должны быть настолько усвоены. Например, нас всё призывают представители Украины на телешоу не проводить параллели с нацизмом, не выпячивать жестокость батальонов, не обвинять огульно весь народ. А что делает писательница Забужко. В духе самой подлой информационной войны вдруг написала в своем блоге на Facebook после страшного случая в Гюмри: «Ну вот он и материализовался, “Распятый мальчик”... – 6-месячный Сергейчик Аветисян, ранен штыком русского солдата, – умер». Понимаете: зверства айдаровцев – «нетипично», а вот непроверенные Первым каналом слова ошарашенной женщины из-под обстрела о распятом мальчике «материализовались», стали для гуманистки символом русского солдата. Да, вот такова сегодня украинская творческая интеллигенция на крови и слезах!

Когда задумываешься над расхожим штампом: мы живём в условиях информационной войны, то поневоле стараешься сформулировать какие-то признаки и принципы, донести их

на лекциях до студентов – будущих журналистов. Понятно, что в этой битве за умы (или за пустоголовие) и сердца (или за бессердечность) используются все средства манипуляции сознанием, все лживые приёмы и подлые передёргивания. Профессиональные пропагандисты ищут какие-то устойчивые критерии, рисуют графики. Но для определения того, что происходит на Украине, никакие научнообразные и профессиональные термины не подходят. На её примере понятно, что есть подлинная информационная война – не борьба, не противостояние с аргументами и убеждениями, а – сражение на смерть, на тотальное уничтожение выбранного противника – России.

Тут надо выделить три явных признака: 1. Информвойна на Украине носит тотальный, всепоглощающий характер. Ей занимаются ВСЕ, начиная от президента с телеканалом и заканчивая Забужко в соцсетях и тёткой на базаре. 3. Это война без правил, без конвенций и приличий: никаких ограничений и тормозов, никаких моральных и этических принципов. 3. Все силы брошены на то, чтобы развязать партизанскую информвойну в самой России, устроить идеологические диверсии в тылу врага. И тут не жаль ни денег, ни лесты, ни других поощрений.

Очередной скандал Года литературы – присуждение премии «Поэт» графоману Юлию Киму, который из Израиля приедет на вручение. Насчёт графомана – это не я припечатал, а друг и учитель Иосифа Бродского – Евгений Рейн. Женя написал: «По-моему, Год литературы проходит хорошо. Только я вот вышел из жюри премии “Поэт”, потому что оно сделало лауреатом графомана Юлия Кима». А почему сделало? Потому, что он сочинил, например, детскую песенку о Путине: «До чего же, Путин, надоел ты людям», а ещё бардовский гимн пятой колонне: «Россия после Крыма свихнулась сразу вся». Хотел поэтический бомонд аккуратно подгадить «режиму», а в результате фактически упразднил сам себя. Напомню, что премию «Поэт» присуждает Общество поощрения русской поэзии, которое было учреждено в 2005 году при поддержке РАО ЕЭС (то есть на наши деньги) девятью критиками и историками литературы из Москвы и Санкт-Петербурга. У нового лауреата нет не только чувства слова, но и ощущения реальности. Ким написал стихотворение на тему войны России с Украиной, запись, сделанную Нателлой Болтянской на юбилее С. Ковалева, опубликовал медийный центр подрывной работы – «Эхо Москвы». Вот начало:

Война России с Украиной...
Нет, не въезжаю я никак.
Война России с Украиной?
Но это медицинский факт.
Война России с Украиной.
Пальба, пожары до небес.
Война России с Украиной.
Без всяких Штатов и ЕС...

Без всяких Штатов и ЕС? Да смотрит ли он ТВ, хотя бы украинское, где Порошенко обедает со штатовскими спецназовцами, а поляки не скрывают гербов на форме. Это и впрямь – «медицинский факт».

Начальник Главного следственного управления Службы безопасности Украины (СБУ) Василий Вовк, комментируя недавние убийства оппозиционеров в Киеве, грозно

посоветовал «украинофобам» помолчать: «Я думаю, что в нынешнее время, когда практически идёт война, нужно «украинофобам» если не закрыть рот совсем, то свою риторiku уменьшить до нуля. Я считаю, что в этой ситуации не должно быть людей, которые выступают практически прямо против Украины и против украинства. Я призываю это сделать, потому что это до добра никого не доведёт. Это я говорю как начальник Главного следственного управления Службы безопасности Украины», – сказал Вовк накануне в эфире передачи «Свобода слова» на украинском телеканале ICTV. При этом на просьбу дать правовое или научное определение «украинофоба» Вовк лишь сказал: «Мы понимаем, о чём идёт речь».

Понимает это и телеканал «Дождь», на котором прошло интервью Тимура Олевского с министром информационной политики Украины («министерством правды» по Оруэллу) – Юрием Стецом. Поговорили о громких убийствах политиков и журналистов, об информационной войне, о конфликте в Донбассе, а также – про закон о запрете пропаганды коммунизма и нацизма, одним из лоббистов принятия которого, был Юрий Стець.

Олевский, сбивчиво толчёт воду в ступе: «Много накопилось вопросов, которые накопились в предисловии. Будем последовательно двигаться. И вопросы эти, так или иначе, связаны с событиями вокруг журналистики Украины и в освещении Украиной всевозможных событий, которые происходят в стране и в мире. Первое, о чем хочется спросить и о чем говорят всю неделю в России тоже, это убийство в Киеве журналиста Олеса Бузины, похороны которого состоялись совсем недавно. На ваш взгляд, реакция общества на это убийство здоровая или не здоровая? Она какая, как вы ее можете описать?»

Стець: «Если вас интересует моя точка зрения, то я этого придерживаюсь всю свою работу с журналистами, и сейчас тоже: нельзя убивать милиционеров и журналистов. Понятно, если говорить о том, что вообще нельзя убивать людей. В данном случае, если мы говорим об обществе, о государстве, то и первые, и вторые важны, без этого невозможно государство. Независимо от того, каких точек зрения придерживается журналист. Что касается Бузины, мне никогда не нравилось, что он говорил и что писал. Но в данном случае помимо того, что реакция соцсетей нашей страны была неадекватной в большинстве своем, но помимо этого я хочу сказать, что мне не нравится, когда в моей стране убивают журналистов. Независимо от их убеждений и от того, что они пишут. Этого не может быть. Это недопустимо. Я просил, настаивал и настаиваю на том, что это преступление должно быть раскрыто в ближайшие сроки, потому что это большой вызов для Украины. Журналистов и милиционеров убивать нельзя (тоже толчёт воду в ступе. – А.Б.). Потому что если убивать милиционеров, тогда общество будет понимать, что если милиционер себя не может защитить, как он может защитить гражданина. А если то же самое происходит с журналистами, мы не будем чувствовать температуру, не будем понимать социум, мы должны слышать любые точки зрения. Для меня это был шок. И я повторюсь, что настаиваю на том, чтобы это убийство было раскрыто в ближайшие сроки. Это большой вызов для страны, и мы должны дать ответ на это убийство».

Да уже дали: навязали до всяких результатов следствия российский след в убийстве, которое у нас-то точно никому не нужно. Ну, Путин политикански среагировал, а знал ли точно, кто такой Бузина? Читал ли хоть строчку его? Потому наш долг – рассказать как можно больше об Олесе и донести его взгляды, его талантливые произведения до широкого круга российских читателей. Считаю, что точнее всего написал о Бузине его друг, тоже известный нампо ток-шоу на многих каналах – донбасский журналист Александр Чаленко,

который написал эссе с ясным названием «Малоросс-имперец».

Малоросс-имперец

Помню, я как-то, смеясь, сказал Олеся: «Слушай, Бузина, ты же самый популярный русский писатель Украины! Ну, чего ты до сих пор живешь в этом ужасном панельном доме?! Ты должен переехать в центр, в какой-нибудь старый красивый дом. Ты так любишь булгаковский Киев, а сам живешь в таком небулгаковском месте. Кстати, может, и памятник тебе тут же около дома поставить придется, и музей открыть, а они будут в таком непрезентабельном месте...»

Олесь усмехнулся. Он никогда не рассуждал о своей смерти. Всегда был молод, здоров, полон творческих планов и проектов. Тогда он мне сказал, что на улице Дегтяревской прошло его детство, поэтому ничего в своей жизни менять не хочет. Он вообще был консерватор. Во всем. У меня нет никаких сомнений в том, что Бузину убили украинские националисты. Он входил в тройку их самых главных идеологических ненавистников. Они преследовали его и не давали покоя всегда. Я даже познакомился с ним в 2000 году в больнице киевской скорой помощи, куда он попал с сотрясением мозга. Помню, я, тогда главный редактор интернет-издания Part.org.ua, пришел в больницу, чтобы взять свое первое у него интервью. Еще до выхода его самого знаменитого бестселлера «Вурдалак Тарас Шевченко» украинский Союз писателей подал на него в суд за его литературные «издевательства» над Кобзарем и другими литературными деятелями украинства. Во время одного из судов свидетелы устроили шумный пикет. Когда Бузина вышел из здания после очередного заседания, они окружили его. Какой-то боксер сильно начал бить его по голове. В результате – больница скорой помощи.

Бузина публиковал свои разоблачительные опусы о классиках украинской культуры – Лесе Украинке, Иване Франко, Ольге Кобылянской, Марко Вовчке – в популярной в 90-е годы газете «Киевские ведомости». Позже о «вурдалаке Шевченко», заменившем на Украине Ленина, он писал как об алкоголике, о неряшливом товарище, от которого вечно несло водкой и луком, любителе проституток, жмоте, отбиравшем у своих невест ранее сделанные им подарки, и человеке крайне неблагодарном, которого Николай I сослал в ссылку не за мифическую борьбу с самодержавием и крепостничеством, а за оскорбление своей жены-императрицы, способствовавшей выкупу Кобзаря на волю. Чуть позднее Бузина несколько смягчился по отношению к Шевченко, указывая украинским националистам, что свою прозу и дневники Тарас Григорьевич вел на русском. Все «литературные» суды у Союза писателей Украины Бузина выиграл. Помню, как он с гордостью показывал мне, доставая из папки листы бумаги, на которых были распечатаны судебные решения в его пользу. Да, Бузина не любил Шевченко. Он считал его плебеем и своим антиподом.

Интересно, что при этом Бузина вырос в украиноязычной семье. Обычно в подобного рода семьях питали уважение к Кобзарю, как к родоначальнику украинства. Родители Бузины были из Сумской области. Дома говорили по-украински. Отец – украинский филолог, служил в КГБ. Его специализацией в Комитете была борьба с «украинским буржуазным национализмом». В 70-х годах он даже побывал по службе в Канаде, где на тот момент была самая крупная украинская (галичанская) диаспора. Бузина мне рассказывал, что до 16 лет был украинофилом. Однако знакомство с Булгаковым, с его бессмертной «Белой гвардией» произвело в нем глубокий переворот. Он стал имперцем, принимая культурное и при этом

высмеивая политическое украинство. Не отрекся он и от своего родного украинского языка, хотя говорил на нем только с мамой и иногда с нациками на телепередачах. Все его книги написаны по-русски. Вместо этнонима «украинец» предпочитал определять себя, как малоросса. Одна из его книг так и называется – «Воскрешение Малороссии». Он писал, что эта земля и ее народ стали счастливыми только войдя в состав Российской империи, когда ужасы польско-католического террора и постоянных набегов крымских татар закончились. Российская империя дала самое главное, в чем тогда нуждались малороссы, – мир и защиту. Бузина все время подчеркивал, что именно в это время малороссы получили возможность делать блистательные военные и статские карьеры.

Он был зачарован Российской империей. Страшно гордился тем, что его казацкие предки служили в Ахтырском гусарском полку. Не меньше гордился он и своими дедами-фронтовиками. Олесь обожал все, что связано с военной темой. Участвовал, как и Игорь Стрелков, в разного рода реконструкциях. Помню, как еще совсем недавно с горечью рассказывал о двух своих товарищах по реконструкторским боям, один из которых пошел сражаться за укропов, а другой – за ватников. Оба погибли. Любил носить полевую военную форму и дарить друзьям на дни рождения ножи или что-нибудь милитаристское. На всю его жизнь его любовью оставалась Белая гвардия. Он даже в нулевых пошил себе белогвардейскую форму, фуражку с малиновым околышем, как у дроздовцев, купил себе пашку и сапоги. Отпустил офицерские закрученные усики. О белогвардейцах знал всё. Возвращаясь из Москвы, привозил с собой десятки мемуаров царских и белых офицеров. Возвращаясь из Вены, мог привезти с собой мундир австро-венгерского офицера и медали времен кайзера Франца-Иосифа.

Где-то за несколько месяцев до Евромайдана он рассказал мне о своих планах написать серию романов в жанре исторического детектива а-ля Борис Акунин. Герой Бузины должен был быть безусловным имперцем по имени Алекс Тугаринов, офицер гвардейского Семеновского полка в Петербурге. В планах писателя были книги и о булгаковском Киеве 1918 года, и о дореволюционной Москве. Хотел написать продолжение книги «Как придумали Украину» – «Секретная история Украины», о деятельности таких одиозных деятелей украинского нацизма, как Коновалец, Бандера и Шухевич. Бузина никогда не курил и практически не пил. Он мог налить себе маленький стаканчик пива и целый вечер цедить его во время разговора с друзьями. Любил моржевать. К чему приучил и меня. Ходил на Днепр зимой и окунался с головой в ледяную прорубь. Качался и бегал. Почерк у него был скупой, не размашистый, аккуратный. Каждая буква на листке бумаги плотно прижималась к другой букве. Любил хорошо одеваться. Мог прийти на выставку своих эротических рисунков в добротном костюме-тройке с бабочкой и тростью, дернув за ручку которой можно было вынуть шпагу. Он любил ощущать себя аристократом.

Он хорошо жил за счёт своих гонораров. Был кумиром Русской Украины. Книги выходили большими тиражами и выдерживали по семь-восемь-десять переизданий. Был аккуратистом и трудоголиком. Любил неторопливо ходить пешком. Машину не водил и не хотел водить. За рулем всегда была его жена Наташа. Не сразу научился печатать на компьютере, поэтому первые книги печатала супруга под его диктовку. Бузина был холериком. Мог накричать, броситься в драку. Один раз на киевском радио даже поссорился с Александром Прохановым из-за Афганистана и покинул студию. Уезжать из Киева не хотел категорически, хотя я и остальные друзья постоянно уговаривали. Мы чувствовали, что с ним что-то в любой момент может произойти. Он всегда ходил по городу с газовым баллончиком

на случай, если украинские националисты полезут в драку. Из-за пребывания в Киеве не мог публично поддержать ополчение и Новороссию. Однако в открытую протестовал против войны на Донбассе, жёстко критиковал Порошенко и Яценюка, никогда не отказывался выступать на российских ток-шоу. В своё время многие украинцы вступили в ополчение Новороссии только благодаря его прозе.

Я до сих пор в шоке, не верю, что больше никогда не увижу моего близкого друга. Его похоронили в Киеве в воскресенье. С утра прощались с ним в его дворе. Во время прощания явились правосеки в масках и стали выкрикивать: «Слава Украине!». Люди в ответ им хором ответили: «Фашизм не пройдет!». Отпевали в Лавре, в одной из ее церквей. Пришло столько народу, что людям пришлось стоять на улице. Олесь, дорогой, спи спокойно! Ты погиб на боевом посту от вражеской пули. Верь нам, твой родной Киев будет освобожден! Фашизм не пройдёт!»

Украинский журналист, бывший редактор газеты «Киевский телеграф» Владимир Скачко тоже давно дружил с Олесем Бузиной, считал его своим младшим товарищем. По его словам, в среду Олесь Бузина отказался ехать в Москву на запись программы, и одновременно в интернете появились сообщения об аресте журналистов. «Они решили, видимо, не арестовывать, а зачищать. Олесь Бузина – один из самых успешных журналистов и писателей современной Украины. Это единственный журналист, который позволял себе быть самим собой и отстаивать свою точку зрения без оглядки как на украинские власти, так и на российские, хотя на Украине еще считали наймитом Кремля. Господь сподобил его талантом не только видеть, замечать, анализировать, но еще выдавать в читабельной форме оригинальные мысли. Безусловно, Украина потеряла не просто знаковую фигуру, но и талантливого писателя, одного из немногих, кто вообще демонстрировал здесь хоть что-то живое на фоне так называемого национального возрождения, которое не смогло продуцировать ничего, кроме старых шароваров и гранат, раскрашенных в цвета пасхальных яиц. Это печально, страшно, кошмарно для всех, но в первую очередь для его жены, дочери и родных», – сказал Скачко и добавил, что Олесь Бузина ни в коей мере не был врагом Украины, а был ее другом, «олицетворением того, что делало страну нормальной. Это как смерть Богдана Ступки. Был Ступка – можно было говорить об украинском кино. Нет Ступки – и нет кино», – убежден Скачко. Политолог, журналист, историк Владимир Корнилов также хорошо знал Олеся Бузину. «Талантливый человек, – вспоминает он о покойном. – Довольно самолюбивый, причем в хорошем смысле этого слова. Ранимый, как все писатели. Трудлюбивый, копал в архивах очень много. Он меня по сути заставил, убедил написать мою книгу, если бы не он, я бы никогда за нее не сел», – сказал Корнилов газете «Взгляд»: «Он очень любил город Киев. В этом мы с ним расходились: я к Киеву относился совсем не так, как он. И он всегда обижался, водил меня, показывал какие-то места малоизвестные. Мог рассказать о любом камне, об истории любого здания. Лучше всех знал историю Киева и мечтал написать, кстати, книгу о белогвардейском Киеве».

* * *

Прежде чем перейти к самим текстам Олеся Бузины, которые доказывают, что на Украине родился, окреп и получил ещё до смерти народное признание истинный наследник традиций Гоголя и Булгакова, напомним несколько важных политических

штрихов к биографии писателя. В мае 2009 года Олесь Бузина предложил принять пакет законов, запрещающих неонацистские организации и пропаганду нацизма, запретить пропаганду идеологического наследия ОУН как тоталитарной фашистской партии. Это предложение поддержал один из лидеров Партии регионов Борис Колесников. По мнению Олесь Бузины, опубликованному на анти-ющенковском сайте «АНТИФАШИСТСКИЙ КОМИТЕТ УКРАИНЫ», президент Украины Виктор Ющенко покровительствует украинскому неонацизму и сам является неонацистом. Начались преследования. Против Олесь Бузины предпринимались попытки цензурных ограничений идеологического характера. В мае 2009 года украинская Национальная экспертная комиссия по вопросам защиты общественной морали поручила своему аппарату провести мониторинг печатных СМИ на предмет соответствия закону «О защите общественной морали». Это было сделано по инициативе члена комиссии, директора Института украиноведения П. Кононенко, который обратил внимание комиссии на публикации Олесь Бузины в газете «Сегодня», где якобы «дискредитируют выдающихся украинских деятелей, выбирается всё позорное в нашей истории».

На апрель 2009 года против Бузины было проведено 11 судебных процессов, которые он выиграл. По крайней мере один из этих процессов в 2000 году был инициирован украинским Союзом писателей, причём после оправдания возле здания суда на него было совершено нападение. Инициаторами судебных процессов против Бузины были также писатели-политики Павел Мовчан (глава общества «Просвита») и Владимир Яворивский (Блок Юлии Тимошенко). Они давно уже кончились и заткнулись как писатели, но гадить успешному коллеге ещё могут. Ещё немаловажный в сегодняшнем мире штрих: Бузина придерживается традиционных взглядов, за что общественное объединение «Гей-форум Украины» в 2011 году поставило его на 4-е место в рейтинге «Гомофобный деятель года». В частности, бичевалось здоровое суждение писателя о гомосексуалах: «Они должны уважать моё человеческое проявление физической брезгливости к ним и стараться не проявлять при мне своих порочных наклонностей. Тем более, не навязывать их обществу. Место педерастов среди педерастов».

В марте 2015 года, за месяц до гибели, в интервью «Российской газете» Бузина рассказал о нападениях и угрозах в его адрес. В ряде телевизионных передач (в частности, в программе Владимира Соловьёва от 30 января 2014 года) также высказывались опасения об угрозе жизни. Так оно и случилось. В заключение главы-предисловия к книге приведу слова анонима на сайте Олесь Бузины: «Завтра мы будем хоронить Олесь Бузину. Завтра мы будем хоронить не только его, мы будем хоронить Украину. Конечно, есть много писателей, журналистов, но больше нет Олесь. У меня не болит больше за Украину, боль за Украину давал мне Олесь и я надеялся, что он прав и есть ещё возможность, оказалось, нет. Олесь был последним искренним идеалистом, который давал надежду на восстановление, а его за это убили. Животные, которые это сделали, ходят среди нас и рассказывают, как мало они знали о Бандере, а он ведь герой, как забыли украинский поэтому говорят по-русски, но искренне ненавидят носителей этого языка, и ещё много другого говорят. Я таких спрашиваю – а почему за 25 лет не вспомнили язык? Но они к смерти Олесь относятся никак, просто никак, он же русский. С таким же успехом можно было бы спрашивать у улиток.

Я не думаю, что оскорблю память об Олесе, если не стану призывать всех становиться украинскими идеалистами. Бесполезно, это ведь от Бога, у Олесь это было, благодаря ему было у меня и у многих тысяч людей, а вот теперь больше нет. Нет, потому что умер

последний искренний украинец. Последний человек, который мог помочь её вернуть, ту, не изгаженную бандеровцами, фашистами, ублюдками всех мастей, не превращённую в проститутку третьего сорта, безвольную и тупую. Олесь мог помочь вернуть добрую и гостеприимную, гордую и непокорную Украину, а его просто убили. Не в споре, не в драке, нет, просто подло, по-бандеровски, втроём на одного безоружного, это и есть теперь украинский патриотический героизм. Когда три, четыре, пять уродов смело убивают безоружного человека. Ничего нового, точно так же бандеровцы и другие фашистские недобитки убивали врачей, учителей, инженеров, писателей и стреляли в спину отставшим красноармейцам (тоже, кстати украинцам).

Почему убили Олесья? Ответ до наивности прост, Олесь представлял реальную угрозу. В последнее время всё больше людей узнавали о нём, о его книгах, а многие даже начали его читать. Тот, кто читал книги Олесья, или слушал то, что он говорит, становился потенциальной угрозой, и до какой величины могла дорасти популярность Бузины, как человека, выступающего за восстановление Украины, догадаться несложно. Вот и вся тайна, фашисты всегда боятся конкуренции, а если эта конкуренция еще и отбирает у них баранов, превращая их в людей, то это вовсе неприемлемо. Вот вам и версия и доказательство, я могу ошибиться в последовательности, но не в выводе.

Благодаря Олесью я полюбил свою землю, на которой жили мои предки, так же как и предки Бузины. Я узнал, что наша земля называется Малороссия, и наши предки были малороссы. Хотя я это слышал и от своего деда, но мне казалось, что это что-то, царское, давнее и забытое. Ещё я узнал историю своего народа не прилизанную, а такую как была, Олесь всегда писал о наших предках как о современниках, он всегда полагал, что они были не глупее нас, хотя знали меньше. Тем не менее, они осваивали земли, не имея машин и, заметьте, таки освоили. И, похоже, нынешние жители Украины куда глупее своих предков. Олесь надеялся, что это не так и мы все надеялись до последнего дня. Надежда умерла вместе с Олесем. Теперь нам ничего не остаётся, как похоронить и её.

Но это совсем не конец, это начало. Нам по-прежнему, нужен Бузина, пусть в книгах, пусть в истории, но нужен. По его книгам нужно преподавать историю нашей земли и нашего народа. По его книгам можно растить достойных и честных людей, и мы должны сделать для этого всё. Я хочу, чтобы мы все вернули имя Украины Олесья, чтобы мы вспомнили, что мы не галичане, а малороссы. Первым, настоящим малороссом, родившимся на Украине, по праву является Олесь Бузина. Не только потому, что погиб, а потому, что именно он в своих книгах нам её вернул. Возможно, это звучит слишком пафосно, но я действительно так думаю. Я уверен, что Олесь со мною спорить не стал бы, потому что столько любви к Малороссии, сколько есть в его книгах, нет больше нигде. Возможно, это и была его Украина с прекрасным именем Малороссия. Теперь мы об этом можем догадаться, читая его книги. Вот только сам Олесь не сможет подтвердить эту догадку».

Сказано весомо и убедительно, хоть и без подписи. Можно понять: ведь это — современная больная и терзаемая Украина, которую любил и воссоздавал Олесь. Он призывал: «Великий Богдане, вставай!». Но теперь и сам навеки встал в ряды защитников подлинной и родной нам Украины.

9 мая 2015 года

И снова выборы...
И нам опять поют,
Что золотые яйца
Петухи снесут....

Так на Сечи меняли кошевого
И думали, что лучше будет новый,
А он сильнее крадёт и выпивает,
Поскольку... по-другому не бывает!

Стихотворение, написанное за три месяца до Оранжевой революции и оказавшееся пророческим (пер. с украинского А. Боброва).

В декабрьские дни нового киевского «Евромайдана» я решил переиздать свою книгу «Революция на болоте», написанную о Майдане-2004. Окончательно решение созрело утром 12 декабря. Сразу после того, как в прессе появилось сообщение, что накануне утром киевский «Беркут», облитый водой, отказался от штурма Горсовета, а обрадованные «майдауны» вернулись в свой табор под БАБОЙ С ШАШЛЫКОМ, как в шутку называют монумент Независимости, и принялись возводить баррикады из снега и мусора.

И в том, и в другом случае главную роль сыграла стихия воды.

Вода остановила «Беркут».

На воду, превращенную в лед, решили положиться бунтовщики, громоздя свои «неприступные» валы.

Украинская революция в очередной раз жила не огнем, а влагой.

Но не живой, а Болотной!

Ведь изначально это место, через которое в Киев ворвался по замерзшей трясине в 1240 году Батый, называлось Козьим Болотом. В Майдан его переименовали только в 1991 году в честь украинской независимости.

В очередной раз я подивился сказочной символике происходящих событий.

Коза – животное дьявольское.

Недаром у черта козы рожки.

Ну, а раз есть болото и козы, значит, и кикиморы должны быть где-то рядом.

Кикиморы заняли место принцессы прежнего Майдана – демонически прекрасной Юли. Это тоже символично. Новый Майдан получился с приставкой «евро». А в Европе не любят красивых женщин. Там сегодня в почете феминистки и гомосексуалисты.

Первая кикимора обнаружилась прямо на сцене Евромайдана. Ее звали певица Руслана. Она отплясывала свои «Дикие танцы» и обещала сжечь себя, если Майдан закончится неудачей. Хитрая bestия!

Ясно, что сжигать себя она и не думала. Дорогущая (на миллионы!) квартира «кикиморы» находится в двух шагах от Майдана – прямо на Крещатике по соседству с казино. Есть желание проверить мои слова – выйдя из метро «Крещатик», поверните налево, зайдите во дворы и поспрашивайте местных жителей. С такой киевской хатой, как у Русланы, себя не палят! Даже полные дуры.

Вторая кикимора – Ксюха Собчак, едва прослышав, что в Киеве опять смута, тут же ободряюще квакнула из Москвы по Интернету, подслеповато блеснув очками: «Надеюсь, то, что не удалось у нас на Болотной, получится в Киеве на Майдане!»

Вот уж ученая мартышка! Сходу учуяла мистическую связь московской Болотной с киевским Козьим Болотом.

Могла бы всплыть из майданной тины еще одна кикимора – Фарион. От «Свободы». Но эта ведьма буквально накануне Евромайдана влипла в скандал – фронт-вумен ультранационализма оказалась «коммунякой», скрывшей свое доисторическое прошлое. Такое даже болотной водой не отмоешь. Обгадившуюся Фарионшу, как я понимаю, по причине подорванной в нее веры, кикимороводы Майдана на сцену решили не выпускать. И так грязи хватает!

Вместо нее из Европы привезли сразу двух кикимор – главу германского МИДа Гидо Вестервелле («гидо», будучи мужиком по паспорту, три года назад вышло замуж за своего тренера по фитнесу) и Кэтрин Эштон – министра иностранных дел ЕС. Увидев воочию эту заморскую кикимору (между прочим, английскую баронессу!), я навсегда перестал удивляться распространенности содомского греха среди британской аристократии – колхозный мерин Эштонши краше будет! И намного!

Оба «вырожденца» – и министресса-лошадь, и министр-пидор, естественно, агитировали за «европейское» будущее Украины.

А то, что все это болотное действие давно готовилось, видно было уже с лета. Уже тогда киевские газеты писали о секретных тренировочных лагерях «свободовцев», куда никого из журналистов не пускали. А возле Майдана на улице с говорящим названием Костельная как-то в летнюю жару видели Славика Вакарчука. Дружок кикиморы Русланы стоял с машиной возле дорогущего джипа и присматривал квартиру на съем – чтобы поближе к Козьему Болоту. Поагитировал «биомассу» и сразу в кубло – греться. Ну, и гонорар за «выступления» подсчитывать.

Квартира на Костельной (даже не конспиративная) стоит дорого. Значит, бюджет на Евромайдан закладывали изрядный. Любая революция – это деньги, деньги и еще раз деньги. Это архиважно для успеха любого переворота, как говорил покойный Ильич.

Чем больше вложишь в темное буйство «масс», чем круче заведешь пластинку в их мозгах певунами и певуньями (живыми магнитофонами, нацеленными только на получение гонорара), тем большую прибыль в результате получишь.

А разве не интересно получить контроль над такой богатой страной, как Украина?

Только не убеждайте меня, что страна у нас плохая и бедная.

У нас богатая страна. В ней «революционеры» ездят на джипах и созывают друг друга на шабаш по айфонам. У нее территория, как у Франции. А под территорией, густо намазанной, как маслом, толстым слоем чернозема, чего только нет! И железо, и марганец, и уголь (хоть бурый, хоть каменный, хоть с наркотическим названием кокс), и асбест, без которого невозможна никакая плавка, и залежи чистой соли, и УРАН!

Четыре атомных электростанции – в том числе Запорожская – крупнейшая в Европе! В

Германии, откуда на Козье Болото приехал пидор-министр, ни одной. А у нас четыре! Электроэнергию некуда девать.

Вода в Украине чистая. И много этой воды! А в XXI веке и это ресурс. В Африке и половине Азии мочу пьют. Официально вроде воду, а цвет желтый, как у мочи. Где вы видели у нас воду желтого цвета?

Нет, дорогие соотечественники, вы недооцениваете Украину. Двадцать два года ее грабят и разрушают все, кому не лень, а самолеты до сих пор взлетают с Киевского авиазавода и вертолетные моторы с запорожского «Мотор Сич» уходят на экспорт в Россию. Да и не только вертолетные – «Мотор Сич» производит (вдумайтесь!) 55 типов и модификаций двигателей для 61-го вида самолетов и вертолетов.

Сколько типов авиационных двигателей выпускает состоящая в ЕС Хорватия? Ни одного! И не будет ни одного выпускать. Никогда. Ни при какой погоде. Ни при каком политическом режиме. Болгария? Ноль! Словения, Португалия, Греция? Тот же ответ.

А ведь все эти страны – члены Евросоюза. Говорят, в Греции все есть. Выходит, не совсем так. Кое-чего нет. Причем, самого важного для современности и будущего. Нет в Греции авиационных двигателей, атомной энергетики и украинского чернозема. Скорее, там норвежская селедка заведется и свой Брейвик. Но производства авиадвигателей и чернозема греческого не будет. Я вам даю гарантию.

Теперь понимаете, за что на «священных» для сексменьшевика Гидо Вестервелле и кобылы Эштон майданных стенах из говна и льда идет война на Козьем болоте?

Теперь до вас дошло, что в прошлое воскресенье отстоял возле Администрации президента героический киевский «Беркут» и простые солдаты-срочники Внутренних войск, на которых наемное «евробыдло» ехало трактором?

Посмело бы оно так на Белый дом в Вашингтоне или на Елисейский дворец в Париже!

Кто сегодня предатель Украины? Отвечу: тот, кто тащит ее в рабство к Евросоюзу. Вакарчуки, Русланы и прочие кикиморы. Порошенко, Кличко, Тягнибок, Яценюк – и далее по списку до совсем уж мелкого «огрызко».

В двух шагах от предательства были Янукович с Азаровым. Спасло их только то, что вовремя повернули оглобли перед Вильнюсом.

Что их там надоумило, не знаю. Какой Бог сберег, потом разберемся.

Но именно в дни Евромайдана я окончательно понял, какую страну хотят отобрать у НАС европидоры. Я понял, что сражаться надо не за призрак прошлого, каким бы прекрасным он ни был, а за реальный кусок родной земли и ее будущее. За себя.

И тогда же в Москве на Первом канале в ток-шоу «Политика» высказал самую важную пока свою мысль: «Дешевые хохлы кончились!»

На эту фразу обратили внимание. Ее запомнили.

Повторяю, Я (именно так, с прописной буквы!) Олесь Бузина – дорогой хохол. Очень дорогой. Не вижу в этой формулировке ничего для себя оскорбительного. Но могу и уточнить – очень дорогой украинец. Просто Драгоценный. Ничуть не дешевле Эйнштейна, Вашингтона и уж, наверняка, в тысячу раз дороже Гидо Вестервелле и Кэтрин Эштон с ее лошадиной мордой. Не дешевая массовка для вертлявозадых руслан и вакарчуков, а гражданин независимой державы.

Все, кому в клуб дорогих украинцев, присоединяйтесь.

Не для того голосовал я за независимость Украины в 1991 году, чтобы житель Евросоюза безграмотный матерщинник Кличко вместе с конфетным лавочником и отставным

львовским фельдшером сдали ее в рабство с потрохами европейским кобылам и пидорам – эштонам и вестервелле.

Мы – потомки Руси. Такие же, как русские и белорусы. Русь никому не кланялась. Русь сама все брала, что плохо лежало. А Украина лежит, как надо. Как раз между Евросоюзом и Российской Федерацией. И перекладывать ее пока никуда не следует. Это не телефон, по которому, почесываясь по-обезьяньи в паху, договаривается о съеме квартиры Славик Вакарчук.

Не вилы Ляшко, на которые он сядет. И не мешок с говном, из которого дешевые евронаемники по 25 гривен в час строят на Козьем Болоте свои «баррикады».

Баррикада из говна – символ просранной революции.

В 1917 году в Петрограде большевики не строили баррикад. Они брали Зимний. Баррикады строила проигранная революция 1905 года в Москве.

Запомните: только бессильные революции отгораживаются от реальности стенами. Точнее, даже не революции, а мятежи. Как сказал поэт Джон Харингтон: «Мятеж не может кончиться удачей. В противном случае его зовут иначе».

События 2013 года, в отличие от 2004, показали: подавляющее большинство киевлян не за Майдан. Психоза евроленточек в городе нет, хотя Луценко, осваивая революционный бюджет, еще с осени раздал их возле станций метро изрядно.

Девять лет назад весь Киев был в оранжевых ленточках. Сегодня только ОДИН РАЗ (!) мне удалось увидеть на антенне автомобиля синюю с желтыми звездочками (цветов европидоров и поклонения золотому тельцу) ленточку Евросоюза.

Организаторы Евромайдана врут о Марше миллионов. В реальности им приходится свозить на Майдан «биомассу» весьма неевропейского вида откуда-то из Карпатских предгорий и не брезговать даже бомжами.

Марша нет. Вместо марша они строят стену из говна.

Это не тот материал, из которого возводят государства. Где-то в глубине души даже Яценюк с Тягнибоком догадываются, что это не годится даже на мазанку.

Поэтому их так редко видно на Майдане. Поэтому там правят бал кикиморы.

За що стояли на Майдані?
За що людську кров лили?
За те щоб ціни повишали,
І знову плакали хохли.
За те щоб Крим, знов став московським
І щоб донбаським став Донбас.
За те, щоб долю України
Рішав в Європі підарас.

Это стихотворение Бузины не раз звучало по-украински в эфире российского телевидения в авторском исполнении – его переводить не надо: и так всё понятно. К сожалению, блистательный памфлет Олеса Бузины про кикимор и бесов майдана не оказал отрезвляющего воздействия: дьявольский механизм был запущен, Россия продолжала вести бездарную политику на украинском направлении (один посол М. Зурабов чего стоит!), и США всё увереннее с помощью европейских подчинённых брали ситуацию в свои руки.

Приближался провокационный расстрел «Небесной сотни», бегство Януковича и захват власти прозападной хунтой...

Героини сатирического послания почти исчезли из поля зрения. Баронесса Эштон потеряла свою евродолжность, и сегодня эта особа с отталкивающей внешностью уже никому не интересна. Гидо Вестервелле, ещё будучи министром иностранных дел, упрекал президента Белоруссии А.Г. Лукашенко в том, что он диктатор и подавляет институты демократии, на что Лукашенко ответил: «Что касается второго, не то розового, не то голубого (подчёркивая, что министр иностранных дел Германии Вестервелле – открытый гей), который там о диктатуре кричал... Услышав это, я подумал: лучше быть диктатором, чем голубым». Как в воду батька глядел: ещё на выборах в бундестаг 2013 года партия, которую он окрасил в голубой цвет, набрала всего лишь 4,8 % и впервые не прошла в парламент Германии, вследствие чего Вестервелле перестал быть не только министром, но и депутатом бундестага.

Упомянутая Ирина Фарион тоже провалилась на выборах даже в националистическом Львове, потому что всем заскокам и неистовствам есть предел. Сначала она высказалась в том духе, что рада своему поражению: избирателям с рабской психологией не понять духовных высей лидеров нации, а потом чуть руки на себя не наложила. Какой-то канал, как я увидел по украинскому ТВ, послал съёмочную группу, чтобы показать: Фарион жива и даже бодрится, готовится к новым битвам с проклятыми москалями и предателями украинства, каким был, по её мнению, Олесь Бузина.

Лучше всех устроилась Руслана. Она себя сжигать не стала, хотя майдан по большому счёту сокрушительно проиграл. Не в том смысле, что его уняли политики, разогнали внутренние войска, как должно быть в нормальной стране, а в том осознании, что все завяленные на нём цели скрылись в дыму от покрышек и беспросветной пропаганды, а ничего из заявленного выполнено не было – наоборот. Прав был Олесь: Украина ошиблась всей страной!

Руслана тоже прозрела и попыталась сказать правду, когда съездила на Донбасс, пришла на программу Савика Шустера и захотела донести горькую истину, поведать об увиденном и понятом. Её изничтожили прямо в эфире ковёрные «патриоты», тогда она уняла свою общественную активность и принялась пожинать плоды майданной популярности и жадно стричь купоны. В момент создания этой посмертной книги она голосила новую агрессивную версию гимна Украины «Ще не вмерла...» в США перед боем Владимира Кличко и Брайанта Дженингса в Madison Square Garden 25 апреля 2015 года, а перед этим 19 апреля в Кёльне кикимора майдана Руслана Лыжичко получила премию им. Льва Копелева. Награда была вручена «за вклад в соблюдение прав человека, мир и уважение к другим культурам».

Кроме Русланы, награды был удостоен также Андрей Макаревич. Какой «точный» выбор! – никто больше их не сделал для разжигания агрессии, нарушения прав тех, кто не воспринял государственного переворота и угнетения всего родного. Сколько крови пролито по их наускиванию и горячей поддержке бандеровского террорра, а их, русофобов, награждают за «уважение к другим культурам». «Это было очень символично, – вещала Руслана, – 2 украинца и 2 россиянина были отмечены премией им. Льва Копелева. Рядом со мной на сцене стоял Эдуард Успенский. Не приехал, но получил диплом Андрей Макаревич. И был Евгений Захаров, наш легендарный правозащитник. Собственно, эти дипломы разрушают стены ненависти и войны, которые так активно строятся агрессорами нового времени. Я выступаю на разных площадках и в разных ролях, но в какой бы роли я ни

выступала, в каком бы формате ни говорила об Украине, я вижу и благодарна за то, что Украину любят, поддерживают и очень надеются на нашу победу», – заливалась Руслана. – Я мечтаю в ближайшем будущем сказать: Война! Ты проиграла!». После награждения певица спела песню, которая звучит как издевательство для тех, кто ночью ждёт не свиданий, а артобстрелов в зоне АТО – «Нічянька місячна».

До того разошлась лауреатша в Кельне, что призвала украинских девушек улучшать демографическую ситуацию: «Когда сегодня в Кельне мне предложили сделать какое-то особое обращение к украинцам, проживающих в Германии, я сказала, чтобы мы делали сеть «All Ukrainians», у которой лозунг «Нас более 70 миллионов и будет больше», и призвала наших украинских девушек рожать как можно больше детей и воспитывать их правильно. Если вырастет новая генерация, новое свободное и честное поколение украинцев, все люди, которые погибли, все наши герои, которые смотрят сегодня на нас с неба, поймут, что они отдали жизнь не зря». Ну, конечно, по её понятиям – не зря, можно даже сказать недаром для Лужичко. Ведь перед этим Руслана стала лауреатом премии Battle of Crete Award 2014 в номинации «Душа украинской революции» (The Soul of Ukraine's Revolution).

Эта премия была учреждена в честь женщин Греции, которые проявили мужество во время борьбы против вторжения немецко-фашистских войск во время Второй мировой войны, и каждый год вручается женщинам за весомый вклад в развитие, защиту и укрепление мировой демократии. Это надо уметь: так извратить пафос премии в стране, где каждый десятый житель погиб во время фашистской оккупации и борьбы с нацизмом, который теперь подхватили украинские националисты. Американский историк, автор многочисленных журналистских расследований, политолог Эрик Зюсс опубликовал в издании Global Research свои размышления на тему новой Украины, приуроченные к годовщине трагических событий в Доме профсоюзов в Одессе. По словам автора, для администрации Барака Обамы резня и сожжение выступающих против киевского режима были очень важны – именно они помогли американскому президенту укрепить контроль над Украиной.

Автор с уверенностью называет главной целью Обамы кровавый террор, который совершили именно нацисты. Они как никто другой смогли хладнокровно сначала убивать и снимать свои казни, а затем представлять их на всеобщее обозрение: «Сейчас Украина – всего лишь часть американской империи. Украинец, который так не считает, должно быть, глупец. Это – самая нацистская часть американской империи, но все же ее часть», – утверждает Эрик Зюсс. – Резня в Одессе стала важным шагом к установлению нацистского режима на Украине».

И после стольких трупов, человеческих трагедий гражданской войны Руслана, разжигавшая её под красно-чёрными зловещими полотнищами, выступила с речью, нагло представляя ту часть американской империи, где как раз поднимает голову нацизм: «Для меня большая честь, когда мировые общины считают мою деятельность достижением. Но сегодня основная моя цель в любых действиях – это борьба с путинской пропагандой». Да, надежды, что она публично поумнела – рухнули. Недолго певичка призывала глянуть правде в глаза – цинично выбрала самое простое и прибыльное: бороться с мифической путинской пропагандой по всему миру за большие деньги и получать политиканские премии. Так что главная кикомора майдана получила прозвище «души украинской революции», а душа контрреволюционера, как сказал он себе, Олесь Бузины растворилась в родных, весенних и заплаканных просторах. На них – торжествует истеричность, дикость и лицемерие, которые

ненавидел Бузина, что и доказал своими книгами.

Из книги «Революция на болоте»

Моя жена шутит: «Что бы ты ни писал, все равно получится книжка. Даже если будешь писать на заборе».

Так вышло и на сей раз.

В 2004 году, сочиняя свой первый текст об оранжевой революции, я не подозревал, что их будет много и что в результате они превратятся в томик, в котором, как в жестяной банке, законсервируется сгущенка оранжевого пятилетия.

Я никогда не верил вождям оранжевых.

Потому что хорошо знал их.

Как от ишаков рождаются только ишаки, так от воров 90-х могли родиться только воры 2000-х. Кучмисты не ушли вместе с Кучмой. Они остались. Причем самыми большими кучмистами оказались те из олигархов, кто стоял против Кучмы на Майдане, заводя толпу.

Массовку же в очередной раз надули.

А потом нагнули.

Она думала, что делает историю.

А это «сделали» ее.

На Майдане произошла классическая буржуазная революция. Власть отобрали у «короля» и передали королям. Королята тут же перегрызлись между собой, как жадные крысы в полном муки амбаре, где только что сдох кот.

Запах разложения до сих пор стоит над Майданом. Это благоухает дохлым котом и крысиной мочой. А еще пометом, которым крысы швырялись друг в друга в телевизоре, называя это «компроматом».

И на каждом хазарском олигархическом лбу, прикрытом оранжевой повязкой, золотыми церковно-славянскими литерами можно ставить клеймо: «Ворь!».

Как хазары грабили Русь, выжимая из нее все соки, пока Святослав не прикончил их, так олигархи, завладевшие при Кучме всем, что раньше называлось «народной собственностью», грабили и грабят страну.

Они делают из Украины новую Хазарию, вывозя награбленное на все четыре стороны света.

Это воры кричали на Майдане: «Бандитам – тюрьмы!»

Это воры обещали пять миллионов рабочих мест.

Это дети воров носились в дорогих иномарках по Киеву, высунув в окошко оранжевую тряпку.

А Украина ждет нового Святослава. И нового Богдана.

Она дождется.

Тем, кто не верит в это, я напомним, что ни Святослава, ни Богдана в свое время тоже никто не ждал. Но они пришли и заставили торгашей расплатиться.

От Майдана у меня осталось два поучительных воспоминания. Одна из газет описала историю деда из райцентра под Киевом. Он очень болел за Ющенко, каждый день садился в маршрутку и ехал два часа в столицу, чтобы агитировать за своего любимца. Когда после второго тура победителем объявили Януковича, дед так расстроился, что, вернувшись на той же маршрутке домой, застрелился из охотничьего ружья.

Мне жаль того деда. Он пропустил всю комедию. Если бы он чуть-чуть подождал, то увидел бы и Майдан, и дискотеку, и Ющенко, который еще не избранный уже приносит присягу в парламенте то ли на Библии, то ли на кулинарной книге, и шутовское судилище Верховного Суда, и третий тур, и «победу» своего кандидата, когда других дедов заставят идти на участки на костылях, а инвалидов лишат возможности голосования, и все ющенковское позорное «гетьманування», стреляться из-за которого то же самое, что вешаться из-за любви к шлюхе.

Дед согрешил, подняв руку на самого себя. Отказавшись от себя во имя какого-то Ющенко!

Его судьба – урок нам всем. Не впадай в отчаянье, когда думаешь, что все кончено. Конец – это только начало.

Другая история произошла с моим знакомым. Молодой, знающий всему цену военный пенсионер, увидев всенародное помешательство в центре Киева и почуяв, что бабы стали слабы на передок, вышел на Крещатик, поднял из грязи какую-то оранжевую ленточку, прицепил ее на рукав и тут же познакомился с двумя дамами – мамой, которой еще не было сорока, и ее дочерью лет восемнадцати. Старшая была еще вполне употребима, а младшая – уже готова к употреблению. Можно сказать, она специально к Майдану созрела, еще не подозревая, для чего.

Мой приятель не верил ни в какой Майдан – ни в идеалы его, ни в реалии. Но на почве политических разговоров, имитируя крайний интерес к майданным ценностям, в тот же вечер он употребил старшенькую, а на следующий день ввел в мир развратных наслаждений младшенькую. Обе остались довольны.

Это тоже урок. Умный человек никогда не впадает в помешательство.

Он помешательством пользуется.

К сожалению, этот урок поймут только умные люди.

А может, и к счастью.

В юности я восхищался безграничностью человеческого ума. Теперь – безграничностью человеческой глупости.

Обе они взаимодополняют друг друга.

Как революция и контрреволюция.

Я благодарен Майдану за то, что он дал возможность мне стать контрреволюционером.

А настоящая революция еще впереди.

Великий Богдане, вставай – работы непочатый край!

Когда он встанет, нынешние контрреволюционеры станут революционерами.

7–9 декабря 2009 г., Киев

P.S. Большая часть предлагаемых читателю текстов были написаны после Оранжевой революции – в пятилетие между 2004–2009 годами.

Революция на болоте

Пять лет назад мы бродили с моим другом Ярославом Тинченко по внезапно «заоранжевевшему» Крещатику и размышляли, на что это похоже. Нас нельзя было назвать

«оранжевыми». Но и на классических «бело-синих» мы не тянули. Скорее, два последних белогвардейца – оба коренные киевляне и оба любящие толпу, только когда она приобретает вид четко организованного армейского строя.

Довольно быстро мы нашли историческую аналогию происходящим событиям – захват Киева петлюровцами, описанный Булгаковым в «Днях Турбиных». Ющенко – Петлюра (даже профессия совпадала – бухгалтер!). Кучма – гетман Скоропадский. Только размазанный не на семь с половиной месяцев, как в 18-м году, а на десять лет. Это была не наша революция. И не наша контрреволюция.

Почему она произошла, ответить просто. Точно так же, как Скоропадский, Кучма не мог нагреть место между Россией и Западом. Безукоризненно раздерибанив страну (в этом он понимал – хитрый партийный чинуша с ракетной «фабрики»), он сделал три ошибки. Во-первых, отдал гуманитарную сферу на откуп националистам, хотя в 1994-м явился из своего Днепропетровска в Киев под лозунгом предоставления русскому языку государственного статуса. Во-вторых, постоянно пытался прикормить тех, кто его никогда бы не полюбил. Не только за бабло, но и за большое бабло. И, в-третьих, постоянно же плевал в душу тем, кто мог бы поддерживать его не за деньги, а из идеологических убеждений.

Не удивительно, что у «оранжевой» революции есть только две настоящие жертвы – Кирпа и Кравченко – два министра, особенно близких к рыжему Данилычу. Обоих можно без преувеличения назвать «верными слугами». Будь я наследственный монарх и живи сто лет назад, без сомнения, назначил бы первого начальником царского поезда, а второго – главой полиции. Кирпа выполнял все неприятные финансовые поручения режима, Кравченко – разогнал Майдан 2001-го – кто запомнит, так называемую «Украину без Кучмы».

Обоих дед Кучма и отблагодарил. Особенно второго – сразу же отправив его в ссылку губернатором Херсонской области. Что интересно, Кравченко как верный слуга даже не взбунтовался. Он исполнительно пытался организовать на парламентских выборах заведомо невозможную в этой красной резервации победу прокучмовской партии «За ЕдУ». Говорят, когда у него ничего не получилось, даже здорово расстроился. Бедняга не знал, что такой, как Кучма, не достоин «верных слуг».

Будущее показало, что выиграли самые «неверные» – Ющенко, Тимошенко и им подобные.

В результате осенью 2004-го вокруг старого «бабуина» просто не осталось преданных половозрелых самцов, способных загнать в стойло толпу взбесившихся оранжевых мартышек. Революция получилась очень национальная по форме. Продолжая исторические аналогии, легко заметить, что точно так же воевали запорожские казаки. Они вылезали из Сечи вместе с пшеном и самогоном, по дороге обрастали блядами и «политологами» – то есть бабами-ворожками, толковавшими туманное будущее, и, выбрав подходящий лужок, разлегались на нем табором. Напротив вырастал другой табор – польский или еще один казачий – если война была гражданская за то, кто станет новым гетманом. Обе армии крыли друг друга матом, пели военные песни, жрали от пуза и гадили под себя. Каждая коварно выжидала – у кого пшена, водки, баб и дерьма хватит на дольше.

В ноябре 2004-го случилось то же самое. Один табор стоял на Крещатике под оранжевыми стягами и мочился прямо в открытые канализационные люки на проезжей части, а второй – защищал Администрацию президента, а отливать бегал в казенный сортир. При этом воевать не желали ни те, ни другие. «Оранжевые» не спешили брать Администрацию, а «бело-синие» – разгонять Майдан. Баб-ворожек в это время, как водится,

посещали видения. Так, например, Юля «узрела» однажды во дворе Администрации целую банду русского спецназа. Трудно сказать, что это было. Может быть, православные Божьи ангелы, которых прислал из Кремля Путин, чтобы поражать копьем «помаранчевого» супостата? Как выяснилось впоследствии, это был просто крымский ОМОН, разговаривавший, как и положено украинским ментам из Крыма, на чистом русском языке.

Как бы то ни было, все закончилось боевой ничьей – кресло для Ющенко обменяли на конституционную реформу, после которой цена этого стульчака, на котором он прогадил свой срок, упала раз в десять. Некоторое время высокие умы в духе украинского необарокко размышляли, что это было? Трагедия? Драма? Рождение новой эпохи? Было сказано много слов и сделано очень мало дел. При этом все забыли, что «оранжевая» революция на самом деле приключилась на болоте. Да-да, на самом обычном болоте! Еще в середине XIX века оно называлось Козьим. Тут, на окраине тогдашнего Киева, находилось несколько борделей, убогих домишек (в одном из них снимал комнатку полупьяный поэт Шевченко), а вокруг росла осока, и обыватели выходили за ворота поохотиться на уток. Только при Александре II на Козьем болоте разбили площадь, назвав Думской. Потом ее переименовали в площадь Жовтневой революции и, наконец, после тихой кончины СССР – в Майдан Незалежности.

Но дух болота неистребим! Недаром провидение избрало именно это место для нового всеукраинского «свята». Ведь что такое Украина? Болото! Сколько его ни переворачивай революциями, оно квакнет, хлопнет гнилой тиной, пожужжит мошкаррой и снова уляжется. Консистенция такая! Суша – не суша, вода – не вода. Линкором тут не поплывешь, а попьешь – козленочком станешь.

Позволю одну самоцитату. Когда-то, чуть ли не десять лет назад, я написал для одного журнала эссе «Президент заколдованного места». Об Украине. О нас с вами. Был в нем следующий абзац: «Пускай другие, лишенные фантазии народы идут банальным путем общечеловеческих ценностей. Или ищут особый путь, как Россия. Мы избрали самое сложное – тупик. Человек, решившийся при таких условиях принять бремя власти, должен обладать исключительной выдержкой. И сразу смириться с тем, что его имя никогда не войдет в анналы мировой истории. Собственный народ ему этого не простит... Больше всего на свете мы боимся, что к власти действительно придет человек, который сам станет что-то делать и других заставлять. Идеальный кандидат должен обещать, что погода не изменится, новостей не предвидится, хуже не станет, конца света не будет».

А разве Ющенко еще что-то вам обещал? Европу? Так все, кто хотел, туда уже сбежали подмывать зады итальянским пенсионеркам.

НАТО? Так французский иностранный легион еще до Ющенко на четверть был из бывших украинских вояк.

ВТО? А что, на базаре в Кобеляках без этого ВТО сало не продается? Тем более, что в ВТО-то как раз и вступили, как в коровий кизяк.

Есть ли у «оранжевой» революции прогрессивное значение? Есть! Слава Богу, что тогда никто из нас друг друга не поубивал. А болото, даст Бог, подсохнет. Еще торф из него добывать будем. И показывать заезжим иностранцам иллюминацию из болотных огоньков, экспортируя киноистории о гоголевской нечисти.

Президент заколдованного места

Этот текст был написан десять лет назад. Его публиковал журнал «Лидер» и газета

«Киевские Ведомости». И в обеих редакциях из него вымарывали разные куски. Особенно фраза про свиней, поголовье которых восстановилось после сталинских чисток, почему-то смущала редакторов. Впервые эссе выходит так, как было написано, без цензурных пропусков.

Когда в украинской семье ребенок заявляет, что станет президентом, к нему относятся как к добровольной жертве. В нации святых он должен искупить вину всех. Украинцы – народ философов. Сенеки работают тут дворниками. Эпикуры – содержателями подпольных публичных домов. Ницше и Шопенгауэры – рядовыми агентами уголовного розыска. Мирская жизнь в их представлении – всего лишь досадная заминка у ворот в вечность. Вывести таких на выборы – то же самое, что выгнать толпу монахов поучаствовать в гладиаторском матче. Не стоит соблазнять праведников бесплатным абонементом – бесовские игрища не для нас. Некоторые старушки в деревнях до сих пор уверены, что всякая власть от Бога, а приезд агитатора – только происки нечистого.

С редкостным безразличием относясь к мирской власти, нация философов долгое время довольствовалась назначаемыми из Петербурга генерал-губернаторами и первыми секретарями из Москвы. И то, и другое нас мало смущало. В обеих столицах все было схвачено. Свои люди сидели везде. Заведения культуры и присутственные места кишели нашим народом. Босой казак Разумовский, окружив дочку Петра, как простую девку, стал ночным императором. Другой такой же казак – Безбородько – канцлером Российской империи. Умирая, счастливец попросился с собравшейся публикой фразой, до уровня которой до сих пор не дотянулась современная политическая мысль: «Не знаю, как при вас, молодых, будет... А при нас ни одна пушка в Европе без нашего разрешения выстрелить не смела!»

Бескровное завоевание северных столиц, проведенное с чисто украинским тактом (поджигателю Москвы Наполеону такая тонкость даже не снилась), долгое время отвлекало нас от проблем местного самоуправления. И только распространившаяся по всей Европе мода заводить президентов вынудила нас из вежливости присоединиться к большинству. Однако по-прежнему перед кандидатом на высший государственный пост стоит неразрешимая проблема: как заинтересовать собой избирателя, если на вопрос: «Чего тебе надобно?» он отвечает неизменной цитатой из Диогена: «Не затуляй мені сонця!» Почти невозможно решить, за сколько же месяцев вернуть долги шахтерам, если они начали бастовать только на шестой после исчезновения зарплаты? За три? Или за четыре?

Человек с имиджем Жириновского не имеет в Украине никаких шансов. Для него тут нет почвы. Украинцам не нужен Персидский залив. У нас уже есть Куяльник. Хотя многие до сих пор так и не решились туда доехать. Соблазнить потомков запорожцев завоевательным походом в Африку за казенный счет, пообещав каждому ветерану по плантации с добродушными неграми, так же невозможно, как приучить бомжа носить смокинг. Даже если из любви к предвыборному искусству всучить этот кусок земли нашему человеку насильно – путного все равно ничего не получится. Только негры поумирают от ужаса, впервые в жизни увидев плантатора, самостоятельно копающегося в огороде и при этом бурчащего под нос, что наш чернозем все равно лучше.

Если завтра кто-то из кандидатов начнет раздавать на площади всем желающим бесплатные Мерседесы, народ в ужасе разбежится от него. Мы не хотим счастья за счет обездоленных немцев. Но если тот же человек пришлет убогим по полтора кило

гуманитарной гречки и по паре тапочек, чтобы было в чем дойти до избирательной урны, – за такого проголосуют как за олицетворение святости. Нам не нужно много. Нам вообще почти ничего не нужно. Больше всего на свете мы боимся, что к власти действительно придет человек, который сам станет что-то делать и заставлять других. Идеальный кандидат должен обещать, что погода не изменится, новостей не предвидится, хуже не станет, конца света не будет. И ни в коем случае не сболтнуть что-то вроде: «Ожидается расцвет культуры» или «Из всех искусств для нас важнейшее – кино». Тогда, не дай Бог, кто-то действительно напишет гениальный роман или снимет великий украинский фильм, а все остальные писатели и режиссеры утратят законное право на спячку.

Именно поэтому мы только делаем вид, что выбираем лучшего. Втайне нация давно уже решает задачу куда более высокого порядка – как избрать худшего из худших. Чтобы чего-то не вышло. Пускай другие, лишенные фантазии народы, скопом идут банальным путем общечеловеческих ценностей. Или ищут особый путь, как Россия. Мы выбрали самое сложное – тупик. Человек, решившийся при таких условиях принять бремя власти, должен обладать исключительной выдержкой. И сразу смириться с тем, что его имя никогда не войдет в анналы мировой истории. Собственный народ ему этого не позволит. Если же каким-то чудом по неисповедимым законам карточной игры в президенты пробьется выдающийся энергичный индивидуум, прежде чем что-то сделать, он должен прочесть гоголевское «Заколдованное место». Это о нас: «Я знаю хорошо эту землю... Земля славная! И урожай всегда бывал на диво; но на заколдованном месте никогда не было ничего доброго. Засеют, как следует, а взойдет такое, что и разобрать нельзя: арбуз не арбуз, тыква не тыква, огурец не огурец... черт знает, что такое!».

На самом, деле, украинская мечта уже давно сбылась. Оставленное в покое после сталинских чисток поголовье свиней восстановилось. Самогонный аппарат есть у каждого. Красивых баб столько, что излишки приходится вывозить в Европу. Втайне мы знаем, что лучше уже не будет. Лучше просто не может быть. «На тихи води, на ясни Зорі» мы уже вышли. Граница с раем проходит по нашей земле. Главное – не переступить ее раньше времени.

P.S. Спрячьте это эссе в укромное место и забудьте о нем... до следующих выборов. Перед выборами выньте из тайника и перечитайте. А вдруг что-то изменится?

Дух чухраинской веры

Почему у нас так всегда получается? Почему в Украине любое дело начинают под тосты: «Будьмо! Гей!», а заканчивают под неизменное: «Тьфу»? Почему так люто ненавидят всех, кто, не забывая о своем украинстве, относится к нему с явной иронией и идет, как говорил Ленин, «другим путем» – дорогой Гоголя и маршала Тимошенко. Ну не пошел 23-летний уроженец села Фурмановка на Одесщине и уже ветеран Первой мировой войны Семен Тимошенко в петлюровскую армию! То ли чувствовал, что ей все равно по морде надают все, кому не лень – от махновцев до белых. То ли сразу узрел в небесах свою красную путеводную звезду, которая вела-вела его и привела в кресло наркома обороны при самом Сталине. И поскакал он в Первую конную – к Буденному. И теперь, хоть и писал всегда в анкетах о своей национальности «украинец», числится в «чужой» истории и в школах не изучается наряду с «истинно украинскими полководцами» – то есть прославившимися исключительно тем, что

их кто-то где-то разбил. Причем в пух и прах – так что драпать пришлось аж до Варшавы и Парижа.

Или с Гоголем как нехорошо получилось! Его теперь изучают в украинской школе как зарубежного писателя. Причем в переводе на украинский язык. В «талантливом» таком переводе – какого-то очередного «просвіяннина», который сам двух слов связать не может, а единственное, на что выучился – это похабить чужие классические тексты своим телячьим языком. Ну почему, скажите, какие-нибудь литературные недоноски, живущие только за счет очередного гранта, – это «вітчизняні письменники», а Гоголь – «зарубіжний»? Или потому, что его за рубежом читатели знают, а их – нет? Тогда логика в этом обнаруживается. Все, что шире узкоколейки «свидомитского» сознания и вырывается на мировой простор, тут же становится иностранным, дабы не травмировать раздутое самосознание местных гениев, свято уверенных, что именно у них под печкой находится центр Европы, пуп Земли и та точка, с которой стала разрастаться Вселенная после Великого взрыва.

Но не все выросшие из украинского чернозема «хвилософы» – законченные дебилы, купившие дипломы за поросю. Отдельные прозрения случаются даже среди этой породы. Одно из них однажды пробило мозг выпускника Киевской военно-фельдшерской школы Остапа Вишни. Устав лечить солдатские задницы, он подался в литературу (благо началась послереволюционная украинизация) и, породив кучи словесного мусора, выдал однажды на гора действительно провидческую юмореску – о стране «Чукрен», населенной «чухраинцами», больше всего на свете любившими «чухаться» и жившими по пяти национальным заповедям:

1. Забув.
2. Спізнивсь.
3. Якби ж знаття?
4. Яюсь то воно буде.
5. Я так і знав!

Не залезая во времена царя Гороха и правивших при нем гетманов Самогона и Закусило, вспомним только то, что случилось с нами за последние двадцать лет. Каждый раз на предвыборном повороте «свіомого українця» разводили очередным вселенским ужасом, после которого ему только оставалось сказать: «Якби ж знаття?»

В 1991 году перед чухраинцем помахали куском завернутой в вышиванку колбасы (той самой, что украли москали) с названием «Незалежність». Залеживаться после этого ему действительно не пришлось – только пять ближайших лет бегать по всем пригородным перронам с кравчучкой. Но так как у чухраинца была короткая память, то он сразу забыл, что ему обещали материальное процветание на уровне передовых стран Европы и все золото Полуботка.

На президентских выборах 1994-го года забывчивое существо пугали уже новым бабаем: вот придет Кучма и снова вернет Украину России (я так полагаю, вместе с кравчучками, но уже без Черноморского пароходства, которое ушлые «патриоты» к тому времени успели продать в розницу). И существо снова дрожало от животного страха, неся свои бюллетени за «истинного националиста» Кравчука. Правда, оно просчиталось – победил все-таки Кучма, ставший на радостях еще большим националистом, чем Леонид Макароныч.

К выборам 1999-го придумали новый жупел – голосуйте за Кучму, но только не за Мороза, который вернет вас всех в социализм. Чем так плохо было при социализме среднему жителю УССР, имевшему работу, жилье и бесплатный лагерь для ребенка плюс путевку для

себя на юг, я, ей Богу, не знаю. В отличие от меня – всегда горой стоявшего за реставрацию феодализма, восстановление крепостного права и возвращение помещикам в вечную собственность членов Национального союза писателей как прямых потомков трудового крестьянства, чухраинцам, по-моему, при социализме жилось более-менее сносно. По крайней мере, зарплату по пять месяцев им не задерживали и заводы не закрывали. Но существо снова было в шоке – а, вдруг, действительно в социализм вернуть? Причем, сразу в сталинский – где под вербой не поваляешься и из колхоза домой ничего не сопрешь.

А уже через пару лет новые политические бесы обещали чухраинцу Украину «без Кучмы», бандитам – тюрьмы, националистам – НАТО, заробитчанам – Евросоюз, пенсионерам – вклады, дезертирам – освобождение от армии, лингвистам – второй государственный язык. И свободу слова – всем, кому есть, что сказать. Выполнили в основном только последнее обещание. Можно говорить все, что угодно – особенно при президенте, корчащем из себя глухонемого при напоминании о каждом невыполненном обещании. В результате в НАТО опоздали (см. принцип: «Спізнівсь»). О предвыборных обещаниях опять не вспоминают (принцип: «Забув!»), зато дают новые – о том, как поборют кризис. Чухраинцы верят, что «якось-то воно буде». А при упоминании о старом одновременно отвечают: «Якби ж знаття» и «Я так і знав!»/

Юмореска Остапа Вишни заканчивалась страшным пророчеством:

«Країну “Чукрен” залила стихі разом із Атлантидою. Один чухраїнський поет, грізної стихії перелакавшись, заліз на височенну вербу й чекав смерті. Коли вода вже заливала його притулок, він продекламував журно:

Ой, поля, ви, поля,
Мати рідна земля,
Скільки крові і сліз
По вас вітер розніс.

А в цей момент пропливав повз ту вербу атлантидянин і, захлинаючись уже, промовив:
– І все по-дурному!»

Под именем Атлантиды Остап Вишня, несомненно, зашифровал Америку – цивилизацию «атлантистов», как ее иначе называют. Так что, тонуть чухраинцам придется с ней на пару – как с последней надеждой чухраинцев на заокеанское чудо.

3 декабря 2008 г.

Оборотни в вышиванках

Зуб заболел, как всегда, в ночь с пятницы на субботу. Моего дантиста не было в Киеве. Пришлось обратиться в обычную поликлинику. Врач, орудовавший там, достоин отдельного описания. По внешности он напоминал молодого мясника в белом халате. Только очень напуганного эпидемией гриппа. За все время нашего делового общения он так и не снял марлевый намордник, предохранявший его организм от бактерий.

На этом профессиональные качества дантиста заканчивались. В мой рот он лез волосатыми лапами, не натянув даже резиновых перчаток. На рентгеновский снимок челюсти смотрел, как папуас на географическую карту, тщетно силясь понять, где там у меня

болит. Вместо одного зуба расковырял сразу три – я не преувеличиваю. Зато это чудо общалось со мной на «державной мове»: «Я зараз буду давити, пане, а ви уважно слухайте, де біль буде страшніший!».

Будь на моем месте Степан Бандера, он с удовольствием терпел бы эту пытку и дальше – из-за одного только счастья подвергаться издевательствам со стороны «национально свиодмого» врача-убийцы. Но я устроен иначе. Я готов предоставить свой зуб под долото негра, расиста, сиониста, гестаповца – лишь бы он был настоящим доктором, а не специалистом, купившим диплом за сало, которое его батько привозил из села. Взяв с меня сто гривен, зубодер в вышиванке заверил, что боль скоро пройдет, и, естественно, сбrehал. Кое-как дожив до понедельника, я наконец попал к «своему» врачу, которая по-украински не умеет разговаривать вообще, зато лечит так, что даже бестелесные ангелы жалеют, что у них нет зубов, а следовательно, зубной боли.

Мое «зубное» приключение только в очередной раз доказало, что Украина разводит не специалистов, а «державномовних» имитаторов любой деятельности. Больше всего государственного языка сейчас в парламенте, правительстве и на телевидении. Там же – меньше, чем где-либо, профессионализма. Выборы следуют за выборами. Кабинеты министров сменяются, как прокладки у барышни в критические дни. Президент хочет в НАТО. Но НАТО уже не очень хочет его, и Ющенко приходится, как мальчишке, бегать в переднюю Саркози, чтобы поговорить с ним всего 40 минут(!) и попытаться убедить не тормозить присоединение Украины к сотрудничеству с Северо-Атлантическим блоком. Вроде бы ничего не значащий момент. Но ведь он показывает, насколько на Западе разочаровались в своем беспомощном, запутавшемся в юридических формальностях «друге» Викторе Андреевиче! Ему плюют в рожу из Парижа прямо на глазах у всей Европы, показывая: не нужен! А украиноязычный «державницький» канал разводит какую-то манную кашу в комментариях, пытаюсь представить бесполезный и дорогостоящий ющенковский вояж как дипломатическую победу. Но если бы победа была, Президент не мямлил бы что-то нечленораздельное, а прямо и понятно заявил: Франция после моего разговора с ее лидером больше не возражает против вступления Украины в НАТО! Вы слышали от него что-нибудь подобное? Я – нет. А значит, и Ющенко, и тот «правильный» политический обозреватель, который откомментировал его парижскую прогулку, ничем не отличаются от зубодера в вышиванке, издевавшегося над моей челюстью.

Еще Грушевский, так ценимый ныне нашими псевдопатриотами, заметил, что независимую Украину не следовало бы даже придумывать, если в результате предполагается построить очередную обывательскую страну. Видимо, он подразумевал, что Украина должна сказать какое-то новое важное слово для мировой цивилизации, показать пример общества нового типа – более продвинутого, чем те, что были до нее. Но даже ему не могла прийти в голову картина нынешнего национального развала. У нас борются не за государство, а за государственный язык! Как будто это одно и то же! Давайте представим, что, освободившись от английского колониального гнета, Соединенные Штаты Америки все свои силы потратили не на развитие экономики, вооруженных сил и культуры, а на фабрикацию истинно национального диалекта, представляющего собой смесь из говоров белых переселенцев и языка индейцев чероки. Кто-то слышал бы сегодня об атлантической сверхдержаве? Американцам не помешало стать великой нацией отсутствие национального языка.

Украина пошла другим путем – выискиванием причин, которые позволили бы ей и дальше оставаться официально признанным мировым «лузером». Мне хотелось бы знать, что

будет после того, когда все украинские граждане забудут русский язык? Наступит счастье? Рай земной? Сами собой начнут расти булки на деревьях и ядерные боеголовки в ракетных шахтах, которые прогулял еще Кравчук? А за что тогда будет жить «Просвіа», регулярно высасывающая бабки из госбюджета на поддержку «мови»?

Мы живем в стране псевдонационалистов, имитаторов украинизации, успешно разрушающих все вокруг. Им кажется, что карт-бланш, выданный Украине Господом в 1991 году, бесконечен. Но они забыли, что на этой земле уже существовали Киммерия, Скифия, Сарматия, Готия, Крымское ханство, и все они успешно канули в небытие, когда предались разврату и безумию. Украинцы так долго жаловались на то, что великие народы мешают им строить собственную хату, что Всевышний сжалился и предоставил им такую возможность. Но в результате все равно получился не новый Версаль, а мазанка, которую можно разрушить, ткнув в стену пальцем.

Абсурд хорош, когда он занимает свое скромное место шутки. Но когда он превращается в норму жизни, жизнь кончается. На днях я имел самый абсурдный разговор, который только можно представить. Иногда читатели вычисляют мой телефон. На сей раз позвонил отставной офицер СБУ (и, естественно, КГБ), ибо только в Украине тех, чьей профессией была борьба с украинским национализмом, с обретением независимости в одночасье смогли превратить в Службу безопасности националистической Украины. Этот молодой, судя по голосу, еще явно полный сил пенсионер просил меня о встрече.

– Зачем? – поинтересовался я.

– Мені хотілось би поговорити з вами про деякі ваші статті. Я багато в чому з вами не згоден.

– Ми можемо і так розмовляти. Що ви хотіти запитати?

И тут этот комик не придумал ничего лучшего, как выдать:

– Чому ви так не любите Україну?

Я знал, что в спецслужбах всего мира работает много идиотов, скрывающих это под личиной секретности. Но это был просто эталон полицейского пенсионного кретинизма! Звонивший мне явно работал при советской власти в 5-м управлении, занимавшемся диссидентами. Теперь «оно» тосковало на пенсии и выискивало новых, уже «антиукраинских» диссидентов. Но я – не диссидент. Я живу строго по закону и не имею времени болтать с профессиональными бездельниками, черпающими оперативную информацию из газет. А потому просто и вежливо отправил звонившего туда, откуда он появился, заметив, что не собираюсь разговаривать с бывшим кагэбэшником о любви к Украине. Впервые в жизни меня действительно тошнило. Я готов уважать офицера КГБ, если он был настоящим офицером. Я готов также уважать офицера СБУ, а не притворяющегося таковым. Но не могу даже беседовать с мутантом – полукагебешником-полуэсбэушником. Точно так же, как никогда больше не пойду лечиться к зубодеру в вышиванке, выдающему себя за дантиста.

21 февраля 2008 г.

Политика кинопотугов

«Украина – страна казаков, расположенная между Малой Татарией, Польшей и Москвией, – писал еще в XVIII веке Вольтер. – Плохое управление погубило здесь то добро, которое природа пыталась дать людям». Вольтер никогда не был в Украине. Все свои

представления о ней он черпал со слов участников похода Карла XII. Но великий французский мыслитель смотрел в корень. Все беды Украины не от татар, ляхов или москалей, а от плохой администрации! От того, что, сидя на горе ресурсов, хохол неизменно превращает их только в кучу дерьма.

Давайте возьмем для примера даже не такие общеизвестные полезные ископаемые, как уголь и металл, а историю. Тоже ведь «ископаемое»! Причем способное приносить немалую прибыль! Польский кинорежиссер Ежи Гофман закладывает свой дом, берет кредит и снимает успешный фильм «Огнем и мечом», весь построенный на коммерческой эксплуатации украинского прошлого. Кредит окупается. Фильм приносит прибыль. Вся Украина, разинув рот, смотрит, как кто-то в очередной раз ее «поимел».

Как же нам самим в голову не могло прийти снять что-то подобное? А вот не могло! И знаете почему? Наши режиссеры – закомплексованные трусы. Они не умеют рисковать. Им хочется только угадать затаенные желания «хозяина» – государства, подбрасывающего время от времени объедки «дїячам культури» со своего пиршественного стола. Недавно мне пришлось посмотреть фильм «Капитан Алатристе», снятый по роману Переса-Реверте за деньги испанского правительства. Действие происходит в те же времена, что и трилогия Дюма о мушкетерах. Главный герой – наемный убийца и мерзавец. Его возлюбленная – актриса, зараженная сифилисом. Испанский король – ничтожество. Испанские гранды – сволочи. Тем не менее, фильм об этих грешниках смотрится на одном дыхании.

Я подумал: что получилось бы, финансируй подобное кино на тему отечественной истории украинское Министерство культуры? Все гетманы в этом гипотетическом фильме (даю голову на отсечение!) были бы непременно политическими гениями, которым только злая «доля» не позволила развернуть крылья. Все паны-полковники – героями. Все Гали и Оксаны – женщинами невероятной моральной чистоты. А враги – трусливыми, глупыми и мерзкими. Просто непонятно, как такие идиоты вообще кого-то могли победить – не то что наших гениальных предков?

Значит, дело даже не в том, государство или частник финансирует кинопроизводство, а в том, обладают ли эти финансисты интеллектом – навыками управления. Все кино при Сталине в СССР было сплошь государственным и без постельных сцен. Тем не менее, «Чапаева» или «Волгу-Волгу» интересно смотреть даже сейчас. Просто потому, что это качественные фильмы. В «Чапаеве» атака тогдашних советских врагов – белогвардейцев – снята так, что хочется самому стать в их антисоветский строй. У нас так врагов не снимают. И даже не рисуют. Был я как-то во Львове в Музее современной истории. Чуть ли не всю стену в нем занимала картина какой-то горы, которую обороняли сечевые стрельцы от орд «диких москалей». Что это были за москали! Никогда в жизни я не видел таких славных москалей! Нечто среднее между бурым медведем и голливудским гоблином то ли в шинели, то ли в больничном халате, то ли с винтовкой в лапах, то ли с дубиной (национально свидомый художник так плохо умел рисовать, что трудно определить!) лезло на эту самую гору, символизируя, по замыслу автора, темную силу. Тем не менее, эта фантастическая живопись не восхищала и даже не пугала. Хотелось только смеяться. «Як вам, пане, наша експозиція?» – спросил меня экскурсовод. «Та, так якось не дуже, – ответил я. – Москалі погано намальовані, а стрільці – ще гірше».

Российский парламент сделал простую вещь – полностью освободил кинопроизводство от НДС. Вкупе с высоким режиссерским и актерским потенциалом этого оказалось достаточно, чтобы вызвать кинобум и довести производство до ста фильмов в год. Вот вам

пример грамотного управленческого решения! У нас же Ющенко, собираясь снять своего правильного «Бульбу», и приглашал Жерара Депардье, и поил его в собственном доме, и обещал ему какие-то крымские виноградники, а воз и ныне там. Только Депардье наел себе пузо еще толще – наверное, все вживается в образ запорожского полковника.

Наши политики тоже до сих пор только вживаются в роль. Они хорошо освоили профессию вора, получив в этом международное признание. Тут их заслуги неоспоримы. Достижения лучшего друга нашего нынешнего премьер-министра и тоже экс-премьера Павла Лазаренко даже американским судом зафиксированы. Другие все время оправдываются, что их руки ничего не крали. Но до сих пор нашим политическим деятелям кажется чудовищной мысль, что настоящий политик – это честный, если не перед другими, то хоть перед самим собой, и, главное, бедный человек. Сталин, будь он хоть трижды тиран, действительно умер, имея всего несколько френчей, а не гору тряпок от Луи Виттона. Спаситель Британии Уинстон Черчилль все свои доходы получал в основном от писательской и журналистской деятельности, достигнув, между прочим, даже Нобелевской премии по литературе. Он собственными руками возводил кирпичную стену в своем поместье.

Вы можете представить ту же Юлию Тимошенко, что-то строящую, а не разрушающую? Если она и предпринимала какие-то манипуляции с кирпичами, так это швырялась ими в прокуратуру в пору бурной молодости, набрав их в подол своей юбки. Чувствуете разницу? Политик – строит. И не так для себя, как для всех остальных. Он – маньяк государства. Он хочет, чтобы его страна была самой богатой и сильной. И при этом ему плевать, есть ли у него самая большая в мире коллекция откутюровских юбок или трипольских горшков.

29 февраля 2008 г.

Украинский рок года Крысы

Посвящается Юлии Тимошенко – самой известной «крысе» современной украинской политики

По официальной версии, Юлия Тимошенко родилась в год Крысы – 27 ноября 1960 года в Днепропетровске. Чуть ли не все самые важные события нашей истории – восстание Хмельницкого, измена Мазепы, Колиивщина и даже первое издание «Кобзаря» – по странному стечению обстоятельств пришлось на год всем известного грызуна. Большинство так называемых «профессиональных историков» зрит на прошлое исключительно как на стройматериал для карьеры. Их мечта – не найти истину, а стать кандидатом, доктором и (предел честолюбия!) директором какого-нибудь института в тихом месте, занимающегося классификацией ископаемых кухонных горшков, кои сии ученые мужи высокопарно именуют «археологическими культурами».

С советских времен в украинских научных кругах гуляет поговорка: «Если факт не вписывается в концепцию, тем хуже для факта». Под «концепцией» же «круги» понимают не так науку, как политическую конъюнктуру. Одни и те же люди при Брежневе строчили пухлые тома о коллективизации и рабочем классе как «движущей силе» всего сущего вплоть до звезд, а теперь ваяют «наукові розвідки» о Голодоморе как геноциде нации. Стыда они не ведают. Ибо прошлое для них – свалка фактов, из которой в нужную минуту можно вытащить ценную завалившуюся вещь, принести ее в гнилых зубах начальнику и получить за это мозговую косточку.

Только по причине такой принципиальной беспринципности история до сих пор считается гуманитарной наукой. Я же полагаю, что ей давно пора стать точной. Даты – те же цифры. Циклы развития этносов и государств подчиняются таким же законам роста и умирания, как и любой живой организм. Если законы истории действительно существуют, то по ним можно предсказывать будущее с такой же уверенностью, как и то, что за весной непременно последует лето, а потом – осень и зима. Новые открытия будут происходить на стыках наук. И даже тех из них, которые до сих пор презрительно считаются «лженауками». Например, астрологии. Кстати, с детства, будучи скептиком, я испытывал к астрологии предубеждение. Но гороскопы почитывал. До тех пор, пока не заметил на основании своего жизненного опыта, что в людях, рожденных, к примеру, в год Кота действительно есть общие черты. Так называемый восточный или китайский гороскоп, оперирующий 12-летним циклом – не такая уж простая забава, как кажется на первый взгляд. Китайцы создали одну из самых древних цивилизаций на Земле. Они же первыми заметили, что царства распадаются, а потом соединяются вновь. Сложно найти начало и конец этого процесса. Но он есть, мы в нем живем, и с этим ничего не поделаешь.

Как-то забавы ради я наложил китайский гороскоп на историю Украины и обнаружил потрясающую закономерность. Чуть ли не все самые значимые события нашей истории выпадали на год Крысы. Я глазам своим не верил. Но этот факт буквально лез из всех щелей, то есть, простите, со страниц летописей и хроник. А так как факты для меня важнее любой «концепции», я решил поделиться ими с широкой публикой.

По крупному счету история украинского народа началась с восстания Богдана Хмельницкого. Естественно, и до него существовали казаки, которых польский король нанимал для походов в Турцию или на Москву. Эти хлопцы бунтовали, пили горилку, лапали толстопопых девок в плахах, но общенациональными событиями такая их, с позволения сказать, жизненная активность еще не была. Мифической эпохальной вехой, врезавшейся в сознание каждого современного украинца и превратившейся в памятник на Софийской площади в Киеве, стала только Хмельниччина. А началась она в 1648 г., выпавшим... на год Крысы. Совпадение? Возможно. Только как быть с тем, что следующий крутой поворот украинская история совершила ровно через двенадцать лет – в 1660-м. И снова в год Крысы! Тогда под волынским Чудновом русская армия Шереметьева и казаки Юрия Хмельницкого – сына Богдана – столкнулись с польско-татарским войском. Внезапно Юрий переметнулся на сторону поляков и заключил с ними так называемый Слободищенский трактат. Нынешние историки-приспособленцы называют это дипломатическим соглашением. На самом деле произошло банальное предательство. В результате войско Шереметьева попало в окружение и капитулировало. Командующий умер в татарском плену. В чудновских болотах черные археологи до сих пор находят ржавые бердыши, замки ружей и пушки – свидетельства катастрофы, по сравнению с которой Конотоп – кавалерийская стычка.

Но о Чуднове у нас не вспоминают – президент о нем, наверное, просто не слышал, а «науковці» молчат. Еще не унюхали «конъюнктуру». Между тем, событие знаменовало крайнюю точку шараханья Украины в сторону Запада. В отличие от современных интерпретаторов-подпевал, украинский народ Юрася Хмельницкого не поддержал. После Чуднова тут же вспыхнуло всеобщее восстание. Героями его стали атаман Сирко и полковник Сомко, воспетый в «Черной раде» Кулиша. Гетмана-предателя свергли. Украина подтвердила выбор, сделанный на Переяславской раде. Еще раз это подтверждение произошло ровно через 12 лет – в 1672-м, в очередной год Крысы. На раде был избран новый гетман

Левобережной Украины – Иван Самойлович, стойкий сторонник ориентации на царя. К этому моменту восточная часть страны оказалась в составе России, а западная – пришла в полный упадок после вторжения турок и «гетьманування» их ставленника Петра Дорошенко. Но в 1683 г. самый рыцарственный из польских королей – Ян Собеский – разбил турецкую армию под Веной. Результат этой победы сказался для Украины в следующем году – 1684-м. Не стоит, наверное, напоминать, что он опять был «крысиным». Именно тогда окрыленный Собеский издал универсал, который снова разрешал казакам селиться на разоренном правобережье Днепра. От этого указа там завелись Палий и прочие казачьи полковники, вокруг которых начала восстанавливаться мирная жизнь.

В следующий год Крысы – 1696-й – русско-украинская боевая дружба принесла первые наступательные плоды на юге. Объединенная армия Петра I и Мазепы взяла турецкую крепость Азов. Восточнославянская цивилизация впервые со времен Киевской Руси закрепила на побережье ближайшего южного моря. Пусть всего лишь мелководного Азовского! Но почин был сделан! Кстати, Петр I тоже родился в год Крысы (1672-й). В дни первой победы юного царя ему едва исполнилось двадцать четыре.

Через 12 лет происходит знаменитое предательство Мазепы. Гетман сбежал к Карлу XII. Эта роковая дата знаменовала конец целой эпохи – большого шестидесятилетнего цикла, начавшегося восстанием Хмельницкого. После вопиющего вероломства Мазепы выборы нового гетмана Ивана Скоропадского проходят под полным контролем Петра I. Фактически это не выборы, а назначение. Кредит доверия к ненадежной казачьей старшине со стороны царя исчерпан. На бумаге автономия Гетманщины еще остается. Но в реальности от нее – только прах. Отныне вместо гетмана все решает Малороссийская коллегия.

Куда менее известно событие, случившееся в следующем году Крысы – 1720-м. Но оно тоже поистине эпохально. В Замостье проходит организованный поляками униатский собор. После него православные церкви на Галичине начинают массово закрываться. Религиозный раскол, заставивший западных украинцев отречься от веры отцов и изменивший их душу, достиг апогея. Последствия его сказываются до сих пор. Большая часть Украины останется православной и ориентированной на восток. Меньшая – западная – войдет в орбиту католического Рима. Какой бы ни была болезненной эта тема, ее невозможно обойти. Разница между мироощущением этих двух Украин видна с первого взгляда. Возможно, в будущем она сгладится. Но вероятен и прямо противоположный сценарий: галичане могут стать отдельной нацией, если идентифицируют себя по религиозному принципу – как хорваты, у которых с сербами один язык, но разная вера.

Удивительное совпадение: в 1744 г. (как вы догадались, в год Крысы!) в Киеве архитектор Шедель заканчивает возведение главного символа украинского православия – над Днепром возносится Большая Лаврская колокольня. А во Львове в это же время как униатский ответ задумывают строительство нового собора Святого Юра – резиденции греко-католического митрополита. За его постройку возьмутся в следующем – 1745-м.

Не стану утомлять читателя излишним подробностями. Скажу только, что большой 60-летний цикл после измены Мазепы закончился в 1768 г. Опять Крыса! Причем известная любому школьнику – Колиивщина и разгром гайдаками Умани, который хронологический справочник (Київ, Наукова думка, 1995) почему-то именуется «звільненням міста гайдамацькими загонами Максима Залізняка та Івана Гонти». Действительно, «звільнили» – от подавляющей части населения города, которое тогда состояло в основном из поляков и евреев. Колиивщина была пародией на Хмельниччину, завершившей целую эпоху казачьих

восстаний. То, что началось при Богдане как великое событие, закончилось обыкновенной разбойничьей свистопляской. Хмельничина породила гетманскую Украину, а гайдамаки Зализняка и Гонты дали пример разве что разбойнику Кармалюку.

Еще более интересно будет узнать, что именно в год Крысы вышли два самых значимых для национальной идеологии произведения. В 1840-м украинский помещик-меценат Петр Мартос публикует в Петербурге первое издание «Кобзаря» Тараса Шевченко. А ровно через 60 лет в Харькове 26 февраля 1900 г. адвокат Николай Михновский на Шевченковском вечере обнаруживает первую официальную националистическую программу. В том же году она анонимно выходит во Львове под названием «Самостійна Україна». С нескольких фраз Михновского (самостійна Україна від Карпатів аж по Кавказ») начался украинский национализм, тут же переросший в провинциальную разновидность шовинизма. Однако лозунг «идеолога-новатора» был по-школьнически содран с чеканной имперской формулы «Единая неделимая Россия», красовавшейся тогда даже на памятнике Богдану Хмельницкому в Киеве. Кстати, повесился Михновский, страдавший нарушениями психики, как вы уже догадались, тоже в год Крысы! Это случилось в 1924 г. в Киеве тихим майским вечером во дворе дома на улице с жизнерадостным названием Жилианская. Двумя месяцами ранее буквально в двух шагах от яблони, на которой закончил путь земной главный идеолог ультрасамостийности, во флигель на улицу Паньковскую вернулся из эмиграции бывший «лжепрезидент» УНР Грушевский, заявивший советскому правительству, что ради такого счастья он готов переступить даже через «трупы наших партшних товарищів, що безвинно погинули від червоних куль».

В годы Крысы произошли и все знаковые события, символизирующие абсолютно противоположный Михновскому политический курс. В 1864 г. начинает выходить газета «Киевлянин» – главный орган киевских сторонников имперского единства, на первой странице которого красовался лозунг: «Юго-западный край – русский, русский, русский». В 1876 г. Александр II подписывает хрестоматийный Эмский указ. Ныне его не ругает только очень ленивый «патриот», но цитировать никто не любит. Ибо украинского языка он не запрещал, а только ограничивал употребление художественной литературой, что, впрочем, не делает его прогрессивным актом, точно так же, как и нынешние ограничения нашей властью русского языка в Украине.

И, наконец, именно в год Крысы (1888 г.) в Киеве как символ воссоединения Руси (так тогда называли Переяславскую раду) по инициативе горожан открывают уже упомянутый памятник Богдану Хмельницкому.

Естественно, не все знаковые для Украины события выпадают на год Крысы. Украинский ритм часто заглушался более сильным российским имперским циклом, для которого особенно важны годы Змеи – 1881 (убийство Александра I), 1905 и 1917 (первая и вторая революции), 1929 (конец НЭПа – год Великого Перелома), 1941 (начало Великой Отечественной войны) и 1953 (смерть Сталина). Влияние этого энергетического потока было столь мощным, что Крысе просто приходилось прятаться в норку.

Но как только имперский цикл ослабевал, тенденция возобновлялась. К примеру, именно в год Крысы была принята первая после независимости Конституция, сделавшая Украину президентской республикой. И тут меня ждало самое невероятное открытие. 2008-й – тоже принадлежит Крысе! А кто в нашей политике самый известный представитель этого знака? Юлия Тимошенко. Это ее год. Ключи для общегосударственных решений, которые способны надолго предопределить судьбу Украины находятся в ее руках. Так случилось,

хочется это кому-то или нет. Именно поэтому вокруг нее вертятся сегодня все политические сюжеты – создание и роспуск правительства, формирование коалиции, обвинения в государственной измене. Пересечение всех украинских интриг проходит через историческую точку, имя которой Юля.

Крысы – открытый знак. Часто безжалостный, но в тоже время, будем справедливы, новаторский, сверхактивный, легко ломающий стереотипы и прогрызающий любые стены – особенно ветхие. В этом году Тимошенко может совершить очень многое – как говорится, почти все, вплоть до изменения политической системы. Что, впрочем, и происходит. Ведь в Украине, благодаря ее последним ходам, де-факто возникла парламентская республика, а во внешнеполитическом курсе отчетливо наметился отход от рабски проамериканского курса, олицетворением которого стал Виктор Ющенко. Отказ БЮТ поддержать президентскую авантюру на Кавказе ясно дал это понять.

Но и ошибки, совершенные в год Крысы, имеют стратегический, воистину эпохальный масштаб. Тот же Хмельницкий в пору своего наивысшего успеха 1648 года, когда Польша буквально лежала у его ног, побоялся решительно порвать с прошлым и взять Варшаву. Это предопределило его долгую изнурительную войну с восстановившей силы Речью Посполитой. Год Крысы требует принимать молниеносные решения и воплощать их в жизнь немедленно и до конца. (Тут Бузина провидчески угадал: Тимошенко упустила победу! – А.Б.)

Еще один исторический закон заключается в том, что Украина – это часть восточнославянской православной цивилизации. Те, кто в год Крысы поднимали на нее руку, как Мазепа или Карл XII, заканчивали полным крахом. Другие же – как Петр I и тот же Богдан – в мгновение обретали историческое величие. И последнее. В год Крысы неожиданно-негаданно обретают душевный покой и внутреннюю гармонию пчеловоды. Как говорил по этому поводу Михаил Булгаков, «попадают на свое место». Именно в «крысином» 1828 году в селе Пальчики на Черниговщине выдающийся ученый-пасечник Петро Прокопович открыл первую в Украине и даже всей Российской империи школу «бджолярства». Это было неподалеку от Батурина.

P.S. Уже когда была написана эта статья, что-то снова потянуло мою руку к хронологическим справочникам. Почему, думал я, в год Крысы принимаются такие важные решения для идеологии в нашей стране? Почему они буквально предопределяют будущее православной цивилизации? Двигаясь в прошлое, я вдруг обнаружил, что именно в год Крысы (1624) дочь князя Константина Острожского Анна открыла в Остроге иезуитский коллегиум. Ее отец был столпом православной веры, основателем Острожской академии, которая не дала духу Святой Руси угаснуть на Украине. А она не только изменила вере отца, но и перекрестила в католичество после его смерти его кости, вытащив их из могилы. Это было страшное святотатство. Православная Острожская академия, которую щедро спонсировал князь, была ею закрыта. Вместо нее в резиденции Острожских поселились агенты Ватикана. Начались гонения на православие. Все это не принесло Анне ни душевного покоя, ни земного счастья. Расплата наступила ровно через 24 года – тоже в год Крысы. Казаки Хмельницкого взяли штурмом Острожский замок. Княгиня-отступница бежала. Теперь на месте ее резиденции одни руины.

В год Крысы (1300) митрополит всея Руси Максим перенес кафедру из разоренного татаро-монголами Киева во Владимир-на-Клязьме. С этой даты начался долгий путь восхождения Москвы к имперскому величию и русской православной церкви к патриаршему

венцу, вопрос о котором был решен в 1589 году при царе Борисе Годунове, когда первым русским патриархом стал митрополит Иов. Но самое главное, крещение Руси в 988 году тоже выпадает на год Крысы! Когда я раскрутил клубок вопросов до этой даты, все стало на свои места. С Крещения и началась вся наша цивилизация и та длинная череда совпадений, которой было и посвящено мое расследование. Видимо, демоны сильно негодовали на решение князя Владимира, если так яростно набрасываются они на православный мир именно в «крысиный» год.

20 сентября 2008 г., газета «Сегодня»

Как «быковала» Украина

26 января по восточному календарю начался год Быка, памятный для нас такими веками, как 1709-й, 1937-й и 1985-й. Что общего между годом Полтавской битвы, началом великих репрессий и горбачевской Перестройкой? И что ждет Украину теперь?

Для нас год Быка важен вдвойне. Ведь Украина расположена еще и под знаком тельца – того же бычка. Как любой бык, она любит жевать вкусную травку, ни во что не вмешиваться, а взрываться гневом только, когда уж очень достали. Такое терпеливое, с ленцой «животное», способное совершать трудовые подвиги, только если его запрячь в ярмо. Не удивительно, что в украинском фольклоре так много поговорок о представителях этого племени: «Ласкаве теля дві матки ссе», и даже хрестоматийное из Степана Руданского: «Чого ж ви стали, гей, воли?».

Для восточного календаря характерен двенадцатилетний цикл. Раз в двенадцать лет каждый год, помеченный именем определенного животного, возвращается. Я уже писал об украинском роке года Крысы. Теперь пришло время разобраться с Быком. К сожалению, историю у нас всегда преподавали выборочно. Одни факты в связи с политическими причинами раздували. Другие – старались не вспоминать вообще. Каждый правящий режим с помощью «науки о прошлом» стремился воспитать себе покорных граждан, которых после соответствующей идеологической обработки еще совсем недавно называли «сознательными», а теперь – «свідомими». Каких-нибудь 25 лет назад школьников и студентов задалбывали лекциями о «руководящей и направляющей роли КПСС», а теперь – о выдающемся вкладе головорезов УПА в развитие демократии. Меня же интересует история, как она есть – без пробелов. Я люблю залезать туда, куда не ходит обычная школьная программа.

Географически Украина расположена на стыке трех цивилизаций – Западноевропейской, Православной и Восточной мусульманской. Все они буквально переплелись на нашей земле. Большая часть Украины сейчас входит в Православную цивилизацию. Анклавом Запада можно считать только греко-католическую Галичину. Мусульманский плацдарм в Крыму после депортации крымских татар при Сталине вообще на время угас и стал восстанавливаться уже на наших глазах в конце 80-х. Теперь его невозможно не заметить – достаточно проехать по Крыму и увидеть поднявшиеся за последние годы минареты мечетей в селениях вернувшихся татар. Баланс этих трех сил неустоек. Он меняется на протяжении времени. Скажем, в первой половине XVII века наступление вела Западная цивилизация, духовный глава которой – римский папа – руками католической Польши стремился уничтожить православие. Тогда силой насаждали

униатство, православные храмы закрывали, а Богдану Хмельницкому, чтобы переломить этот процесс, пришлось прибегнуть к помощи мусульманского Крымского ханства.

После этого Православная цивилизация долгое время преобладала. Ей удалось отвоевать все утраченное. Причем, нужно заметить, что на землях нынешней Украины именно эта духовная сила – исконная. Крым был православным еще задолго до появления там первых татар – во времена Византии. А Галичина, как и вся Русь, приняла свет христианской веры из Константинополя, а не Рима. И долгое время считалась столпом православия. Эти три силы не всегда находятся в состоянии открытой войны. Они часто пытаются мириться, вступают в династические браки, а потом снова ссорятся, создавая причудливые союзы. То православные и католики вместе «мочат» мусульман. А то наоборот схлестываются друг с другом и зовут Магомета на помощь. Все это интересно и безопасно наблюдать в ретроспективе. Но так как цивилизационные противостояния принадлежат к так называемым «вечным» конфликтам, то конца им не видно. Но именно в год Быка противоречия достигают высшей формы, оборачиваясь очередным символическим событием.

Полтава закрепила раскол Украины

Иногда бодаться приходится в буквальном смысле рогами. Тогда дело доходит до решающих битв. В «бычий» 1709-й год Петр I не просто разбил Карла XII под Полтавой. Его победа остановила наступление Запада в восточном направлении и в то же время закрепила раскол Украины по Днепру. Сил, чтобы вернуть Правобережье, не хватило. Оно осталось за поляками. По сути, им пришлось расплатиться с Польшей за то, чтобы у власти в ней прошведскую партию Станислава Лещинского сменила прорусская партия короля Августа Сильного. Но конфликт все равно продолжал тлеть. И разрешил его очередной год Быка – 1793-й.

Это год так называемого второго раздела Речи Посполитой – 27 марта последовал царский манифест о присоединении к Российской империи Правобережной Украины. Вернувшись в средневековье, мы обнаружим еще более удивительные совпадения. А когда, хочется спросить, началось противостояние Руси и Запада?

Тайны брачных союзов Руси с Европой

Пока Русь была сильна, открыто ее никто не смел трогать. Сильного лучше соблазнить, чем вступать с ним в драку. Все помнят о том, что Ярослав Мудрый был сватом половины Европы, отдавая своих дочерей за западноевропейских королей. Мы не знаем подробностей организации этих брачных союзов. Но, думается, они происходили не без благословения римского папы. Правители Франции, Венгрии, Польши находились под его влиянием. Брак короля – государственное дело. Советоваться с главой западной церкви, наверняка, было нужно. А его устраивало сближение Руси с Европой. Чем ближе к Риму, тем дальше от Константинополя. Сегодня дочерей отдадут, а завтра, глядишь, станут верными сыновьями католической церкви. Именно в год Быка (1049-й) Анна Ярославна приехала во Францию и стала супругой короля Анри I.

В другой год Быка (1109-й) политика таких брачных союзов и закончилась по большому счету. Тогда в Киеве умерла несчастная жена германского императора Генриха IV –

Евпраксия Всеволодовна, известная в Европе под именем Адельгейды. О закулиссе этого брака известно все. Его организовал папа Климент с целью объединения православной и католической церковью. Объединения не вышло. По разным причинам. Кроме Климента, в католической церкви в это время был еще один папа – его соперник. А объединяться с такой погрязшей в разврате церковью было как-то не с руки. К тому же сам император Генрих оказался извращенцем и сатанистом. В своем замке он служил черные мессы во славу Сатаны и принуждал участвовать в них супругу. Особенное удовольствие сластолюбцу доставляло наблюдать, как его законная жена Евпраксия публично совокупляется с рыцарями из его свиты. Сейчас бы это назвали первым лучиком грядущей сексуальной революции. Но киевская княжна, которую выдали замуж 17-летней, таких передовых европейских идей не выдержала и сбежала на Русь. А там ушла в монастырь и до смерти замаливала грехи. Оказалось, что между западной и восточной духовностью все-таки существует некоторая пропасть.

В год Быка Даниил Галицкий получил от папы корону. Рим не собирался отступить. Когда Русь распалась от междоусобиц и оказалась за грехи свои (так объясняли причину этого летописцы) под властью Золотой Орды, католическая церковь тут же решила воспользоваться чужой слабостью. Князь Даниил Галицкий искал союзников против татар. Римский папа предложил ему помощь и королевскую корону. В 1253 году (наверное, вы уже догадались, что это тоже был год Быка) князь торжественно короновался полученным из Рима венцом и стал ждать подмоги. Но оказалось, что это развод. Открывать фронт против татар западные «союзнички» не спешили. Зато Ватикан настойчиво требовал от Даниила перехода в католичество вместе с подданными: мол, корону получил, нужно отработать. Расстроенный Даниил сложил с себя ничего не значащие регалии королевской власти и после очередного набега татар подался вслед за Александром Невским договариваться в Орду. Хан пообещал ему главное – не трогать православие.

Отмененное коронование Даниила не принесло никакой пользы. Зато оно явилось великим соблазном для западной Руси – Галичины. Очень скоро она подпала под власть католической Польши. Самые важные события этого наступления агентов Ватикана выпадают на годы Быка – в 1349-м польский король присоединил к своим владениям бывшее королевство Даниила. В 1385 году (Бык!) была заключена уния между Литвой и Польшей. По ее условиям, литовский князь Ягайло стал польским королем. Но взамен он присоединил Литву вместе с захваченными русскими княжествами к Польскому королевству и обязался ввести в своих владениях католицизм. А в 1433-м (снова в год Быка!) присоединение Галичины к Польше обрело новый юридический статус. Львовская, Перемышльская, Галицкая и Сянокская земли из княжества были низведены до статуса обычного воеводства Русского. От прежней славы осталось одно название.

Побороть эту тенденцию тоже попытались в год Быка. В 1481-м году возник так называемый «заговор русских князей» во главе с Михаилом Олельковичем. Этот православный потомок той же литовской династии, из которой происходил и католик Ягайло, задумал присоединить земли Западной Руси к единой Москве. Но подготовка к восстанию была раскрыта, а князь-мученик в том же 1481-м был казнен польско-литовскими властями в Киеве. Ни памятника, ни мемориальной таблички погибшему герою до сих пор нет, хотя на монументы таким перевертышам, как Грушевский, деньги почему-то находятся.

В год Быка был избран первый патриарх

В Москве избрали нового патриарха всея Руси Кирилла. Этот энергичный человек известен как последовательный критик современной западной морали, превратившей в норму то, что на языке традиционных христианских ценностей всегда считалось грехом. Его появление на престоле, несомненно, скажется и на состоянии дел в украинском православии. Тем занятнее, что первый русский патриарх тоже был избран в год Быка – в 1589-м. Тогда Константинополь согласился на введение на Руси патриаршества, что резко усилило авторитет церкви. Римский папа получил достойного противника и тут же взялся за организацию церковной унии, которая произошла в Бресте в 1596-м. Думается, сегодня нас тоже ожидает острая борьба в церковных делах.

Украина и год Быка в XX веке

Что принес год Быка на нашу землю в минувшем столетии? В 1925-м г. он принес выдающегося украинизатора Лазаря Моисеевича Когановича. Именно тогда партия направила его руководить республикой и воплощать в жизнь политику украинизации. Работал Лазарь Моисеевич ударно. За несколько лет он перевел на украинский большинство газет, школ и заведений культуры. В 1937-м начались знаменитые сталинские репрессии, когда все искали «врагов народа». С одной стороны, это был последний удар по троцкистам в партии. С другой – возможность писать доносы на совершенно невинных людей. Вместе с лесом кое-где срезали не только подлесок, но и выкосили траву.

В 1949-м партия всю боролась с «безродными космополитами» и агентами сионизма. Пленум Союза писателей Украины был специально посвящен борьбе с «космополитами-антипатриотами». С другой стороны, росла экономика, а 1 марта даже последовало постановление Совмина СССР о снижении цен на товары массового потребления.

В 1961-м в Киеве была присуждена первая премия им. Тараса Шевченко «за выдающееся произведение литературы, художественного искусства, музыки, театрального искусства и кинематографа». Но первым ее лауреатом стал Никита Хрущев, хотя фильмов он не снимал, а балетов не ставил. Разве что часто появлялся на людях в брыле и вышиванке.

В 1973-м изгнали из партии самого известного русскоязычного писателя тогдашней Украины – Виктора Некрасова. Изгнали за симпатии к Западу – кроме повести «В окопах Сталинграда» Некрасов слишком красиво, по мнению тогдашних цензоров, описывал Европу в путевых заметках. Никто из коллег по Союзу писателей за него не вступился. А вскоре Некрасова и вовсе выслали на Запад – в Париж.

А в 1985-м началась перестройка. Горбачев, которому из-за плотного телосложения было трудно пролезать в прорубленное Петром Первым окно в Европу, развалил все границы. И оттуда полезло такое...

Едва начавшийся год показывает, что вечное противостояние Запада и Востока на Украине достигло очередного пика. В 90-е произошел раскол в православной церкви. Причем, новое украинское государство, взяв курс на Европу, активно покровительствовало все эти годы именно тем, кто выступал против канонического православия. Так у нас появилось сразу несколько церквей с патриархами-самозванцами, один из которых к тому же погряз во блуде, заведя гражданскую жену и кучу детей.

В качестве разменной карты и ситуативного союзника националистический Киев традиционно использовал крымских татар. Но ахиллесова пята наших «националистов»

состоит в невероятной склонности к расколам и внутреннему дроблению. Так из одного Майдана вышли «промосковская» Юлия Тимошенко и «проамериканский» Виктор Ющенко и тут же затеяли схватку между собой. Теперь им придется выяснить, кто же главный. Юлия Владимировна, скорее всего, попытается сделать ставку на организацию импичмента своему врагу. Но сделать это будет очень непросто, потому что даже сам БЮТ крайне неоднороден, а доверие к нему потенциальных союзников в Партии регионов невысоко.

Президент контролирует силовой блок. Его креатурами являются министр внутренних дел, министр обороны и верхушка СБУ. Возможно, что проющенкоовские силы решатся на введение прямого президентского правления, используя, например, постоянные конфликты между русскими и татарами за земли в Крыму. Но проблема в том, что с помощью штыков легко прийти к власти, но трудно на них усидеть. Да и народ в Украине традиционно косо смотрит на силовое решение государственных вопросов. А среди самих «силовиков» достаточно людей, которых можно победить деньгами. Как говорит восточная пословица: «Никто не воюет так хорошо, как ишак с мешком золота на спине».

Этот ишак и должен стать решающим фактором в год Быка.

31 января 2009 г., газета «Сегодня»

P.S. Прогнозы, сделанные в этой статье в самом начале 2009 года, сбылись, как показали последующие события. Лучшее всего воевал «ишак с мешком золота». Даже министр внутренних дел Луценко из «человека Ющенко» стал «человеком Тимошенко», а сам президент так и не решился на силовой вариант.

Как я погубил украинскую интеллигенцию

Некая Диана Дуцик на сайте «Украинская правда» горько посетовала, что обращение украинской интеллигенции «до парламент, урядів і народів світу» (напомню, что речь шла о призыве спасти Украину от неминуемого нашествия России), несмотря на свою «знаковість», не стало «медіаподією». О, наивная, интеллектуально девственная Диана! Как же мало знает она о той коварной спецоперации, которую я провернул, чтобы наше общество ничего не услышало про «відчайдушне воляння» своей лучшей части, травмированной опасностью из-за восточного бугра!

Как сейчас помню этот день. Было воскресенье, 13 сентября. Прошло уже целых четыре дня, как в информагентствах появилось душераздирающее обращение украинской интеллигенции «к парламентам, правительствам и народам мира», напомнившее мне по стилистике того героя Достоевского, который завещал всего себя «отечеству, человечеству и студентам», а свою шкуру после смерти приказал натянуть на барабан, чтобы на нем выбивать революционные марши. По воскресеньям я всегда сдаю колонку для газеты «Сегодня». И, как на грех, в мире ничего не происходило ужасного, что могло бы послужить мне достойной темой. Даже кровавый маньяк Саакашвили затаился в своем кавказском логове, переваривая съеденный галстук. Даже американцы потихоньку сматывали удочки, собираясь отказаться от установки систем ПРО в Польше. И даже моджахеды никого не взорвали.

«Напишу, на худой конец, об обращении украинской интеллигенции, – подумал я. – Конечно, это полная херня, но выбора-то нет!» И, сделав это, немедленно укатил на дачу ловить карасей. Я не подозревал, что в понедельник моя статья произведет впечатление

разорвавшейся бомбы. Мне звонили с различных телеканалов – украинских и московских – с просьбой немедленно прокомментировать событие. И всем я отвечал отказом, не в силах оторваться от замечательного клева – последнего, как я чувствовал, в этом году. Особенно жалко одну милую девушку с СТБ, которая даже предлагала приехать с камерой в мою глухомань. Перед ней до сих пор чувствую вину. Но справиться с обуявшей меня страстью рыбака я был не в силах и знай себе таскал одну за другой серебристые рыбешки, отгоняя от ведра с уловом приبلудного кота.

Как общественный деятель и сторожевой пес демократии, наплевавший на свои обязанности, я, конечно же, совершал преступление, не давая украинской интеллигенции в очередной раз спасти Украину от москалей. Но как настоящий малороссийский хуторянин твердо знал, что моя хата с краю, и пока ни один москаль не появится на ее пороге, я не оторвусь от любимого занятия. Сияло солнце, прыгал поплавок, Украина гибла, и никто в мире не осознавал глубины грозящей ей трагедии. И все из-за меня! Взывали к миру Андрухович и Забужко, Попович и Кравчук, папа телеведущего Микола Вересня академик Сытник (до сих пор теряюсь в догадках, почему у них разные фамилии?) и мой приятель детства Сергей Рахманин из «Зеркала недели», с которым мы вместе сидели за одной партой, когда я еще ничего не писал, а он писал роман «Дурацкое дело», который так и не закончил. И только я не взывал, а преступно рыбачил. Да еще задушенная информационной блокадой Диана Дуцик страдала, чувствуя неладное, но не понимая, что происходит.

А теперь шутки в сторону – разберемся по существу. Почему парламенты и народы мира, а также отечество, человечество и студенты большой болт положили на те рельсы, по которым ехал агитпоезд, битком набитый украинскими интеллигентами? Да потому что поезд этот – миф. Под него не то, что болт – целиком можно лечь вместе с любимой женщиной, и ничего не случится. Даже ниже спины не пощекочет ветром. Миф. Пустота. Сказка – а не украинская интеллигенция. Одна из задач интеллигенции – сообщать обществу о подлинных, а не мнимых проблемах. Но не существует для Украины российской угрозы. Как не существовало для Запада угрозы советской, что однозначно доказала недавняя история. Не русские танки прошли в 90-е по улицам Нью-Йорка, а американские мальчишки расселились вокруг Кремля, снимая пенки с покончившего самоубийством СССР. Орать с четверга на пятницу о том, что Россия собирается завоевать Украину, так же актуально, как пугать нашествием марсиан. Для полной адекватности тексту авторам письма следовало подписаться не интеллигентами и общественными деятелями, а коллективом соавторов-фантастов. Фантастическая украиноязычная проза до сих пор зияет большой прорехой на шароварах нашей литературы – это ее хотя бы подлатало. Получился бы пусть и не очень оригинальный, зато глубоко национальный роман в одном письме, вроде пародии на уэллсовскую «Войну миров».

То, что назвало себя «интеллигенцией» в упомянутом «послании инопланетному разуму», не является сей субстанцией, с какого ракурса ни посмотри. Взять хотя бы вот этого симпатичного в теплом набрюшнике – первого президента Украины Леонида Кравчука (он же – бывший секретарь по идеологии ЦК Компартии Украины, то есть, главный цензор УССР). Представьте себе, что покойный товарищ Сулов дожил до сегодняшнего дня и теперь сочиняет воззвания к правительствам мира, скромно подписываясь не «член Политбюро», а «интеллигент». Нет, даже так: «инакомыслящий». Абсурд? Но так же абсурдно называть интеллигентом «экс-пастуха» интеллигенции Кравчука, всю партийную карьеру построившего на ее стрижке, а теперь переквалифицировавшегося в пожилого политического

шута, развлекающего публику нехитрыми фокусами. К примеру, совсем недавно, сразу после оранжевой революции, он публично заявлял, что, если бы знал, что так все обернется, то отрубил бы себе руку, подписавшую соглашение в Беловежской пуще. Что, спрашивается, сегодня мешает Леониду Макаровичу ее отрубить? Это было бы красивое авангардистское зрелище. Почти украинское харакири. Бюрократ без руки для резолюций – то же самое, что самурай со вспоротым брюхом.

Даже при первом взгляде видно, что среди двадцати девяти подписантов большинство или обанкротившиеся политики (Левко Лукьяненко и Игорь Юхновский), или уволенные вице-премьеры, вроде Николая Жулинского, или просто уличные хулиганы времен Майдана, из-за которого собирался «членить» себя Кравчук (Тарас Стецькив). Есть, правда, два вышеупомянутых литератора (Юрий Андрухович и Оксана Забужко), в потемках отдаленно смахивающие на интеллигентов, но на свету производящие, мягко говоря, малоубедительное зрелище. Известны же они не столько как бойцы литературного фронта, сколько как инвалиды творчества, живущие за счет западных гуманитарных грантов. Первый написал когда-то сентиментальный роман «Московиада» – о том, как тяжело и голодно ему училось в Литературном институте в Москве, где полно крыс и пьяниц. (Теперь его кормят хорошо, и ему совсем не пишется.) Вторая – прогремела в основном полупорнографическими «Полевыми исследованиями украинского секса», где пришла к выводу, что мужчины ее не хотят, потому что она сознательная украинка, а сознательные украинцы не хотят, потому что они – не мужчины.

И только для Дианы Дуцик удивительно, что масс-медиа не проявили к волхвованию Забужко с Андруховичем никакого интереса, когда они вместе со стадом бюрократов бросились «заклинать» мировую общественность от злого москаля. А как его прикажете проявить? Оксана Стефановна слишком нервно трясет прической и серьгами перед камерой, отвлекая внимание от любой мысли, какую ей в рот ни вложи. А Юрий Игоревич – настолько «продегустировался» за полвека, что при первом же взгляде на его помятую небритую физиономию ждешь, что он попросит милостыню – точно такой же тип стоит в Варшаве под костелом Святого Креста, тоже о чем-то взывая. Правда, Дуцик объяснила все это тем, что у нас в стране не тот «дискурс» – не тот уровень обсуждения, как я понимаю. Мне же представляется, что дело в самих возбудителях дискуссии, не вызывающих доверия зрителя по упомянутым причинам.

Если вы спросите, сложно ли убивать украинскую интеллигенцию, я отвечу: проще простого. Как кофе выпить. Когда я слышу слово «украинская интеллигенция», моя рука сразу тянется к мухобойке. Проблема в другом. Можно потратить целую жизнь, выслеживая этого сказочного городского сумасшедшего, но я гарантирую: вы его никогда не найдете. Это такой же мифический представитель фауны, как русалка и снежный человек. Его нет. И никогда не было. И, по-видимому, уже не будет. Ибо нельзя получить потомство от того, чего нет. Даже при искусственном оплодотворении в пробирке. И даже при помощи американских докторов.

7 октября 2009 г.

Русская сила «Тараса Бульбы»

Охотно верю, что Ольга Сумская проплакала полфильма Владимира Бортко, как писали газеты. Я сам с трудом сдерживал слезы и шмыгал носом, как первоклассник. Мне не стыдно

признаваться в этих чувствах. Так было. Зачем же это скрывать? Ни один фильм не производил на меня такого впечатления, как этот. Потому что это не просто хорошее кино. Это еще и кино о нас. О наших предках. О конфликтах, веками сжигающих Украину. О настоящих запорожцах, сражавшихся за Русь и православие, а не за ющенко́вский учебник истории, где они обструганы под натовское «миротворчество» и идею «евроинтеграции». И пусть хихикает рецензентка одной из киевских бульварных газет, заявляющая, что «фильм получился смешным» и сравнивающая «дословные гоголевские монологи Тараса Бульбы перед воинством» с речами Брежнева «перед партией» и... «дохлыми шутками Евгения Петросяна». Как говорится, барышне не понять. Не та у нее душа. А, может, и вообще души нет – вся в комические куплеты ушла. Я же эти «речи» слушал с восторгом. Так, словно не сидел в зале, а стоял по ту сторону экрана среди гоголевских казаков перед своим последним боем.

Знаменитый «идеологический» монолог Тараса о русском товариществе – вообще творческая находка Бортко. Все помнят, что гоголевская повесть начинается приездом сыновей в родной дом и веселой дракой Бульбы с Остапом. Режиссер перенес главные слова главного героя (простите за тавтологию) в самое начало фильма. Черно-белые кадры, хлещущий по лицам запорожцев дождь, Бульба в доспехах (не Богдан Ступка, играющий какого-то очередного гетмана по госзаказу Банковой, а именно Бульба – настолько перевоплотился в него актер!) и вечные слова, падающие на все вокруг. Так, словно старый полковник не о своем XVI веке говорит, а о сегодняшнем: «Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей... Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их. Перенимают черт знает какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим... Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который желтым чеботом своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, есть и у того, братцы, крупица русского чувства».

Разве это не так? Разве не ампутируют в нас сегодня «державні органи» всеми силами это чувство? Разве не травят его в наших детях вовкуны и вакарчуки? А оно все равно есть. Есть даже в них – гонителях Руси! Как есть в том же Ступке – бывшем министре культуры, директоре театра и государственном чиновнике. Но одновременно выдающемся актере, которому веришь, когда он говорит с экрана, взмахивая железной рукой: «Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать, – так никому ж из них не доведется так умирать!.. Не хватит у них на то мышинной натуры их!»

Обязательно сходите в кинотеатр, чтобы прочувствовать, с каким удовольствием произносит Бульба-Ступка эти два слова: «мышинная натура»! Ющенко и Тимошенко, выпрашивающие очередной транш МВФ под залог Украины, так не скажут. И в шоу Савика Шустера вы таких интонаций не услышите. Официозная киевская пресса от газет и журналов до вскормленных грантами сайтов устроила «Тарасу Бульбе» и Владимиру Бортко настоящую травлю. Суть этих надуманных обвинений сводится к нескольким пунктам. Первый из них: фильм – московская пропаганда. Почему украинских казаков переименовали в русских? Никто никого не переименовывал. Так у Гоголя. Возьмите повесть и перечитайте, если не верите. Только не в фальшивом переводе «А-ба-ба-га-ла– маги», а в оригинале. И так было в истории. Ни в одном документе, к примеру, Богдан Хмельницкий не называл себя украинским гетманом. А его современники именовали себя не украинцами, а русскими,

«русскими» или «русинами» – то есть прямыми потомками православной княжеской Руси, за которую они сражались. Такими они ощущали себя. Впервые же слово «украинец» зафиксировано только в XVIII столетии – в работах Ломоносова. И означало оно не отдельную нацию, а русского, живущего на Украине.

Гоголь и Бортко только точно отобразили эту ситуацию. Поэтому и сетует Бульба, говоря о забытых дедовскую славу измельчавших потомках Руси: «Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша... и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки. Все взяли бусурманы. Все пропало. Только остались мы, сирые»...

Еще один упрек относился к тому, что в основу фильма положена вторая, а не первая редакция «Тараса Бульбы». Один псевдокритик, выдающий себя по совместительству еще и за «историка» и «дипломата», даже отважился утверждать, что первая редакция – гоголевская, а вторая – «подцензурная», переписанная будто бы самим Николаем I. Должен разочаровать его. Во времена Гоголя все книги перед печатью проходили цензуру. И не только в Российской империи. Но и в большинстве стран просвещенного Запада. Обе редакции «Тараса Бульбы» прошли цензуру. И первая 1834 года. И вторая. Ни в одной из них цензоры не обнаружили ничего антимосковского или крамольного. Обе они написаны русским патриотом, монархистом и православным, каким и был Гоголь. Царь ничего за Гоголя не переписывал. У него хватало и других дел.

Третьим упреком стало сравнение фильма Владимира Бортко с «Огнем и мечем» Ежи Гофмана. Дескать, у того все по-европейски, политкорректно, идеологически выверено и вообще красиво. Извините, я еще помню скандалы 90-х, которые сотрясали Киев перед съемками «Огнем и мечем». Националистическая пресса тогда даже требовала, чтобы Ступка не снимался у Гофмана и не позорил Украину. И тогда я писал статьи в защиту права Ступки как актера сниматься в «Огнем и мечем». Потом страсти улеглись. И гофмановское кино смотрят просто как развлекательный исторический блокбастер. Сравнивая «Огнем и мечем» с «Тарасом Бульбой», я бы заметил, что первое – это польский софт-дринк, а второе – настоящая казачья горилка. У Гофмана запорожцы – пьяные замарашки, восставшие непонятно по какой причине. А у Бортко они – герои, которые пришли мстить за поруганные поляками и отданные ими в аренду иудеям церкви. Чувствуете разницу?

Гофман вообще рассказывает о казачьих восстаниях на Украине исключительно как о польско-украинском конфликте, совершенно выбрасывая из него еще один не менее важный этнический компонент – еврейский. Бортко нашел в себе смелость нарушить это вековое табу в нашем искусстве. И нарушил он его очень корректно, тонко. Образ «жида Янкеля», которого Тарас спасает во время еврейского погрома и который отвечает ему за это благодарностью и тайно везет в Варшаву на казнь сына – один из самых удачных в фильме. От себя замечу, все это очень реалистично. На собственном опыте знаю, что евреи – один из самых благодарных народов на свете, помнящих даже небольшое добро, которое ты им сделаешь.

Увы, из истории не выбросишь ни слова, если это история, а не пропаганда. Были и православные церкви в аренде у евреев, были и еврейские погромы. Были и казаки, спасавшие евреев. И евреи, спасавшие казаков. Реального Богдана Хмельницкого, например, когда поляки отобрали у него хутор и покушались на его жизнь, спас его приятель – «жид», как тогда говорили, Яков Собиленко. Этот сюжет есть в одной из еврейских хроник, изданных в Венеции во времена Хмельнитчины. Будет он скоро и в моей новой книге о

великом гетмане.

И, наконец, последним упреком Бортко стало, что он снял якобы старомодный фильм с отсталым монтажом и кинематографическими приемами прошлого века. Вот тут бы нам всем помолчать. И тем украинцам, что чувствуют себя русскими, и тем, что ощущают себя «антирусскими». Откуда такое количество выдающихся кинокритиков в стране, не снимающей кино? Если вы такие умные, передовые, знающие все голливудские тонкости, то берите камеру и снимайте! Пять лет официальная Украина собиралась запустить «Бульбу». Причем, даже с Депардье в главной роли. И где ОНО? Где кинематографический продукт, говоря словами Гоголя, «шириной с Черное море»?

От большинства режиссеров Владимира Бортко отличает то, что он действительно экранизирует того автора, по которому делает фильм, а не занимается вольными фокусами. «Собачье сердце» и «Мастер и Маргарита» у него действительно по Булгакову. И даже итальянца Микеле Плачидо в фильме об Афганистане он заставил сыграть советского майора так, как не сыграет его даже советский майор. Смотришь и веришь.

А кто хочет, чтобы запорожцы кувыркались, как Ума Турман в фильме «Убить Билла», пусть идет на Турман. Это совершенно разное кино. С разной идеологией. Бортко снимал не боевик (слава Богу, с этим нет дефицита, даже некоторый кризис перепроизводства наблюдается), а православный русский фильм, который раньше просто невозможно было снимать. В советские времена – по причинам цензурным. Потом, при Ельцине, из-за заполонившей все либеральной западнической дури (не западной, а именно «западнической»), а попросту говоря, духовного упадка. Теперь времена меняются. Пока едва заметно. Однако (вспомним Горбачева) «процесс пошел». Запорожская Сечь в «Тарасе Бульбе» Бортко – это не просто пиратская республика, а православный рыцарский орден. Пиратских республик в мире было много. Разбойничьих шаек на Украине хватало. Но они не стали Сечью, из которой выросло православное государство Богдана Хмельницкого. Казачьи советы, выборы нового атамана происходят в фильме на площади перед церковью. Она возвышается над всем. Это зримый образ той идеи, которую, как я понимаю, хотел донести режиссер.

Русь, о которой так часто говорят казаки – не только земля, но и духовное понятие. Это Святая Русь. Земное государство для нее только ковчег. Фильм пронизан православной мистикой. Главный вопрос в нем – спасение души.

Тарас Бульба наказывает Андрия не за то, что он полюбил полячку, а за измену. Слова Андрия из повести буквально перенесены на экран: «А что мне отец, товарищи и отчизна! Кто сказал, что моя отчизна Украина? Кто дал мне ее в отчизну? Отчизна есть то, чего ищет душа наша. Отчизна моя – ты! И все, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну!». Дочь польского воеводы – не просто символ западного соблазна. Это еще и дьявольское наваждение. Она действительно прекрасна. Но несет казаку гибель. И не только физическую, но и духовную – гибель души. Замечательна сцена, где Андрий, в исполнении Петренко, в польских гусарских латах превращается в механическую машину для рубки казачьих голов. Он летит через ряды своих вчерашних побратимов, как ангел тьмы, снося все на своем пути. В нем уже нет ничего человеческого. И хотя он красив, молод, силен, его не жалко. Когда старый Тарас всаживает в него пулю, оставившую аккуратную дырочку в доспехе, из которой вытекает кровь, ты испытываешь не сочувствие, а удовлетворение. Зло наказано.

«Тарас Бульба» – не просто историческая повесть, но притча. Такого полковника

никогда не существовало. Описанное Гоголем восстание впитало в себя элементы самых разных казачьих войн против Польши. Но гоголевский сюжет – это сгущенное молоко. В нем, как в фокусе, собралось 300 лет истории Украины – южного пограничья Руси. Вызывающая такое раздражение у шароварных националистов финальная речь Бульбы («Постойте же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чувствуют дальние и близкие народы: подымается из Русской земли свой царь») – не выдумка, а квинтэссенция того политического курса, к которому пришел Богдан Хмельницкий перед Переяславской Радой. Богдан, кстати, был одним из прототипов гоголевского героя. Даже сыновей у него было двое, как у Бульбы, причем, один из них – Юрко – сыграл в истории роль Андрия.

Запорожцы понимали, что без царя они просто погибнут. Недавно я листал запротоколированный разговор Богдана Хмельницкого с московским посланником Сухановым. Его можно найти в изданном в 1954 году трехтомном сборнике документов «Воссоединение Украины с Россией» (том 2, с. 180–193). Там гетман просто молит царя прийти казакам на помощь: «Гетман же говорил: одно ты то скажи его царскому величеству – я и себя отдаю ему, государю, и всю землю рускую». Гетман умоляет царя расторгнуть мир с Польшей. Иначе – гибель. То, что в документах выливалось в долгие дипломатические переговоры, в гоголевской повести вместились в короткий бульбовский монолог, где вся надежда только на православного царя.

Ну а кого он доводит до истерики, примите мои сочувствия.

11 апреля 2009 г., газета «Сегодня»

Украина: треугольник межцивилизационных противостояний

Выступление на IX Международных Лихачевских научных чтениях в Санкт-Петербурге 15 мая 2009 года.

Тема наших научных чтений – «Диалог культур и партнерство цивилизаций». Но я хотел бы обратить внимание на тот аспект диалога, который часто забывают, когда мы говорим о культуре. Диалог может вестись не просто на повышенных тонах, но с саблей в руке и состоять в обмене угрозами и воинскими кличами. При слове «культура» нам чаще всего представляется университет, профессор с чеховской бородкой, писатель, выводящий буквы гусиным пером на листе бумаги, или режиссер, репетирующий новую пьесу. Но это только высшая точка культурного процесса. В толще этой пирамиды кипят страсти, совершаются преступления и течет настоящая, а не бутафорская кровь.

Перед тем, как сесть за письменный стол, писатель мог быть мобилизованным доктором, чудом избежавшим расстрела, как это случилось с киевлянином Михаилом Булгаковым. А известный режиссер – военным служащим петлюровской армии. Такой факт был, к примеру, в биографии Александра Довженко, что не афишировалось в советскую эпоху. Кстати, если бы оба эти деятеля культуры (и оба уроженцы Украины) встретились в 1919 году на поле боя, то были бы вынуждены непременно убить друг друга, так как находились в противоборствующих политических лагерях, выяснявших взаимоотношения силой оружия.

В этом смысле Украина является уникальной страной. Уникальность ее состоит не в тех

политических мифах об украинцах как потомках Трипольской цивилизации или Киевской Руси как исключительно «древнеукраинском государстве», которые настойчиво внедряет в массовое сознание нынешняя киевская власть. Это, в конце концов, всего лишь запоздалый почти на сто лет местный вариант общеевропейского националистического мифотворчества, противостоявшего великим имперским мифам Австрии, Германии и России. Уникальность Украины заключается в другом. В том, что эта страна возникла на стыке трех цивилизаций – русской православной, западноевропейской католической и восточной, мусульманской. И в том, что как военные репортеры с поля боя, так и деятели культуры приносили и приносят с этой территории межцивилизационных битв шедевры, обогащающие мировую культуру. Гоголевский «Тарас Бульба», изданный в Петербурге в 1835 году, и роман «Огнем и мечем» польского писателя Генрика Сенкевича, вышедший впервые в варшавской газете «Слово» в 1882-м, оба являются только культурной фиксацией этого противостояния. Характерно, что снятые недавно по этим произведениям фильмы вновь вызвали идеологический конфликт в Украине. Прорусский лагерь украинских критиков воспринимает фильм польского режиссера Ежи Гофмана как проявление западной пропаганды. В противовес ему «Тарасу Бульбе» Владимира Бортко пытаются навесить ярлык российского пропагандистского «трэш-фильма».

Сами же украинцы, потерпев поражение в создании собственного монументального кино, примером чего явился полный провал «Мазепы» Юрия Ильенко, сняли вполне конвертируемый сериал на восточную тему – об украинке, попавшей в турецкий плен и ставшей султаншей. Этот сериал «Роксолана» о сексуальном контакте православной и мусульманской цивилизаций был почти одновременно закуплен и в России, и в Турции.

Если вы откроете современные украинские учебники, изданные после 1991 года, то обнаружите там множество фантастических историй. О стране с придуманным задним числом названием Киевская Русь. О «государстве» Украина, якобы потерявшем после Переяславской рады независимость. И о русском царе Александре II, будто бы запретившем «українську мову». Но вы не найдете там внятного ответа на вопрос: когда и почему появилась Украина? Между тем, давно пора его задать. Ведь страна есть, а биографии достоверной у нее не имеется. Только легенда – как у разведчика-нелегала.

Начнем с самого старого мифа, гласящего, что Украина – единственная наследница Киевской Руси. Профессиональные историки знают, что термин Киевская Русь – абсолютно книжный. Такой же условный, как Византия. Он утвердился только в начале XIX века после Карамзина. По словам нынешнего киевского историка Алексея Толочко, «государство под названием Киевская Русь на самом деле никогда не существовало. Современники называли страну, в которой жили, «Русская земля» или просто «Русь». Мне тоже кажется, что лучше было бы называть эту распавшуюся в XIII столетии средневековую державу так, как она сама себя именovala. Это было бы корректнее и для науки, и для здравого смысла. Тем более что истоки ее не в Киеве, а в Ладоге поблизости от нынешнего Петербурга. Там высадились первые десанты этой «руси» – шведских викингов, которых местное финское население называло «руотси».

Теперь давайте возьмем карту современной Украины и наложим ее на карту Руси в период ее высшего расцвета. И окажется, что они пересекаются только узенькой полосочкой! Большая часть древнерусских земель находится ныне на территории России и Белоруссии. А подавляющая часть Украины – это вообще не Русь, а Половецкая земля – Дикое Поле, куда ходил в «степь незнаемую» на кочевников новгород-северский князь из поэмы «Слово о

полку Игореве».

Как известно, князь свой поход провалил, а сына с горя женил на дочери хана Кончака, к которому попал в плен. Следовательно, внуки Игоря уже были полуазиатами. Ведь половцы – типичные монголоиды. Достаточно посмотреть на их надгробные изваяния в музее. А некоторые древнерусские города в результате наступления половцев просто запустили. Славяне из них разбежались на север. А высвободившуюся территорию заселяли степняки. Просто полезно читать летописи. Хотя бы запись «Повести временных лет» о 1159 годе освежить в памяти. Тогда поговорили между собой киевский князь Изяслав и черниговский – Святослав. Святослав на упрек собрата в жадности ответил, что он – человек смиренный и готов удовлетвориться всего лишь Черниговом с семью другими городками, да и то пустыми – по его словам, «живут в них псаря да половцы».

Может, он слегка и преувеличивал по извечной русской привычке драматизировать. Но из его слов следует, что половцы активно переселялись на пограничье Руси. С княжескими псарями им как-то нужно было общаться. Значит, осваивали местный славянский диалект, переходили потихоньку в христианство. Как раз благодаря половцам будущие украинские красавицы и обзавелись воспетыми в песнях «карими очами и черными бровями», сохранив исконное белое личико.

Среди населения Древней Руси процент блондинов – типичных европеоидов – был намного выше, чем среди современных украинцев. Сейчас об этом в шутку говорят: «Татарин погулял». Но дело не только в татарине. Процесс смешения с монголоидными степняками начался задолго до монголо-татарского нашествия. Можно с уверенностью сказать: значительная часть нынешних украинцев – это результат славяно-тюркского смешения. Даже кобза – музыкальный инструмент якобы типично украинский – имеет половецкое происхождение. Он назывался по-тюркски «кобыз». Его прототипы десятками попадаются в захоронениях кочевников домонгольской эпохи в южной Украине. Бренькали на них свои думы половцы за 500 лет до украинских кобзарей.

На западе, начиная со времен киевских князей, наступление на Русь вела католическая Европа. В конце концов, это вылилось в возникновение особого греко-католического региона нынешней Украины – Галиции – православного по обряду и католического по догматам и сути. Это сейчас Львов – «колыбель национализма» и «украинский Пьемонт». А еще в XVI веке он был последней твердыней православия на землях Западной Руси и оплотом русского духа. Когда в 1596 году после Брестской унии изменившие вере православные епископы почти в полном составе перекинулись к римскому папе, единственными, кто остался верен православию, были Львовская и Перемышльская епархии. Греко-католиками русские львовяне стали только в конце XVII столетия, уже после Хмельнитчины, когда епископ Иосиф Шумлянский, бывший польский кавалерист, пробравшийся к вершинам церковной иерархии, по желанию польских властей тайком от своей паствы перешел в униатство.

Почти до самой Первой мировой войны большинство галичан даже не подозревали, что являются «украинцами». Как и во времена Древней Руси, местное население называлось «русинами» и считало себя частью русского народа, оторванного от единого целого. Сыном русина именовал себя даже Иван Франко, которого ныне считают классиком украинской литературы. В 1904 году по заказу редакции Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона он написал для этого многотомного издания статью «Южнорусская литература» – о том, что сегодня мы задним числом называем литературой украинской. Франко знал русский язык, хоть и жил во Львове, как знали его многие образованные львовяне. Писать по-русски

ему понравилось. Тем более что он получил солидный гонорар. В одном из писем петербургскому профессору Венгерову, входившему в редакцию Брокгауза и Эфрона, Франко спрашивал, нельзя ли ему еще что-то написать на русском языке для петербургских изданий?

Чтобы окончательно отбить историческую память у населения Галиции, правительство Австро-Венгрии, получившее эту провинцию в конце XVIII века после очередного раздела Речи Посполитой, решило гнуть особую линию. Австрийцы популярно объяснили русинам, что они должны либо объявить себя особой национальностью, либо готовиться к крупным неприятностям. Что это за неприятности, стало окончательно ясно, когда началась Первая мировая война. Тех из галичан, кто упорно твердил, что он – русский, правительство Франца-Иосифа отправляло в концлагерь Талергоф на перевоспитание. Тем не менее, многие галичане остались москвофилами, а в промежутке между Первой и Второй мировыми войнами во Львове вышло несколько выпусков «Талергофского альманаха», где собраны воспоминания узников этого концлагеря, созданного задолго до Майданека и Заксенхаузена.

Перевоспитывать австрийцы пытались и уроженцев той части Украины, что входила в Российскую империю, – служивших в царской армии и попадавших в плен. Но процесс «украинизации» малороссов шел туго. Даже начальник австрийской разведки Макс Ронге был вынужден признать в мемуарах: «Были, правда, и такие русские украинцы, которые мечтали об освобождении и присоединении к центральным державам, но это были единицы, не имевшие никакого влияния на общую массу. Среди пленных украинской национальности их пропаганда не могла добиться успеха. Эти пленные интересовались социалистическими идеалами, но ни в коей мере не национальными».

Привить национальные идеалы украинцам удалось только советской власти, присоединившей к УССР индустриальный Донбасс, Новороссию и Крым и проводившей в 20-х гг. жесткую политику украинизации. Мнение тех, кто хотел бы оставаться частью триединого русского народа при этом, естественно, не учитывалось. Более того, грозило им репрессиями. Ведь концепция триединности русских являлась основой идеологии белой армии, проигравшей в гражданской войне. В самом слове «Украина» заключен этот изменчивый характер страны – дух пограничного состояния, двуязычия, двоеверия и «многовекторности», которая при предыдущем президенте Леониде Кучме считалась основой дипломатии официального Киева. Тем не менее, именно эту двойственность и «окраинность» официозный Киев всегда пытался отрицать. Взять того же Кучму. Сколько сил потратил человек, доказывая, что «Украина – не Россия». Даже целую книжку издал под своим именем. И это при том, что сам с трудом два слова мог связать на украинском языке. Особенно не нравилось Леониду Даниловичу, что Украина – это этимологически «окраина». Очень уж хотелось ему в самом центре жить. Космического размаха был человек – как ни как бывший директор ракетостроительного предприятия. Забери его начальство в советские времена в Москву, не было бы никакого украинского президента. Был бы пенсионер всесоюзного значения.

Между тем, западноевропейские путешественники чуть ли не в один голос твердили: Украина – именно пограничье. «Страна эта называется Украиной, то есть пограничьем», – писал венецианский посол к Богдану Хмельницкому Альберто Вимина. «Страна, где обитают казаки, называется Украиной, что означает «окраина», – вторил его современник француз Пьер Шевалье, написавший «Историю войны казаков против Польши». А Вольтер в «Истории Карла XII» дал несколько гротескную, но, по сути, верную картину этой

территории и ее политической системы: «Это земля запорожцев – самого странного народа на свете. Это шайка русских, поляков и татар, исповедующих нечто вроде христианства и занимающихся разбойничеством»...

Украина так бы осталась таким же трудноуловимым в истории понятием, как и сербская Краина, если бы не победоносные войны Екатерины II, покончившей с Крымским ханством и королевской Польшей. А ведь то же Крымское ханство не ограничивалось только территорией полуострова. В него входили еще и обширные степи, занимавшие место нынешних Одесской, Херсонской, Николаевской, Донецкой и половины Харьковской областей! Хочется это кому-то или нет, а матерью нынешней Украины была проклинаяемая сегодня в Киеве Российская империя. В ее разросшемся в XVIII–XIX веках степном брюхе она и вызрела, чтобы выскочить на свет усатым петлюровцем со шлыком на знаменитой булгаковской печке в «Белой гвардии».

Когда сегодня я проезжаю по Крыму и вижу поднимающиеся в татарских селах минареты, я воспринимаю это как дыхание мусульманского юга. Когда во Львове попадаешь в греко-католический собор Св. Юра на высоком холме, то ощущаешь его как зримый знак нависшей над Украиной длани Запада. А когда в Киеве проходишь через ворота Лавры, то снова возвращаешься на Святую Русь. Три этих вектора по-прежнему определяют настоящее и будущее Украины и ее культуры, – страны, где сошлись в конфликте три цивилизации.

Это на вершинах цивилизаций возможно их мирное взаимопроникновение. Российскому философу и дипломату Константину Леонтьеву турки представлялись очень симпатичными милыми людьми именно потому, что его контакт с Турцией происходил на верхних этажах системы. Он имел дело с окультуренными образованными турками – такими же дипломатами, как он, а не башибузуками. В украинском же народном творчестве символом такого «культурного» контакта стала дума о казаке Байде, повешенном в Стамбуле на крюк, но отказавшемся изменить православной вере. Тут контакт обернулся не интеллектуальной беседой, а кровавой трагедией.

Русский император Александр I и его брат великий князь Константин могли быть полонофилами, так как другом юности первого из них был князь Адам Чарторыжский, а второй женился на польской барышне. Однако, последствием полонофильской политики августейших братьев, даровавших Польше конституцию в то время, когда остальная Российская империя ее не имела, стало варшавское восстание. Подавлять его пришлось украинцу фельдмаршалу Паскевичу, воспринимавшему поляков не как красивых женщин и симпатичных друзей, а как противников в наполеоновских войнах, с которыми ему пришлось почти десять лет воевать в молодости.

Особенность (не хочу говорить заезженного слова «трагедия») Украины заключается в том, что контакт цивилизаций происходит тут на низовом уровне, и участвуют в нем в основном солдаты, гайдамаки, казаки и прочий лихой народ, который водится на любой пограничной территории. Поэтому в произведениях, вдохновленных этим «заколдованным местом», по выражению Гоголя, так много вурдалаков, Виев и встающих из гробов мертвецов. Территория битв трех цивилизаций может породить только таких персонажей – гротескных и очень боевых, как всякий образ врага.

В поисках внутреннего врага

Семнадцать лет назад едва вылупившуюся Украину любили почти все ее граждане.

Иначе кто бы массово голосовал за ее независимость? Конечно, кто осторожненько любил, наученный горьким опытом обожания советской власти, кто – с первой девичьей страстью. Но чувства, помню, были. Даже, так сказать, «почуття»! Однако уже с весны 1992-го года на саморазрушение организма новорожденной «девочки» (той самой, что «щэ нэ вмэрла») заработал главный и никем пока не отмененный национальный исторический закон – «своего», ближнего, украинец ненавидит куда сильнее, чем чужого. Говорю именно о так называемом «свідомом» украинце – сделавшем из этнического происхождения народный промысел.

Какие радужные горизонты открывались перед этой страной! Бескрайние просторы, намазанные толстым слоем чернозема. Могучая тяжелая промышленность. Какая-никакая электроника – от Киевского завода им. Артема, производившего системы наведения для ракет, до Львовского телевизорного. Знаменитое Черноморское пароходство – целый торговый флот из 400 судов! Огромный кусок курортного побережья с пляжами, густо усыпанными чернобровыми девчатами в купальниках. И 700-тысячная армия с ядерным оружием, чтобы все это защищать. Аналитики предсказывали Украине блестящее будущее. Из всех постсоветских стран она выглядела самой перспективной.

И вот прошло меньше двух десятилетий. Пароходство украли еще при Кравчуке. Кто украд? А у Кравчука и спросите – именно «перший президент» отвечал тогда за все госимущество в Украине. Он же – этот «перший» – и разоружился – так же просто, как будто снял вечером штаны перед тем, как лезть к старой бабе Америке в постель. Предприятия сдыхали одно за другим, выкидывая какой-нибудь фокус на прощание. Сам помню, как в конце 90-х у проходной того же завода им. Артема стояли его бывшие «ракетчики» со склепанными на скорую руку «оборонными» пылесосами. На киевском авиастроительном – делали детские коляски «Мальвина»! Естественно, не от большого государственного ума. Это ж сколько нужно произвести «Мальвин», чтобы сравняться по прибыли с одним «Русланом». Да столько детей не рождается даже в Китае!

Казалось, эволюция ставит удивительно чистый научный эксперимент на профпригодность национальной управленческой элиты. Все годы независимости во главе государства стояли этнические украинцы – Кравчук, Кучма и Ющенко. Заметьте, не негры, не москали, не евреи (в 30-е на Лазаря Моисеевича Кагановича легко было все безразмерное украинское горе списать!), а самые что ни на есть чистопородные, в глухом, не заасфальтированном селе выращенные, от любой «вредной» генетической примеси огражденные прямые потомки трипольцев и древних ариев – укры из укров! Даже баню, пропитанную, как известно, «москальським духом», все три шароварника впервые уже довольно в зрелом возрасте только в райцентре увидели! Причем долго в нее зайти не решались – родное, материнское боялись смыть вместе с сорочкой, вышитой, строго по Дмитру Павличко, «червоними та чорними нитками».

Это ничего, что один «арий» был из ЦК партии, второй – рыжий, а третий – никогда ничего не крал собственными руками – бездельник. Главное – на выходе у всех троих получалось одно и то же. С каждым годом под их управлением украинцы вымирали все активнее, «общенародная собственность» чудом экономическим (без всякого выкупа!) расплзлась по частным карманам, а реальной независимости становилось все меньше. Ведь какая, согласитесь, независимость, если с утра до вечера только и дебатировать, вступать в НАТО или нет? Перефразируя слова классика, замечу: жить в НАТО и быть свободным от НАТО невозможно! Вступишь – не отмоешься. Вход – доллар, выхода – нет.

«Самая большая безнравственность, – говорил Наполеон, – это братья за дело, которое не можешь совершить». Националисты, слившись в извращенческих объятиях с перекрасившимися в один августовский день украинскими «коммуняками», никак не хотели признаться, что просто не умеют управлять. Зато они знали, кто виноват в том, что Бог не дал им таланта, – «п'ята колона», «росшська мова», «постколошальний синдром». Леонид Макарович, не успев на президентский стульчак усесться, сразу же всю гуманитарную политику отдал драчам и мовчанам. Леонид Данилович, больше всего приданным для собственной дочери озабоченный, хоть и пришел к власти под лозунгом предоставления русскому языку статуса государственного, тут же в зад Макарычу и пристроился – следок в следок.

О Викторе Андреевиче вообще нечего говорить! Ему в украинском прошлом любой маньяк дорог – лишь бы «розмовляв державною мовою». Что там Шухевич с его львовскими погромами! Младшего современника гетмана Мазепы людоеда Мацапуру, злодейски растерзанного царским оккупационным режимом, скоро героем Украины сделает – «за досконале володшня полтавським діалектом». А то, что Мацапура в XVIII веке собственных односельчан в пост кушал – ерунда. Он ел «несвідмих» украинцев и за то в рай попал: «А як же ж гарно при цьому співав про Галю та Гриця. Чого співав? Бо смачні дуже були!»

В Украине нет главного – любви граждан друг к другу. Все, что хорошего проклянется, жаба «з'ідає до останку». Довоенный галичанский принцип «свій до свого по своє» заработал, как роторная пила на лесозаготовках. К соседу в гости ходят за ненавистью, прихватив подмышку обильную порцию своей. Как говорится, от всей души! Нате и лопайте – «бо продукт національного виробника». Ладно бы, идейно чужих ненавидели! Так ведь и своих, на западенском копченом сале в схронах выбереженных, трескают с неизменным аппетитом. Как съедали того же Вячеслава Черновола – дробили его Рух наперегонки все, кому не лень! А с какой волчьей злобой они начинают выбирать, кому ехать на очередное «Евровидение»! Как давят друг друга всего за 100 тысяч гривен Шевченковской премии! Как и с каким извращенным удовольствием вспоминают, кто из них кого наперегонки сдавал в гестапо и НКВД, кому в прошлой жизни служил и подметки лизал!

Я знаю, отчего это! И сейчас поделюсь страшной государственной тайной, прямо из кремлевского путинского сейфа выкраденной: в каждом сознательном украинце на самом деле сидит унаследованный от Киевской Руси русский – клятый москаль. Чтобы убить в себе это внутреннее чудовище, истинный бандеро-мазепинец, плюнув на все Божьи заповеди, должен немедленно повеситься, нацепив себе на грудь табличку: «Зрадник!». Или, смыв с себя все наносное, вернуться к исконной русскости – той самой, что от князя Владимира Красное Солнышко, несмотря ни на какие смуты, с крестом стоящего над Днестром на киевских склонах.

7 марта 2008 г.

Укразия вместо Окраины

Украинская независимость начиналась как мечта дезертира. Пятнадцать лет назад из империи бежали как с фронта, бросая оружие и амуницию, сжигая знамена и память о прошлом. Всем хотелось в обывательский рай – туда, где много-много докторской колбасы, которой не надо делиться с «москалем», джинсов, зажигалок и подержанных автомобилей из-под задов германских бургеров.

От великой имперской судьбы смывались «у рідну хату». Если воспользоваться образами комедии Александра Корнейчука «В степях Украины», то можно сказать, что из колхоза «Вперед до перемоги комунізму» идейного председателя Часныка украинцам захотелось в агрофирму «Тихе життя» незабвенного Галушки. А заодно – поискать золото гетмана Полуботка. Была, если помните, в эпоху раннего Кравчука и такая национальная разновидность общечеловеческой мании обогащения. С тех пор мало что изменилось. Нации стало меньше на пять миллионов. Следовательно, колбасы на каждого «свидомого украинця» больше. Но ни идейности, ни надежд на будущее не прибавилось. И ведь что удивительно – при коммунистической тирании плодились, вопреки всему, а от комфорта и свободы стали вымирать!

В этом нет ничего странного. У каждого народа своя карма. Наша карма – пародия. Это в Англии «Гамлет» Шекспира. У нас – обматеренный «Гамлет» с ударением на «е» Леся Подервянского. Это на Западе герой – тот, кто больше всех убил врагов и драконов. Какой-нибудь мушкетер или рыцарь Круглого Стола. У нас героем будут непременно считать неудачника, случайно попавшего дракону под коготь. Если не верите, загляните в националистический пантеон. Петлюра, Бандера, Шухевич – никто из них не умер своей смертью. Вся историческая бутафория – с чужого плеча. Форма сечевых стрельцов – заношенная до дыр австрийская. Желто-синий флаг – из перенесенных на ткань цветов польского герба Галичины. Идеология – спародированная провинциальным адвокатом Мыколой Михновским официальная формула московских консерваторов о «единой и неделимой России».

Чуть больше столетия назад в брошюре «Самостийна Украина» на скорую руку набросал он те идеи, которые надолго предопределили пафос национального движения: «Одна, едина, нероздільна, вільна, самостійна Україна від Карпатів аж по Кавказ». Легко заметить, что Михновский, как ребенок в кружке «Умелые руки», собирался строить модель той же Российской империи – только в уменьшенном масштабе. Не от германской границы до Тихого океана, а от «Сяну до Дону», как отлилось это в смешную геополитическую претензию уже во времена УНР. Шире этих двух речек, первая из которых совсем уж карликовая, отцы нации не мыслили. И что любопытно, на границы их так и не вышли! Как ни старались! Даже при внуках. Одно утешение, что исток этого самого Сяна – коротенький, как хвостик – благодаря сталинским послевоенным «нарезкам» отошел к нашему Закарпатыю, а все остальное – так и течет в Польшу. Но ни до Дона, ни, тем более, до Кавказа не добрались! Ни сил, ни фантазии не хватило!

С тех пор украинская геополитическая мысль находится в полном застое. Никто не посмел ни оспорить Михновского, ни придать его построениям более впечатляющий размах. Избавившись от одного «старшего брата», Украина тут же стала искать себе другого. Такое впечатление, что мы не можем жить без Союза – если не Советского, то Европейского. Любой другой нации, стартовавшей в 1991-м году с семисоттысячной армией, атомным оружием и ракетной промышленностью, хватило бы сил для независимости и самодостаточности. Но не нам! Наши «можновладці» предпочли разоружиться и пойти на поклон к США. Ядерный потенциал сдали, арсеналы распродали, армию превратили в вооруженную охрану для транспортировки натовских грузов и полицейские формирования для защиты интересов той же Америки в горячих точках. Воистину у страха глаза велики. Украинские генералы боятся всего. Мы ищем каких-то механизмов «коллективной безопасности» в ситуации, когда у нас даже нет вероятного противника!

Только в больном мозгу может родиться мысль, что Украину кто-то попытается завоевать в обозримом будущем. Российская Федерация, заинтересованная лишь в беспрепятственном транзите через наши степи своих нефти и газа, способна решиться разве что на торговую молочно-сырную «войну», если к подобным бюрократическим прениям корректно применять этот термин даже в переносном смысле. Белоруссия и Молдова вообще не имеют никаких территориальных претензий к Киеву. Но на полном серьезе люди, выдающие себя за политологов и аналитиков, отмывая заокеанские гранты, запугивают народ кошмарными образами «бацьки» Лукашенко и кремлевских ястребов, якобы заноссящих над Украиной боевые балалайки для смертельно удара. Скрытая мировая война ведется не на полях сражений, а в головах. То и дело нашему обществу подбрасываются новые и новые угнетающие психику видения, не дающие ему расправить плечи и определиться с ориентирами для развития.

Любому незаангажированному человеку ясно, что подлинной опасностью для страны является отсутствие цели. Нация не может жить только ради удовлетворения инстинктов. Человека от животного отличает то качество, которое психологи называют самоактуализацией. Нам свойственно намечать рубежи и достигать их. Напряжение, в котором в лучшие времена жил СССР, было осмысленным. Боролись с неграмотностью и побеждали ее. От национальной сборной почти в любом виде спорта требовали исключительно побед. Запустить человека в космос стремились раньше американцев и успешно опередили их. От военной техники ждали только конкурентоспособности и ничего больше. От полководцев – побед, а не первенства в распродаже военной техники с постройкой дач на вырученные деньги силами солдат срочной службы. На любой удар готовились отвечать ударом. Разве в этом было что-то плохое? Разве Соединенные Штаты сейчас отказались от подобных требований к себе, часто граничащих с самоистязанием?

Показательно, насколько убог уровень политических дискуссий в стране. Что нас вынуждают обсуждать люди, называющие себя элитой общества? То, в каких конфигурациях сложится правящая коалиция? То, как долго она просуществует? То, кто станет премьером и насколько выгодно или не выгодно им сейчас стать, учитывая, что осенью придется возлагать на кого-то ответственность за прогрессирующий экономический спад? Да все это мышьяк возня! И если она что-то доказывает, так только то, что власть в Украине – по-прежнему цель, а не средство.

Наверное, Петр Великий мог вести по-своему интересную жизнь, ограничившись только подавлением стрелецких бунтов, пьянками на Всешутейшем соборе и маневрами потешных полков. В современной ему Европе было достаточно правителей, которые коптили небо подобным образом. Но он выбрал подвиг и самопожертвование. Он не требовал от других ничего, что не делал сам. Поэтому результатом его деятельности стала великая страна.

В конституции современной Украины есть статья, утверждающая, что никакая идеология в нашей стране не является обязательной. Но это не означает, что идеология должна отсутствовать вообще. Иначе мы станем жертвами чужих идеологических миражей. Пойдем на раствор для общественных зданий, которые планируют построить другие. Последние выборы показали, что коммунистическая идея и ее пародийное отражение в виде классического украинского национализма доживают последние дни. Партии, ставившие на архаические идеологемы начала прошлого века, или потерпели полное поражение, как Блок Костенко – Плюща и «Свобода Тягнибока», или с трудом прошли барьер в Верховную Раду,

как Симоненко и его команда ветеранов.

Те же выборы продемонстрировали, что избиратель разделил свои симпатии, исходя из культурных предпочтений. Геополитическая ось между западноевропейской и православно-восточнославянской цивилизациями отчетливо пролегла через Украину. Но она не так трагична, как кажется на первый взгляд. Ведь двух более близких цивилизаций в мире трудно найти. Тот факт, что западные и восточные украинцы, несмотря на все различия, уживаются вместе, свидетельствует, что подобное межцивилизационное противоречие преодолимо. Украина не имеет права растворяться ни в Европе, ни в России. Она ни в коем случае не должна связывать себя участием в любых военных блоках. Войны не предвидится. Совать голову в бюрократическую удавку Брюсселя или Москвы не имеет смысла. Уникальное расположение страны как крупнейшего транзитного государства дает основание полагать, что мы – та новая пробка, которая способна в любую минуту закупорить старую бочку Евразии.

Только самодостаточное евразийство – его украинский, «укразийский» вариант – должно стать нашей новой национальной идеологией. Мы должны подать миру пример геополитической эквилибристики, проскальзывая по лезвию ножа над пропастью и оставаясь неуязвимыми. Это наш единственный шанс, чтобы из пещеры национализма вырваться в тоннель будущего.

25 июня 2006 г.

Национализм как прибежище негодяя

Одним из самых счастливых периодов моей жизни были 2002–2003 годы, когда я работал ведущим страницы «Литературный ринг» в газете «Киевские Ведомости». Редакция только что переехала на Рыбальский остров в здание, которое арендовала у будущего оранжевого олигарха Петра Порошенко. У меня был свой кабинет, в котором я мог появляться, когда захочу. Правда, он принадлежал не только мне. Раз в неделю в этом же кабинете заседали еще два киевских юмориста – Ян Таксюр и Александр Володарский, которые вели страницу «Клуб Голохвастова». Так как мы встречались редко и приходили в редакцию по разным дням, то надоесть друг другу не могли. Наоборот, иногда наши встречи превращались в весьма поучительные разговоры, напоминавшие посиделки на диссидентских кухнях. Таксюр рассказывал о догматах православия и о том, чем они отличаются от католических. От него я впервые услышал, что догмат о непорочном зачатии Девы Марии, принятый католиками, глубоко нелогичен, почему его и отрицают православные. Ибо, если Дева Мария тоже зачата непорочно, как Иисус Христос, то в ней не должно быть человеческой сущности – только божественная. А, если так, то и Христос не имел бы человеческой сущности, был бы зачат от непорочного Бога Отца и такой же непорочной матери и никак не мог бы искупить своей смертью первородный грех человечества.

Вот так славно проводили мы время в богословских беседах, что казалось абсолютно фантастическим для эпохи первоначального накопления капитала в Украине. Вокруг думали ошкелеях. Мы размышляли о душе. И однажды ненароком в поле наших дискуссий попала какая-то постановка режиссера Жолдака. Не помню точно, какая. То ли «Швейк», то ли «Три сестры». Я признался, что всегда ухожу с Жолдака после первого же акта вместе с той половиной публики, которая уходит с него именно в этот момент, не желая больше выносить

профанацию искусства. Таксюр – светловолосый, усатый (как сейчас вижу его в тонких золотых очках, пиджаке и непременно каких-то хитрых штанах с изысками – накладными карманами, например) добродушно, но как-то с болью улыбнулся и сказал: «Видите ли, Олесь, Украина – это такая страна, где можно безнаказанно издеваться над высокими проявлениями человеческого духа. Тут можно глумиться над Шекспиром, над Пушкиным, и ничего за это не будет, что эти жолдаки с успехом и делают».

Формула Таксюра показалась мне универсальной. Я даже понял сразу, в чем сила украинского национализма. В том же, в чем была мощь программы «За гроші» на одном из центральных каналов. В ней за небольшую сумму предлагали людям заняться какой-то мерзостью – например, ловить ртом консервированные помидоры. Платили за это гривен пятьдесят. Но, удивительно, желающие всегда находились! Стоит такая раскомплексованная личность вся в размазанных по роже помидорах, ловит их пастью и радуется – и помидоров поела, и денег заработала, и по телевизору показали. А самое главное – вели эту передачу на державной мове: сердце радовалось, как неслась украинизация в массы!

Украинский национализм, что бы о нем ни говорили, дал великий исторический шанс хаму. И хам этим в полной мере воспользовался. Быть аристократом сложно. Нужно уметь ездить верхом, знать иностранные языки, хранить верность государю, не плевать на пол, не пить дешевой водки (а тем более самогона!), не ковыряться в носу, не кричать «Ганьба!», не лежать на Майдане, делая вид, что голодаешь за Украину, а тайком ночью трескать мед в палатке с такими же «голодающими»... Господи, сколько всего нельзя! Разве может душа среднего индивидуума («человека толпы», по Ортеге-и-Гассету), тем более рожденного в каком-нибудь Чертополе, выдержать такое?

Наоборот, националисту прощается все, что бы он ни сделал. Вчера был секретарем ЦК КПУ по идеологии? Ну и что? Ведь сегодня же он «перший президент»! Резал польских профессоров во Львове в 41-м году в компании с немцами? Да это же высшее хамское счастье – выпускать кишки из настоящего профессора, тем более польского! Це так патріотично! Нет ничего странного, что Академии СБУ теперь собираются присвоить имя этого резуна. Свидомых украинских жандармов, конечно же, должны готовить только в учебном заведении имени погромщика и агента германской разведки! Из любого другого они выйдут такими... «трошки недоробленими». Яркий пример этого – оправдание националистами любого приспособленчества. Для нормального человека предательство – это плохо. Для националиста – высокий образец для подражания. Мазепа – герой. А почему герой? А потому что рекордсмен по предательству. Польского короля предал. Турецкого султана предал. Гетмана Дорошенко предал. Гетмана Самойловича заложил. Родному батьке собственной любовницы голову отрубил. Московскому царю в душу наплевал. Только шведского короля кинуть не успел – жизнь кончилась. Разве ж это не симпатия? Да ему улицы в Киеве мало за такие заслуги – всю столицу нужно переименовать в Мазепоград! Ну, если не всю, то хотя бы ее центральную часть – вместо «Метрограда». Или Конча-Заспу под Киевом, где живут на государственных дачах новые мазепы.

А если Мазепа признан эталоном, чего же ожидать от остальных? Есть в Киеве такой гнусный персонаж – директор одного из институтов (я в шутку называю его «Институтом жабознавства») Петро Петрович К. В розовой юности он был «борцом» с национализмом – лизал красный партийный зад, пробираясь в него изо всех сил, и бичевал на комсомольских собраниях своих же однокурсников. Причем, не без успеха лизал и бичевал. Был замечен «сверху» и награжден по службе. Сначала стал кандидатом филологических наук. Потом –

даже доктором. Писал учебники по укросовлиту, полные фактических ошибок. Я знал его уже позже – в конце 80-х. Это чудо природы с костистым шилоподобным носом, напоминающее седую лабораторную крысу в сером пиджаке, служило тогда деканом филологического факультета, где мне пришлось учиться.

В день августовского путча 91-го года оно обдрыслялось настолько, что даже хотело отправить в колхоз наш 5-й курс, чтобы, не дай Бог, не было студенческих беспорядков, и успокоилось только, когда ему объяснили, что пятикурсников просто нет в городе – на дворе август, и собрать их физически невозможно. Теперь этот гибрид партуроода и компилятора написал главу об истории украинской критики в новом учебнике литературы, начав ее... с себя, и требует запретить творчество Бузины как... антиукраинское! Пусть попробует запретить! Я ему обещаю, что после этого у него начнется по-настоящему веселая жизнь – очень вредная для организма пожилого извращенца.

«Негодяй» – синоним слова «негодный». По словарю Даля – это «никуда не способный, дурной, плохой». Но негодяй «негодного» еще хуже! Это «дурной, негодный человек, дурного поведения, нравственности, мерзавец». Одним словом, такое, с чем ни пить, ни дружить, ни в карты играть нельзя. Негодяй ли Петро Петрович? Однозначно – негодяй. А Мазепа? Да это просто аршин, которым меряют подобных негодяев!

Не годился для науки лжеученый Петро Петрович К. А для литературы – псевдописатель Я. Воривский, делавший партийную карьеру, когда Стуса гноили в тюрьме, а теперь разворовывающий государственную собственность, рассказывая, как он ценил Стуса. Именно поэтому под конец жизни они подались в националисты. А куда же им еще? Где возьмут таких «Діячів науки і культури», если тот же Петро Петрович запомнился студентам 80-х только как занудный полудурок, автор учебника «Комуністична духовність», пристававший к первокурсникам с фразой: «Що ж це ви читаете Плеханова? Ви ж радянська людина!» Как анекдот из уст в уста ходил рассказ о его инспекции общежития, где в одной из комнаток он узрел на стене вырезанную из журнала «Данаю» Рембрандта и тут же выпалил: «Що це ви тут голу жінку почепили? Краще б Шевченка повкили».

В жизни каждого человека есть звездный час. Есть он и у негодяев. На их улице сегодня праздник – льется вино, «швартуются» к подъездам дорогие автомобили, раздаются премии, разворовываются бюджеты. Так уже было. При том же Петлюре, о члене Директории которого приват-доценте Швеце (помните такого? Уверен, что не помните!) в анналах истории осталась такая запись мемуариста: «Называет себя профессором, пьяница, мот, играет на бирже с казенными деньгами». (Эту характеристику на Швеца, сделанную белым разведчиком, можно прочесть в книге Михаила Ковальчука «Невідома віна 1919 року» – очень поучительное чтение, советую.)

Но как из известной субстанции не слепишь пулю, так и из сборища негодяев не получится ничего стоящего. Даже если назвать его красивым французским именем – «национализм».

9 сентября 2009 г.

Во Франкфурт на ярмарку

Раньше хохлы ездили на ярмарку на волах. И не только в Сорочинцы. В Киев ездили, в Харьков. Даже в далекий польский Гданьск. Хорошо, наверное, ехать волами! Лежишь на мешках с крамом, семечками поплевываешь... Над головой – небо бездонное. А в небе ночью

– Чумацкий шлях, а днем – ласковое солнце – здоровенное, как гарбуз. Или как жопа Одарки под теплой плахтой.

Нынче так уже не прокатишься. Ради экономии времени (оно теперь – деньги!) приходится лететь самолетом. Во Франкфурт меня влекла знаменитая книжная ярмарка. Хотелось поехать туда самостоятельно. Чтобы ни от кого не зависеть, никого не прославлять, а только наблюдать за всем со свойственной мне иронией. Тут как раз подвалил гонорар за переиздание моих «Гаремов». Я даже не собирался их переиздавать. Но из издательства позвонили с вопросом: «А нет ли у вас чего-нибудь для нас?» Я честно признался, что как раз дописываю вторую часть «Вурдалака Шевченко». Но в заглавнике у меня имеется изданная за свой счет в 2002 году маленькая книжечка рассказов – «Верните женщинам гаремы». Ее можно дополнить и снова пустить в пляс. Так и сделали. Новые «Гаремы», вдвое толще старых, в августе выскочили на рынок. А в октябре у меня уже была на руках сумма, достаточная, чтобы оплатить расходы на недельное пребывание в вольном городе Франкфурте на Майне. Хорошо все-таки быть писателем. Рукописи – тоже разновидность ценных бумаг, если они котируются на литературной бирже.

Помню, в детстве у нас был учитель труда Семен Нудельман. Он преподавал так называемый «железный» труд – слесарное дело. Был еще труд «деревянный» – столярно-токарный. И это – в английской спецшколе, где, по идее, должны были готовить только будущих разведчиков и дипломатов! Предполагалось, видимо, что в случае необходимости мы могли бы работать за рубежом под прикрытием слесарей и краснодеревщиков, недовольных советским строем и эмигрировавших на Запад по идейным соображениям. Но «слесарить» нашему преподу было скучно, и он любил рассказывать нам всякие забавные истории, вычитывая их из книжек. Один рассказ мне крепко врезался в память. Ехал как-то через прусскую границу французский писатель Виктор Гюго. Пограничник попросил его указать род занятий. «Писатель», – отрекомендовался Гюго. Но немец не слышал о таком писателе. Да и вообще не знал о существовании подобной профессии. «Чем зарабатываете на пропитание?» – спросил он. «Пером», – ответил Гюго. Тогда пограничник записал в своей книге: «Гюго – торговец перьями». Я никогда не любил Гюго. Даже «Собор парижской богоматери» не смог заставить себя дочитать. Но способ зарабатывания денег пером мне очень понравился. Сидишь, пишешь: чернила каплют на бумагу, а деньги – в карман. Небольшие, конечно, по сравнению с профессиональными патриотами, деньги, но тем не менее. Жить можно!

Франкфурт – город маленький. Всего 700 тысяч жителей. И Майн – речка узкая. Но денежный поток там несется знатный! И всегда несея. Франкфурт – в переводе «брод франков». В этих местах жило то германское племя, которое пошло завоевывать Галлию и дало ей имя Франции. Но у брода на Майне тоже кое-какие франки остались. Они очень любили торговать и пить пиво. Место удобное. Воды для пива хватает, а мост строить не надо – и так брод есть. Только охраняй его да бери мыто. И так у них хорошо дело пошло, что уже в XIII веке император Фридрих II предоставил городу привилегию на проведение ярмарок. Потом они получили статус вольного имперского города, обзавелись пунктом обмена монет, что положило начало знаменитой Франкфуртской бирже, построили на месте брода мост... А в XVI веке, уже после изобретения книгопечатания, разжились еще и главной в Германии книжной ярмаркой. Старались не отстать от прогресса.

Эта ярмарка давно стала международной. Ее проводят в конце октября. Три дня – для бизнесменов. А четвертый – последний – для читателей. Зрелище действительно

невообразимое. Девять огромных павильонов, между которыми курсируют специальные микроавтобусы. Каждый павильон занимает примерно такую же площадь, как киевский книжный рынок «Петровка». Книг – море. Но жизнь по-настоящему кипит только в двух павильонах – англо-американском и немецком. Еще во французском есть некоторое движение. Издательства этих стран продают основное количество авторских прав – на словари, справочники, учебники, исторические исследования, художественную литературу, книжки для детей.

Тут понимаешь наглядно, какое на самом деле скромное место занимает Украина на этом интеллектуальном базаре. Официальная палатка нашей страны находилась в одном павильоне с грузинской, сербской, российской, хорватской и польской. Посетителей тут было так мало, что от холода хотелось надеть пальто. Причем украинская экспозиция была еще и не самая кондовая. Меня, например, больше всего позабавила литовская. Почти все книжки на ней назывались так: «Литовская кухня», «Литовский народный костюм», «Барокко в Литве» и даже «Литовская лошадь». В общем, чем меньше держава, тем больше она сконцентрирована на пропаганде самой себя.

Грузия – та вообще привезла не так книжки, как винные этикетки. Самая читающая этикетки страна! Как известно, среднестатистический грузинский интеллигент может прочитать за раз-два тома «Хванчкары», три тома «Киндзмараули» и томик «Ркацители» – весь свой народный эпос. Причем без закуски. Естественно, ничего нового после этого грузину писать не надо. И так есть уже один «Витязь в тигровой шкуре» как повод выпить и закусить! Ничего более гениального все равно никто в мире уже не напишет. Даже сами грузины. По сей причине палатка соотечественников кровавого тирана Саакашвили была разрисована под старый тбилисский дворик с усатыми личностями в кепках, распивающими горячительные напитки. Полюбовавшись на их бурную литературную деятельность, выливающуюся в полное собрание тостов, я отправился к русской палатке.

Но и тут меня ждало разочарование. Верная принципу «о мертвых или ничего, или только хорошее», Россия главную часть экспозиции посвятила покойному Солженицыну. Все было оформлено в черно-белых красках. Везде понатыканы портреты Александра Исаевича в стеганом ватнике с лагерным номером, «Архипелаги ГУЛАГи» и «Красные колеса». Не хватало только пьяных диссидентов на импровизированной московской кухне, где бы они изображали сами себя во время спора о мировых вопросах. Некоторое разнообразие в эту похоронную тему вносила только книжка «Русский эрос», увидев которую, я почему-то сразу вспомнил «Литовскую лошадь». Чувствуется, что эрос в России еще в диковинку. Как лошадь в Литве.

А в американском книжном павильоне, несмотря на весь его прогресс, в одной из палаток стоял здоровенный негр в костюме и галстук и... ковырялся в зубах. Политкорректно так ковырялся – почти на весь Франкфурт. Я его сфотографировал для истории и подумал: это же надо, чтобы в войне Севера и Юга столько белых людей погибло только ради того, чтобы вот этот негр приехал во Франкфурт поковыряться в челюсти! Ну, есть ли смысл во всей этой, так сказать, культуре?

19 февраля 2009 г.

Mein lieber Petersburg

Через страну строгого,

но справедливого Батки

Когда мне совсем надоедает киевская зимняя слякоть, бесконечные перемены погоды, кукла Юля в телевизоре и суржик на улицах, я сажусь в поезд и отправляюсь в Петербург – лечить нервы и восстанавливать равновесие имперского духа. Некоторые ездят туда за летними белыми ночами. Я – за белыми зимами, которых так боятся все истинные враги Святой Руси. Не пойму, почему их так русский холод страшит? Холод, как холод. Не холоднее канадского или американского на Аляске. Если ездить в Россию как турист в купейном вагоне со всеми удобствами и жить в гостинице, а не в чистом поле в деревне, которую сам же сжег, как Наполеон, предварительно расстреляв всех жителей, то очень даже комфортно.

Поезд из Киева в Петербург выходит утром, идет сначала до Чернигова, где на вокзале мирно соседствуют герб Украинской Советской Социалистической Республики, буржуазно-националистический тризуб и феодальный черниговский одноглавый орел (местный старинный герб), потом поворачивает на Белоруссию и дальше движется по старой стратегической железной дороге – через Гомель, Могилев, где во время Первой мировой войны была царская ставка, и даже через знаменитую станцию Дно, на которой отрекся Николай II. Прямо к железной дороге подходят дремучие сосновые леса, засыпанные тяжелым снегом. Едешь, как в сказке «Морозко». Ложечка звенит в подстаканнике, книжечка с уютом читается на верхней полочке (всегда беру верхнюю!), попутчики выслушиваются с должным вниманием и даже пограничный контроль не очень мешает. Его проходишь только на территории Белоруссии днем – гуляет по вагону собака Шарик, вынюхивая наркотики (сколько ездю, ни разу при мне не нашла), украинские и белорусские пограничники проверяют паспорта, сличая фотографию с оригиналом, и через час с чистой совестью катишься до самого Санкт-Петербурга. Между Белоруссией и Россией пограничного контроля нет, никто тебя ночью не будит, как на российско-украинской границе в поезде «Киев – Москва».

Часто говорят о строгости лукашенковского режима и о его невнимании к белорусскому языку. За двенадцать часов езды по территории Белоруссии я об этом немного мог узнать. Разве что попутчица, едущая до Гомеля, жаловалась, что Бацька таки утесняет бизнесменов. Заставляет буржуинов страшный белорусский «диктатор» часть прибыли перекидывать на подъем местных деревень – назначает их шефами в приказном порядке. Из окна можно было увидеть эти самые деревни – ровные ряды ухоженных симпатичных домиков, абсолютно не похожих на развалюхи в распившихся селах вольной Украины. Глядя на них, я подумал, что наших бизнесюков тоже стоило бы в этом смысле по– угнетать – уж очень они оторвались от родных сельских корней, плюнули в колодец, из которого все выпили.

С возрождением белорусского языка тоже был полный порядок. На вокзале в Могилеве на всех дверях было написано на благозвучном местном наречии: «До сябе», «Ад сябе» и «На сябе» – чтоб всем не знающим русский было понятно, куда тянуть ручку. Я специально эти надписи сфотографировал, чтобы никто не упрекнул меня в голословности. А заодно пару раз щелкнул крупным планом и вокзал целиком. После второго щелчка за спиной у меня появился человек в форме и сказал: «Ну, сняли два раза и хватит!» «Строго тут у вас, в Белоруссии!», – ответил я с видом наглого западного туриста из «свободного мира», где с утра до вечера можно снимать вокзалы. Человек в форме, вместо того, чтобы тут же упечь меня в тюрьму за экспорт революционных идей, извиняюще улыбнулся: «Ну, я, что ли, это придумал?», намекая на высшую власть.

Кстати, революционные идеи в Белоруссию действительно экспортируют. Причем, через

Украину. Ряд киевских организаций получает западные гранты на поддержку белорусской оппозиции. Гранты эти нагло разворовываются. Берут, к примеру, деньги на выпуск крупноформатной газеты, «разоблачающей» режим Лукашенко. В результате выпускают какую-то листовку, которой даже подтереться невозможно, объясняя спонсорам, что при таком тотальном контроле, как в Минске, ничего другого напечатать нереально. Спонсоры понимающе кивают – они тоже не совсем спонсоры, и тоже по дороге немножко украли на «развитии демократии», дурача свои правительства. В общем, нескоро, как я чувствую, окрепнет пятая колонна в Белоруссии. Так и будет она похожа на чахлую болотную березку с крошечными беззащитными листиками. Уж очень эффективно перераспределяет избыток средств местный «тиран», заставляя потенциальных белорусских олигархов строить крестьянам домики с туалетами и выдавая дешевые кредиты на жилье молодым городским семьям.

Еще одной белорусской достопримечательностью поезда «Киев – Петербург» является бойкая торговля в разнос. На каждой станции, а также в промежутках между ними, тебя чем-то отоваривают. Есть станция, где все продают мягкие игрушки. Я даже удивился, что плюшевые зайцы и медведи могут быть не китайскими. Оказывается, бывают! На территории Белоруссии китайских зайцев нет – их полностью вытеснил дешевый и качественный белорусский плюшевый заяц. Еще в этой стране нет «французской» косметики, произведенной все в том же Китае. Имеется белорусская. Причем, отличная. Проезжая время от времени из Киева в Петербург и обратно, я к ней приохотился и теперь советую всем своим знакомым. Признаюсь, лучших кремов для бритья и гелей после бритья, чем белорусские, не встречал. Можно брить даже политических противников. Девушкам всевозможные омолаживающие наборы тоже нравятся. Проверял лично – берут набор и тут же бросаются тебе на шею, теряя все, что имеют, в обмен на вечную молодость.

Наконец, косметика куплена, чай выпит, секретные объекты сфотографированы, попутчики допрошены и ты, сладко выспавшись, выходишь утром в Петербурге на перрон самого древнего в бывшей Российской империи Витебского вокзала. Именно от него отошел в 1837 году в Царское Село первый поезд. И тут же хочется вслед за Пушкиным воскликнуть: «Люблю тебя, Петра творенье!». Ибо есть города, которые не поддаются мгновенному постижению умом – например, Москва. Она словно сама запуталась в своих бесконечных кольцах. А есть такие, как Петербург, – регулярные, правильные, в которых уже к вечеру чувствуешь себя, как дома – понимаешь и где все расположено, и куда идти, и какого черта тебя сюда занесло.

13 января 2010 г.

«Люблю тебя, Петра творенье!»

Я не буду рассказывать, как выглядит Эрмитаж, сколько в нем собрано картин и какая туда стоит очередь. Это и без меня известно. Расскажу о другом. Вот первая мысль, которая явилась мне, когда я поднялся из метро на Невский и прогулялся по центру города: конечно, Петербург – колыбель революции, но тут были какие-то другие большевики! Они тоже «экспериментировали» и расстреливали. Но они же оставили памятник Екатерине Великой. Прямо на Невском оставили! И памятник Александру III тоже оставили – пусть и перетащили его, как злые дети, со Знаменской площади во двор Русского музея. Если, идя по направлению к Неве, свернуть с Невского проспекта направо, то возле Инженерного замка увидишь Петра Первого в исполнении Растрелли. А налево пойдешь – попадешь к

бронзовому Николаю I, вздыбившему коня напротив Исаакиевского собора. Еще несколько шагов – и ты уже возле другого Петра I – Медного всадника на берегу Невы. Просто заповедник монументального монархизма!

А в Киеве, кроме памятника князю Владимиру на днепровском склоне, уничтожили все – и Николая I напротив университета, и Александра II на Царской (ныне Европейской площади), и Столыпина возле городской Думы, где теперь Майдан Незалежности. Но, кроме того, что в Петербурге были несколько другого сорта большевики, там еще и совершенно не было петлюровцев. Поэтому Киеву историческую память отбили, заменив ее сидящим, как на горшке, Грушевским возле Дома учителя, а в Петербурге она осталась.

В двух городах тебя не покидает ощущение, что ты наяву возвращаешься в прошлое – в Венеции и в Петербурге. Это от сохранившейся архитектуры – все исторические декорации уцелели. Идешь по ночной Венеции и кажется, что сейчас прямо из стены вынырнет Казанова в маске, крадущийся на очередное свидание. А в Петербурге в любой момент ждешь, что из-под арки Главного штаба появится конная колонна кавалергардов или пеший строй семеновцев, шагающих на смену караула в Зимний. Как там у Алексея Толстого? «А помнишь Петербург? Морозное утро, дымы над городом. Весь город – из серебра. Завывают, как вьюга, флейты, скрипит снег – идут семеновцы во дворец. Пар клубится, иней на киверах, морды гладкие, красные. Смирна-а-а! Красота, силище!». Семеновцы исчезли, а все остальное осталось – хоть «Гибель империи», хоть «Рождение нового мира» снимай.

По странному стечению обстоятельств, большинство моих любимых писателей жили в Петербурге. Пушкин – раз. Лермонтов – два. Гоголь – три. Гумилев – четыре. Алексей Толстой – пять. Зоценко – шесть. Николай Алейников – семь. Собственно, только трое из этой моей личной десятки не петербуржцы – киевско-московский Булгаков, завсегда пражских пивных Гашек и уроженец города Броды в Галиции Йозеф Рот, проблудивший всю жизнь между Львовом, Веной, Берлином и Парижем. Семь против трех – явный перевес остается за Петербургом. И еще есть одиннадцатый, не влезавший в десятку (но, как же без него обойтись?!), Александр Дюма – парижанин, умудрившийся описать Петербург в «Учителе фехтования» еще до того, как туда съездил. Выходит, и его град Петра взял в плен, несмотря на то, что в XIX веке Париж был центром мироздания.

В петербургских гостиницах почему-то до сих пор справляются о цели визита и роде занятий постояльца. «Помещик из Малороссии, – ответил я на рецепции. – Так и пишите: продал урожай и приехал развлечься в столицу империи». Мою малороссийскую шутку оценили. Хотя, разве это шутка? В Малороссии у меня 12 соток земли и даже одна крепостной – Тарас Григорьевич – гоголевская «мертвая душа», выкупленная государем-императором, которую я вернул в естественное состояние. Еду теперь на нем по большой литературной дороге, собирая урожай с «Вурдалака». Так сказать, разбойничаю потихоньку.

Я внимательно читаю отзывы в интернете на свои путевые заметки. После первой подачи «Mein lieber Petersburg» кто-то из злопыхателей задался вопросом: зачем Бузина поехал в Питер? Не доказательств ли шевченковского триппера в имперских архивах искать? Да будет известно любопытствующим, эти доказательства находятся значительно ближе – в Киеве в Институте литературы. Там хранится оригинал письма Великого Кобзаря к его другу Виктору Закревскому от 10 ноября 1843 года, где он в подробностях и весьма художественно, хоть и с грамматическими ошибками, описал свои венерические страдания: «Постыгла мене долоня судьбы, або побыла лыха година... у мене оце съ тыждень уже буде якъ я одъ якоись непортебныци або блудныци нечестывои купивъ за тры копы меди, и знаешь яку я цяцю

купив... стогну та проклинаю все на свити! а п..., забув уже як и зовуть... ныжче пула лыхо».

Сия поучительная для блудодеев эпистола опубликована была академиком Сергеем Ефремовым еще в 1929 году в полном собрании сочинений Шевченко. И процитирована мною во второй части «Вурдалака» – в главе «Амур и триппер». Очень жаль, уважаемый читатель, что вы так отстали от новейших тенденций литературоведения – если отсчитывать от публикации Ефремова, то больше, чем на 70 лет! Стыдитесь своего дремучего невежества. А в Петербург я ехал, чтобы сходить в гости к Пушкину – на набережную Мойки, 12, где была его последняя квартира. Там уже после прогулки по экспозиции у меня состоялся забавный разговор. Одна из дам, хранящих этот музей, с экзальтированностью истинной пушкинистки спросила:

– Вам понравилась экскурсия?

– Отличная! – ответил я. – Но стрелять нужно было точнее!

Моя собеседница пришла в ужас:

– Что вы! Пушкин был бы тогда убийцей!..

Мои приключения в стране табуреток

...Сегодня – о Польше. Близкая, вполне доступная страна, лежащая буквально под боком у Украины. Я был в ней раз десять. И студентом в конце 80-х с первой волной челноков. И журналистом, когда ездил брать интервью у Станислава Лема, и просто праздным путешественником, приехавшим в Варшаву, чтобы пошататься по букинистическим магазинам. На советского студента времен перестройки, не скрою, Варшава производила сильное впечатление.

У нас тогда не было ничего. У них, напротив, имелось все, что нужно для нормального быта. Киев зиял пустыми полками магазинов. В столице Польши торговая жизнь кипела прямо у вокзала. Тут находился (по символическому совпадению прямо у Дворца культуры, построенного в виде московской сталинской высотки) огромный базар, с которого, казалось, и начинается капиталистический рай. Чего же удивляться, что Польша выглядела тогда для нас такой привлекательной? Смешно вспомнить: в Киеве в 1990-м нельзя было купить даже джинсы, а хот-дог был лакомством в сто раз более экзотическим, чем для нынешних тинэйджеров – суши. Вообще никто не знал, что такое хот-дог! Или какой-то там «Макдоналдс»! Моя однокурсница Инга, когда первый в СССР «Макдоналдс» открыли в Москве, специально махнула со своим парнем на поезде в белокаменную, дабы приобщиться к западной культуре. А теперь ходишь по Киеву мимо «Макдоналдсов» и нос воротишь – на галушки тянет.

Польша сыграла в моей личной жизни поистине выдающуюся роль! Первый секс-шоп я посетил в Варшаве. Первые стринги для своей девушки привез оттуда же. Восторгу ее и благодарности просто не было предела. Пусть кто-то, читая это, смеется. Мне все равно. Попробовал бы он раздобыть тогда эти стринги в Киеве 90-го! А я, движимый своей развратной фантазией, рисовал девчонок в такой «сбруе» еще на уроках в школе. Мое воображение их уже тогда предвосхитило. Можете представить мой восторг, когда я стоял у прилавка в Варшаве и видел свою мечту воплощенной, а потом перенес ее на упругие круглые ягодицы тогдашней любви!

Для этого нужно было притащить в Варшаву две здоровенные сумки с кипятильниками, напильниками и даже какими-то рыбчистками, которые за два дня я впарил полякам, чтобы

вернуться домой с мешком одежды и первыми в своей жизни долларами, которые покупались в обменниках, не менее экзотических для нас тогда, чем хот-доги. В Советском Союзе, даже перестроечном, «американский рубль» по-прежнему оставался стратегическим запасом. В лучшем случае можно было приобрести 50 баксов по курсу Госбанка, купив круиз за границу. Но уже в 1996-м, вонзив зубы в краковский хот-дог, перед тем, как идти на интервью со Станиславом Лемом, я обнаружил, что в Киеве за это время научились делать хот-доги лучше. Мы быстро наверстывали упущенное, и меня это радовало.

А выйдя из подземного варшавского вокзала в 2005-м, я вообще почувствовал, что на меня нахлынула ностальгия. Никакого базара рядом с Дворцом культуры уже давно не было. Он остался только в моей памяти. Зато возле сталинской высотки, облагороженной готическим польским декором, теперь торчало несколько американизированных уродливых небоскребов – ярких признаков того, что Польша теряет лицо, подпав под власть нового заокеанского папаша. Дороги по-прежнему были лучше, чем у нас. Домики в провинции – по-прежнему красивее. Поляки успели построить очень много частного жилья в 90-е, когда они удачно использовали транзитную развилку между Турцией и Россией. Но теперь торговые пути изменили направление. За турецкими джинсами уже не нужно было ехать в Варшаву. Они попадали в Украину массово через Одессу (или в той же Одессе шились), а вступившая в Евросоюз гордая Речь Посполитая начинала понимать, что ей никогда не стать ни Германией, ни Францией, ни, тем более, Великобританией.

В Европе прочно утвердился за эти годы стереотип «польского сантехника». То, за что Польша так долго боролась, она, наконец, получила – свое место с краю. Правда, в Евросоюзе. Но с краю. Этим объясняется и то, как настойчиво наша западная соседка выступала «адвокатом Украины». Естественно, ей хочется, чтобы в Европе за ней еще кто-то был крайним. Общаясь со многими поляками, я понял, что у них существует двойной комплекс неполноценности – по отношению к старой Европе и к России. С одной стороны, на Польшу нависает Германия со своей отлаженной промышленностью и мерседесами. С другой – бесшабашная путинская Россия с ядерной кнопкой, имперским статусом и гуляй-боярами. Я понял, почему поляки так не любят и москалей, и немцев. Польская душа всегда разрывалась между мечтой об обывательском рае и об империи. Но нельзя получить все сразу. Или рай, или империя. Поэтому нет ничего обиднее теперь для польского сантехника в Лондоне, чем отремонтировать кран в особняке, который купил новый русский. Это действительно подляна из подлян! Разве могли себе представить такие поляки, когда видели в начале 90-х на своих улицах орду челноков с Востока?

У меня была приятельница – польская барышня, которая бросила журналистику в конце 90-х, чтобы приехать в Киев и заняться торговлей газетами. Нет, она не собиралась продавать прессу в электричках, если кто подумал. В ней жил дух Володыевских и Скшетусских из романов Сенкевича – искателей приключений и сокровищ «на кресах восточных» (восточном пограничье, как поляки до сих пор называют Украину). Она приехала в Киев, чтобы попытаться купить «Киевские Ведомости» на норвежские деньги и заработать свой скромный процент. Такой польский посреднический бизнес – очень национальный по сути. В общем, образованная предприимчивая панянка, все коммерческие планы которой пошли, однако, прахом, как и все польские планы на украинской территории. Мы с ней много спорили о будущем Украины. Она разговаривала по-русски почти как я, так как умудрилась окончить еще и русскую филологию. Ее очень удивляло, что я не хочу в Евросоюз. «Но вы же тогда будете должны платить за визы, чтобы съездить в Париж или Венецию!» – горячилась

она. Я смеялся и отвечал: «Мы будем такими богатыми, что даже не заметим этих мелких убытков».

Однажды в разгар особо жарких прений я объяснил своей польской приятельнице разницу между политикой России и Польши в Украине: «Пока вы, поляки, пытаетесь впарить нам свои табуретки из тырсы, русские покупают тут заводы. Вы никогда не остановите их табуретками. Как не остановили немецкие танки саблями. Вы отстали даже не на сто лет, а навсегда. В Украине до сих пор делают ракеты, каждая из которых дороже всех табуреток, которые Польша произвела за свою историю, начиная с того вашего короля Попеля, которого съели мыши».

3 февраля 2009 г.

Литературные разговоры в Висбадене

В немецком консульстве в Киеве у посетителей выворачивают карманы и заставляют снимать ремни. Впечатление такое, что идешь не за визой в демократическую страну, а на прием в ставку Гитлера, которого осадили со всех сторон партизаны. В прошлом году мне пришлось летать в Германию дважды. Дважды, следовательно, и снимать в консульстве ремень. Для мужского сознания, тем более такого милитаризированного, как мое, это тяжелая психологическая травма. Берлинским властям и лично г-же Меркель «такой наруги над собою» я не прощу никогда. Наш президент так стремится в Европу! А они в это время его соотечественников чуть ли не до трусов раздевают! Не знаю, что чувствуют женщины, если с них публично снимать пояс для чулок, чтобы искать там бомбу, а мне расставаться с моим ремешком было так же тяжело, как офицеру с личным оружием. Это объяснимо. Ремень – самая древняя часть мужской амуниции. За ремень затыкали боевой топор, кошелек с деньгами, трубку, отрубленные уши врага... Можете представить, что я чувствовал, когда чиновник возле рамки попросил меня освободить карманы от всего, что в них было, и снять этот самый пояс. Наученный горьким опытом, во второй раз в консульство я пошел вообще без ремня, кошелька и мобильного телефона. Только документы в карман положил. Надо отдать должное немцам. «О! Вы – опытный!» – сказал бдительный страж. – Наверное, у нас не впервые». «Мы, славяне, вообще быстро учимся, – ответил я, – в следующий раз собираюсь к вам голым прийти с паспортом в зубах».

Кстати, у чехов или итальянцев такого помешательства на безопасности вообще нет. Хотя и Италия, и Чехия страны того же Евросоюза, к ним за визой идешь, как нормальный человек. Стоит возле итальянского консульства карабинер, пропускает граждан согласно списку, но к нижнему белью посетителей извращенного интереса не проявляет. С другой стороны, нужно отметить пунктуальность немцев. Очередь у них рассасывается очень быстро. И на какое время назначен прием, в такое и принимают. Тут, видимо, что-то с немецкой ментальностью связано. Какую инструкцию немцу в голову ни засунь, такую он от и до и исполнит.

Яркий пример. Возвращаюсь из Франкфурта. Сдаю в аэропорту ручную кладь на контроль. Много этой клади! Целый рюкзачок типа школьного. Смотрю, вокруг моего рюкзачка переполох. Требуют церберы германские вынуть все содержимое. Что, думаю, они там такого нашли своей спецтехникой? О, дезодорант! Да, это действительно опасно! И в чем же дело? Что в моем дезодоранте противозаконного? Немцы объясняют: он содержит целых 125 мл, а разрешено провозить только 50! «It's empty!» («Он пустой!») – объясняю им я

и встряхиваю, показывая, что в дезике нет и 25 мл. Но немцу хоть кол на голове теши. Это такая тупая скотина, которая верит только тому, что написано – 125 мл, и хоть тресни! «Ладно, забирай, – говорю я ему, – души свои потные немецкие подмышки». Именно в этот момент я понял, почему наши дедушки расколотили их гротесктеров, а не наоборот. Таких живущих только инструкциями идиотов просто нельзя было не расколотить.

В остальном Германия, скажу честно, не впечатлила. Даже пиво там намного хуже, чем в Чехии. Не говоря уже о кухне. Перечитывая потом мемуары Вертинского, я удивился, что его характеристика немецкого кулинарного мастерства так же актуальна сегодня, как и в 20-е годы, которые он описывал: «Еда в Германии необыкновенно тяжелая. Немецкие меню не блещут разнообразием. Главным блюдом в них является свинина. В любых сочетаниях, под разными соусами, будь то сосиски, колбасы, окорока, котлеты или просто зажаренная нога – но всегда свинина. Рыбы немцы не любят, зато картофель – их национальная еда. Его подают ко всякому блюду и в неограниченном количестве. Запивается все это неизмеримым количеством пива»...

Знаменитый русский певец жаловался, что, привыкнув к хорошей французской кухне, ничего не мог есть в Германии, кроме сосисок. Я, привыкнув к хорошей итальянской, тоже ничего там есть не мог, кроме тех же сосисок. По-моему, Германия вообще страна – на один перекус. Ее хорошо посещать проездом, проносясь в автомобиле из Польши во Францию или на юг в Италию. Остановился где-нибудь в придорожном кабачке, заказал «кляйнес бир» (маленькое пиво) с сосисками и вперед на гоночной скорости по автобану дальше – в места, где водятся устрицы и умеют готовить настоящие трамедино и пасту!

Так раньше я и посещал всегда эту великую державу битых фюреров и мордатых кайзеров. Но в прошлом году дважды приходилось застревать в ней надолго. Первый раз летом – на Международном театральном фестивале в Висбадене. Во второй раз – осенью на Франкфуртской книжной ярмарке. В Висбадене я оказался вместе с киевским театром Русской драмы. Немцы сами выбрали его постановку пьесы «Солдатики». Она им понравилась славянской эмоциональностью. От себя добавлю, что это действительно замечательный спектакль, по достоинству попавший на фестиваль. Да и вообще актеры – веселый народ. С ними никогда не скучно. Ночью мы сотрясали Висбаден хорovým пением народных песен на семи языках, а от стука наших пивных кружек в городе даже было маленькое землетрясение, не замеченное сейсмологами только потому, что оно совпало с Чемпионатом Европы по футболу.

У нас был переводчик – немец Ральф, окончивший в конце 80-х Московский ГИТИС и глубоко прочувствовавший русскую культуру. Как-то мы сидели с ним возле Висбаденского государственного театра, пили пиво и беседовали о местных достопримечательностях. До Первой мировой Висбаден был модным курортом, куда съезжалась крутить рулетку аристократия со всей Европы. Поэтому в нем сохранилось роскошное казино размером с рейхстаг, помпезный вокзал и театр размером в две Киевские оперы (это на городишко, в котором и сегодня меньше 300 тысяч жителей!).

– У вас много памятников, Ральф, – заметил я, – возле собора стоит Вильгельм Оранский, вчера в парке на пробежке я встретил под елками бронзового Бисмарка...

– Да, там дальше есть еще памятник Адольфу, – тут Ральф виновато замялся, словно сказал что-то не то. – Но не тому Адольфу, о котором Вы, наверное, подумали, а другому – Адольфу Нассау – местному герцогу. Он правил тут в XIX веке.

Мы чокнулись, после чего я успокоил своего собеседника:

– Знаете, Ральф, а тому Адольфу тоже нужно поставить памятник. Нельзя же дискриминировать человека только за то, что он родился не немцем, а австрийцем.

Ральф оценил мою шутку. Мы понимающе засмеялись. Вообще же немецкое чувство юмора немножко иное. Чуть проще. В детстве в пионерлагере в Чехословакии я имел счастье лицезреть немецкие гонки на скорость с монетой, зажатой в заднице. Незабываемое зрелище! Оно происходило во время праздника, когда команды всех стран (а там отдыхали детишки из Польши, СССР, Венгрии и ГДР) стремились показать все лучшее, чему их научили. Это был немецкий день. День, так сказать, того лучшего, на что способен, по выражению Пушкина, «сумрачный германский гений». Но из памяти от него изгладилось все. Кроме единственного действительно выдающегося момента. Когда концертная программа достигла пика, немецкие пионеры выстроились на старте, а потом наперегонки, как кенгуру, поскакали к ведру – финальной точке забега. В жопе каждый держал по монетке – по какому-нибудь пфеннигу, наверное. Это была сложная задача – допрыгать и не выронить свое богатство. Но те, кому удавалось достичь заветного ведра, приседали над ним, как над унитазом, имитируя акт дефекации. Монетка со звоном ударялась о дно – ура! Задание партии выполнено. А вся публика радостно ржала.

В остальном немцы очень серьезные. Некоторые вещи до них вообще доходят с трудом. Два часа официальная представительница Висбаденского фестиваля выпытывала у меня, почему по статистике больше 50 процентов населения Украины называют своим родным языком украинский и те же больше 50 процентов требуют предоставить русскому языку статус государственного? И успокоилась только тогда, когда я объяснил ей все на образном примере:

– Представьте, что от Германии отделилась Бавария. Там снова сидит сумасшедший король, который запретил общенемецкий язык в государственных органах и требует, чтобы все разговаривали только на баварской «мове». Но население привыкло к немецкому и хочет, чтобы психопаты во власти уважали эту привычку.

– Но ведь баварский – это диалект немецкого! – воскликнула моя собеседница, с трудом представляя эту фантастическую картину.

– Видите ли, до революции украинский тоже считался диалектом русского. Но по политическим причинам его объявили языком. Хотя он отличается от русского меньше, чем баварский от хохдойч (литературного немецкого). Такая вот причина вашей статистики...

Но самой занятной встречей в Висбадене было явление украинского поэта Александра Ирванца – профессионального грантоеда, которого я знаю уже лет двенадцать. Грантоедство не пошло ему впрок. Бедный Ирванец остается таким же тощим, как глист, несмотря на все то количество грантов, которые он съел. (Впрочем, подозреваю, что внутри у него все-таки сидит настоящий глист – червь неудовлетворенных литературных амбиций). Ирванец синтезировался из вечернего воздуха возле пивной по соседству с тем же театром (о, классическое единство времени, действия и места, воспетое Буало!) и пришел в крайнее изумление, увидев меня. Ночью мы отправились гулять по Висбадену и спорить о литературе.

– Скажи! – вопрошал Ирванец, обращая ко мне свою усатую физиономию с просвечивающимися в лунном свете огромными ушами, напоминающими крылья летучей мыши. – Чому! сьогодні в Україні серед російськомовних літераторів немає зірок першої величини – таких, як колись Гоголь?

– А що, серед украшськомовних таї зірки є? – отпарировал я, твердо зная, что он ничего

не ответит.

Я не ошибся. Назвать себя «зіркою» у моего собеседника не поворачивался язык. Назвать кого-то из своих коллег – тоже не поворачивался. Вот он и молчал, переводя в уме на украинский пьесу какого-то польского драматурга. Это был очередной грант, за который он существовал – завидная доля «справжнього українського літератора».

Так мы и гуляли по городу, который Достоевский описал в романе «Игрок» под именем Рулетенбург. Я – живущий за счет гонораров от продажи своих книг. И Ирванец – продающий свою высокую идейность.

11 февраля 2009 г.

Памятка отечественному законодателю

Правовое государство у нас строят, как раньше коммунизм. С тайной надеждой – авось не доживем! Все только и говорят, что о верховенстве закона. А в глубине души желают ему провалиться в тартарары вместе с судами и уголовным кодексом.

Наш человек знает: жить не по лжи нельзя! Высшая радость для него: творить все, что взбредет в голову, и ни за что не отвечать. Ни один из героев украинских сказок не платил за квартиру, не служил в погранвойсках и даже не ездил по правилам уличного движения. «Анархия – мать порядка» – такой лозунг мог родиться только в нашей стране. Как и анекдот про вуйка, свято уверенного, что убивать москаля можно без риска схлопотать сдачу. (Помните: «А якщо москаль вас вб'є?» – «О, а мене ж за що?»)

В Украине не придерживаются не только международного права, но даже простых норм человеческого общежития. Только наш патриот может верить, что дешевый газ бывает за карие очи и черные брови, а хорошее отношение – за плевков в борщ соседу. «Якби ви знали, як нас не люблять!» – часто жаловались мне национально свідомые упыри. На что получали ответ: «А кого любите вы? Поляки для вас – «ляхи», евреи – «жиды», а все остальные украинцы, кроме вас, – «зрадники». Чего ж вы хотите?». Каждый из наших граждан настолько убежден в собственной справедливости, что напрочь отрицает ее у другого. Поэтому храмы отечественной Фемиды пребывают в запустении. Меньше всего типичный районный суд похож на телепрограмму с Игорем Годецким. Зайдите и убедитесь.

Вместо симпатичного судьи с интеллигентской бородкой – секретарши, дремлющие в канцелярии на засаленных папках. Вместо духа закона – запах принесенного из дому борща. Вместо строгой тишины, в которой пристало взвешивать человеческие вины, мышьяная возня никогда не кончающегося ремонта. В зале заседания вас еще может поразить государственный тризуб, прицепленный набекрень, как шапка разбойника. Сразу чувствуется: в этом месте не жалеют времени на установление истины – ни о чем другом даже не думают! Гражданские иски тут могут мариновать годами, как во времена тяжбы Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем. Разве что мостовые перед входом стали заливать асфальтом, лишив свиней конституционного права принимать ванны в уличных лужах. В остальном же – свинства достаточно.

Пустячное дельце с одной газеткой, обозвавшей меня маньяком, мурыжили больше трех лет. Все выясняли: «маньяк» – это оскорбление или медицинский термин? Редакция газеты практически переселилась в суд, а я был вынужден на время приостановить литературную деятельность, занятый только написанием полного собрания обвинительных речей. Все очень устали. Судья трижды ходила в отпуск, который, по закону, тянется у нее целых два

месяца. Вражина-редактор то валялся у меня в ногах, умоляя принять отступного, то пророчил, заходясь в истерике, что я плохо кончу. Но я хотел, чтобы все было только по закону! И в результате получил-таки свои десять тысяч за нанесенную обиду. И в придачу – стальные нервы, которым не страшны теперь конец света и дорожные пробки.

Но, что касается удовольствия, то и я, и проигравшая сторона чувствовали себя жертвами правосудия настолько, что вместе отправились пропивать выплаченные мне деньги в ближайший ресторан, поклявшись, что в следующий раз будем выяснять отношения только на дуэли. Кстати, в шоу Годацкого инсценировка этой истории заняла... пятнадцать минут! На экране все выглядело так, словно процесс – игра, а не повод для преждевременного инфаркта.

Попытки навести порядок в нашей правовой системе всегда напоминали генеральную уборку в квартире безумной домохозяйки. Устав от самодержавного гнета, в 1917 году придумали революционную законность. В результате отрубленные человеческие головы стали валяться на улицах, как гнилые арбузы. Не удовлетворившись достигнутым, через двадцать лет провели Большую чистку – выловили всех скрытых троцкистов и японских шпионов, а заодно тех, кто ни слухом, ни духом ничего не знал ни про Троцкого, ни про Японию! «Я не могу быть американским агентом, так как не знаю американского языка» – жаловался в ЦК знаменитый революционный матрос Дыбенко, муж первой советской женщины-дипломата Александры Коллонтай. Но шлепнули и его – за то, что плохо учился.

А совсем недавно орали: «Бандитам – тюрьмы!» Причем, громче всех – те, по ком тюрьма плачет. Коллективная безответственность неизбежно приводит к массовым репрессиям. Для полной справедливости нужно было бы посадить всю страну, а заодно – соседнюю (ту, что севернее), не разбираясь, кто в чем виноват. У нас трудно найти праведника, не обманывавшего государство, не грабившего народ, не расхищавшего социалистическую собственность или не добывавшего капиталистическую – незаконным путем. Сидеть должны все! Кто – за старое, кто – за новое. Остальные – авансом. За преступления, которые могут совершить в будущем, но еще не успели. Одновременно должны действовать «Судебник Ивана Грозного», сталинская Конституция и Декларация прав человека – чтобы опричник резал, зная свои права, а не просто так – по вдохновению.

Власть – от Бога. Но законы – от людей, находящихся при власти. Поэтому в них мало божественного. То, что считается преступлением в одни времена, при изменившихся обстоятельствах может оказаться подвигом. В дни мира казнят за то, что поднял руку на соседа. А в дни войны – из-за того, что рука не поднималась. Узаконенный грабеж государством имущества обывателей называется налогом. А справедливое уклонение последних от попыток запустить руку в их карман – подрывом общественных институтов. При этом только слепой не видит, что за последние пятнадцать лет власть прочно пересела в «мерседесы», а обыватель по-прежнему трясется на работу в трамвае. Или, в лучшем случае, в малолитражке – осторожно уступая «мерседесам» дорогу.

То, что настоящая революция не за горами, не видно пока только верхам. Провернув изящную махинацию под названием «Майдан» и передав руль от Кучмы кучмистам (всех окрасов – от оранжевого до бело-синего), министры-капиталисты не верят в мозолистую руку рабочего и бульжники пролетариата. Они думают, что желудок пролетария до краев залит дешевым пивом и водкой. Но забывают, что однажды этого успокоительного может не хватить.

В мире еще много сюрпризов, не учтенных ведомствами статистики. Какой-нибудь

талантливый жучок за один сезон может погубить посеvy ржи и пшеницы. Какая-нибудь сочувствующая революции тля одним махом способна уничтожить плантации хмеля. И тогда я посмотрю на державных мужей, давно продавших госрезерв налево и поставленных роком перед выбором: что выпускать из остатков урожая? Батоны для старушек? Или водку для алкоголиков? В любом случае – народного гнева не избежать. Ибо пятью хлебами накормить бомжей удалось только Христу – и то многие из ошастливленных погибли в образовавшейся давке.

Умный человек сам себе устанавливает правила. Я всегда говорю: судите меня после смерти, по каким угодно законам. А при жизни – я сам себя судить буду. А заодно – и вас.

Пир побежденных

В вечность есть два пути. Один – верхом на белом коне. Другой – у коня под копытами. Последний даже выигрышнее. Слегка примятые, но живые заслуживают большей популярности. Главное, чтобы не затоптали целиком. Зато за битого двух небитых дают.

Фатальная несправедливость истории состоит в том, что победой пользуются не победители, а уцелевшие побежденные. С победой вообще неизвестно, что делать. Вроде бы она есть. Но плоды ее – всегда воруют. Так было со времен Троянской войны. Блистательного Агамемнона замочили сразу после возвращения свои. Чтобы он не открыл какой-нибудь новый фронт. Ахилл вообще не дотянул до победы, оплатив своей жизнью дорогу домой хитрецу Одиссею, всю кампанию просидевшему в тылу. Зато разбитый в пух и прах троянец Эней переселился не просто на новую родину, а в благословенную Италию. Теперь потомки «бедного» эмигранта живут в стране сплошного курорта, визу у которой выпросить сложнее, чем у любой ее сестры по Евросоюзу.

«Хотите вы иль не хотите, но доблестнее победитель», – писал еще в XIII веке провансальский трубадур Кретьен де Труа. Если бы оно так и было! Читая мемуары битых генералов, сто раз убеждаешься: самые доблестные они! Именно потому, что проиграли. А победившие получили свою победу исключительно из-за Божьего головотяпства. Не доглядел, видите ли, вездесущий – не тем распределил лавры! Но правда – в ином. Побеждают всегда варвары. Или те, у кого варварства больше в крови. Гитлер был субъектом, намного интеллигентнее Сталина. С куда более утонченной нервной системой. Как и его полководцы, воспитанные на философской прозе Фридриха Ницше. Неудивительно, что «Утраченные победы» фельдмаршала Манштейна так приятно читать. А чего вы хотите от «Воспоминаний и размышлений» крестьянского парня Жукова? Каких размышлений? О чем? Такую же книгу с еще большим успехом накрутила бы мясорубка! Или сенокосилка, подсоединенная через секретаршу к пишущей машинке.

Победители только так и пишут – скучно и обстоятельно. Если только успевают написать. У них много других неотложных дел. Вечные банкеты по случаю очередной годовщины победы. Парады. Встречи с наследниками боевой славы. Рука только потянется к перу, а адъютант уже в нее рюмку сует. Зато каждая разбитая армия дает мощный толчок мировому искусству. Бездарный князь Игорь, попавший в плен, умудрился стать героем поэмы, оперы и даже мультфильма. Наполеон, которого успешно били Кутузов и Веллингтон, имеет почему-то репутацию великого полководца. Хотя, по-моему, парень просто чаще других просил дать ему по морде. Список его поражений перевесит любой Аустерлиц.

Но какой роскошный эпилог! «Максимы и мысли узника Святой Елены», на каждой

странице которых бедняга доказывает, что был не так уж плох. Целые библиотеки воспоминаний, нашлепанных ветеранами, дезертирами и блядьми его армий. «Подвиги бригадира Жерара» поверившего в эту сказку Конан Дойля. «Война и мир» вредного старика Толстого. И, наконец, уже в XX веке тысячи километров киноплёнки, вновь и вновь воспевающей какие-нибудь «Сто дней» толстопузого недомерка в распиаренной треуголке. Ворчуны из Старой гвардии не прошагали столько, сколько пробежали дубль за дублем операторы с камерой в руках, пытаясь вызвать дух великого неудачника!

И конца этому помешательству не видно. Даже когда съёмки нет, члены бесчисленных исторических клубов, нацепив наполеоновские мундиры, собираются на Ватерлоо, чтобы отметить очередную годовщину самого выдающегося в мире поражения. Хоть бы один из них, сделав фанерную «тридцатьчетверку», поехал под Курск праздновать великую победу Красной армии! Но уверен: если кому-нибудь придет в голову, что это еще и место поражения «непобедимых» танкистов фюрера, тут же явятся толпы идиотов, которые наклепают макеты «Тигров» из жестяных корыт и будут кататься на них по колхозным полям, распевая немецкие марши.

Странная, на первый взгляд, поэтизация поражений имеет простую разгадку. От природы большинство людей – мазохисты. Им нравится страдать. Поэтому они любят великих страдальцев – свой облагороженный идеал. В любом классе найдется совсем немного мальчиков (чаще всего ни одного), которые бы признались: «Да, мне нравится снимать скальпы, расстреливать пленных, глумиться над женщинами и совершать другие преступления против мирного населения. Но я – маленький и еще не имею возможности это сделать. Поэтому пока пришлось удовлетвориться Петенькой, которому я просто заехал в нос». Попробуйте-ка найти такого героя! Зато каждый из двух пойманных учительницей за ухо негодяев, подравшихся на перемене, станет голосить, как изнасилованный, указывая на другого: «Он! Он первый ударил!» А потом оба будут долго оплакивать на уроке все свои царапинки, как будто они золотые.

Настоящих садистов мало, так же как буйных и вожаков. Они постоянно заняты делом. Им некогда писать воспоминания. Слишком увлекателен процесс реального издевательства, чтобы заменить его сублимацией. Мучители-профессионалы собираются в специально отведенных местах – парламенте, Кабинете Министров, генеральном штабе и всласть пьют кровь и сок из народа. Но так как крови и сока на всех не хватает, то время от времени приходится есть и кого-то из своих – особенно насосавшегося. Получается как с тем крокодилом, который в конце концов пошел на дамскую сумочку. При жизни только то и делал, что жрал все вокруг. Зато теперь – жертва и укор каждой любительнице натуральной кожи. На свихнувшемся Западе защитницы животных за него голову оторвут. Или краской обрызгают. Точно так же, как и за шубку из соболя. Видели бы они того соболя, когда он ел птенчика из чужого гнезда! Или милую застенчивую белочку, пьющую из недосиженного яйца желточек! Может, тогда бы и поняли, что настоящие шубы делают только из суперхищников, нагулявших своими преступлениями особенно густую шерсть.

Украинское «розстріяне візродження» значит хоть что-то только потому, что его расстреляли. Доживи Есенин до старости, он был бы никому не нужен. Ни критикам, ни поклонникам. Но удачно подсунутая судьбой веревка в «Англетере» повесила его прямо в Вечности, где он болтается до сих пор. В отличие от дырявой кастрюли череп Маяковского ценен именно потому, что с дыркой. Через это пулевое отверстие вытекла самая совершенная строчка его поэзии. Та, что без рифмы и размера – жизнь. «А не поставит ли точку пули?» –

писал молодой Владимир Владимирович и в конце концов поставил, превратив свою биографию в недостижимый образец для любого неудачника рангом ниже.

Побежденные предпочитают пировать по-крупному. Любимые места их пьянок – суровая скандинавская Валгалла, куда собираются герои, убитые в бою, и мусульманский рай, где погибших за веру пророка ласкают полногрудые гурии и поят водой, которой им так не хватало на выжженном пустынном Востоке. В хорошем обществе считается неприличным быть победителем. Аристократы любят спорт не из-за победы, а ради участия. Высший балл тут получают только рекордсмены гонки за титул самого униженного и оскорбленного.

Журналистика как ремесло падальщика

Журналистов называют «сторожевыми псами демократии». Это не совсем верно. А в мусульманских странах даже оскорбительно. Собака там – грязное животное. Пророк Мухаммед очень не любил собак, зато обожал кошек. Поэтому, если вы вздумаете польстить турецким или иракским «акулам пера», обратившись к ним со словами: «Дорогие сторожевые псы демократии! Желаем вам успехов в караульной службе!», они оскорбятся. Даже та «акула» обидится, что недавно бросала ботинок в Джорджа Буша и максимально приблизилась к стандартам бульварной журналистики «свободного мира».

А, кроме того, кто сказал, что сторожить можно только демократию? Классическую монархию или тоталитаризм тоже очень можно сторожить и при этом быть выдающимся журналистом.

Может, кого-то и передернет, но даже в гитлеровской Германии хватало наших пишущих и снимающих братьев, до уровня которых многим еще тянуться и тянуться! Я – не о докторе Геббельсе. Он, скорее, не журналист, а отец современного пиара (те, кто впаривают нам сейчас на выборах кролика Сеню или бабу Юлю пусть помнят, кто их духовный папа!). Я – о Лени Рифеншталь, чьи документальные фильмы «Триумф воли» и «Олимпия» до сих пор разбирают по кускам и суют в свои опусы почти все авторы передач о Третьем Рейхе.

Даже Миша Ромм – добропорядочный советский режиссер, автор фильмов о Ленине, бедную Лени обобрал до нитки, надергав из ее шедевров кадров для своего «Обыкновенного фашизма» – обыкновенной халтуры, если честно, где ошибка уже в названии. Не было, господа, в Германии фашизма. У них был национал-социализм, сокращенно – нацизм. А фашизм – это итальянское блюдо. Куда более диетическое и отличающееся от нацизма, как Муссолини от Гитлера и пицца от сосиски.

В сталинском СССР тоже был свой выдающийся журналист – Константин Симонов. Будет время, прочитайте его «100 суток войны» – о первых трех месяцах Великой Отечественной. Симонов ездил по фронту в самые хреновые дни и описал то, что никто больше не успел или не посмел. Причем часто глазами не только очевидца, но и участника. Ему чудом удавалось вырываться из окружения в Белоруссии, он ходил на задания вместе с моряками-черноморцами на подводной лодке и ползал под минометным обстрелом на Арабатской стрелке. Даже лично застрелил паникера на шоссе где-то под Бобруйском. Никакому американскому Хемингуэю, сочинявшему свои репортажи о гражданской войне в Испании из гостиничного ресторана в Мадриде, такое не снилось. При этом Симонов до конца жизни оставался сталинистом. Ему принадлежит фраза о культе личности, сказанная уже во времена Хрущева: «Был культ, но была и личность!».

Это я к тому, что можно быть человеком весьма непопулярных ныне, как говорится,

«реакционных» взглядов и при этом талантом первой величины! Был в России до революции такой ультраконсервативный публицист Михаил Меньшиков из газеты «Новое время». До чего его вся передовая публика ненавидела! Но статьи Меньшикова глотали взахлеб все, невзирая на политические взгляды – от эсера с бомбой за пазухой до монархиста. Недавно толстый том меньшиковского наследия переиздали – вроде бы все должно устареть, как переписка Энгельса с Каутским. А читаешь – не оторвешься: «Бутылка водки поистине сделалась осью русской земли... Интеллигентные тупицы кричат, что все это от народной необразованности. Дайте мужику просвещение, и он перестанет пьянствовать. Как будто не пьянствуют у нас – притом, до потери образа человеческого – просвещенные люди, даже профессора!»

Поэтому я предлагаю совсем другую классификацию пишущей и снимающей братии: по системе питания. Как и весь животный мир, она распадается на вегетарианцев и плотоядных. Вегетарианцы всю жизнь работают в отделах рекламы, расхваливая шампуни и «звезд». Больше всего они боятся кого-нибудь обидеть. Это они убеждают нас, что Славик Вакарчук – секс-символ, Тина Кароль – красавица, а Виктор Ющенко – тонкий ценитель культуры. Читать творения журналистов-вегетарианцев омерзительно – все у них или из травы (потому что только обкуренный может верить в то, что плешивый сын министра – секс-символ, барышня с задом, по которому словно лопатой хлопнули, – красавица, а сельский жлоб – меценат), или из сахара и патоки. Конечно, можно съесть кусочек, как съедаешь на десерт пирожное, но читать такое постоянно – это как жить в мире, где кроме глянцевого журналов и рекламных проспектов вообще никакого печатного слова нет.

Куда интереснее творчество плотоядных – злобных охищенных особей, в арсенале которых, в зависимости от таланта, широкий выбор орудий творчества – от обязательного компромата до черного юмора, весьма не лишнего настоящему мастеру пера. Почему я говорю «охищенных»? Потому что настоящих хищников, в отличие от политиков и криминала, среди журналистов нет. Они только подражают повадкам людоедов, пыжятся от важности и корчат из себя особ, равных тем монстрам, о которых пишут. Но как бы то ни было, вся пресса живет по принципу: кому война, кому – мать родна. Это для обывателя падение гривны – неприятность. А для экономического обозревателя – повод блеснуть мозгами в новой статье. Крушение поезда, катастрофа на электростанции, массовое отравление детей – постоянная пища для ньюсрумов во всех газетах. О ней молят Бога каждый день желторотые девочки и мальчики, только что выпущенные из института журналистики: «Господи, труп насущный дай нам днесь!».

В зависимости от специализации, плотоядные журналисты делятся на киллеров и падальщиков. Киллеры работают по заказу. Это добрые чувствительные правдолюбцы, твердо знающие, что порядочных людей на свете, кроме них, нет и быть не может. Своих жертв они не любят. Заказчиков – тоже. Но жить без заказчиков не могут, так как заказать кого-нибудь самому себе – непозволительная роскошь. Обычно киллер выдает на гора свежий политический труп, довольно вытирает пот с чела, с аппетитом обедает лучшими его частями, а всякую требуху бросает падальщикам, с нетерпением ждущим своей очереди. Те обглаживают до косточек все, что осталось, истекая слюнями бесчисленных комментариев.

Лучший киллер нашей эпохи – вообще не профессиональный журналист, а бывший сторож – Мыкола Мельниченко. Он самого Кучму завалил, оставив падальщикам рассуждать, кому это выгодно, для кого сделано и что бы это значило? Своей деятельностью киллер Мыкола блестяще доказал, что журналист вообще может не уметь писать. Зато обязан уметь

подслушивать. Полное собрание сочинений Мельниченко – тот самый цифровой диктофон, который он якобы под диваном прятал.

Когда-то мы спорили с моим редактором по «Киевским Ведомостям» Евгением Якуновым, должен ли журналист обладать хорошим стилем. Я считал, что просто обязан. А Якунов доказывал, что нет. Главное – добыть информацию, и читатели сожрут ее с хрустом, даже если она плохо прожарена и на битом блюде подана («битое блюдо» – это мой образ. Якунов выражался проще: «Читатели прочтут сенсационную статью, даже если она плохо написана»). Случай с Мельниченко показал, что сенсационную статью прочтут, даже если она вообще не написана. Причем, главной жертвой этой статьи стал «известный писатель Кучма» – автор книги «Украина – не Россия», который тоже ее вряд ли писал.

Возможно, кто-то обидится на слово «падальщик». И напрасно. Я не считаю его обидным. Ведь вокруг столько падали развелось, что если не убирать ее с лика Земли, то все просто сдохнет от вони. Настоящему журналисту не в падло быть хоть киллером, хоть падальщиком. Главное – не стать гробовщиком, работающим на «кладбище» – в газете, которую никто не читает, и на канале, который никто не смотрит.

Безукоризненное несовершенство

Плыть против течения почетно, но тяжело. Сначала тащишься от своей крутизны, потом ноешь от одиночества и, наконец, спрашиваешь: зачем мне это надо? Не лучше ли быть таким, как все – приятным в общении и незамысловатым?

На заре жизни почти всех нас донимает тяга к прекрасному. Мы соперничаем за любовь ближних, мечтаем о самой красивой девушке в мире, миллиарде долларов на счету и Оскаре за лучшую роль. Но однажды замечаем, что все это неважно – мир принадлежит уродам. Только они получают подлинное удовольствие от существования, в то время как мы отравлены нелепой эстетикой совершенства. Герои колониальных войн возвращаются домой, чтобы услышать от чиновника в военкомате: «Я вас туда не посылал!» Олимпийских чемпионов забывают на следующий день после ухода из большого спорта. Конкурсы красоты обновляют состав участниц ежегодно. А уши Микки-Мауса никто даже не собирается отнести в клинику пластической хирургии – их образцовое уродство приносит прибыль и так.

Цель никогда не оправдывает средства. Мой приятель угробил десять лет на возведение дома своей мечты. Растоптав экологические нормы и законы Украины, он урвал кусок заповедника на берегу Днепра, изгнав оттуда бобров, зайцев и местных жителей, и воздвиг замок, в сравнении с которым французские «шато» в долине Луары кажутся вигвамами индейцев. Но настоящий хозяин в этом феодальном раю – не мой друг, а его садовник! Именно он живет тут круглый год, наслаждаясь чистым воздухом и живописным видом из окна, в то время как номинальный владелец собственноручно убивает себя на работе, борясь за звание ударника капиталистического труда. Бросить «каторгу» бедняге не дано – она принадлежит ему целиком до последней акции и приносит хорошие дивиденды. Одна беда – не ясно, кто кем руководит. Фирма – директором? Или директор – фирмой?

Рафаэли и Фидии – только досадные отклонения на магистральной линии развития человечества. Нормальный обыватель ничего не слышал о гармонии и принципе «золотого сечения». Бывший мэр Омельченко перенес архитектурные кошмары своего родного села в Киев без комплексов и сомнений. Его не волновало, что колонна на Майдане Незалежности

«слизана» с точно такой же в Будапеште, а идея переустройства самой площади напоминает торт, выпеченный на кондитерской фабрике им. Карла Маркса. То, что до него тут творили еще какие-то «архитекторы», тоже не беспокоило градостроителя-самородка. Он самовыражался из любви к лопате и зарытым бюджетным деньгам. Если бы судьба сделала его мэром Рима, от Колизея тоже остался бы только подземный торговый центр!

Необъяснимый, на первый взгляд, успех Малевичей и Пикассо в XX веке покоится на железобетонном фундаменте. Искусствоведы будут молиться не только на черный квадрат, но даже на дырку в холсте – лишь бы иметь право издеваться над принципами красоты, а не работать в поле под плетью надсмотрщика. Втайне они знают: обывателю нет никакого дела до подлинного искусства. Если граждане, не испытывая никаких неудобств, всю жизнь проводят в уродливых квартирах, женятся на Пронях Прокоповнах и одеваются «у Воронина», значит Малевича они тоже схавают. В квадратные головы удобнее всего вкладывать принципы кубизма. То и другое идеально создано друг для друга.

Все примитивное всегда побеждает. Оно берет числом, а не умением. Русские завалили мир матрешками, украинцы – писанками, американцы – пробочками от Кока-колы. Глядя на предметы народных промыслов, хочется уничтожить народ.

Мы редко задумываемся, что все прекрасное в нашей стране было создано в короткий промежуток между 1700 и 1917 годами. Насмотревшись в заграничном путешествии европейских чудес, Петр I захотел привить своим подданным хороший вкус. Из Италии и Франции завезли учебники и специалистов по высокому стилю. Естественно, не лучших, а тех, которые согласились поехать. Петербург и Москву по мере сил наполнили копиями из Парижа и Венеции. На губернские центры пошло то, что осталось. Поэтому, если Царское Село передирали с Версаля, то Киеву досталась только тень тени – одноэтажный Мариинский дворец, представляющий собой карликовый вариант Зимнего.

Два музея, которыми так гордится наша нынешняя независимая столица – Западного и Русского искусства, – всего лишь частные коллекции миллионера Терещенко и его зятя адвоката Ханенко, отобранные у хозяев советской властью. Больше ценителей изящного в Украине XIX века не нашлось – сахарозаводчик Лазарь Бродский вложил деньги не в картины, а в более доступный его практическому уму Бессарабский базар. Подлинных шедевров в Киеве так мало, что даже в музейные вору идут одни дилетанты – красть в общем-то нечего. А если и украдешь, то некому продать! В стране, где даже президент коллекционирует колеса от крестьянских телег и расписные деревянные корыта, а высшим достижением национального духа считается печной трипольский горшок, эстетизм нужно классифицировать как психическое отклонение. Странно, что тут еще не закрыли Оперный театр, перепрофилировав его в зал игровых автоматов – зачем народу бельканто, если каждый может купить караоке?

Накануне Октябрьской революции отшлифовавший художественную выучку в Петербурге потомок запорожских казаков Дмитрий Мережковский ужаснулся, почуввав интуицией приход «грядущего хама». Своей пророческой брошюрой он думал отвратить беду. Но хам все равно явился! И не сам, а с хамкой! Наплодив бесчисленного хамья, это чудовище определило стиль нашей эпохи. Плохо не то, что существует человек толпы. Плохо то, что он перестал стесняться. Раньше, проходя мимо королевской резиденции, простонародье чувствовало, что за зеркальными окнами скрывается какая-то другая высшая жизнь. Мраморные статуи богинь с телами, которых никогда не бывает у кухарок, мундиры гвардейцев и мелодии Моцарта, доносившиеся из дворцовой капеллы, убеждали, что тот, кто

это заказал, не может быть таким, как все. Власть имела тайну, а искусство обязано было ее поддерживать. Но теперь музы служат не монарху, а конюху. Вокруг этого полупьяного субъекта вертится теперь вся художественная жизнь. Толпы продюсеров и кураторов бегают наперегонки с вопросом: «Чего тебе еще хочется, мужчина?» Чудовище уже наелось чизбургеров, налилось пивом, вылюбило свою такую же объевшуюся и опившуюся даму сердца с пупком, вывернувшимся вместе с животом за ширинку джинсов, и теперь блаженно порывивает, само не зная, какого рожна еще пожелать. Самое разумное было бы натравить на него взвод конных драгун, чтобы оно убралось с загаженной площади. Но продюсеры не унимаются: а может все-таки развлечь его искусством? Мыльной оперкой? Сериальцем? Какой-нибудь музычкой? Может, оно облагородится?

Да оставьте его в покое, господа! Никакого искусства оно не хочет! Оно давно уже просит кнута. И тот, кто первым ему этого даст, снова двинет вперед и живопись, и оперу, и роман.

Ад сбывшихся желаний

Человеку свойственно иметь сверхцель. Некоторые хотят стать моряками. Другие – просто выйти замуж. Третьи – занять первое место в списке миллиардеров по версии журнала «Форбс» или хотя бы купить джип BMW «X5». Мне всегда хотелось спросить их: что вы будете делать потом? Когда купите, станете или выйдете. А вдруг муж окажется редким мерзавцем, способным только бить вас смертным боем в редкие минуты, свободные от супружеских измен? Флот сократят? BMW украдут? А в момент, когда станете топ-миллиардером, на вас обрушится потолок в зале для награждения победителей?

И даже если потолок не упадет, машину не угонят, а муж будет любить искренне и нежно, принося каждый вечер в дом цветочек, все равно стоит тот же проклятый вопрос: что делать после того, как желание исполнилось? Лет десять назад огромной популярностью пользовалась книга психолога Берна «Игры, в которые играют люди». Ее автор ввел понятие «жизненного сценария» и разделил человечество на победителей и проигравших. В первый разряд попадали те, кто свой жизненный сценарий выполнил на все 100. В последний – «лузеры» с неудовлетворенным аппетитом. Причем, если у ребенка была скромная цель стать слесарем и он ее достиг, то его следовало считать победителем. Точно так же, как и того, кто в детстве хотел Нобелевскую премию и в конце концов ее получил. Но если вы мечтали о Нобелевке, а обзавелись только шевченковским лауреатством, то вас все равно следовало считать проигравшим.

Классификация эта, на мой взгляд, страдала некоторой упрощенностью. Как и все истинно американское. Наподобие чизбургера из фастфуда, в ней были белки, углеводы и даже витамины. Не было главного – вкуса. На самом деле у человека может быть много жизненных сценариев. Или ни одного. Брижит Бардо сначала хотела стать балериной, но неожиданно превратилась в кинозвезду, а потом – защитницу животных. До того, как податься в диктаторы, Сталин учился на простого приходского попа. Да и Пушкину светила карьера заурядного дипломата, не напиши он несколько «возмутительных» стихотворений. Спрячь их Александр Сергеевич подальше, был бы в конце концов посланником где-нибудь в Неаполе – как пить дать! В Лицее многие пописывали. Но попал впросак один он.

И, кроме того, жизнь дарит иногда совершенно незаслуженные подарки, на чем строится идея лотереи. Она подкидывает сценарии, о которых мы даже не задумывались! К

примеру, я в четырнадцать лет мечтал только о том, чтобы хоть одна девочка меня поцеловала. А в пятнадцать уже был готов трахнуть всю женскую половину мироздания, за исключением уродин и дряхлых старух. Я выбрал заведомо невыполнимый сексуальный сценарий. Зато теперь не рискую умереть от пресыщения. Даже если какой-нибудь Берн обзовет меня половым неудачником. Я никогда и в страшном сне не мечтал стать журналистом, а занялся этой почтенной профессией только, чтобы не загнуться с голоду после развала СССР. Но оказалось, что Бузина-корреспондент – это приусадебный участок, на котором вскоре проросли Бузина-литератор и Бузина-философ. До сих пор эта грядка питает свою верхнюю часть впечатлениями и полезными знакомствами, а в трудный момент – еще и регулярной порцией финансовой каши. Кто мог знать, что так получится?

На буддистском Востоке считается, что человек, полностью освободившийся от плена страстей, попадает в нирвану – абсолютную пустоту, которая еще лучше, чем счастье. Но нет никаких гарантий, что он не провалится в нечто иное. В то, что на молодежном жаргоне 80-х называлось «смурняком». «Такой смурняк, – жаловалась моя миниатюрная соседка по общежитию Одесского госуниверситета, затягиваясь сигареткой величиной с себя. – Ты даже представить не можешь!». Я действительно не мог. Меня влекли пляжи, девушки, тайны филологии и культуризма, запрещенная литература, которую только что разрешили, и, наконец, стихи Гумилева с замечательной строчкой: «Я не оскорбляю своих читателей неврастением». Одним словом, меня интересовало все, кроме смурняка. Но вид этой девочки; в двадцать лет уже достигшей предела совершенства, до сих пор стоит у меня перед глазами.

Трагическая пустота от сбывшихся желаний заставляет некоторых не желать вообще ничего. Бесконечности страстей они предпочитают бесконечность самоограничений. Христианство тоже учит смирять плоть. В этом есть определенная доля истины. Индивидуум, совершенно не умеющий сдерживать себя, взберется на первый попавшийся сексуальный объект, не исследовав его санитарное состояние, и в результате сдохнет от СПИДа в полном расцвете сил. Но если ему повезет и он подцепит только гонорею, у него может выработаться определенное хладнокровие. Или привычка иногда пользоваться презервативом.

Если представить другую крайность – субъекта, научившегося всегда держать себя в руках, то для его изображения лучше всего подойдет образ котла с намертво заваренным клапаном для сброса пара. Рано или поздно этот «идеал» просто взорвется от того, что у него снесет крышу. Бесы, гнездящиеся в каждом из нас, иногда просятся наружу. Их полезно выпускать, а не накапливать, чтобы они карабкались друг на дружку в хрупкой колбе нашей души. И в смирении, и в разврате следует соблюдать золотую середину, впадая поочередно в то и другое с должной осторожностью, полезной для организма. Время от времени наша психика рвется за пиршественный стол. Но порой ее необходимо сажать на диету. Тем слаще потом покажутся простые житейские радости.

Человек, отказавшийся от новых желаний, потому что его заветная мечта уже сбылась, попадает в круговорот механических повторений. День за днем он ходит на одну и ту же работу, общается с теми же приятелями, совокупляется с той же женщиной и пьет то же пиво. Или посещает тот же закрытый яхт-клуб и покупает тех же проституток исключительно из элит-категории за тысячу долларов ночь. По-моему, и тот, и другой уже в Аду. Они не могут представить, что за пределами привычного мирка есть тысячи неведомых тропинок, где ждет избавление от скуки. Там притаились маньяки и ангелы, бесплатный сыр

без мышеловки и мышеловки без всякого сыра.

Ни одно человеческое существование еще не заканчивалась чем-либо иным, кроме смерти. А потому всякое желание имеет право на жизнь. В ожидании и так известного конца любой конец становится началом. Заработав миллиард, можно попробовать научиться ремонтировать ботинки. Достигнув совершенства в ремесле сапожника, почему бы не попытаться обогнать Била Гейтса в искусстве продажи компьютерных программ?

Из Ада Сбывшихся Желаний есть только один путь к бегству – через Калитку Неведомых Возможностей...

Увы, эта калитка для самого неуёмного и не уставшего от жизни, политики, творчества Олеся Бузины – захлопнулась...

В день 145-летия со дня рождения Ленина, созидавшего Украину в сегодняшних границах, президент Петр Порошенко через неделю после гибели Бузины издал указ о мероприятиях по чествованию украинских сечевых стрельцов и 100-летия их призрачной победы на горе Макивка. Эта новость отражена во всех СМИ и оперативно была прокомментирована российскими федеральными телеканалами с историческим анализом, обвинениями в кровавых злодеяниях и показом страшных кадров. Но это ведь указ-плагиат!

Порошенко не знает, что еще придумать, и сыплет немислимыми формулировками: «С учетом весомой роли формирования украинских сечевых стрельцов в возрождении национальных военных традиций, их активного участия в Украинской революции 1917–1921 годов и становлении украинской государственности в начале XX века». Для этого, кроме традиционных лекций, выставок и научных конференций в рамках выполнения указа в мае 2015 года на горе Макивка (Сколевский район Львовской области) пройдут юбилейные мероприятия, в том числе с участием молодежных организаций Украины. Поручено назвать или переименовать воинские части, учебные заведения в честь украинских сечевых стрельцов. Освещать 100-летие победы УСС на горе Макивка должны, понятное дело, и на украинском телевидении. И никто почему-то не сказал на всю Россию, что Порошенко выступил с жалким повтором, с тщетным призывом к акции, которая один раз провалилась почти без всякого участия нашей информационной мощи.

Еще на Рождество 2009 года незадачливый президент Виктор Ющенко, большой любитель отдыха в Карпатах, подписал указ о чествовании тех же украинских сечевых стрельцов. Президент, позорно растративший народную поддержку и провально уходивший с поста, распорядился, чтобы за два месяца был разработан похожий план мероприятий на 2010 год по празднованию, изучению и освещению деятельности сечевых стрельцов. Было даже написано батальное полотно, над которым успел поиздеваться в прессе Олесь Бузина!

Через пять лет Порошенко вдруг снова задолдонил о том же. Да, это подразделение из этнических украинцев весной 1915 года и впрямь вело бои в Карпатах. Во время Гражданской войны, натурально, сражались против советской власти. Указ Ющенко был приурочен к 95-летию мифической победы украинских частей австрийской армии над русскими на горе Маковка. Муж американки распорядился провести общественные мероприятия в Киеве, Львове и других городах Украины. Особо он настаивал на том, чтобы правительство Украины и руководства Автономной Республики Крым, администрации Киева и даже города-героя Севастополя приняли меры по переименованию улиц, проспектов, площадей населенных пунктов, военных частей и учебных заведений в честь сечевых стрельцов. Кстати, в Киеве улица Артема, идущая к православной Лавре, была самовольно переименована в улицу Сечевых стрельцов, бившихся против православных, – без ведома столичных властей, на уровне местного самоуправления.

Согласно документу, было предусмотрено проведение в мае 2010 года (Ющенко не верил, что он уже никогда не будет президентом) на горе Макивка Всеукраинской молодежной патриотической акции. Что ж там было век назад? Наступление на Макивку

русская армия начала с 28 на 29 апреля 1915 года. После однодневного боя сотни Осипа Будзиновского и Андрея Мельника (позднее одного из лидеров ОУН, оппонента Степана Бандеры) захватили вершину, а сотни 1-го куреня оттеснили русские части к реке Головчанке.

Неудачей закончилась для русской армии и вторая попытка занять Макивку 30 апреля после сильной артиллерийской подготовки. В этих боях легион понес тяжелые потери: сорок семь человек убитыми, семьдесят шесть ранеными, несколько десятков попали в плен. Однако русским частям 1 мая удалось взять гору. УСС понесли в этот день наибольшие потери: в плен попали несколько австрийских сотен и часть сотен Мельника и Будзиновского. Венгры сменили усысовцев на передовой, отправив их в резерв. Однако Порошенко захлебывается от гордости: «Захватить вершину московским войскам (что за термин из седых времен? – А.Б.) удалось только 4 мая, а не 29 апреля, как планировалось. При этом были задействованы все имеющиеся российские резервы. Из-за огромных потерь российские войска не смогли продолжить наступление и уже через неделю вынуждены были поспешно отступать перед поступившими австрийскими подразделениями». Да хватит заливаться! – это был тяжелый, но обычный бой за господствующую высоту, которая осталась в наших руках до победного Брусиловского прорыва.

Даже совестливые украинские историки предпочитали не упоминать о том, что командование 130-й бригады 4 мая бросило сечевых стрельцов в новую контратаку, которая закончилась неудачей. Однако эти старания и жертвы УСС и тогда не остались незамеченными. В приказе командира 55-й вражеской дивизии генерала Флайшмана говорилось: «Украинцы! С большой гордостью можете смотреть на ваши героические действия. Каждый должен быть горд за принадлежность к вашему легиону, который по праву может называться отборной частью. Я уверен, что в каждой опасности на вас можно рассчитывать. Чтобы эти желания исполнялись – трижды слава!» Да, все флайшманы могли и тогда на Ющенко, и на нынешних последователей усысовцев вполне рассчитывать. Кстати, подчеркиваю, это не презрительно-москальское, а чисто украинское неприятное прозвище.

Все мои историко-писательские дороги, где собирал я материалы для книг «Брусиловский прорыв», «100 великих славян» и последней – «Галиция – проклятье Украины», пролегали там, где воевали, предавали, вредили России ее тайные и открытые враги: шляхтичи, униаты, усысовцы, бандеровцы, правосеки. Приезжаешь во Львов, идешь от вокзала к центру – проходишь мимо памятника Степану Бандере и массивной мемориальной доски Евгению Коновальцу. Много они русской, еврейской, польской да и украинской кровушки пролили. Наследникам их – боевикам «Правого сектора» и депутату Дмитрию Ярошу – памятника еще не поставили, зато каждый мусорный бак напоминает об их художествах, а каждая надпись «Слава Украине!» отзывается эхом среди обшарпанных домов: «Героям слава!» Националистическая обработка начинается с детства.

В украинском учебнике для 5-го класса упорно выстраивается образ России как заклятого врага, а признаков российской (даже параллельной с украинской) истории с именами и событиями – не существует. Есть лишь москвиты, московский царь, «его царское величество», не иначе как в кавычках. Но особого внимания заслуживает титульный лист пятого раздела, где в полный рост изображен воин, будто только сошедший с советских военно-патриотических плакатов, правда, почему-то со злобным выражением лица и в форме усысовцев, пытавшихся доблестно воевать во время Первой мировой войны на стороне Австро-Венгрии, но разгромленных Российской армией. А чтобы дети не сомневались, на

петлицах война на картинке тщательно выведено «УСС».

Я тоже, как и Олесь, путешествовал по Галиции, особенно по предгорьям Карпат и следам боев моего отца – поручика 171-го Кобринского полка Александра Боброва, который был ранен во время знаменитого Брусиловского прорыва у другой известной горы – Магура. Впервые я столкнулся с восхищенным изучением и даже обожанием сечевых стрельцов как раз недалеко от Макивки, в городке Сколе на Львовщине, через который выезжал к станции железной дороги. Сначала зашел в униатский огромный храм с мемориальной доской в честь 400-летия позорной Брест-Литовской унии, где увидел брошюру «Как Москва уничтожала украинскую церковь» и подивился искренне: как можно уничтожать то, чего не существовало отродясь? Потом направился мимо каких-то руин в администрацию на огромной и неухоженной площади. Там мне сказали, что лучшим краезнатцем является советник председателя городской рады Теодор Ветвицкий, бывший учитель. Он встретил радушно, повел к себе домой, напоил кофе и принялся показывать альбомы усысовцев. Рассказывал захлеб, увлеченно: «Усысовцы! Смотрите, какие прекрасные лица!» Лица, конечно, были достаточно обыкновенные, не лучше фотографий моего отца и его товарищей, которые, может быть, сражались как раз с усысовцами во время Брусиловского прорыва. Но меня поразили напор и гордость за тех, кто воевал за давние и чуждые интересы: «хочет каждый украинец Гамбургам служить», как поется в лакейской песне. Я на своих дорогах по России уже не встречаю учителей и чиновников администраций, кто бы мне с такой же вдохновенной гордостью рассказывал о фронтовиках-земляках, героях-пионерах, подпольщиках и партизанах куда более близкого времени. Учиться надо в году 70-летия Победы!

Потом немало прочитал об усысовцах. Особо потрясло, как зверски действовали эти «борцы за Украину с прекрасными лицами» в Гражданскую войну. Сегодня украинскими властями замалчивается правда о том, что в январе 1918 года галичанские «сечевики» только в восставшем киевском «Арсенале» убили более полутора тысяч (!) пленных рабочих, женщин и детей. Что там потери на Макивке! Все жертвы Первой мировой бледнеют перед бойней, учиненной в Киеве частями Евгена Коновальца в декабре того же года, после свержения гетмана Скоропадского. Ведь и улицу потому издевательски назвали в честь убийц именно у «Арсенала»! Из большого массива воспоминаний можно привести лишь беспристрастное свидетельство сестры милосердия Марии Нестерович, с ужасом наблюдавшей процесс «огаличивания» столицы Украины в 1918 году: «На второй же день после вторжения Петлюры мне сообщили, что анатомический театр на Фундуклеевской улице завален трупами... Господи, что я увидела! На столах, в пяти залах, были сложены трупы жестоко, зверски, злодейски, изуверски замученных! Ни одного расстрелянного или просто убитого, все – со следами чудовищных пыток. Всю ночь возили эти трупы. Такого ужаса я не видела даже у большевиков. Видела больше, много больше трупов, но таких умученных не было!..

– Некоторые еще были живы, – докладывал сторож, – еще корчились тут.

– Как же их доставили сюда?

– На грузовиках. У них просто. Хуже нет галичан. Кровожадные... Бесы, а не люди, – даже перекрестился сторож».

Интересно, что еще накопает конференция по «изучению славного пути» усысовцев? Что расскажут молодежи Украины? Но тут же возникает главный для меня вопрос: а что знает наша молодежь о родной истории, о той же Первой мировой и кровавой Гражданской

войне, кроме гламурного фильма «про любовь» – «Колчак» и других подобных поделок? Вспомним слова доктора исторических наук, украинского профессора Дмитрия Табачника о странной и омерзительной роли Галиции, включая и выкормленных ею усысовцев: «Роль Галичины, вошедшей в состав Украинской ССР только в 1939 году, а до этого – с конца XIV века оторванной от этногенеза, исторического и культурного развития украинского народа, в современной Украине совершенно абсурдна. С одной стороны, это самый депрессивный регион, который не смог бы выжить без постоянных дотаций из госбюджета, состоящего в основном из отчислений промышленно развитых юго-восточных областей. Большинство населения Галичины успешно трудится за границей, не платит налогов, но в полной мере пользуется бюджетной социальной защитой. Правящая галичанская элита, позиционирующая себя элитой общеукраинской, ведет себя так, будто содержит Украину и потому имеет право ею руководить. Именно она отдает обязательные к исполнению приказы – какой язык родной, в какую церковь ходить, кого считать национальными героями и как пламенно любить НАТО». Как в воду глядел украинский профессор – так и произошло. Да, украинский народ заставили на все смотреть не сквозь российско-колониальную призму (выражение депутата Рады Порубия), а через галичанскую клизму, с помощью которой промываются и желудки, и мозги. Уж на что смиренный человек и песнопевец иеромонах Роман, но когда он побывал в Галиции, то написал самое резкое свое стихотворение:

О, Львівщина! Кому бы пузыриться!
Дались тебе вельможные мечты!
Но раз уж засвербело опаниться,
Сначала залатала бы порты...

Средь вожаков – не отыскать кацапа,
Зато жидів, як другий Тель-Авив.
Мозгов нэ трэба – ползати перед папой,
И виноватить бедных москалів.

Ну а что же надо делать нам, бедным москалям? Прежде всего надо смотреть правде в глаза, вести себя достойно и не предавать собственной истории. Она трагична, величественна и сложна. В том числе и в свете наших русско-иноземно-украинских отношений. Можно делать поверхностные заявления (что значит горстка из 7 тысяч головорезов в масштабах Первой мировой войны?), но главное – твердо уяснить, что борьба за умы и души людей, особенно молодых, – долгий процесс. Неслучайно я начал с учебника истории для 5-го класса. А спроси наших школьников, что знают они о боевом братстве гусар и казаков 1812 года, о Брусиловском прорыве на Волыни и Тернопольщине 1916 года? Украинские теперь о заурядной битве 1915 года – узнают. Французская актриса Лор Катеран исполнила гимн украинских сечевых стрельцов «Ой, у лузі червона калина похилилася». А какие марши и песни Первой мировой поют наши звезды? При всей бредовости повторного указа – это не «пересмотр общей истории», как неловко выразился один российский политик, а очередной топорный политический ход. Какая там история!

История – в недавней книге «Союз плуга и трезуба. Как придумали Украину». Олесь Бузина рассказал обо всей Украине, в том числе и о Западной – и научно-познавательного, и

увлекательно-остроумно. Да ещё и предварил выход книги к широкому читателю замечательной беседой. В конце 9 декабря 2013 года он побывал в гостях редакции Интернет-издания Новости Украины – From-UA и ответил на вопросы читателей о новой книге «Союз плуга и трезуба», о цикле статей «Докиевская Русь». Вот фрагменты этой просветительской лекции, ответы и журналистам, и позвонившим юзерам.

Андрей: – Как вы оцениваете тот украинский язык, на котором говорят Тимошенко, Кличко, Луценко?

Олесь Бузина: – Как не украинский. Это не украинский язык. Видно, что и Тимошенко и Кличко абсолютно не умеют говорить по-украински. А когда становится жарко, то сразу же переходят на русский или русский матерный. Кличко совсем недавно ляпнул своему стороннику: «Пошел на х... на Майдан!». А Тимошенко в самый переломный момент ее карьеры сказала: «Пропало все!» А Луценко говорит по-украински как Ленин, с этой, знаете, такой «кахтавостью». Я уже думаю, он тоже Бланк по какой-то там линии, как и Ленин? Откуда у него эта картавость? В селе у моего деда не было ни одного человека, который бы картавил как Луценко. Так что не украинский язык у Луценко, у всех троих не украинский язык. Не українська мова – переходжу на українську мову і одразу вам це легко доводжу. Я вірші, доречи, пишу іноді українською мовою:

«Мені однаково, якою
ти розмовлятимеш зі мною,
та не однаково – тебе
яка скотина де...»

Нехай Луценко вчить українського поета Олеся Бузину, нехай Тимошенко вчить. На Кличка я не дуже сподіваюся, навряд чи він зможе осилить українську мову коли-небудь. Він більше англійську, німецьку вивчає. Привозять хлопця на Майдан, просто як на роботу.

Игорь: – Здравствуйте. Всегда с интересом читаю Ваши статьи и комментарии. Как так получается, что такой умный и вполне адекватный человек не смог стать депутатом? Почему люди часто в этом выборе ошибаются? Я думал, что это проблема касается больше провинции, но и в Киеве видать это тоже имеет место быть. Или все-таки проблема в Вас? Спасибо.

Олесь Бузина: – В прошлом году по 223-му округу никто не стал депутатом. Не только Бузина не стал депутатом, а не стал ни один из тех двадцати пяти людей, которые идут по нашему 223-му округу. Сейчас я снова иду, и, если в прошлом году было двадцать пять претендентов, то сейчас семьдесят пять. Но, как говорил Суворов, надо побеждать не числом, а умением. И я стану депутатом, вы не переживайте. И все свои политические взгляды воплощу в жизнь, все идеи. И все будет хорошо. И Украину я изменю. Видите, что можно сделать с помощью пропаганды? В Киеве мозги промывают с утра до вечера. И есть статистика – вот округ, по которому я иду, 223-й, две трети избирателей на этом округе за последние лет десять голосовали за оранжевых. У нас с 91-го года, еще не было слова «оранжевые», а оранжевая идея уже внедрялась в мозги потихоньку, шаг за шагом. Что ж вы хотите? Все, кто видит, что происходит у нас в Киеве, понимают, что такая страна быть не может. Не может быть страна, где вандалы ходят по столице и вытворяют все, что хотят, а власть молчит, язык в задницу засунула. Такая хитрая была, мощная, по своим так была...

Вот все говорят: «Европа!» Вы подумайте, что вы родились в Словении. Словения – это как пол-Киева. Какой у вас там успех? Чем в Словении заниматься? А в Хорватии чем? Я скажу вам, чем. Туда приезжают летом туристы, и если бы вы родились в Хорватии, у вас того выбора, который есть в Украине никогда бы не было. Вы бы работали в туристическом бизнесе. Просто были бы официантом. На ресепшен в гостинице бы работали. В лучшем случае – вам бы принадлежал кусок пляжа и гостиница. Вот вся хорватская судьба. Представляете, вся хорватская история – для того, чтобы кому-нибудь полотенце на пляже подносить и еду подавать Вот вам хорватский выбор.

Представьте, что вы в Литве, или в Эстонии, или в Латвии родились. В маленьких странах, их на карте почти нет. Там вообще, кроме дурака Задорнова, тупого, никого нет в этой Прибалтике. Другие уже не тупые, там есть люди поумнее Задорнова. Так вот половина этой Прибалтики сбежала на заработки в Европу, сразу сбежала. Их где угодно ловят. В Лондоне вылавливают, в Париже. А не дай бог вам бы посчастливилось в Центральной Африканской Республике родиться? Там вообще Майдан без людоедства не происходит, в этой республике (она еще Империей побывала). Или в Нигерии? Вот отличная страна. Вы спросите этих нигерийцев, которые у нас продают всякую дрянь, секонд-хенд продают, спросите, как там в Нигерии? Они вам скажут, что черт у них черного цвета, между прочим. Так вот, неполиткорректно. И спросите, почему они из Нигерии, где солнце светит круглый год, шубы покупать не надо, сбежали сюда. Значит, тут лучше?

Вы вообще думаете об этом иногда, что вы вытянули счастливый билет, родившись в Украине? Да, есть много проблем. Дураков много, мерзавцев много, воров много. Ну так что, вы хотите вечно оставаться в мамином животе? Я сижу, мне все подносят, труба работает, а я там плаваю в жидкости и даже глаза открывать не надо. В мамином животе хорошо. Не путайте реальную жизнь и досознательное существование в утробе матери. Так не бывает – чтобы все сразу и ни за что. Все надо заслужить, все надо вырвать, все надо получить. В советские времена говорили «достать». Тоже, понимаете, надо было проявить какую-то активность, под лежащий камень вода не течет.

Так что Украиной, в общем и целом, несмотря на все временные трудности, я доволен. Хорошая страна. И сделаем лучше. Другие лапы уже готовы сложить – «все, конец, умираем». Лучше сделаем! И нацистов на 223-м округе не пропустим. Сволота не пройдет. Это самая моя большая задача – чтобы сволота не прошла. Не дома сидеть, как другие, а сделать, чтобы не прошла.

Жора: – Уважаемый Олесь, два вопроса. Первый: В одной из последних статей Вы написали, что Древняя Русь была просто Русью, и только с XIX века начали называть Киевская Русь. А вот последние 5—10 лет российские историки, специалисты-славянисты, начали упоминать и называть Московское княжество или Московию Московской Русью, но ведь известно, что территории Киевской Руси и Московии населяли этнические совершенно два разных народа. Что это, попытка российских историков перетянуть «одеяло» истории на себя или скорректировать под себя?

Олесь Бузина: – Жора, вы понимаете, территорию Соединенных штатов этнически населяет кто угодно: потомки индейцев, потомки негров-рабов из Африки, потомки итальянцев, немцев, испанцев, мексиканцев – кого угодно. Ну и что? Думайте не про то, что там было в десятом веке и как там оно называлось. Понимаете, это не важно. Есть Русь, есть общее русское пространство, говорим мы с вами на русском языке. Я всегда говорил, и буду говорить, что украинцы для меня – это русские люди. У меня есть предки из России, у меня

есть предки из Украины, На 31/32 по крови – я украинец, хохол. На 1/32 – москаль или кацап, называйте, как хотите. Но я – русский человек. И белорусы – тоже русские люди. И все мы русские люди. Немцев тоже не было в девятнадцатом веке. Баварцы – это потомки кельтов, они галлам близки по крови. А северные немцы – это вообще германизированные славяне. На треть Германия – это германизированные лужицкие сербы. Везде, где Любек, где Бранденбург – «бранный бор». Берлин – славянское слово, между прочим, чтобы вы знали. Росток – славянское слово. Треть Германии – это бывшие славяне. Так что, немецкой нации нет, скажите мне? Нет немецкого народа большого – вместе с австрийцами, нету его? Есть. Так чего там бесконечно копать, кто там был – финны, татары... Да татарской крови полно среди украинцев. Полно! Финской крови, только держитесь крепче, тоже полно. Потому что в двадцатом веке такое переселение было в рамках Советского Союза... Вы что, думаете, у Тимошенко славянские предки? Вы думаете, у Кличко славянские предки? У Тягнибока, вы думаете, славянские предки? Почему все время спрашивают у него: «А Фротманы среди ваших предков, Тягнибок, были?» Фарион – это фамилия на идиш. На идиш «фарион» означает «жулик». Вы что, думаете, на идиш разговаривали в простых славянских селах? Если Фарион дали такую фамилию, то, наверное ж, неспроста дали? Что вы ищете, что положили в суп? Суп варить надо, есть потом нужно мирно, а не ковырять бесконечно – что там было в десятом веке. Пусть дурачки ковыряются в этом прошлом. Меня интересует, прежде всего, будущее. Я истории очень много посвятил. Кто хочет – может читать мои исторические книги, там есть ответы на все вопросы. Только пусть читают. Но я думаю сейчас о будущем, прошлое меня интересует во вторую очередь.

Жора: – И второй вопрос: нынешний Майдан, это как кухня в коммунальной квартире, где выясняют отношения две совершенно разные семьи, у каждой свое видение и свой особый взгляд на ведение хозяйства, вследствие чего ссоры скандалы, обиды, недовольство. Если нет объединяющего фактора, коммунальной то бишь национальной идеи, может все таки предоставить каждой семье строить свои планы и двигаться в своем векторе развития, но в рамках одной квартиры, одной границы, а ведь после этого появится конкуренция, заинтересованность, ссоры сойдут на нет, и т. д. и т. п. Ведь должен появиться свой Рюрик, как у наших предков. Ваше мнение.

Олесь Бузина: – Вы можете, конечно, ждать Рюрика. Тот, который тогда появился, он в Новгород откуда-то со стороны Швеции пришел. Историки спорят: одни говорят – из Фрисландии, другие – из Дании, третьи говорят – из Швеции. В общем, можете, конечно, ждать Рюрика. Мне Рюрика ждать недосуг, времени нет.

Я понял ваш вопрос. Он многословный, но суть его очень простая: разделяться с Галичиной или нет? Да, этот вопрос стоит в нашем обществе. И это вопрос надо задать обществу всерьез. Востоку Украины задать, Югу Украины. Потому что бывает так, что страны не могут жить вместе, как и семьи. Несовместимость. Об этом нужно сейчас спросить и, если получится, получить ответ. Чтобы всем было хорошо. Но только без крови, без резни. И даже если разводиться, то разводиться прилично. Одни семьи разводятся так, что пух летает из подушек по всему кварталу, а другие – так, что даже никто не слышит. И живут счастливо.

Максим: – Уважаемый Олесь, что вам по душе больше – союз Украины с воровской Россией Путина или с умирающей, разложившейся Европой? Оба варианта, по-моему, сомнительны...

Олесь Бузина: – Максим, ну вы же сами уже ответили. То есть свой ответ у вас есть. Я

думаю, мое мнение вас не сильно интересует. А, кроме того, я не понимаю постановку вопроса: «с воровской Россией Путина» или с «умирающей, разложившейся Европой». А кто вам сказал, что Россия Путина – воровская? Воровская скорее сейчас Украина, в Украине победили бандиты. В России победили чекисты. Вот вам вся разница между политическими системами Украины и России. Поэтому вопрос должен быть такой: «вам с чекистской Россией Путина, или с умирающей, разложившейся Европой?» Так я могу понять. И я вам скажу – как бы там ни называли Россию, Украина либо погибнет, либо будет существовать в союзе с Россией. В равноправном союзе. Есть доказательства того, что это правильный путь. Когда мы были в союзе с Россией (а Советский Союз был союзным государством!), Украина, между прочим, я вам напомним, была субъектом международного права. Украина имела представительство в ООН, свое Министерство иностранных дел. Представьте себе, Украина даже тогда, до 91-го года обладала суверенитетом.

Так вот. До 91-го года Украину населяло 52 миллиона человек, и это была одна из самых высокоразвитых стран Европы. С институтом электросварки имени Патона, с авиастроительным заводом, который выпускал – держитесь крепко – не три-четыре, как сейчас, а тридцать-сорок транспортных самолетов в год. Представляете, в десять раз больше! С «Южмашем», с гигантскими судостроительными заводами в Николаеве. Там работало сорок тысяч человек. А кроме этого, этих людей еще обучали, работала куча технических вузов, выпускали инженеров. Масса была сопутствующих предприятий, чтобы насытить корабли навигационным оборудованием, двигательными установками, – там ведь только собирали, в Николаеве. Чтобы специалистов подготовить – просто, матросов, капитанов, – все это делала Украина. Сельское хозяйство производило только натуральную продукцию.

И колхозы, вот те колхозы, которые так критиковали, были намного более эффективными и экономически выгодными, чем нынешняя система, где ни животноводства нет у Украины, ни высококачественного зерна мы уже давно не производим. Что мы производим сейчас? Рапс, люцерну, второсортную пшеницу на экспорт... И больше ничего. Это нынешняя ситуация. А та ситуация – когда мы были в союзе с Россией. Сейчас нас 40 миллионов осталось по факту. Не верьте, уже даже не 45. Нас уже масса разбежалась, просто неизвестно куда – от независимости. Кто в Россию, кстати, сбежал, кто – в Европу. И неважно, как вы там назовете – что «разлагающимся», что «воровским», факт в том, что из Украины бегут люди. А до 91-го года не бежали. Понимаете? Не бежали! Наоборот, жили и процветали. И каждой семье давали квартиру, и было бесплатное образование, и в школе учителя взяток не брали, и в университете – не брали. Обучение было бесплатным, правда? Правда. Это разве плохо было? Нет, это было хорошо.

Андрей Хумуриц: – Над какими книгами вы сейчас работаете или планируете работать. О чем они будут?

Олесь Бузина: – Я сейчас дописываю книжку, которая называется «Докиевская Русь». Это будет книжка о восьмом-девятом веках. То есть о той эпохе, когда Русь еще не пришла в Киев или только-только пришла в Киев с севера, с Новгорода. Русь – это скандинавы, это викинги, варяги. Финны до сих пор называют шведов «Руотси». В девятом-десятом веках большого разделения среди скандинавов на шведов, на датчан, на норвежцев не было. Они разговаривали на одном древнескандинавском языке, постоянно ездили друг к другу, менялись. Там происходили такие маленькие переселения скандинавских народов, и часть из них выплеснулась на север нынешней России, которая тогда Россией не называлась. «Руотси» – это «Русь». Так же как «суоми» – самоназвание финнов, в древнерусских

летописях пишется «Сум», по нашим языковым законам, вот так «Руотси» стало у нас «Русь». Русью стало.

Кстати, про фильм идиота Задорнова. Я называю Задорнова идиотом – говорю как есть. Михаил Задорнов просто задолбал своим идиотизмом – живет в Прибалтике, ищет корни каких-то славян непонятно где вообще. Врет постоянно, превратился в посмешище. Снял там он какой-то фильм про Рюрика. Что он смыслит в Рюриках? Он впервые в жизни увидел в Петербурге в библиотеке Лаврентьевскую летопись. И, извините, было такое ощущение, что Задорнов чуть не уписался от этого. Говорит: «Вот, никто из ученых с этой летописью не работал!» Но, во-первых, кто сказал, что Задорнов – ученый? А во-вторых, я хочу сказать для Задорнова: «Миша, ты, вообще, не ломись в открытую дверь. Лаврентьевская летопись в Петербурге в библиотеке только хранится!»

Задорнов часто любит рассказывать про тупых. Так вот, для тупого я говорю: «Миша, есть такое издание, называется «Полное собрание русских летописей», там Лаврентьевская летопись, Миша, ты понял? – общедоступна! Лаврентьевская летопись в «Полном собрании русских летописей» общедоступна! В Петербург ездить не надо, понимаешь? Идешь в любую библиотеку и берешь, она издана была еще в XIX веке. А ты тупо в Прибалтике живешь, там жить не надо, ты русский же человек. Русский человек должен жить в Швеции, они оттуда пришли. Ты в Швецию переселяйся. Ты, в принципе, правильно движешься на Запад, чувствуешь конъюнктуру, жулик ты этакий, да? Но тебе надо севернее, к истокам Руси. Так вот, Миша, еще раз тебе говорю: Лаврентьевская летопись давно издана, много тиражей. Ты знаешь, у меня дома есть. Ты приходи, я тебе покажу. Бесплатно покажу! Для тебя, Задорнов, объясняю: Миша, шара! Только на билет потратишься до Киева. Убедишься во всем!

Похаба: – Что теперь будет после ритуального сноса 8 декабря бандеровцами памятника Ленину в Киеве с КПУ Симоненко?

Олесь Бузина: – Пусть этот вопрос беспокоит Симоненко. Ну, честно. Я, конечно, ничего не имею против коммунистической идеи, говорю абсолютно честно: идея хорошая. Идея социальной справедливости, равенства, братства – что ж в этом плохого? И государственную собственность никто в мире не отменял – она везде есть. И социалистические идеи на западе тоже применяются, и в России. Я самое страшное скажу: в определенном смысле социалистом был русский царь, русское православие. Представляете, каждого помещика русский царь в девятнадцатом веке обязывал держать специальные запасы хлеба – а вдруг голод будет, чтобы крестьянам раздавать? И не больше трех дней чтобы работать на помещика, а три дня чтобы крестьянин на себя работал! Видите, даже царское правительство социалистическими методами регулировало экономику в стране. Так что я ничего против социалистической идеи не имею. И коммунистической идеи против – тоже не имею. Но Симоненко нужно давно омолодить партию. Открыть дверь для молодых. Коммунистическая партия – это не закрытая корпорация должна быть. Это не ООО «Симоненко и К^О». Ну и защищать коммунистам Ленина надо было, защищать... Что же делать... Почему коммунисты Ленина не защищали? Это их проблема сейчас самая важная.

Но! Я справедливый человек: вот за то, что коммунисты проголосовали в Парламенте против отставки Азарова – за это им спасибо. Иначе был бы хаос в стране. Да, может быть и некрасивый у нас стержень в виде Януковича, Азарова и компании. Но лучшего пока нет. Вы что, думаете, что лучший стержень – это Кличко? Или Руслана, которая говорила, что она сожжет себя? Самоубийца такая потенциальная. Руслана вообще понимает, что она говорила? А вдруг кто-то из девочек с неустойчивой психикой, в отличие от провокаторши

Русланы, возьмет и подожжет себя? Руслана возьмет на себя ответственность за этот труп? Вообще, Руслана когда-нибудь хоть паленую курицу видела в своей жизни?..

Так вот. Лучше стержня пока не заслужили. Так получается. И коммунистам за то, что они сохранили Правительство – спасибо.

Viktor: Как Вы относитесь к участию в митингах на майдане еврочиновников? Не кажется ли вам, что это наглое вмешательство во внутренние дела Украины?

Олесь Бузина: – Омерзительно я к этому отношусь. Приезжает европидор – Гидо Вестервелле. Это не просто министр иностранных дел Германии, это официальный европидор, открытый гомосексуалист. Он три года назад женился на своем тренере по фитнесу. Или вышел замуж? Вышла? Я не знаю, как эту «Гвиду» называть – ну вот так получилось. Пришла эта «Гвида» из германского МИДа и опустила своим гомосексуальным присутствием весь Майдан. Люди на Майдане, кто меня услышит, вы понимаете, что пришел пидор из Германии, не министр иностранных дел, а пидор-министр и вас опустил, опозорил? Я на Майдан теперь выйти не могу – там же пидор все опустил, как же так? Взял и вмешался туда, самым грубым образом. Разве вы можете представить, что приехал министр иностранных дел Украины в Россию, в Берлин или в Варшаву. Или в Париж. Или в Лондон. И начал вот в подобном же стиле давать указания, как тут революции проводить. Это грубое вмешательство в дела Украины.

Почему у нас болтается по Киеву этот шут – Качинский? «Качка» – это утка, пусть идет и занимается утками. Не качками, а утками. Есть еще один тут смешной провокатор – ходит бывший президент Польши Квашневский – вот так по-польски, у нас его переводят как Квасневский. Он тут что делает? В любом нормальном государстве всех троих объявили бы персонами нон грата, после их провокационных действий по подрыву конституционного строя в стране. У нас никто Конституцию не отменял. Президентов у нас меняют на выборах. И не только у нас. Может, у папуасов иначе, но в Европе точно так же, как у нас. Я не помню, чтобы после Великой Отечественной войны, после 45-го года, где-нибудь в Европе меняли президентов с помощью революций. Не помню во Франции во второй половине XX века революций – не помню. Только не говорите мне про 68-й год, это была не революция. В Британии вообще не помню, ни в XX, ни в XIX веке такой ситуации. Везде на выборах меняют. Вот Януковичу еще два года – нравится, не нравится, на выборах можем поменять. Потому что, если Майданом начнем менять, то и его завтра или на следующий день смайданят. Так нельзя. Это не получается, нет таких законов. В мире нет!

Приезжают иностранцы, нанимают евронаемников (потому что Майдан – это акция проплаченная, у нее бюджет есть, причем на 75 процентов уже разворованный). По 25 гривен в час платят многим. Не всем. То есть, если вам не платят, то вы пойдите и спросите – а где платят? А почему мне не платят? Я понимаю, что некоторый там за идею. Но вы подумайте – а кто оплатил бензин, чтобы привести людей в Киев, а кто оплатил еду для этих людей, палатки кто оплатил? Что, со своими термосками приехали? Не смещите меня. Это бюджет, и он на 75 процентов разворован. Почему на 75? А вы посмотрите на свой собственный бюджет, он у вас на 25 процентов открытый, а на 75 у нас у всех в Украине черным налом все пишется. Ну, я являюсь исключением – ну извините, ну идиот... Плачу налоги все, вот беру – и плачу. Зато потом честно отвечу, почему у моей жены автомобиль за 29 тысяч долларов. Купленный в 2007 году, видите, я не часто меняю. Но честно могу признаться, почему я могу себе построить домик в 42 квадратных метра жилой площади, а больше – не могу при своих доходах. Честные у меня доходы, вот такое я исключение,

извините. Но и взять меня тоже нельзя.

После прошлых выборов СБУ прибегало, проверяло меня. Смотрело по документам. Я говорю: «Все верно?» – «Верно». «По факту все верно?» – «Верно». «Ну, так, – говорю, – в чем дело, ребята?» А они говорят: «Мы с вами познакомиться хотели...» Понимаете, я доставил удовольствие. Известный человек доставил удовольствие. Я понимаю – хотели познакомиться. Но все по документам абсолютно честно, потому что по факту честно. Вот я так предпочитаю жить. А у остальных людей – 75 процентов в тени. И на Майдане 75 процентов уже украдено. Потому что мимо налоговой 75 процентов все проводят – все, начиная от президента. Януковича или Азарова – что мне их критиковать страшно? Мне не страшно, я в их играх никогда не участвовал, не был с ними в доле. Вот и на Майдане так. Как говорил герой известного фильма: «Все уже украдено до нас».

Сергей: – Добрый день Олесь! Я не верю, что в нашей стране будет хорошая жизнь, потому что каждый, кто убивает дракона и садится на его трон, через пару месяцев сам превращается в дракона и все начинается сначала.

Олесь Бузина: – Вы знаете, вы пессимист. Вот я – оптимист. Это мне помогает достигать успеха в нашей стране. Я успешный человек. Все говорят: литературы нет. А Бузина есть. Последняя книжка вышла буквально пару недель назад – «Союз плуга и трезуба. Как придумали Украину». А половина тиража уже распродана. Люди интересуются, каким образом можно получить автограф на нее. Будете как-нибудь на автограф-сессии, я вам честно говорю – поставлю автограф. Я честный человек, как я могу виртуально поставить автограф? Где-нибудь встретимся, я поставлю вам автограф. Носите книжку с собой. Или бумажку какую-то носите, потом приклеите.

Но я понимаю ваши чувства. У меня у самого есть автографы Эдуарда Лимонова, Станислава Лема (встречался как-то, когда он еще был жив, в 1996 году, в декабре, как сейчас помню). Есть еще автографы некоторых других хороших писателей. Это важная вещь: если вы хотите автограф Бузины, говорит о том, что Бузина, видимо, неплохой писатель. О моей книге есть даже отзыв Луценко, вот этого самого, Юрия: «Побеждает Олесь Бузина». Это слова Юрия Луценко, дважды министра внутренних дел Украины!

Я с ним тоже, кстати, знаком. Я не платил ему ничего за это, он сам сказал, сорвалось. Книжки он мои читал. Я знаю, что читал – невозможно жить в Украине и не читать книжки Бузины. Это, извините, как жить в Российской империи XIX века и не читать Чехова. С Толстым равнять себя не буду, он глыба. А вот Чехов – он короткие вещи, как и я, любил писать. Правда, у меня эта толстая получилась, 500 страниц. Можно достичь в Украине успеха? Можно достичь. Не убивая? Не убивая. Не воруя? Не воруя. Не грабя? Не грабя. Спортом нужно заниматься, я занимаюсь спортом. Не пить нужно. Сорок четыре года мне, представляете? – не пью, не курю, кручусь с утра до ночи на этих выборах – и все нормально. И считаю, что в другой стране такой успех был бы мне просто недоступен.

Да, Олесь Бузина знал писательский успех, он его даже избаловал. Вот и в этой виртуальной беседе зачем-то похвалился про доход от книжек и шикарный подарок любимой жене, зная, что ещё до-о-лго и в России, а тем более на Украине, все машины за 29 тысяч долларов покупать, конечно, не смогут. Но в этом фанфаронстве и некоторой пацанской самонадеянности – тоже сказывался характер писателя, который и подкупал читателей этой безоглядностью в сочетании с дотошностью в исследованиях, которыми переполнены избранные страницы почти неизвестной в России книги. Суть её афористично выразил сам автор: «Я хотел бы реконструировать возникновение Украины совсем под другим углом – как

историю массовых психозов и навязчивых идей».

Из книги «Союз плуга и трезуба. Как придумали Украину»

Подлинная родословная украинцев

Появляясь на политической арене, народ непременно выдумывает себе блестящую родословную. О ее достоверности никто не заботится. Главное – треск, фейерверки, увлекательность. Древние шведы выводили себя напрямую от бога Одина. Поляки XIII века, когда их не бил только ленивый, приписали своим предкам победу над Александром Македонским. Евреи придумали сказку о своей богоизбранности. Что же касается украинцев, то они, по мнению большинства наших историков, существовали как бы всегда. Теорию эту называют «автохтонной» – в переводе с малопонятного древнегреческого «автохтон» – «самопорожденный», «коренной». То есть, по логике ее последователей, некий питекантроп, выведясь из обезьяны в Африке, пришел на берега Днепра и тут потихоньку переродился в украинца, от которого произошли русские, белорусы и прочие народы вплоть до индусов.

Особенно рьяно эту схему поддерживали «интеллектуалы» начала 90-х, спорившие по поводу мировых проблем в Киеве на Майдане Незалежности. Она возвеличивала их в собственных глазах, несмотря на рваные штаны, недельную щетину и отсутствие зарплаты. Мне же кажется, что с такой теорией можно вообще ничего не делать: все за тебя уже сделал талантливый предок-питекантроп. А ты лежи на диване, плюй на пол и презрительно наблюдай, как кто-то в телевизоре получает Нобелевскую премию или на стратегическом бомбардировщике летит на сафари в Ирак. Если бросить взгляд на карту современной Украины, окажется, что она пестрит непонятными названиями. Внизу большой грушей болтается Крым, подаренный щедрым дядькой Хрущевым. С севера на юг текут реки с невразумительными для славянского уха названиями – Дунай, Днестр, Дон и Донец. На западе возвышается лесистая гряда Карпат с загадочной Говерлой, куда любил бегать за вдохновением президент Ющенко. На востоке за Кубанью – Кавказ, где как во времена Лермонтова, «злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал». И только на севере понятные слова – Припять, Стоход, Горынь – маленькие тихие речушки, пробирающиеся по унылому Полесью. Получается, на юге и западе Украины когда-то до нас жили неславянские народы?

Да, именно так и получается, господа! Хочешь не хочешь, а мы тоже не первые на этой земле. И у нас, как и у американцев, были свои индейцы. Только звали их иначе. Не могикане и гуруны, а сарматы, половцы и татары. И лишь «переварив» их, мы, как поется в нашем гимне, «запанували у своїй сторонці».

Письменность у славян появилась в IX веке. Ее придумали Кирилл и Мефодий, приспособив для местных нужд греческий алфавит. С тех пор славяне стали вести собственные летописи. Но предыдущее тысячелетие тоже подробно задокументировано римлянами и византийцами. Столкнувшись с варварским миром, они дотошно отмечали все, что попадало в сферу их интересов.

Из римских хроник рубежа новой эры мы знаем, что в Карпатах жило дакийское племя карпов. Их современные ближайшие родственники – нынешние албанцы. «Карпаты» – так на их языке назывались горы. Сама же Украина называлась Сарматией, по имени самого

многочисленного и воинственного из обитавших тут племен. Там, где через полторы тысячи лет поедет по Дикому полю Тарас Бульба с сыновьями, шастали отряды тяжело вооруженных сарматских всадников в крепких чешуйчатых панцирях. Судя по языку, сарматы были иранцами. Именно они подарили название украинским рекам – Дону, Донцу и Дунаю. «Дон» в переводе с иранского означал «вода».

На рубеже нашей эры сарматы свирепствовали на всем тысячеверстном просторе причерноморских степей – от Кавказа до границы Римской империи, проходившей по Дунаю. Римляне называли их «женоуправляемыми» из-за сильных пережитков матриархата и важной роли женщин, участвовавших в боях наравне с мужчинами. На севере сарматы граничили со славянами. Странная их политическая система поразила наших предков, оставшись в волшебных сказках сюжетами о Змеихе и Бабе Яге, жившей не в лесной избушке на курьих ножках, как в большинстве подобных историй, а в подземелье на берегу, в жаркой приморской стране «Девичьего царства», где отрубленные «русские головушки торчат на тычинушках». Сарматский натиск, продолжавшийся несколько столетий, не давал славянам выбраться из лесных чащоб. Но вскоре они настолько приободрились, что заслужили славу первостатейных головорезов.

В I веке н. э. славян под именем венедов описал римский историк Тацит. В книге «О происхождении германцев» он уделил и им несколько строк. По его словам, венеды жили на восток от Вислы между германцами и сарматами. Полностью Тацита у нас цитировать не любят. Очень уж неприглядную картину славянской идиллии он рисует: «Неопрятность у всех, праздность и косность среди знати. Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее, и они приобретают черты сарматов. Венеды переняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам... Они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой. Все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне». То, что венеды – именно славяне, – несомненно. Немцы до сих пор называют славян «вендами».

Подтверждается и постепенное смешение славян с сарматами. Навоевавшись, они стали охотно торговать и вступать в браки. В рамках так называемой черняховской культуры III–IV веков вокруг Днепра, сложившейся во времена готского владычества, прослеживается многолетнее сосуществование иранцев-степняков с земледельцами-славянами. Славяне своих покойников сжигали. Иранцы практиковали трупоположения. Причем иногда еще и расчленяли мертвеца на части, чтобы он не «ожил» и не нашел дорогу домой – археологи о таких скелетах пишут в отчетах: «ритуально расчлененные». Так вот, обнаружены тысячи могил, глядя на которые, ученые констатируют, муж похоронен по славянскому обычаю, а жена – по сарматскому. Или наоборот. Сарматская примесь очень сказалась на крови нынешних украинцев – и во внешнем облике, и в упрямстве баб (пережитки матриархата!) и даже в таком позаимствованном у степняков слове, как «штаны». Обойтись без этого ценного предмета туалета при езде верхом, сами понимаете, проблематично – сотрешь ноги до крови о потные конские бока. Однако, как бы там ни было, в языковом отношении славяне победили, позаимствовав у южных соседей все, что плохо лежало. Их было много. Они были неодолимы.

К VI веку наши предки так размножились, что готский историк Йордан, ради научной точности, разделил их на две гигантские ветви: «В окружении рек лежит Дакия, укрепленная, словно венцами, крутыми Альпами. Слева от них на огромных просторах живет многочисленное племя венедов. Хотя теперь их названия меняются в зависимости от

разных родов и мест проживания, преимущественно все они называются славянами и антами. Славяне живут от города Новиетуна и озера, называемого Мурсианским, вплоть до Данастра и на север до Вислы: болота и леса заменяют им города. Анты же, самые могучие из них, там, где Понтийское море делает дугу, простираясь от Данастра до самого Данапра».

Репутация у этих парней была отвратительная. Связываться с такими себе дороже. Когда патриотически настроенные историки берутся расхваливать мирный славянский нрав, сравнивая его с «голубиным», они врут. Византийцы VI века, наблюдавшие полет этих голубей воочию, пишут совсем другое. «На третьем году по смерти императора Юстина, – констатирует автор «Церковной истории» Иоанн Эфесский, – двинулся проклятый народ славян, который прошел через всю Элладу... Взял множество городов, крепостей; сжег, ограбил и покорил страну, сел в ней властно и без страха, как в своей собственной, и на протяжении четырех лет, пока император был занят персидской войной и отправил свои войска на Восток, вся страна была отдана на произвол славянам. Они опустошают, жгут и грабят... Они стали богатыми, имеют золото и серебро, табуны лошадей и много оружия. Они научились вести войну лучше римлян...» Прокопий Кессарийский, секретарь византийского полководца Велизария, оставил колоритное описание славянской рати. В бой эти хлопцы вступали до пояса голыми, только со щитами и копьями. Отсутствие доспехов, на первый взгляд, давало фору врагам. Не тут-то было! Полуголые банды славян отлично маневрировали, практикуя коварные удары из засад. Византийцы солдат нанимали, оплачивали каждый их шаг и очень дорожили своими профессионалами. Славяне же шли на Балканы, как за зарплатой, задержанной за тысячелетия отлучения от цивилизации.

Вскоре они затопили всю Центральную и Южную Европу. На западе их границей стали предгорья Альп и речка Шпрее, где ныне Берлин, а на юге – теплое курортное Адриатическое побережье. «За грехи наши анты и славяне свирепствуют повсеместно», – меланхолично заметил тот же бедняга Йордан, намекая, что лекарств от этой болезни нет и в ближайшем будущем не предвидится. Рисую наших пращуров безобидными добрячками, водившими хороводы на лесных полянах и прыгавшими через костер в Купальскую ночь, отечественные историки крепко грешат против истины. «Не другие нашей землей, а мы чужой привыкли владеть», – изрек, по словам византийца Менандра Протектора, славянский вождь Даврит.

Все бы хорошо, не обожай славянские князьки драться еще и между собой. Захватив пол-Европы, они не удосужились создать единую державу и весело проживали награбленное, изводя друг друга в междоусобных стычках. Расплата последовала незамедлительно. Постепенно западные племена славян попали под влияние империи Карла Великого, а восточные – стали платить дань Хазарии – хищническому торговому государству на Волге. И тут появились викинги – те самые упрямые молодцы, что освоили путь «из варяг в греки». Государство у восточных славян было и без них. Но варяги первыми принесли идею империи – сверхдержавы, спаявшей всех этих древлян, полян и кривичей в могучую Русь от Карпат на Западе до верховьев Волги на Востоке. Они же дали и имя – русичи, русины, русские – так называли предков современных восточнославянских народов вплоть до XVII века.

По происхождению варяги были шведами. Свои дружины, промышлявшие на восточнославянских реках, они называли «роте» – «гребцы». Плыть тут под парусом действительно приходилось нечасто – особенно против течения. Местные жители, по привычке всех туземцев коверкать иностранные слова, преобразили «роте» в «Русь», и, признав власть варягов, стали называть себя этим именем – точно так же галлы приняли имя

французов, слившись с подчинившим их германским племенем франков. Для определения границ этноса существует простой принцип, в основе которого противопоставление «свои – чужие». Каждый француз знает, что он не немец, не англичанин и не испанец, хотя даже не задумывается над причинами этой разницы. А каждый украинец уверен, что он не поляк и не татарин.

До монгольского нашествия все восточные славяне были друг для друга «своими», несмотря на многочисленные княжеские междоусобицы. Всеми ими правили князья пришлой варяжской династии Рюриковичей. Все исповедовали православие с сильными пережитками язычества. Все пели одни и те же былины киевского цикла об Илье Муромце и Добрыне Никитиче. Перечисляя князей, автор «Слова о полку Игореве» обращается и к суздальскому Всеволоду Великому Гнезду, и к полоцкому Всеславу, и к рязанским Глебовичам, и к галицкому Ярославу Осмомыслу. Всех их он призывает постоять за землю Русскую, под которой понимал и Киевщину, и далекую Суздальщину с едва проклюнувшейся маленькой Москвой. И это было не просто идеологической декларацией! В 1223 году сын Всеволода Великому Гнезду Юрий в помощь черниговскому, киевскому и галицкому князьям, отправившимся против монголов, посылает отряд во главе со своим вассалом – ростовским князем, да и тот же Мстислав Удалый, начиная карьеру в далеком северном Новгороде, спокойно переместился княжить на юг – в Галич. И местное население при этом отнюдь не считало его «москалем».

Сейчас, когда нас, украинцев, выводят чуть ли не «от Адама», когда вслед за «Историей Украины-Руси», готовы написать историю «Украины-Сарматии», «Украины-Скифии» и, наверное, «Украины-Вандалии», забывают, что поверх древнего Киева, сожженного в 1240 году монголами Батыею, лежит толстый слой пепла. «Большая часть людей России, – пишет Джованни дель Плано Карпини, посетивший эти места после разгрома, – перебита или уведена в плен». Потомков киевлян того времени почти нет – до середины XVI века зияет пропасть политической пустоты. Нет, Украина – не Русь! Она отличается от нее так же, как Франция от Галлии, а современная Италия от Римской империи. Или как буденновский жеребец от донского. Конечно, потомок по прямой линии – но сколько свежей крови прилито...

Опустошенный Киев подобрали литовцы. Историки спорят о дате. Упоминают какую-то битву на речке Ирпень то ли в 1320, то ли в 1321 году, после которой литовский князь Гедимин якобы и овладел этим куском Руси. Десятилетием раньше, позже – Бог ведает. Точно известно другое – потомство удачливого язычника Гедимины, приносившего человеческие жертвы в лесах, на наших землях необыкновенно размножилось, дав начало множеству княжеских родов – Чарторыйским, Збаражским, Корецким, Ружинским. Великий литовский князь назначал сюда удельными князьями своих родственников. Те тащили из литовских болот дружинников, женившихся на местных девках и принимавших православие. Внуки всех этих бродяг считали себя уже местными и, случалось, воевали против центрального правительства как заправские сепаратисты.

Когда Литва объединилась с Польшей, самые буйные стали бежать на рубеж Дикой Степи, где возникла Запорожская Сечь. Это было настоящее бродило. Сюда собирались горячие головы отовсюду, даже из Крымского ханства – известные по пушкинской «Полтаве» Кочубеи, например. В конце XVI века, не в силах вместить и прокормить новую казачью элиту, прожорливую и наглую, Запорожье взорвалось серией восстаний, продолжавшихся целое столетие и положивших начало новому государству – Украине.

Что любопытно: еще во времена Богдана Хмельницкого Украиной называлась крохотная полоска земли на границе с Диким Полем – Запорожье, Киевщина, Черкасское и Каневское староства. Львовщина, Подолия, даже Волынь в нее не входили. Рассказывая о причинах восстания 1648 года, автор казацкой «Летописи самовидца» пишет на языке, уже слегка отличающемся от древнерусского, но еще не очень похожем на украинский: «У виры русской посмишка велькая была от униат и ксендзов, бо уже не тилко уния на Лытви, на Волыни, але и на Украины почала гору брати». Следовательно, Волынь для него – не Украина!

Но постепенно название степной полосы распространилось вплоть до Карпат, а местное население вместо русинов стало называть себя украинцами. Оказавшись, благодаря Богдану Хмельницкому, в составе одного государства, украинцы и русские, которых часто называли москвитами, почувствовали, что они чертовски похожи, но, с другой стороны, чем-то неуловимо отличаются, и тут же дали друг другу смешные прозвища хохлов и кацапов. Одни носили бороды. Другие – оселедцы. Одни рубашку выпускали поверх портков. Другие ее заправляли в шаровары. Одни привыкли горланить на радах, выбирая гетмана. Другие беспрекословно выполняли все приказы царя-батюшки. Со времен Киевской Руси прошло 500 лет – срок огромный. На юге к крови древних русичей примешалась горячая половецкая и флегматичная литовская. На севере население Киевской Руси растворило в себе финские племена, еще в XII веке заселявшие территорию даже нынешней Москвы. Но общая вера (православие) и общие враги (татары, турки и поляки) помогли им ужиться под скипетром Романовых и раздвинуть границы славянской сверхдержавы вплоть до Дуная и Черного моря.

Украинцам удалось сыграть выдающуюся роль в судьбе Российской империи. Собственно, и идею-то ее придумал киевский монах Феофан Прокопович, необыкновенно понравившийся своим остроумием и деловитостью Петру I. А дальше «дружбу народов» скрепили дочь Петра Елизавета и простой казак с Черниговщины Алексей Разумовский, разыграв прямо в постели сюжет о принцессе из сказки. Прозвище Разумовского – «ночной император» – говорит само за себя. Его брату Кириллу, президенту российской Академии наук, будет рапортовать по долгу службы Ломоносов, в чьих трудах и появится впервые новое диковинное слово – украинцы».

Успехи в Петербурге долгое время отвлекали нас от проблем местного самоуправления. Полтавчанин фельдмаршал Паскевич берет во главе русской армии Варшаву и дружит с Николаем I. Гоголь едет за царский счет в Италию, где с размахом дерибанит десятки тысяч на макаронах. Безбородко – канцлер империи – умирая, прощается с собравшейся публикой фразой, до уровня которой до сих пор не дотянулась современная политическая мысль: «Не знаю, как при вас, молодых, будет, а при нас ни одна пушка в Европе без нашего разрешения выстрелить не смела!».

Да, до Украины ли тут, когда в твоих руках целая империя! Даже Пушкин, раздосадованный успехами потомков запорожцев в «северной Пальмире», зло заметит, что его-то предок «в князя не прыгал из хохлов», забыв, что тот прыгнул в российское дворянство прямо с африканской пальмы. Когда империи на всех украинцев стало не хватать, родилась идея независимости. Хотя, уверен, на самом деле мы очень не против нового варианта Киевской Руси. Вплоть до Владивостока. С нами во главе. С бесплатной передачей сибирской нефти акционерному обществу миргородских пенсионеров. И с Жириновским, марширующим к Индийскому океану в чине ефрейтора украинской армии. Ну, самое большее – младшего сержанта. Ибо мы – необыкновенно щедры душевно. Нам ничего не жалко. Для себя.

Миф о трипольском горшке

С этим горшком у нас с некоторых пор носятся, как с писаной торбой. Однако парадокс заключается в том, что ни к украинцам, ни даже к славянам трипольская культура не имеет ни малейшего отношения. Начнем с того, что до самого конца XIX века никакой «трипольской культуры» не существовало. Никто даже не догадывался, что в окрестностях очень живописного, но совершенно не известного широкой общественности села Триполье под Киевом археолог Викентий Хвойка обнаружит в 1896 году древнее поселение с горшками оригинального вида. Хвойка был по происхождению чехом. Специального археологического образования он не имел. Зато успел окончить коммерческое училище и копал, как крот, по всей территории Украины. А все раскопанное тут же громогласно объявлял «славянским». Тому была важная причина. Как большинство чехов того времени, Хвойка очень не любил Австро-Венгрию, угнетавшую его маленькую родину, зато обожал Российскую империю, с которой связывал надежды на освобождение Чехии от австрийцев.

Таких чехов тогда имелось в избытке. Ярыми русофилами были современники Хвойки – Ярослав Гашек, еще не успевший написать своего «Швейка», и историк Любор Нидерле, в «Славянских древностях» отстаивавший тезис о «фактическом единстве» трех ветвей русского народа – великорусской, белорусской и украинской. Официальной идеологией России конца XIX столетия был панславизм. Нет ничего удивительного, что Хвойка действовал строго в русле этой политической теории, отыскивая в прошлом доказательства древнего величия славян. Поэтому «правильному» археологу и позволяли рыть везде, где его душа пожелает – даже в центре Киева на месте бывшего языческого капища. Хуже было то, что отсутствие научной подготовки, умноженное на необыкновенную энергичность, постоянно ставило Хвойку в смешное положение. Как Колумб он вечно плыл в Индию, а попадал в Америку, совершенно не понимая, что такое в очередной раз «открыл». Зато ушлый чех неплохо зарабатывал на своих находках. «Спонсором» Хвойки являлся Императорский Российский исторический музей в Москве. Именно он оплачивал трипольские изыскания археолога, наивно полагая, что траншеи, прорытые Хвойкой в украинских грунтах – суть оборонительные сооружения вокруг панславистской модели великого прошлого. Чем так понравились находки Хвойки Императорскому музею – понятно. Дело было – в горшке. Да-да, в знаменитом расписном трипольском горшке, который просто невозможно было спутать ни с какой другой кухонной посудой.

Тут следует кое-что объяснить. На рубеже XIX–XX веков славянские народы испытывали сильнейший комплекс неполноценности. Хорватии, Чехии, Словакии, Словении, Польши не существовало как независимых государств. Остальные были представлены слабосильной балканской троицей из Болгарии, Сербии и Черногории и обширной, но несколько старомодной Российской империей, которую мировое сообщество то и дело шпыняло за сибирскую каторгу и полное отсутствие намека на демократию. Скрипя зубами, славяне точили нож на могучую германскую цивилизацию, завалившую их импортными стальными косами и зингеровскими швейными машинками, и искали утешения в легендарных праисторических временах. Но и там их мог утешить только так называемый «горшок пражского типа». А это было весьма слабое утешение. Честно говоря, почти никакое.

Следует заметить, что в основу классификации археологических культур ученые почему-

то положили кухонную утварь. До сих пор эти профессиональные гробокопатели упорно считают, что каждый исчезнувший народ шуршал во тьме веков присущей только ему разновидностью черепка. Лично мне этот метод кажется сомнительным. Ведь, исходя из него, развалившийся на наших глазах СССР можно обозвать «культурой чугунной сковородки», распространенной от Бреста до Камчатки, или, что еще вернее, «культурой граненого стакана». Нынешнее же постсоветское пространство будет определено как «культура одноразового стаканчика». Но тогда получится, что и сталинский энкаведист, охотящийся в карпатских горах за бандеровцем, и сам бандеровец попадут в одну археологическую культуру только на том основании, что оба они опохмелялись из одинаковой посуды!

Ко времени открытия Хвойкой трипольской культуры место жительства ранних славян определяли по ареалу так называемого «пражского» горшка, найденного, естественно, под Прагой. Но беда заключалась в том, что, по словам того же Любора Нидерле, «этот славянский тип был в сущности не чем иным, как украшенной волнистым орнаментом римской посудой, широко распространенной в северных римских провинциях от нижнего Дуная до Рейна. Очевидно, славянам приходилось общаться с римлянами на пограничных территориях у Дуная, когда там в I–IV веках употреблялся этот тип керамики, который и был заимствован славянами». Получается, что древние славяне даже горшка своего не изобрели, а только по-обезьяньи «слямзили» его римский провинциальный вариант, который растиражировали в бесчисленном множестве копий от Одера до Днепра! Обидно, черт возьми, для гордого панславистского самосознания!

А тут появляется Хвойка и демонстрирует на Одиннадцатом археологическом съезде в Киеве замечательный расписной черепок прямо из окрестностей древнерусской столицы! Нет, кучу черепков! Можно сказать, даже целый ларек для сдачи тары! И громогласно заявляет, что вся эта обожженная глина принадлежит «славянской ветви арийского племени». Все, естественно, в восторге! Настолько в восторге, что даже не замечают явной нестыковки. Ведь ничего особо оригинального Хвойка не открыл. Все, что он обозвал трипольской культурой, еще за двадцать лет до него называлось «культурой галицийской расписной керамики» и было обнаружено на территории «конкурирующей фирмы» – Австро-Венгерской империи. Совершенно аналогичные трипольские горшки валялись где попало почти на всем пространстве входившей в ее состав Западной Украины!

Самоубийство «отца»

Украина – страна фальшивых генеалогий, выдуманных биографий и вымаранных страниц.

Граф Алексей Тугаринов

Словно огромная чаша горячего борща, курилась туманами жирная украинская земля.

Павел Бляхин. «Красные дьяволята»

Отец идеи украинской самостийности незадачливый адвокат Николай Михновский повесился на яблоне в Киеве в ночь с 3 на 4 мая 1924 года. Случилось это прямо в саду возле дома № 76 по тихой улице с жизнерадостным названием Жилинская, где он остановился в 10-й квартире у своих приятелей Шеметов, знавших его еще по дореволюционным временам.

По иронии судьбы, буквально в двух шагах от того места, где свел счеты с опостылевшей жизнью Михновский, – на перпендикулярной к Жилианской улице Паньковской – недавно поселился его старинный враг, еще один «батько» украинской независимости – фальшивый «перший президент» Украины Михаил Грушевский, слезно умоливший советское правительство впустить его из эмиграции на родину.

Двум великим украинцам, претендовавшим совсем недавно на первые посты в выдуманном ими государстве, жить в такой опасной близости друг от друга оказалось явно невозможно, и один из них решил уйти. Удалиться тихо. По-английски. Не прощаясь. Чтобы не напоминать в очередной раз невыносимую поговорку: «Где два украинца, там три гетмана».

Что думал Михновский, когда просовывал голову в петлю, накинутую на ветку, нам уже никогда не установить. Возможно, и помянул злобно Грушевского: на, мол, давись – «пануй» единолично над Украинской Социалистической Радянской Республикой – правда, под присмотром ГПУ, чтобы не начудил чего лишнего. Но факт остается фактом. В тот момент, когда длинный (под два метра ростом!), грузный, с отросшим после революции пузом Михновский повис на яблоне, ломая шейные позвонки (все очевидцы отметили потом его неестественно вывернутую голову), академик ВУАН Грушевский мирно почивал у себя в двухэтажном уютном домике, раздувая окладистую, как у раввина, седую бороду, сочным буржуазно-националистическим храпом.

Весна в том году выдалась необычайно холодная, поздняя. Снег начал таять только на исходе марта. А в начале мая, когда киевские сады стоят, по выражению поэтичных киевлян, «словно молоком облитые», они только вздымали к небу голые рога ветвей. И на одном из этих рогов висел Михновский – болтался гигантским вопросительным знаком («Що ж наробили ви з моєю Україною?»), что, впрочем, совершенно никем не было замечено.

Город жил своей обычной жизнью. Домохозяйки, схватив корзинки, бежали с утра на Сенной и Житний базары за молоком и солеными огурчиками, которые привозили крестьяне из окрестных сел, а те, что жили на Татарке и Куреневке – на Лукьяновский рынок. Школьники спешили в школы. «Гегемон» революции – рабочий класс по гудку, как и при старом режиме, но за куда меньшие деньги (вот она заслуженная награда!), топал на завод «Большевик» – так переименовали победившие красные к 5-й годовщине революции акционерное общество «Киевский машиностроительный и котельный завод Гретера и Криванека». И только студенты начинали день весело – их уже с утра ждало ВИНО – Высший институт народного образования, помещавшийся в красном корпусе упраздненного Университета Св. Владимира – у него безбожная власть в лютой злобе тоже экспроприировала имя, оставив только орденский цвет стен.

Название «обновленного» учебного заведения вызывало постоянные шутки – в 1926 году ему подыщут несколько более серьезную аббревиатуру – КИНО (Киевский институт народного образования). Но ехидные смешки все равно не утихнут. Тогда в 1933 году КИНО еще раз переименуют. В Киевский институт социального воспитания (КИСВ), что придало ему неуместную кошачесть. А потом в том же году (воистину, нет такого преступления, на которое не пошли бы «коммуняки»!) расчленят этого «кота» надвое. Одной половине присвоят имя Киевского педагогического института им. Горького, чтобы учеба медом не казалась, а другой – вернут, наконец, звание университета.

Все это я напоминаю только потому, что упокоившийся Михновский окончил в свое время именно университет Св. Владимира – его юридический факультет, не вынеся однако,

из стен «альма матер» ни капли мудрости. Ибо, как говорится, университет может дать образование, но не ум, что биография нашего героя убедительнейшим образом и доказала, украсив ему горло пеньковым галстуком.

На низком левом берегу Днепра не построили еще ни одного уродливого спального района, заслонив небеса многоэтажными коробками. До самого горизонта простиралась синяя булгаковская даль, из-за которой утром – с московского востока – вставало для Украины солнце. А на берегу правом Святошин был еще дачным пригородом, застроенным в русском стиле чудными деревянными домиками с резными окнами. И Пуща-Водица с прудами чистоты удивительной. А Жуляны – не аэродромом, а простым селом. И Борщаговка тоже. Там чухали с утра дремучее пузо дикие мужики – те самые, что перерезали в 18-м году гетманский офицерский отряд, остановившийся на ночлег. И всем им – и студентам, и домохозяйкам, и совслужащим, и мужикам – и заводам, и фабрикам, и Крещатику, и Пуще-Водице – не было ни малейшего дела до унылого висельника. Да и не могло быть. За годы Гражданской войны город повидал столько трупов, что просто перестал ими интересоваться. Одним «жмуром» больше или меньше – какая разница, если совсем недавно они валялись прямо на площадях, даже у самого памятника Богдану?

Безвременную кончину Михновского, сами того не осознавая, почтили только две киевские советские газеты – «Пролетарская правда» и «Більшовик». Скучные и официозные, они ничуть не напоминали увлекательную прессу погибшей дореволюционной эпохи. Гигантские простыни их страниц были заполнены в основном речами новых вождей, отчетами о чествованиях, съездах и партконференциях. От их чтения у обывателя сводило скулы – единственной отрадой могли служить разве что немногочисленные рекламные объявления о симфонических концертах или гастролях какого-нибудь театра лилипутов. Да еще – уголовная хроника, хладнокровно отмечающая налеты и грабежи. В этот последний позорный раздел и попал после смерти наш герой.

На третий день после злополучного 4 мая «Пролетарская правда» в рубрике «Происшествия» как раз между заметками «Убийство бандита» и «Раскрыта кража» напечатала мелкими буквами: «В д. № 76 по Жилянської ул. повесил ся Мих. Михновский, 50 лет. Причины самоубийства не известны». (При этом журналисты перепутали имя покойного.) А газета «Більшовик» в разделе «Кримінальна хроніка» допустила опечатку уже в его фамилии: «Самогубство. В ніч з 3 на 4 травня по Жилянській вул. ч. 76 пом. 10 повісив ся гр. Ліхновський М. 50 років». Вслед за этим сразу шла заметка «Ограбування церкви».

Оба «некролога», если их так можно назвать, наглядно демонстрировали, насколько мало был известен главный самостийник широкой публике и новым хозяевам Киева. Взятые явно из одной и той же сводки сообщений, которые рассылала в прессу милиция, они трактовали «великого» Михновского только как обычного самоубийцу – мало различимого в толпе десяткой других самоубийц, незаметно покидавших бывшую столицу Древней Руси.

Знал бы демонстративный, самолюбивый Михновский, что все закончится так убого, и что даже фамилию его малограмотные репортеры изуродуют до неузнаваемости, поменяв «М» на «А», он, может, и передумал бы вешаться. Но, как гласит еще одна украинская поговорка: «Якби ж то знаття!».

В любом случае, поправить что-либо было уже поздно. Позвонок хрустнул, язык вывалился изо рта, съевшего и выпившего столько всего вкусного при жизни, – еще одна нецененная жертва легла на алтарь нации. Простите, повисла над ним, как и хотел при

жизни Михновский – раньше и, главное, ВЫШЕ всех.

Еще жив был Петлюра. Еще дегустировал эмигрантские французские супчики Винниченко. Еще не пристрелили в чекистском подвале Юрка Тютюнника. Не взорвали Коновальца. А Михновский уже стоял перед Высшим судом и сдавал главный экзамен по Закону Божию – предмету, по которому в гимназии у него имелась твердая «пятерка».

Тогда, чтобы получить по этой науке отличную оценку, необходимо было перечислить даже такие скучные подробности, сколько на небе ангелов («Легион легионов или тьма тем») и в честь каких святых учреждены Государем Императором неприсутственные дни. Сегодня же требовалось всего лишь ответить чистосердечно: «Помнишь ли ты, раб Божий Николай, что самоубийство – величайший грех?» и как согласуются измышленные тобой десять националистических заповедей, особенно последняя: «Не бери собі дружину з чужинців» с христианским заветом: «Несть ни эллина, ни иудея»?

Впрочем, Бог из уважения к выдающимся заслугам покойного перед нацией, несомненно, должен был обратиться к нему на национальном языке. Не «раб Божий Николай», а «раб Божий Микола». А то Михновский, чего доброго, вообще отказался бы разговаривать с ним – строго по своей заповеди № 4: «Усюди і завсігди уживай української мови».

А дальше Господь всемилостивый, возможно, даже спросил бы нашего Миколу не без иронии (ибо и ирония ему не должна быть чужда, раз он вездесущ), но уже на государственном наречии имперской казармы и Академии наук, хорошо известному Михновскому не только по гимназии и университету, но и по многолетней службе в царском суде, где он годами держал дулю в кармане, не забывая разжимать пальцы в нужный момент, когда следовало расписаться за казенное жалование: «Куда желаете на выбор: в москальский рай с официантами-ангелами в косоворотках, разносящими расстегайчики и соленые рыжики на закуску к холодной водочке? Или – в строго украинский самостийный ад только для национально-сознательной публики – с чертями в шароварах и вышитых крестиком сорочках и тихим хором подчертков, распевающих: «Ще не вмерла Україна!»?

Не знаю, как вы, а я уверен, что Михновский выбрал бы национально-сознательный ад. Ведь недаром именно ему приписывали известную фразу: «Геть москалів з українських тюрем!»

* * *

Перефразируя одного популярного автора, историю Украины, как и любой другой страны, можно написать по-разному. Марксист стал бы рассматривать ее как борьбу классов. Православный идеалист – как назидательный урок свыше человеческой популяции, осмелившейся жить без Бога в сердце и Царя в голове.

Но я хотел бы реконструировать возникновение Украины совсем под другим углом – как историю массовых психозов и навязчивых идей.

Принято считать, что человек есть существо разумное. Эта точка зрения широко распространена. На первый взгляд, вроде бы так и есть. Значительная часть представителей нашего вида способна к созидательному труду и даже творчеству. Мы умеем писать и считать.

Твердо отличаем правую ногу от левой, для чего призывникам уже не нужно обертывать

одну из них сеном, а другую соломой. А некоторые из нас даже изумляют менее одаренное большинство изобретением той или иной технической игрушки, якобы облегчающей бытие.

Успехи прогресса не могут не радовать. Они внушают веру, что жизнь не только хороша, но и будет становиться все лучше. Что если сегодня весело, то завтра станет еще веселей! Иногда просто дух захватывает от того, сколько вокруг всего понавыдумывали. Все это так.

Однако в Историю человек влипает в абсолютно бессознательном, я бы даже сказал, бесчувственном состоянии. Как тот же Михновский. Такое впечатление, что он то ли обкурился чего-то, то ли напился до состояния скота. В лучшем случае шел по улице, размышлял о высоком и вдруг – бац (!) головой об столб. Аж искры прыгнули из глаз, сигнализируя, какой конфуз получился от столкновения прекраснотушних идей с грубой действительностью. Так и с украинским национализмом. Думали, как лучше. А получилось, как всегда. Впрочем, вас же предупреждали. Что же вы не прислушались?

В конце XIX столетия территория современной Украины входила в состав двух великих империй – Российской и Австро-Венгерской. В гербах и той, и другой красовался унаследованный от Рима двуглавый орел. Короны, перья – все один к одному. Разница была только в том, что орел российский лениво держал в лапе скипетр, а австрийский, более хлипкий и нервный – пламенеющий меч. И все бы ничего. Забавлялась бы Вена опереттами Кальмана, а Петербург – дягилевским балетом. Да только это был воистину «конец века» – *fin de siècle*, как говорят французы. Он ознаменовался резким ростом еретической идейности, омрачившей рассудок вчерашних верноподданных.

На свет появилось поколение людей горячих, нетерпеливых и не собиравшихся довольствоваться, как их отцы» заезженной формулой: «Христос терпел и нам велел».

Некоторые из новых идей возникли на местной почве. Другие проникли извне – через плохо охраняемые границы. Но все они имели западные истоки и были порождены тесными условиями тогдашней европейской жизни. Вместить же ее в рамки приличия не мог даже империализм с его корсетами для дам, паровыми моторами для мужчин, эдисоновским электричеством для освещения своего величия и сливным бачком для самых активных особей в виде политики колониализма.

Призрак коммунизма уже полвека неприкаянным бродил по Европе, выискивая для материализации страну, которую не жалко. Но это было еще полбеды. Другая половина интеллектуального бедствия заключалась в том, что вместе с призраком коммунизма по тем же тропам стали слоняться еще несколько подобных привидений.

Бородатый призрак анархизма в широкополой шляпе, смахивающий то на французского бузотера Пьера Прудона, то на беглого русского помещика Бакунина. Как и положено настоящему анархисту, не признающему никаких властей, это идеологическое чудовище активно размножалось спорами. Вокруг грузного бородача, как опята, выскакивали детишки помельче – анархо-коллективизм, анархо-синдикализм и совсем уж мелкие, но необыкновенно ядовитые и буйственные грибки-галлюциногены, носившие наименование анархистов-безмотивников.

Одна из этих «поганок» – итальянский анархист Луиджи Лучени пырнул ржавым напильником в 1898 году австрийскую императрицу Елизавету, когда она выходила из отеля в Женеве. Загоняя заточку в шестидесятилетнюю даму, сохранившую девичью стройность, борец за счастливое будущее воскликнул: «Да здравствует анархия! Смерть обществу!».

Несчастливая женщина, олицетворявшая для Лучени это самое ненавистное старое общество, умерла через час, а убийца, приговоренный к пожизненному заключению, еще

успел настроичить мемуары «Я ни о чем не жалею» перед тем, как повеситься в тюрьме.

До возникновения на территории Украины первого анархистского «квазигосударства» – Махновии оставалось ровно двадцать лет. Но об этом никто не догадывался. Нестору Ивановичу Махно было только десять, и он еще даже не успел поучаствовать в покушении на полицейского в Гуляй-Поле, с чего в 1907 году стартует его феерическая политическая карьера.

А всего за два года до того, как Луиджи Лучени воткнул свою заточку в императрицу Елизавету, в столице ее империи – Вене – вышла книга отца мирового сионизма Теодора Герцля «Еврейское государство». Впрочем, он не был первым. В 1893 году англиканский священник Вильям Хехлер – «христианский сионист», как его называют, выпустил брошюру «Возвращение евреев в Палестину согласно пророчествам». Прочитав сочинение Герцля, добрый Хехлер, вместо того, чтобы подать в суд за плагиат, пришел в восторг от того, насколько совпадают их взгляды.

Разыскав Герцля, он устроил ему две аудиенции: у турецкого султана Абдул-Гамида и молодого германского кайзера Вильгельма II. Палестина входила тогда в Османскую империю, а немцы являлись ближайшими союзниками турок. Мысль увлечь кайзера идеей восстановления Израиля, чтобы он тактично намекнул об этом своему другу султану, была, как казалось Хехлеру и Герцлю, здоровой. Однако император Германии куда больше интересовался строительством военного флота, мечтая поколебать могущество Великобритании на морях. Как большой ребенок он выслушал аргументы двух первых сионистов, сыпавших цитатами из Библии, пришел в восторг и... ничего не сделал. А Абдул-Гамид делиться «своей» землей с кем-либо, в том числе и с евреями, не пожелал.

Казалось бы, какое это имеет отношение к Украине? Прямое! У Герцля с Хехлером тут нашлись многочисленные последователи, пожелавшие материализовать их видение. Владимир Жаботинский – организатор еврейского легиона на службе Великобритании во время Первой мировой войны и по совместительству большой почитатель Тараса Шевченко – родился в Одессе, а первый премьер-министр Израиля Голда Меир в Киеве.

Призрак сионизма недаром возник в Европе в том же XIX столетии, что и коммунизм с анархизмом. Появление этих идеологических мутаций свидетельствовало о глубоком кризисе традиционного европейского общества. Век прогресса проявил первые признаки приближения конца. Запахло жареным – кострами нового Средневековья. Людей в Европе стало слишком много, а земли для них слишком мало. Все почувствовали тесноту. Как физическую, так и духовную. Каждый начал искать свою землю обетованную.

Причина кризиса крылась все в том же прогрессе. С 1800 по 1913 год население Европы почти утроилось, достигнув 458 миллионов человек. Этот скачок произошел на глазах всего лишь трех поколений. И конца ему не было видно. Среднегодовой прирост в Великобритании составлял 13,2 человека на тысячу. В Германии – 7,4. В России – 8,6. Европа была перенаселена половозрелой молодежью, не знавшей, на какой алтарь себя положить.

Закономерно, что теория мальтузианства, предупреждавшая о проблемах, которые сулит перенаселение, появилась именно в Англии, где рождаемость, как и способность к демографическим прогнозам, была самой высокой. Дотошный английский священник Томас Мальтус опубликовал свой «Опыт о законе народонаселения» еще в 1798 году, когда скачок массового производства «лишних людей» только начинался. Мальтуса с его ужасными предупреждениями проигнорировали, и заниматься сексом без контрацептивов, имевших в

те наивные времена вид бараньей кишки, меньше не стали. Но при жизни автора «Опыт о законе народонаселения» выдержал шесть изданий, что свидетельствовало об актуальности темы! По мнению Мальтуса, безудержный рост человеческой популяции могли остановить только войны, эпидемии и голод. Это и было блестяще доказано на практике в результате двух мировых войн XX века.

Но пока будущая Украина, одну часть которой чаще всего называли Малороссией, а другую – «королевством Галиции и Лодомерии», о правоте покойного Мальтуса не подозревала. Она ветхозаветно плодилась и размножалась – строго по рекомендациям Библии. Причем, удалыми темпами. Когда в 1654 году гетман Богдан Хмельницкий принял присягу Москве, население Украины не насчитывало и миллиона человек. Согласно же переписи 1897 года, оно перевалило 23 миллиона, а накануне Первой мировой войны достигло 35 миллионов. В принадлежавшей австрийцам Галиции имелось еще 4 миллиона русинов, часть которых (самая продвинутая) стала догадываться, что и они тоже являются «українцями». Бледный призрак украинского национализма едва просматривался на фоне Карпатских гор. Однако он подпитывался яркими примерами больших националистических призраков, которым уже посчастливилось материализоваться – прежде всего, германским и итальянским.

Германия, объединенная прусским канцлером Бисмарком «железом и кровью», являлась в конце XIX столетия воплощенным соблазном для любого националиста. На протяжении веков немцы говорили на разных языках, плохо понимая друг друга. Баварский диалект отличается от современного литературного немецкого («хохдойча») примерно, как украинский от русского. Баварцы охотно воевали с пруссаками. Можно сказать, просто на дух их не переносили. Еще в 1866 году Бавария сражалась на стороне Австрийской империи против Пруссии, а всего через пять лет баварский король Людвиг признал прусского короля Вильгельма I (дедушку того, к которому ездили в гости со своими сионистскими прозрениями Герцль с Херхелем) императором Германии. Признал, естественно, не добровольно, а исключительно под угрозой физического воздействия – того самого бисмарковского железа, с которого обильно стекала кровь, служившая чернилами для государственных актов.

В отличие от баварского, саксонский диалект напротив является основой современного немецкого языка. На нем написана так называемая «Библия Лютера». Но это не помешало королю Саксонии Иоганну выступить в том же году вместе с «иноязычными» баварцами против «единоязычных» пруссаков. Проиграв, как и Людвиг, он вступил в Северогерманский Союз, а потом тоже признал короля Пруссии своим новым сюзереном и императором Германии. Вот как бывает! Просто в голову не вмещается! Еще в 1870 году нет никакой Германии, а всего через год она уже есть в результате завоевания немцами... немцев. Ну, «искусственное государство», да и только!

А фраза главного объединителя Италии графа Камилло ди Кавура, сказанная в 1861 году, просто во все учебники вошла: «Италию мы создали, теперь надо создать итальянцев». Чтобы «сделать» Италию, Кавуру вместе с королем Пьемонта Виктором-Эммануилом пришлось прикончить с полдюжину других итальянских государств – Королевство обеих Сицилий, где правили Бурбоны (между прочим, занимало половину современной Италии!), герцогство Модену, герцогство Парму, герцогство Тоскану, Ломбардо-Венецианское королевство, находившееся до этого под управлением Австрии, и Папское государство со столицей в Риме. В общем, неплохо потрудились поделники по присвоению чужого

имущества! Приходи, турист, любоваться! И это несмотря на то, что пьемонтский, ломбардский и венецианский – отдельные романские языки, совершенно не похожие на... итальянский. Пьемонтский больше смахивает на французский, а венецианский – на каталонский в Испании. Чтобы никому не было обидно, Виктор-Эммануил возвел в ранг государственного... тосканский диалект, хотя тосканцы никого не завоевывали. Зато на нем когда-то писал Данте!

Боже мой, из чего только не бывают склеены современные нации! Ну, думал ли Данте, изгнанный земляками в далеком XIV веке из родной Флоренции в эмиграцию и умерший в Равенне, что язык его поэмы «Божественная комедия» сделают через шестьсот лет государственным языком Италии? Наверняка, нет! Он себя и итальянцем-то не ощущал. По крайней мере, в современном смысле. Данте был по политическим убеждениям гибеллином – сторонником императоров Священной Римской империи германской нации и идеи всемирного государства. И даже написал трактат «Монархия», в котором доказывал, что, как один Бог на небе, так и один император должен быть на земле.

Австрийская империя, у которой Виктор-Эммануил отобрал Ломбардо-Венецианское королевство, являлась прямой наследницей Священной Римской империи германской нации. По Данте, вся Италия должна была подчиняться германским кайзерам, что он и высказал недвусмысленно еще в одном своем политическом сочинении – «Послании правителям и народам Италии». Заметьте: не народу, а именно народам! Много «народов» там, оказывается, проживало, не очень желая сливаться в единую нацию. Данте бы наказать за «предательство» общеитальянского дела, о существовании которого он даже не подозревал, а вместо этого благодарные, но малообразованные «потомки» наградили его диалект статусом «государственного языка». Воистину, националистическая мифология творит себя из чего угодно не только в Украине, но и во всем мире! Не уверен, можно ли назвать эту комедию божественной. Но на постановку она точно тянет. В лицах и на большой сцене.

Впрочем, перед тем как начать разговор о создании Украины, стоит все-таки подробнее остановиться на Италии – именно потому, что итальянский прецедент породил миф об «украинском Пьемонте»^[1], который внезапно открыл в экономически и культурно отсталой Галичине профессор Грушевский на самой зорьке разгоравшегося XX века.

Два хитрых Наполеона, придумавшие Италию

Есть такое крылатое выражение – наполеоновский план. Так обычно называют нечто грандиозное, но нереальное, фантастическое. Впрочем, мы просто несправедливы к Наполеону. Многим его замыслам удалось стать явью. К примеру, современная Италия – один из самых ярких примеров воплощенных наполеоновских планов. Однако сами итальянцы вспоминать об этом не любят. Вместо того чтобы утыкать дорогую родину монументами императору Франции, говорившему в детстве на корсиканском диалекте, который так похож на итальянский, и подписывавшемуся «Наполеоне Буонапарте», они предпочитают ставить памятники королю Виктору Эммануилу. Официально он – объединитель страны.

Наряду с графом ди Кавуром и Гарибальди этот король – один из трех главных героев национального мифа. Миф носит по-итальянски бравурное название – Рисорджименто. В переводе – Воскрешение. Если свести эту сказку к простой формуле, она выглядит так: в XIX веке Италия страдала под пятой иностранных завоевателей, а итальянцы мечтали только об

освобождении и воссоздании единой страны – о Воскресении. Появился храбрый король Пьемонта Виктор Эммануил и с помощью мудрого премьер-министра графа Кавура и буйного Гарибальди освободил ее от владычества австрийцев. Славься, возрожденная Италия!

Но правда заключается в том, что первым человеком, нарисовавшим на карте королевство Италия, был не Виктор Эммануил в 1861 году, а Наполеон Бонапарт в 1805-м. Он же стал и первым королем Италии. А во времена Виктора Эммануила больше всего крови за независимость этой страны пролили не итальянцы, а... французы.

То, что сегодня происходит на Украине, не уникально – это всего лишь последняя, гаснущая волна процесса, который начался в Европе в эпоху Великой французской революции. Создатели наций на Западе ввали не меньше наших «отцов» независимости. Но параллели между Италией и Украиной особенно очевидны. И ту, и другую страну сделали буквально из ничего – «воссоздавая» то, чего никогда... не было.

Историческую фразу Камилл ди Кавура, произнесенную в 1861 году. «Италию мы создали, теперь надо создать итальянцев», вы, дорогой читатель, уже знаете. Отдадим ему должное. Хотя бы за циничную откровенность. В отличие от украинских политиков, Кавур был веселый парень – любитель вина и женщин. Он не врал без нужды. По крайней мере, наедине с самим собой.

До начала XIX века Италия – просто географическое понятие. Данте и Бенвенуто Челлини считали себя флорентийцами. Казанова – венецианцем. Колумб – генуэзцем. Никто из них итальянцами себя не называл. Что общего могло быть у тех же венецианцев с генуэзцами, если они разговаривали на разных языках и больше всего на свете ненавидели не турок или французов, а друг друга? Жестокие войны между Венецией и Генуей – главный конфликт Средневековья в Италии. Свою великую книгу о путешествии на Восток венецианец Марко Поло написал, сидя именно в генуэзской тюрьме. Единного литературного языка не существовало. Мемуары, которые принесли ему всемирную славу, тот же Казанова накропал по-французски. Его соотечественник, выдающийся эротический поэт Баффо, сочинял на венецианском языке. Любой филолог знает строчки Данте:

Гордись, Фьоренца, славой величавой!
Ты над землей и морем бьешь крылом,
И самый Ад твоей наполнен славой...

И ни слова об Италии! Для Данте родина – Флоренция, Фьоренца. К ней мысленно обращался он, изгнанный из родного города как представитель побежденной партии гибеллинов – сторонников германского императора. Повторюсь: Данте считал – один Бог на небе, значит, и один царь должен быть на земле, а в трактате «Монархия», где он излагал свои мысли, поэт обращался к «народам Италии». К НАРОДАМ, а не народу!

Впрочем, не исключаю, что вы мне не верите. Ведь отказываться от привычных стереотипов трудно. Даже невыносимо. Это как признаться самому себе, что кто-то вас нахально прокинул, да еще и снял на этой комбинации кассу. Тогда давайте предоставим слово уроженцу Италии, всемирно известному писателю Умберто Эко. Вот как этот остроумный и весьма почитаемый мною автор изобразил этническую и языковую ситуацию в Италии в романе «Баудолино»: «Там прежде обитали римляне, римляне римские, те,

которые говорили на латыни... Потом империя тех римлян развалилась, и в Риме остается только папа, а по Италии распространились разные народы с разнообразными своими языками. У нас во Фраскете говорят одним манером, а неподалеку, в Тордоне, уже другим. Путешествуя с Фридрихом по Италии, мне привелось слышать нежные языки, с которыми при сравнении наш фраскетский вообще не язык, а лаянье псов».

Так и лаяли каждый по-своему до того эпохального дня, когда в 1796 году в Италию вторгся молодой французский генерал корсиканского происхождения Наполеон Бонапарт. Еще накануне его вторжения в Италию существовало много государств: Неаполитанское королевство, занимавшее почти половину нынешней Италии, Королевство Сардиния, несколько герцогств Модена, Парма, Тоскана, Папская область со столицей в Риме и две республики – Генуя и Венеция.

Все это плохо лежавшее добро Бонапарт завоевал за несколько месяцев. А потом создал на развалинах Итальянскую республику, чтобы легче было управлять захваченными территориями. В те времена молодой авантюрист еще был республиканцем. Но в 1805 году Наполеон объявил себя императором, а Итальянскую республику переименовал в Итальянское королевство. Королем Италии, естественно, назначил себя. А короновался железной короной лангобардов. Эта корона принадлежала предводителям средневекового германского племени, захватившего в VI веке н. э. северную Италию. Корона, на самом деле, золотая. Но внутрь ее по периметру вделан выгнутый кольцом железный гвоздь – якобы из креста, на котором распяли Спасителя. Отсюда и название.

Как итальянский король Наполеон короновался 26 мая 1806 года (запомните эту дату!) в Милане. В честь этого события он выпустил очень красивые золотые монеты достоинством в 40 лир. С одной стороны их было написано «Император Наполеон», а с другой – «Королевство Италия». Он же утвердил и флаг этого государства, цвета которого совпадают со знаменем нынешней Италии – зеленый, белый и красный. Легко заметить, что флаг почти такой же, как у Франции. Просто синий цвет заменен зеленым. Так Наполеон подарил Италии государственность и главный символ. Но править страной постоянно первый король Италии не мог. Ведь одновременно он был еще и императором Франции. Поэтому исполняющим обязанности главы государства с титулом вице-короля он назначил Евгения Богарне – сына своей жены Жозефины от первого брака. Наполеон вообще мечтал об объединенной Европе, которой правили бы он, его родственники и его генералы.

Однако объединенная Европа с первого раза не получилась. Она замерзла в русских снегах, куда сходили и созданные императором первые «итальянцы». Двадцать семь тысяч их побывали в 1812 году в походе на Москву. Но вернулся оттуда только каждый двадцать седьмой – всего тысяча завшивленных, чудом уцелевших героев – высококачественный генетический материал для будущей нации, выдержавший испытание жесточайшим естественным отбором русских морозов и казачьих пик. (Так и вижу умильную картину, как происходил сей биологический эксперимент. Два бородатых казачины верхом на косматых лошадках, а у копыт – целый взвод незадачливых макаронников, взывающих о пощаде. «Ну, что, Ванька, – говорит казак казаку. – Их тут двадцать семь душ – иродов. Каждый из нас проткнет ровно по тринадцать штук. А вот этого, самого маленького, с барабаном, оставим на расплод – авось, из него что-то путное выйдет...»)

«Нельзя отрицать того, что Наполеон симпатизировал итальянцам в силу того смутного расового родства, действие которого сказывалось с особой силой всякий раз, когда он находился в их стране, в непосредственном общении с ними», – писали в «Истории XIX

века» французские профессора Лависс и Рамбо. Да и как же мог Наполеон им не симпатизировать? Ведь это он придумал итальянцев! Придумали бы их казаки, они бы им тоже симпатизировали. Даже без смутного родства.

Впрочем, первый король Италии не отрицал существования на полуострове, кроме итальянцев, и других коренных народов. Присмотревшись поближе к пьемонтцам, он решил, что это не итальянцы вовсе, а французы, и присоединил их к Франции напрямую – язык пьемонтцев даже сегодня куда больше похож на французский, чем на итальянский. А на юге Итальянского сапога оставил целое Неаполитанское королевство, назначив туда королем своего друга Мюрата – сына простого трактирщика из-под Тулузы. Мол, для этих мафиози он будет куда органичнее законного короля Фердинанда из династии Бурбонов. Мюрат сел на трон. А Фердинанд сбежал на Сицилию, где у него было еще одно королевство – Сицилийское, куда по причине отсутствия флота, разбитого при Трафальгаре, загребущая рука императора не могла дотянуться.

Марионеточная наполеоновская Италия просуществовала до 1815 года, когда ее создатель проиграл битву при Ватерлоо и удалился на остров св. Елены. Победители «корсиканского чудовища» – Великобритания, Россия, Австрия и Пруссия – договорились на конгрессе в Вене об устройстве послевоенного мира. В Италии все вернулось на круги своя – к положению, существовавшему до вторжения на полуостров французских войск. Снова воскресли независимые государства – Парма, Модена, Тоскана... Разве что Неаполитанское и Сицилийское королевства слились в одно под властью местных Бурбонов и были торжественно переименованы в Королевство Обеих Сицилий, а Венеция и Ломбардия – то есть территория бывшего «Королевства Италии», придуманного Наполеоном, – оказались под именем Ломбардо-Венецианского Королевства под управлением Австрии. Вена назначала туда своего вице-короля – точь-в-точь, как это делал Наполеон. Наступили мир и спокойствие.

Естественно, такой мир не нравился всем. Многие, и в первую очередь так называемая интеллигенция, стали говорить, что при Наполеоне, когда «была Италия», жилось вольнее и сытнее. Мол, и макароны были толще, и пицца – диетичнее. В каждом из независимых государств на полуострове в виде сапога нашлись свои горючие элементы. Местные правительства с ними довольно эффективно боролись. Поднимет очередной революционер «восстание» в какой-нибудь Парме, покричит для виду на площади, требуя свободы, и бежит за границу. Главной «заграницей» для этих революционеров стал Пьемонт – Сардинское королевство – то самое, жители которого разговаривали на языке, похожем на французский. Пьемонтский король Виктор Эммануил решал, что давать приют бунтарям ему выгодно. Так он мог терроризировать своих соперников – всех остальных итальянских монархов. А кого не вмещал Пьемонт, те бежали во Францию. Именно там Джузеппе Мадзини создал свою организацию «Молодая Италия», состоящую в основном из его друзей. Мадзини выпускал журнал и требовал вместо кучи итальянских государств одну республику – как во времена Древнего Рима.

По сути, Италия была в то время большой буферной зоной между Австрией и Францией. И тут у пьемонтского короля завелся очень умный министр граф ли Кавур. А во Франции путем различных махинаций как раз пришел к власти племянник Наполеона – Наполеон III. По мере сил молодой человек во всем стремился подражать покойному дяде и лез в драку по всякому поводу. Третьего Наполеона с лихо закрученными мушкетерскими усами и бородкой так и тянуло повоевать с Австрией и Россией – отомстить за прежние семейные обиды.

Хитрые пьемонтцы Виктор Эммануил с Кавуром решили: а почему бы не использовать взрывную агрессивность Наполеона III в своих целях? Будем «шестерить» перед Францией, втянем ее в войну с Австрией на своей стороне и снова создадим «Королевство Италию» с собою во главе. Должен же новый Наполеон сделать что-то хорошее для таких замечательных союзников!

На будущую Италию Кавур с Виктором Эммануилом смотрели, как на бизнес-проект. Если сломать все границы в итальянском сапоге, туда можно будет засунуть здоровенную пьемонтскую ногу. Вся казна, все налоги, которые собирают король Обеих Сицилий, герцоги Пармы и Тосканы, а также Папа Римский (а он много берет!) пойдут нам – умным и прогрессивным деятелям.

Чтобы втереться в доверие к Наполеону III, два сардинских прохиндея впутались в Крымскую войну. Пятнадцатитысячный корпус пьемонтских войск целый год мерз под Севастополем – говорят, даже отличился в битве на Черной речке. Но начальный политический капитал Кавур и Виктор Эммануил вложили очень выгодно. Наполеон остался очень доволен их вкладом в общую победу и в ответ дал себя впутать в войну против Австрии – за «освобождение» Италии.

Национальный итальянский миф гласит, что все итальянцы мечтали об этой свободе. Но в реальности за будущую Италию в основном воевали французы. Правда, не на шару. Полным идиотом Наполеон III все-таки не был. Взамен своей «бескорыстной» помощи итальянскому делу он выторговал у двух пьемонтских махинаторов Ниццу и Савойю, принадлежавшие до этого Пьемонту. Савойя – это дедовское наследие Виктора Эммануила. Он и был-то из так называемой Савойской династии! Но дедушкин удел расчетливый пьемонтец, плюнув на сантименты, отдал взамен за будущие выгоды – ведь Италия в пятьдесят раз больше какой-то Савойи! Ну, ее в римскую баню, эту Савойю вместе с покойным дедушкой! В общем, очень буржуазный был король – реалистично смотрел на вещи.

Получилась смешная ситуация. Австрия воевала за независимость маленьких итальянских государств против наглого Пьемонта, который крышевал Наполеон III. А Франция – за независимость будущей марионеточной Италии во главе с Пьемонтом. За красивыми словами скрывались два тонких политических расчета великих держав. Австрийцев устраивала раздробленная Италия как буферная зона между ними и Францией. А французы хотели ослабить Австрию и создать подконтрольную себе новую страну, которая слушалась бы не Вены, а Парижа.

Враги сошлись на равнине в Ломбардии – под деревней Сольферино 24 июня 1859 г. С одной стороны – 120 тысяч австрийцев, часть из которых составляли ничего не понимавшие в этой высокой политике солдаты-русины из далекой Галиции, которые еще не догадывались, что они – «украинцы». С другой 25 тысяч пьемонтцев, то есть, «протоитальянцев» и почти 94 тысячи французов. Такой битвы Европа давно не видела. Австрийцами командовал лично император Франц-Иосиф, союзниками – Наполеон и Виктор Эммануил. Войска растянулись по фронту на пять миль. Австрийки лезли на рожон, как черти. Но французы, заняв господствующие высоты с виноградниками (за виноградник каждый настоящий француз готов сражаться до последней капли крови!), отбили все атаки и перешли в контрнаступление. Пьемонтцы тоже не зевали. Виктор Эммануил лично водил своих головорезов в атаку на силы реакции.

Мяса ради будущей Италии друзья наделали столько, что ошалел даже главный «италофил» – Наполеон III. Сразу же после победы он заключил с Францем-Иосифом мир и

укатил в Париж. Подальше от разлагающихся трупов. Именно после этой битвы придумали международный Красный Крест – так жалобно орали на поле при Сольферино раненые, которым поотрывало ядрами руки и ноги. А поскольку взывали к общественности они в основном по-французски – на тогдашнем международном языке, их вопли были услышаны.

Зато в результате этой великой французской победы в литературе появился роман немецкоязычного писателя Йозефа Рота из ныне украинского городка Броды – «Марш Радецкого» (он открывается сценой битвы при Сольферино), а на карте Европы – независимая Италия под тем же зелено-бело-красным флагом, который придумал для нее Наполеон-старший. Остальное было делом техники. Государственным языком назначили тосканский, потому что на нем разговаривал Данте. То, что Данте выступал за власть над Италией германского императора, никого из новых итальянцев не смущало – давно это было, в XIV веке, кто помнит о его политических заблуждениях? Зато всемирно известный поэт – примажемся к его славе! До сих пор в Италии шутят, что первый иностранный язык у них итальянский – дома все по-прежнему говорят по-сицилийски, по-венециански, по-пьемонтски. Как кому нравится.

Беспощадный Виктор Эммануил и его клан уничтожили все независимые государства на территории Италии. Больше всего пострадало Королевство Обеих Сицилий. Уровень жизни там сразу понизился. «Экономическая политика Пьемонта привела к ухудшению положения масс Юга, – писала в книге «Италия на рубеже веков» еще советская исследовательница Цецилия Кин, – возник так называемый «великий бандитизм», когда сторонники низложенной династии Бурбонов использовали крестьян и бывших солдат бурбонской армии в борьбе против правительства».

Итальянские эмигранты в Америке, которых показывают в гангстерских фильмах, – это прежде всего сицилийцы, уехавшие за океан от счастливого итальянского Рисорджименто. А знаменитая мафия – остатки партизанского движения против захватчиков-пьемонтцев.

Удивительно, но объединение Италии привело к... резкому падению боевого духа итальянской армии. Жители итальянских государств, завоеванные пьемонтцами, не хотели сражаться за единую Италию – то есть переименованный в нее великий Пьемонт. От австрийской разведки не удалось скрыть это настроение умов. В 1866 году вспыхнула австро-прусская война. Виктор Эммануил тут же вмешался в нее на стороне Пруссии, надеясь еще чем-нибудь поживиться. Инструкция главнокомандующего австрийской армии на итальянском театре эрцгерцога Альбрехта так оценила потенциальную стойкость нового противника: «Сардинская армия после последних походов сделала большие успехи по части снаряжения, вооружения, обучения, довольствия войск и управления ими, но в нравственном отношении она не поднялась... Прежний рыцарский и монархический дух офицеров, вследствие примеси к ним эмигрантов, волонтеров и лиц, изменивших прежнему своему знамени, значительно ослабел. Между солдатами дух единства и преданности, существовавший в пьемонтской армии, где каждый полк состоял из жителей одного округа, не может более существовать, ибо теперь пьемонтцы в полках составляют меньшинство, в смеси со всеми другими итальянскими племенами, из которых многие не любят военной службы и не расположены к Пьемонту».

Будущий командующий Киевским военным округом генерал Драгомиров, а тогда военный атташе назвал эту характеристику итальянской армии «превосходной». Одним словом, итальянцев еще было создавать и создавать...

Но для успешного завершения этого эксперимента пришлось пропустить исходную

биомассу, как фарш, через кровавую мясорубку XX столетия. Логическим результатом объединения Италии стала не свобода (из 28 миллионов подданных нового королевства избирательными правами пользовались всего полмиллиона), а участие в двух мировых войнах и фашизм Муссолини. Ибо любая страна, вынужденная сглаживать внутренние противоречия между частями, из которых склеена, переходит к жесткой внутренней и агрессивной внешней политике.

По наполеоновскому «итальянскому» рецепту создавались и создаются все новые независимые государства. Обычно они плодятся в спорных поясах между сверхдержавами. Чтобы ни себе, ни другому. Так «возродилась» во второй половине XIX века между Оттоманской Портой и Российской империей никогда не существовавшая Румыния, которую до того дипломаты несколько свысока именовали «валашскими княжествами». А веком позже между Германией и Россией – Польша («уродливое детище Версальской системы», по выражению Молотова), Чехословакия (чуть ли не самый яркий пример высосанного из пальца государства, что видно даже по названию и тому красноречивому факту, что, осознав свою полную искусственность, Чехословакия добровольно самораспустилась) и... наша богоспасаемая Украина.

Это не означает, что я против нынешней Украины или так называемых национальных государств вообще. Если что-то возникло и существует, значит, это непреложный этап в истории человеческого развития. Надо и его пройти. Не все существующее – разумно, но если Господь так управил, значит, так тому и быть. Не нам разрушать республики и колебать престолы. Каждому – свое. А я не повстанец и не заговорщик. У меня другое ремесло – писательское. Но никто не в силах отнять у меня право на свободные рассуждения. А они, увы, не избавлены от грустной иронии.

Ради воплощения прекрасной утопии нации несколько десятков миллионов европейцев пришлось в XX веке переселить на тот свет. Причем, не только евреев. Я имею в виду немцев и итальянцев, так удачно и, главное, дешево «материализовавшихся» в предыдущем столетии, чтобы дорого погибнуть в России в столетии следующем (на сей раз под Сталинградом), а также поляков, венгров, румын, и, естественно, русских. Простите, представители тех незадачливых «племен», коих забыл помянуть – вас так много, что всех не упомнишь.

Еще несколько миллионов согнали с насиженных мест, где они жили столетиями. Немцев выселили из Восточной Пруссии и Судет. Поляков – из Львова. Лемков – из Лемковщины, переименовав их в украинцев.

Ничего подобного просто быть не могло в эпоху «реакционных» монархий старого порядка. Прусский король или австрийский император охотно завоевывал какую-либо чужезычную территорию, но ему даже в голову не могло прийти депортировать местных жителей целыми уездами, потому что они не немцы и не понимают государственного языка. Завоеванные должны были обожать «своего» монарха и исправно платить налоги, но имели право на дом и спокойную частную жизнь.

Идея национализма – глубоко антихристианская по сути, какой бы он ни был. Именно поэтому национализм сразу же скрестился с материалистической профанацией христианства – социализмом, породив германский национал-социализм и итальянский фашизм. Интегральный украинский национализм Дмитрия Донцова – всего лишь обезьянья разновидность этих двух своих отцов-прототипов.

И даже если церковь сохраняется в национальном государстве, она либо становится пустой, как в Чехии, либо превращается в обычный племенной культ, наподобие польского

каатолицизма. Сказав: «Несть ни эллина, ни иудея», святой Павел имел в виду, что есть просто люди. Классический же национализм всегда учил своих адептов не видеть в представителе другой нации человека. Или видеть его в последнюю очередь. Ибо нация – «понад усе».

Не мудрено, что в такой нервной обстановке, когда даже местечковые евреи стали бросать свои гешефты и замышлять воссоздание «царства Израильского», чуткий к требованиям момента и не совсем простой парубок с Полтавщины засел за написание своей «Самостийной Украины». Главное было – не отстать от времени, убегающего в неизведанную даль за ветряком на краю родного села.

Самоубийца-самостийник

Несмотря на то, что «Самостийная Украина» Николая Михновского вышла в Австро-Венгрии во Львове, ее автором был не галичанин, а 27-летний харьковский адвокат с сердцем, разбитым неудачным романом, – сын православного священника села Туровка Полтавской губернии. После всех административных пертурбаций XX века Туровка относится теперь к Киевской области.

Блудный подданный Российской империи Николай Михновский, опубликовавший в 1900 году от имени насчитывавшей всего несколько человек Революционной Украинской Партии вышеупомянутую 22-страничную брошюрку, и есть, как бы кому ни хотелось, отцом украинской независимости. Самым первым и самым непризнанным. Других детей у него не было. Увы, никто из современников не хотел признавать его приоритет в темном вопросе «делания Украины». И, прежде всего, прочие самозванные «отцы». Хотя юридических прав на отцовство у них было значительно меньше, зато настойчивости на порядок, а то и два, больше, чем у вспыльчивого, но неорганизованного Михновского.

Суть характера первого самостийника замечательно передает эпизод из его раннего детства, описанный современным биографом «великого человека» Федором Турченко в книге «Николай Михновский. Жизнь и слово»: «Міхновський належав до людей холеричного типу... В родині жив переказ, як Микола трирічним хлопцем побачив уперше свого небожа Василя Совачева на хрестинах із золотим хрестиком і запитав, звідки у нього ця прикраса. Одержавши у відповідь, що небіж «знайшов його собі», Микола схопив Василя за чуба і запитав: «А мені чом не знайшов?» Родичі і близькі казали, що ця фраза досить точно характеризувала вдачу Міхновського – енергійну, імпульсивну до нестримності, волелюбну».

Не знаю, где тут можно отыскать волелюбие. По-моему, налицо обычная зависть. Увидел на другом мальше блестящую цацку и тут же набросился с кулаками, словно тот в чем-то перед ним виноват. Всю жизнь потом Михновскому будет казаться, что ему недодали, недосыпали – в общем недооценили.

Но если ему и не повезло с чем-то, так это с характером. Даже коллеги по «украинской справе» шарахались от бешеного адвоката, как от чумного! И отнюдь не по причине идейных разногласий. Просто Михновский был хамом. Но не заурядным, а выдающимся – «непересічним». Выдающимся именно в хамстве, а не в политической деятельности. То набросится на знакомых с упреками, то устроит публичную истерику. Как охарактеризовала его одна из знакомых дам – Анна Берло в воспоминаниях «Мои знакомства с некоторыми украинскими деятелями», Михновский был человеком «грубым и невоспитанным». Но себе самому он, естественно, казался тонкой возвышенной натурой.

Коллег-украинофилов в Киеве конца XIX века можно было пересчитать по пальцам. По-украински ради оригинальности разговаривали всего несколько приличных семей. Лояльный имперский город – «мать городов русских»! Как же могло быть иначе? Но как раз ближний круг – свою украинскую «тусовку» Михновский и не жаловал больше всего. «Ах! Коли б ви знали, яка тут брудота у сім чудовім граді Київі, – писал он своему другу Борису Гринченко. – інтриги, плітки, злість і ненависть панують серед нашого суспільства. І то мають бути патріоти».

Зато братья-патриоты и отплатили ему – по-иезуитски. Как только в 20-е годы появилось слово «фашизм», непревзойденный тролль Михаил Грушевский тут же обозвал в мемуарах Михновского «фашистом», хотя как тот мог им стать в 1900 году за два десятилетия до рождения фашизма? А интеллигентный с виду Петлюра, умевший выслушать и утешить чуть ли не любого дурака в вышиванке, сделал исключение только для одного из представителей этой породы – для Михновского. «Головной отаман» лишил его мечты всей жизни – возглавить украинскую армию и повести ее на москалей.

Михновский первым среди национально-сознательных тугодумов додумал, что государство – это, прежде всего, армия. Задолго до великого Мао он мог бы сказать: «Винтовка порождает власть». Но не сказал, а основал в 1917 году в Киеве Украинский военный клуб имени гетмана Полуботко, который занялся разложением киевского гарнизона, верного Временному правительству. Петлюра (в то время еще не самостийник) деятельность Михновского публично осудил, а сам втихаря при деятельной поддержке Грушевского и Винниченко пробрался на должность военного секретаря Центральной Рады (по-нынешнему – министра), присвоил идеи конкурента, творчески их развил, а подлинного автора спровадил из Киева на Румынский фронт – заниматься украинизацией.

И даже когда в 1924 году бывший адвокат скоропостижно (как и все, что он делал) отбыл в мир иной, его же духовные наследники – уже настоящие фашисты – просто вышвырнули Михновского из истории национализма.

Капеллан дивизии СС «Галичина» Исидор Нагаевский, который сочинил в эмиграции толстенный томик «История Украинского государства XX столетия», изданный Украинским католическим университетом имени папы Климента в Риме и перепечатанный в Киеве в 1993 году, не постеснялся даже обобрать труп покойного и приписать его идею украинской самостийности своему земляку – некоему отцу Василию Подолинскому родом из Галичины. Во всей его лживой книжке о Михновском не сказано ни слова! Позор бывшему эсесовцу!

Не отдают должное первому самостийнику и нынешние профессиональные националисты. Даже у великого «просветителя» всех несвидомых Виктора Ющенко руки до увековечивания памяти Михновского так и не дошли. Почему? Скорее всего, из суеверия. Наши шароварные патриоты считают неприличным вспоминать с высоких трибун, что идею независимости выдумал самоубийца. Разве могла такому человеку прийти в голову хорошая идея? А если все-таки пришла человеку именно с суицидальными наклонностями, то не означает ли это, что она недостаточно хороша? Видимо, это кажется новым носителям старой идеи не очень вдохновляющим примером для подрастающего поколения. Тому же Исидору Нагаевскому служить в дивизии СС было нестыдно. Хорошая сытая служба, и форма красивая... Как раз для доброго пастыря! А сказать пару добрых слов об отце независимости – самоубийце Михновском – язык не поворачивался! Ну, можно ли построить с такими, с позволения сказать, «людьми» настоящую державу? Ведь те же японцы не постеснялись возвести самоубийство в государственный культ и провозгласить вершиной

развития человеческой личности самурая, вспоровшего себе брюхо. А наши псевдодержавотворцы только распевают тоскливые песни, а добровольно отдать жизнь за Украину, как Михновский, не спешат.

Не хотят даже достойно переиздать научное наследие самоликвидировавшегося мыслителя! Хотя написал он немного. Совсем чуть-чуть. Если собрать все в кучу, то к двадцати двум страницам «Самостийной Украины», в лучшем случае, еще с десятков листиков наберется. Это же не полное собрание сочинений Карла Маркса! Но денег украинская держава на творческое наследие Михновского жалеет – и даже цитировать его в полном объеме биографы Михновского боятся. Стыдно им признать, что автор идеи самостийности был редким мракобесом и теоретиком этнических чисток. «Усіх, хто на цілій Україні не за нас, той проти нас, – писал он. – Україна для українців. І доки хоч один ворог чужинець лишиться на нашій території, ми не маємо права покласти оружжя».

А собирался строить Микола «самостийную» с размахом – «від гір Карпатських аж по Кавказькі». Идея, прямо скажем, не только шовинистическая, но и нереальная. Замечу, что в 1900-м году, когда автор «Самостийной Украины» это изрек, на территории, которую облюбовал для своего государственного проекта Михновский, помещалось еще и Войско Донское, населенное отнюдь не украинцами. Куда, спрашивается, собирался беспокойный «батько» нации девать этих донских казачков? Да еще и вооруженных сплошь новенькими трехлинейными винтовками и шашками? Ведь вряд ли они мечтали добровольно вступить в подданство фантастической Великой Украины киевско-харьковского мечтателя, что и доказали на деле, повоював в 1918 году с петлюровцами за Донбасс.

Однако такие несуразности Михновского практически не смущали. Мысли его неслись, как скакуны в известном шлягере – целыми эскадронами. В той же «Самостийной Украине» он придумал еще и «Переяславскую конституцию» Богдана Хмельницкого, якобы на полвека опередившую разрекламированную ныне «конституцию» Пилипа Орлика. Правда, текст своей научной «находки» Михновский так и не предъявил. Но это его не беспокоило. Он был из тех людей, которые выдумывают нечто возбуждающее, а потом сами верят в свои фантазии. Множество популярных националистических мифов ведут свое происхождение именно от его крошечной брошюрки 1900-го года. При этом, рисуя картины националистического соблазна, Михновский, как и положено настоящему садо-мазохисту, тут же впадал в истерическое самобичевание. «Так, ми не культурні, – в порыве откровенности сознавался он. – Це безперечна правда: наша нація некультурна». Но именно это его и вдохновляло безмерно: «Але в самім факті нашої некультурності знаходимо ми найліпший, наймогутніший, найінтенсивніший аргумент і підставу до того, щоб політичне визволення нашої нації поставити своїм ідеалом». Именно из прославления варварства Михновским вырос впоследствии интегральный национализм Донцова и Бандеры с его культом вождя, насилия и террора. Так что, в этом он был хоть и не фашистом, но явным предшественником фашизма.

Особенно же адвокат Михновский ненавидел интеллигенцию: «В історії української нації інтелігенція її раз-у-раз грала ганебну й сороміцьку ролю. Зраджувала, ворохобила, інтригувала, але ніколи не служила своєму народові». При этом автор «Самостийной Украины», как видно из его писаний, плохо понимал, что означает само слово «интеллигенция», причисляя к этой категории даже феодальных разбойников XVI–XVII веков – князей Четвертинских, Черторыйских и Вишневецких, предавших, по Михновскому, украинский народ. Интересно, что бы сказал автору этой концепции князь Ярема

Вишневецкий, любивший «интеллигентно» сажать своих политических противников – запорожских казаков – на кол?

Николай Михновский принадлежал к тому истеричному типу личностей, которые прячут свою неспособность к созидательной деятельности под громкой фразой. Когда читаешь его «Самостийную Украину», просто в восхищение приходишь от бесстрашия авторской мысли. Но восторг проходит, когда узнаешь, что смелая книжица вышла... без указания имени автора. Михновскому ничего не грозило за ее публикацию. Мало ли какую ерунду печатали за границей во Львове всевозможные «интеллигенты»? Тот же Грушевский. Царскую полицию это абсолютно не беспокоило. Она занималась реальными противниками режима – эсерами и анархистами.

Публикуя анонимно свой «труд», Михновский без отрыва от его сочинения делал совершенно легальную карьеру адвоката в Российской империи. Характерно, что до революции его ни разу не привлекали за политическую деятельность к ответственности. Более того! Первую мировую войну выдающийся «самостийник» провел в глубоком тылу – в Киеве в должности военного прокурора! Один из видных деятелей украинского движения Евгений Чикаленко вспоминал, как в 1916 году Михновский, щеголявший в русской военной форме и раздражавший его своей, как он выразился, «театральностью», набросился на него с упреками, что украинская общественность не созвала в начале войны съезд и не послала «до царя депутації, яка заявила б, що українське громадянство цілком лояльне, що воно стоїть за цілість Росії й зовсім не думає про прилучення України до Австрії, але просить дати українському народові такі права, якими він користується в Австрії». Как утверждал Михновский, «якби це було зроблено, то правительство «не вважало б усіх українців за зрадників». Иными словами, автор «Самостийной Украины» ничем не отличался принципиально от своих нынешних наследников, многие из которых полжизни прожили убежденными борцами с национализмом, а другую половину – провели в поклонении тем божкам, которых сжигали.

Увы, и для него украинская независимость была просто навязчивой идеей. Отдаст ей должное в состоянии умоисступления, выплеснет эмоции на бумагу или в лицо знакомым, обзовет их последними словами, а потом тихо ходит на службу в имперское судебное ведомство и на чистом русском языке зарабатывает языком (простите за тавтологию) на новый фрак.

Но для профессионального украинца у Михновского был один существенный недостаток – он постоянно опережал события и говорил сегодня то, что все остальные начнут болтать только завтра. Эту способность забежать вперед, свидетельствующую о некотором умственном превосходстве над серой массой единомышленников, другие профессиональные украинцы и не могли ему простить. На протяжении всего 1917 года киевская Центральная Рада «дружила» с петроградским Временным правительством. А Михновский уже тогда собрался отделяться и мутил воду в частях киевского гарнизона. Поэтому «свои» же Винниченко и Петлюра устроили ему командировку в действующую армию, договорившись об этом с русскими военными властями. «Вони обидва, – жаловался «ссылный», – звернулись до командуючого тоді Київським округом Оберучева, кажучи йому, що, коли він не хоче заколоту в військових сферах, то нехай вишле Міхновського з України, і Оберучев, знісшись з Керенським, перевів мене на Румунський фронт».

Автор такой радикальной «Самостийной Украины» так и не создал собственной политической силы. Вредный характер и некоторые странности психики отпугивали от него

потенциальных сторонников. Его Революционная Украинская Партия осталась в основном даже не на бумаге, а в перевозбужденном мозгу ее создателя. Партийные ряды руповцев ограничивались преимущественно личными друзьями Михновского. Как сказали бы сегодня, это была «виртуальная» партия. Ни царское правительство, ни большевики, ни националисты-конкуренты ее даже не замечали. Вершин в политической биографии Михновского было всего две. Летом 1917 года толпа дезертиров, наслушавшись его речей, объявила себя «полком гетмана Полуботко» и вышла на демонстрацию с лозунгом, на котором белым по красному было написано: «Хай живе Міхновський!». Обрадованный великий политик потом долго надоедал знакомым, рассказывая об этом доказательстве своей популярности.

А второй случай «вознесения» произошел через год. Гетман Скоропадский подбирал кандидатуру для должности премьер-министра. Никто из идейных украинцев не хотел идти к нему на службу – бывший царский генерал раздражал их. Тогда гетман вспомнил о Михновском и приказал привезти его в Киев из родного села, где тот якобы лечился от ревматизма. Но после непродолжительной беседы с отцом украинской самостийности Скоропадский пришел к выводу, что на должность главы правительства тот не тянет, и предложил ему стать просто советником. Михновский же видел себя в истории, как минимум, премьер-министром и начинать государственную службу Украине с более низких постов наотрез отказался. Мол, как можно иначе: я самостийную Украину придумал, а другие ею командовать будут?

Предложение гетмана пионер самостийности гордо отверг и после этого всю гражданскую войну прятался от всех, сбежав на самую границу своей воображаемой державы – на Кубань, откуда в хорошую погоду отчетливо видны те самые Кавказские горы, которыми должна была кончаться Украина Михновского.

Жилянская, 76. Во дворе дома, где повесился Михновский, теперь детская площадка. Ничто не напоминает о трагедии 1924 года. Рослый, широкоплечий, с пушистыми усами, бодро торчащими в стороны, как у породистого кота, Михновский казался просто созданным для героических подвигов уровня Петра Великого. Но в реальности его преследовали одни неудачи. Даже личная жизнь не сложилась. Женщины боялись хама и не спешили связывать с ним свою судьбу. Ни одна не решилась выйти за него. Он так и остался «самостийником» во всем – одиноким и по большому счету никому, кроме себя, не нужным.

Правда, устроившись после окончания Киевского университета Святого Владимира помощником присяжного поверенного Фурмана, Михновский начал свою юридическую карьеру с того, что соблазнил его супругу. По словам той же Анны Берло, амбициозный юрист завів роман із жінкою свого патрона, підмовив її покинути чоловіка і повіз її до своїх батьків на село». Вероятно, хотел похвастаться своим успехом перед папашей-попом. Номер не удался. Старосветский батюшка не оценил вольнодумство сына, наплевавшего на Божью заповедь № 10, которая запрещала возжелать жену ближнего своего. Да и госпоже Фурман и село, и любовник с замашками просвещенного дикаря скоро надоели. Дамочка вернулась к обманутому супругу, а Михновский, потеряв работу и репутацию, сбежал от позора в Харьков, где его еще не знали.

Там, тоскуя без женского общества, адвокат-беспредельщик с горя подался «в террор». Ему взбрело в голову подорвать памятник Пушкину как символу имперского деспотизма. Подговорил знакомых юнкеров Чугуевского пехотного училища – самого раздолбайского во всей Российской империи! Недоучки взялись за дело, но заложили слишком слабый заряд.

Бронзовый Александр Сергеевич устоял назло горе-подрывникам. Слегка повредить удалось только постамент. Да еще пара стекол вылетела в соседних домах.

И так вся жизнь! За что ни возьмется, все валится, горит, разлезается по швам и оборачивается не подвигом, а скандалом. Как будто Бога прогневил впавший в гордыню сын поповский.

Даже повесился Михновский только со второго раза. К пятидесяти годам жизнь ему окончательно осточертела. Уехать с Кубани в эмиграцию не удалось – на белогвардейском пароходе сепаратисту не нашлось места. Да и не ждали его в Европе. Там своих дураков не знали, куда девать. Вроде и Первую мировую войну устроили, чтобы сократить их поголовье, ухлопали почти десять миллионов человек, а идиоты снова собирались в толпы на улицах Берлина и Рима и ходили колоннами под развевающимися знаменами, выпрашивая у Сатаны нового поводыря.

А дома совершенно другие, глубоко чуждые Михновскому, но, как и он, не чуждые идиотизма люди строили после Гражданской войны тоже глубоко враждебную ему Украину – советскую. Несостоявшийся «батько нации» впал в глубочайшую депрессию, с которой и прежде водил дружбу.

Весной 1924 года он вернулся в Киев и остановился у своих друзей Шеметов. А 22 апреля в Чистый Четверг, то есть за три дня до Пасхи предпринял первую попытку повеситься в саду хозяев дома. Веревка оборвалась! Висельник-неудачник только ошарашил хозяйку, зайдя утром на кухню с петлей в руке и детски наивными словами игрока в русскую рулетку: «Выходить, я ще довго буду жити».

«Довго» затянулось почти на две недели – утром 4 мая после очередной депрессии приятели обнаружили его висющим на яблоне. О том, как потом есть с этого дерева плоды, эгоист-самостийник не подумал.

И последнее. Михновский оставил что-то вроде политического завета – так называемые «Десять заповедей». Десятый пункт их гласил: «Не бери собі дружини з чужинців, бо твої діти будуть тобі ворогами», а четвертый: «Усюди й завсігди уживай української мови». Сам их автор не следовал своим принципам. Супруга присяжного поверенного Алексея Дмитриевича Фурмана, на которой Михновский хотел жениться в бытность юным адвокатом и теоретиком, не имела чести быть украинкой, а на службе в военной прокуратуре ему приходилось не только говорить, но и (страшно подумать!) даже писать на «ворожій мові». И все-таки было бы интересно узнать, на каком языке он разговаривал с бесами, толкнувшими его в петлю?

Страна, выдуманная из Дикого поля

Украина «от гор Карпатских аж по Кавказские» в 1900 году существовала только в воспаленном воображении Николая Михновского. В реальности никто ни тогда, ни ранее, ни даже через двадцать лет не мог с точностью ответить, что такое Украина и каковы ее «естественные» границы.

Этот щекотливый вопрос – один из самых болезненных для украинских националистов. Они изо всех сил пытались доказать, что Украина – древняя страна, поработенная иноземными завоевателями, и что она значительно древнее России. Но факты никак не удавалось подогнать под эту жесткую схему.

Уже после окончания гражданской войны в 1921 г. в Вене вышла тоненькая 30-

страничная брошюрка бывшего генерального судьи УНР (титул-то пышный какой!) Сергея Шелухина «Назва України». В ней этот «украинец» с неукраинской фамилией доказывал, что «Назва території Україною не менш стародавня, як назва Руссю. Слово Україна місцевого простонародного походження і в своїй появі звязане з територією. Слово Русь невідомого походження»...

Как и Михновский, Шелухин был по образованию юристом. Он окончил тот же юридический факультет императорского университета Св. Владимира в Киеве. Особенность лиц его профессии состоит в том, что во время судебного процесса они должны доказать, что угодно, не останавливаясь ни перед какими подтасовками.

Русский дворянин, бывший судебный следователь, прокурор и член Одесского окружного суда при царе батюшке Сергей Павлович Шелухин сделал до революции куда более успешную карьеру, чем полупомешанный Михновский. Памятников не взрывал – в основном перекладывал бумажки. Но достигнутое его не удовлетворяло. В 1917 году этот протерший штаны 53-летний крючкотворец, посадивший немало врагов царя и отечества на нары, подался в революцию – объявил себя «врагом» старого режима, которому чуть ли не с пеленок служил верой и правдой.

Любая революция рождает таких перевертышей сотнями. Однако Шелухин был оборотнем особого рода. Так как из Одессы до Киева куда ближе, чем до Петрограда, где все теплые места во Временном правительстве были уже заняты (министром юстиции там назначил себя САМ Керенский!), Шелухин выбрал украинский вариант революции. И не прогадал – у Центральной Рады ему удалось выпросить должность министра судебных дел. Был он и тем самым «генеральным судьей» в годы, когда суд и расправу чинил всякий, кому в голову взбредет, и членом Государственного Сената при гетмане Скоропадском, и исполняющим обязанности министра юстиции при Петлюре. В общем, занимал множество декоративных, но приятных должностей, главная функция которых состояла в доказывании, что наблюдаемое обывателем беззаконие, в котором кто-то увел лошадей или расстрелял их хозяина, и есть вековечная мечта украинского народа о независимости.

Продолжил свое полезное дело Шелухин и в эмиграции. Так у него и получилось, что Украина – ровесница Руси, а «московська народність утворилася з мішанини Славян з переважаючою кількістю фінських і ураломонгольських племен... В українській народності сих домішок немає».

Конечно, переродившемуся в украинца москалю Шелухину было лучше знать, от каких финских и урало-монгольских племен он произошел, но, по логике, выходит, что став украинцем, хитрый юрист тут же внес в эту девственно «чистую» расу свою финско-урало-монгольскую примесь.

Это только доказывает, чего стоят рассуждения, подобные шелухинским, которые призваны обосновать принципиальные («генетические») различия между украинцами и русскими. Если же говорить о примеси к славянской крови монгольской, то среди современных украинцев в массе она явно выше, чем у русских, из-за метисации со степными монголоидными племенами, населявшими большую часть нынешней Украины во времена Киевской Руси. Берендеи, торки, черные клобуки и половцы растворились, в первую очередь, среди пограничного – «украинного» славянского населения. Казачество, начиная с названия, имело степные корни, а терминология – все эти «атаманы», «коши» и «бунчуки» – явно татарского, тюркоязычного происхождения.

Кстати, первые ниспровергатели украинской идеи прибегали для ее критики к

аргументам, аналогичным шелухинскому «расизму». К примеру, А. Царинный (под этим псевдонимом скрывался бывший директор 1-й киевской гимназии Николай Стороженко) в книге «Украинское движение» (Берлин, 1925 г.) писал: «Украинская идея» – это гигантский шаг назад, отступление от русской культуры к тюркскому или берендейскому варварству. В древнерусской летописи часто повторяется о тюркских кочевниках, что они «заратяшися» на Русь, то есть пошли на Русь ратью, войной. Возрождаясь в «украинцах», они опять идут войной на Русь – в области культурной... Все русское для них – предмет глубочайшей ненависти и хамского презрения». Как видим, обе стороны использовали в полемике одинаковые приемы.

Шелухин ошибался, утверждая, что слово «Русь» – «неизвестного происхождения». Впрочем, в его времена это действительно был дискуссионный вопрос. Теперь он окончательно решен. Славянское «Русь» произошло от финского «руотси». Так финны называли дружины норманнов, явившиеся в VIII–IX веках из Скандинавии на южное побережье Балтики. Главным занятием этой скандинавской «руси» была торговля славянскими рабами и пушниной в обмен на арабские серебряные монеты – дирхемы.

Расширяя свое влияние на бассейн Волги и Днепра, первые русы достигли в середине IX века подконтрольного хазарам Киева на пограничье с кочевой тюркоязычной Степью и сделали его своей столицей. Пришлая германская ватага дала свое имя подконтрольным финским и славянским племенам от Балтики до Поднепровья, скрестилась с местными женщинами (расовые предрассудки, в отличие от Шелухина этих добрых молодцев мало заботили) и основали известную нам из средневековых летописей Русь. Скандинавское происхождение Руси доказывается и тем, что даже в современном финском языке Швеция называется «Руотси», тогда как Россия – «Вэнаия» (от слова «венеды», «венды», как называли германцы и финны славян).

Итак, Русь древнее Украины. Слово же «Украина» происходит от древнеславянского «оукраина» – «окраина», «пограничье». Одним словом, это просто окраина Руси – трудноуловимая черта между державным русским порядком и анархическим хаосом Степи. Чтобы образовалась Украина, Русь должна была дойти до границы.

Впервые в летописи это загадочное слово было зафиксировано в 1187 году – по крайней мере, на 300 лет(!) позже, чем Русь: «Разболелся Владимир Глебович недугою тяжкой, от которой и скончался. И принесли его в город Переяславль на носилках, и тут преставился он... и плакали по нему все переяславцы. Ибо он любил дружину, и золота не собирал, добра не жалел, а отдавал дружине... За ним же украина с много потужила»... В оригинале: «за ним же оукраина много постана».

Я намеренно пишу в данном случае «украина» с маленькой буквы. Во-первых, потому что так в летописи. Во-вторых, потому что мы не знаем точно, о чем идет речь, и каковы были размеры этой «украины» – точнее, «оукраины». В-третьих, по той причине, что из отрывка неясно, речь идет о географическом названии или просто о «границе».

Прошу также заметить, что вышеупомянутый текст сохранился только благодаря «клятым москалям», которых так не любят украинские националисты. Ипатьевская летопись, откуда пошел гулять миф об «Украине XII века», получила свое название от Ипатьевского монастыря под Костромой, библиотеке которой она и принадлежала. Сам же список был сделан примерно в 1420-х гг. Язык его – явно русский, а не украинский.

На географических картах и уже с заглавной буквы как обозначение вполне определенной территории «Украина» появилась только в первой половине XVII столетия! В

нижнем правом углу карты Великого княжества Литовского «со многими землями, ему принадлежащими», которая была составлена для князя Николая Радзивилла и вышла в Амстердаме в 1643 г., микроскопическими буквами при впадении речки Рось в Днепр начертано по-латыни: «Ukraina». А на северо-запад от этой надписи, которую нужно рассматривать в лупу, чтобы обратить на нее внимание, куда более крупными литерами красуются привычные названия «Volynia» («Волынь») и «Rusia rubra» («Червонная Русь»).

Это место, где всплыло из тьмы веков название «Ukraina», и есть та самая «граница» между оседлым и кочевым мирами. И в древнерусские времена, и при польском владычестве она проходила как раз по Роси – первой естественной преграде от набегов тюркоязычных племен.

Обратите внимание и на полное название первой карты собственно Украины, составленной, по заданию польского короля, накануне запланированного похода на Крым французским военным инженером Гийомом де Бопланом в 1648 году: «Delineatio Generalis Camporum Desertorum vulgo Ukraina» («Общее изображение пустынных равнин, в просторечии Украина»).

Пустынные равнины на границе с Диким Полем...

Посвящая свою книгу «Описание Украины» наследнику Владислава IV – королю Яну-Казимиру, Боплан писал: «Беру на себя смелость с полной покорностью и глубоким уважением поднести Вашему августейшему величеству описание этого ВЕЛИКОГО ПОГРАНИЧЬЯ – Украины, расположенной между Московией и Трансильванией, которую Ваши предшественники добыли для Вас пятьдесят лет назад, и широкие равнины которой стали столь же плодородными, сколь пустынными были доселе. Это – новое королевство, которое недавно значительно возросло, благодаря доблести и разумному продвижению великого и несравненного Конецпольского – краковского каштеляна и верховного главнокомандующего Ваших войск».

В обращении к читателям Боплан продолжил: «Наслаждайтесь на досуге плодами моего труда, наблюдая из своих кабинетов эту красивую и редкостную страну, большая часть которой была заселена в мое время».

Итак, страной Украину стали воспринимать только во времена Боплана – в 30-е – 40-е годы XVII столетия. До того – это просто пустыня между оседлым и кочевым мирами, по которой рыскали только отдельные отряды татар и запорожцев. Польская колонизация дала первый толчок освоению этих земель. Но их четко отличали от «старой» Руси. В этом смысле красноречива запись в «Летописи Самовидца» – современника Богдана Хмельницкого: «Не тилко уния у Литви, на Волини, але и на Украйни почала гору брати». Львовщина в те времена по-прежнему называется Червонной Русью, Волынь – Волынью, а Северское княжество, то есть Черниговщина, – Северским княжеством. Все это – не Украина, а просто часть Руси, попавшая под власть Польши после Люблинской унии 1569 года. Местное население называют «русинами». И никто еще не слышал этнонима «украинцы», так как и этноса не существовало.

Западных исследователей интересовало тогда не то, кто такие украинцы, а кто такие казаки? Наиболее емкий ответ дал через полвека Вольтер и «Истории Карла XII», назвавший запорожцев самым странным народом на свете: «Это шайка русских, поляков и татар, исповедующих нечто вроде христианства и занимающихся разбойничеством; они похожи на флибустьеров».

«Смесь русских, поляков и татар»... Ни о какой расовой чистоте будущей нации не

приходится говорить с самого ее зарождения. Ситуация во многом напоминала тот процесс, что в том же XVII веке происходит в Америке. Только там скапливается гремучая смесь англичан, шотландцев и ирландцев. Кроме того, на «украине» Руси нет моря, отделяющего ее от метрополии – к нему еще только предстоит выйти, уничтожив Крымское ханство.

Планы овладения Крымом вынашивал уже Владислав IV, по заданию которого чертил свою карту Боплан. Но горячая «смесь русских, поляков и татар» взорвалась раньше времени – восстанием Богдана Хмельницкого. В результате контроль над Украиной перешел к Российской империи, а осуществить честолюбивые намерения Владислава по завоеванию Крыма смогла только Екатерина Великая – почти через полтора века. Завоеванные территории – нынешние Одесская, Николаевская, Херсонская и Донецкая области – получили название Новороссии. Хотя, будь поляки рациональнее, эти земли значительно раньше могли бы стать... Новопольшей.

Гигантский плавильный котел Российской империи, ее внешнеполитические успехи и та полноправная роль, которую играли в них малороссы, достигая вершин имперской иерархии, не могли не прекратить формирование отдельной нации на территории Украины.

Формула триединого русского народа, придуманная киевлянином Феофаном Прокоповичем, устраивала всех. Как гласил «Учебник географии Российской империи», изданный в Петербурге в 1873 году: «Русские по различию наречий своих разделяются на 1) великоруссов, 2) белоруссов и 3) малоруссов».

До поры до времени это объяснение полностью отвечало реальности. А что тогда называлось Украиной, четко определил Тарас Шевченко. Откройте его повесть «Прогулка с удовольствием и не без морали» и убедитесь: «Могила, или курган, на Волыни и Подолии – большая редкость. По берегам же Днепра, в губерниях Киевской и Полтавской, вы не найдете версты поля, не украшенной высокой могилой, а иногда и десятком могил. И не увидите ни одной развалины... Бедная, малосильная Волынь и Подолия, она сохраняла своих распинателей в неприступных замках и роскошных палатах. А моя прекрасная, могучая, вольнолюбивая Украина туго начиняла своим вольным и вражьем трупом неисчислимые огромные курганы».

Итак, Волынь и Подолия для Шевченко – не Украина. Украина для него – Киевская и Полтавская губернии – то самое историческое пограничье с Диким Полем. Вот эту Украину он и завещал нам «любить» – без Подолии и Волыни, тем более, без Галичины. Слова же «украинцы» Тарас Григорьевич в своем творчестве ни разу не употребил. Хоть он и знал много «крепких» словечек (и «жид» был в его писательском словаре, и ласковое «жидок», и «москаль»), а этого – не ведал! Не мыслил такой категорией!

Веселые нравы профессиональных украинцев

И не только Шевченко не знал этого слова! Даже значительно позже, уже в начале XX века, подавляющее большинство жителей земель, ставших современной Украиной, тоже никогда в своей жизни не слышали слова «украинцы»! И даже не подозревали о его существовании! Не испытывая по этому поводу, кстати, даже малейшего дискомфорта.

Его не знали те наши прадеды, что жили восточнее речки Збруч и являлись подданными Российской империи. Но и тем, что благоденствовали западнее Збруча в подданстве «добротогo цисаря» Австро-Венгрии Франца Иосифа, сие великое слово тоже было неизвестно. «Почуваю себе русином», – признался простодушно в начале XX века в статье «Дещо про самого себе»

Иван Франко. И никто даже не плюнул в его сторону!

В мемуарах печально петлюровского генерала Юрка Тютюнника есть прекомичнейший эпизод, как в 1917 году он решил сформировать «сознательную» украинскую часть. Для этого в рамках политики украинизации, которую проводили Временное правительство и Центральная Рада, подобрали призывников из Полтавской, Киевской, Черниговской, Волынской, Холмской, Подольской, Херсонской, Екатеринославской и Харьковской губерний. В общем, со всей Украины.

Цитирую дословно:

«Прибуло щось до семи тисяч. Відкриваючи віче, я запропонував:

– Хто поміж вами українці, піднесіть руку догори!

Піднеслося не більше трьохсот рук.

– Малороси! Піднесіть руки!

Піднесло руки коло половини присутніх.

– Хахли! Піднесіть руки!

Знов піднесла руки добра третина.

– Українці, малороси і хахли! Всі разом піднесіть руки!

Понад головами кількатисячної юрби піднісся ліс рук».

Итак, из 7 тысяч человек, прибывших украинизироваться (это очень приличная социологическая выборка!) в 1917 году самоидентифицировали себя украинцами всего триста! Жалкие 4,28 процента! Остальные считали себя хохлами, малороссами – кем угодно, но не украинцами. Это и есть реальная картина того, что у нас называют национальной сознательностью масс.

Свидетельство Тютюнника поистине бесценно. Это пишет знаменитый генерал-хорунжий УНР, расстрелянный в 1930 году ГПУ. Его воспоминания о делах бурной молодости вышли за границы. В отличие от нынешних политиков и «науковців», он действительно воевал за идеал Украины оружием, а не языком. Поэтому его словам я верю. Они передают впечатляющую картинку состояния человеческого материала («биомассы», по знаменитому выражению), из которого профессиональные украинцы сто лет назад принялись лепить новую нацию.

Возможно, кого-то удивит словосочетание «профессиональный украинец». Но оно абсолютно адекватно характеризует ту маленькую группу интеллектуалов, которые решили воплотить в действительность новый политический проект – пересадить его из теплицы собственных умственных конструкций на чернозем расплывчатого географического понятия, каким была тогда Украина.

Профессиональным украинцем был Симон Петлюра, живший до Первой мировой войны за счет издания в Москве русскоязычного журнала «Украинская жизнь». (Журнал, кстати, расходился очень туго – количество подписчиков постоянно падало). Таким же «профессионалом» украинского дела был и Михаил Грушевский, собиравший гранты на НТШ («Наукове товариство ім. Шевченка») во Львове, с чего и процветал, строя дома на территории Киева и оставаясь «верноподданным» Российской империи.

То, что империя развалится, он не подозревал. Не было у него дара исторического пророчества – иначе не построил бы еще и «виллу» во Львове – за линией будущего фронта мировой бойни.

В мемуарах известного украинского деятеля Евгения Чикаленко – издателя и редактора газеты «Рада» – есть эпизод, как он посоветовал в 1913 году Грушевскому после жуткого финансового скандала во Львове (местные «пьемонтцы» обвинили его в разворовывании «партийной кассы») вернуться в Киев. А тот обиженно ответил, что еще не выслужил австрийскую пенсию во Львовском университете и не так богат, чтобы ею пренебрегать. Цитирую тоже дословно:

– Але ж мені, каже Грушевський, лишається тільки трохи прослужити до половинної пенсії (емеритури) урядової.

– Та хіба ви, кажу, – не обійдетесь без тої пенсії? Ви ж людина, слава Богу, заможна, я б на вашому місці покинув ту пенсію і навіть більше: я б подарував якійсь інституції і віллу у Львові, щоб галичани не мали приводу закидати вам користолюбіє і говорити, що ви наживалися з Наукового товариства, як вони це говорять тепер, і навіть написали в тій анонімній брошурі, що ви свою велику «Історію України» друкували на кошт товариства.

Грушевський, страшенно почервонівши, відповів на це: – Не такий-то вже я й заможний, щоб зрікатись пенсії та ще й дарувати свою віллу».

«Очевидно, не стало в нього духу зробити величний жест», – завершает свое повествование Чикаленко.

В отличие от паталогически жадного Грушевского, Чикаленко такие жесты делал постоянно. И он, и Грушевский были детьми богатых родителей. Но наследством, полученным от отцов, распорядились по-разному. Богатейший потомственный дворянин Чикаленко (владелец поместья в Херсонской губернии, которое он сдавал в аренду, чтобы не заниматься делами самому, яхты на Днепре, дома в Киеве и дачи в Крыму; избыток доходов тратил на «українську справу», как другие на дорогую любовницу. Это спасало его от скуки. Он был из плеяды последних украинцев-любителей – персонажем уходящего панского сословия. Вроде тех панов, которые за полвека до описываемых событий спонсировали Шевченко, выпуская за свой счет его «Кобзарь».

Чикаленко точно так же выделял деньги на одну из первых украиноязычных газет «Рада», редактором которой и являлся. Газета выходила себе в убыток, но ее редактор-издатель регулярно покрывал дефицит из собственного бездонного кармана. Себя он считал очень важной персоной – воспитателем украинцев. Но впоследствии не испытывал особого счастья, наблюдая за результатами своего педагогического эксперимента. В 1921 году уже в эмиграции он писал своему приятелю из Вены не без юмора: «Бачив масу українців, і багато між ними “гадких утьонков”, що я висидів в “Раді” і за діяння яких тепер доводиться червоніти».

Под «гадкими утьонками» он подразумевал тех деятелей УНР, которые с таким блеском провалили замечательную идею, выношенную Чикаленко, и вместе с ним оказались за границей, не выдержав конкуренции с другими экспериментальными проектами – большевистской красной Россией и ее дочерью УССР.

В непосредственной бюрократически-боевой деятельности по созданию новой державы Чикаленко никогда не участвовал. Он не побывал не только министром у Скоропадского или Петлюры, но даже и рядовым членом Центральной Рады. Не барское, знаете ли, дело. Российский монархизм, который исповедовали его предки, когда накапливали свои богатства, в нем причудливо мутировал в таком же монархизм, только прозападный. До конца жизни он грезил прекрасным принцем из австрийских Габсбургов или германских Гогенцоллернов, который сядет на украинский престол. Ждал во время Первой мировой

войны немцев как избавителей! Буквально готов был распластаться перед ними. Дочь Чикаленко вспоминала, что когда немцы заняли в 1918 году Киев и один из офицеров оккупационной армии зашел к ним в дом, «батько з серцем устав і сказав уже по-українськи, не пробуючи боротися з труднощами німецької мови: “Краще я буду німецьким наймитом, ніж братом москалів! Переклади йому це”. И добавил уже по-немецки: «Вы сделали из поляка европейца!»

Профессиональные украинцы начала XX века были настроены антирусски и, следовательно, прогермански. В этом смысле мемуары Чикаленко – очень показательный документ. Всех деятелей «національного відродження» их автор знал, со всеми общался, все они вылупились, по его мнению, в его гнезде из тех яиц, которые он же и отложил. Можно сказать, целую Украину высидел дедушка! Памятник бы ему за это – прямо верхом на лукошке с горой яиц!

И вот начинается Первая мировая война. Подданный Российской империи Чикаленко приезжает в Москву, чтобы найти еще одного такого же подданного – будущего первого премьер-министра украинского правительства Владимира Винниченко. Тот – мужчина в полном расцвете сил, прославившийся до войны своими полупорнографическими литературными произведениями – не в армии, как можно было бы предположить, а в санатории – «закошил».

«Винниченка я застав у санаторії, – пишет Чикаленко, – як завжди, жвавого, повного енергії та надії на те, що німці вщент розіб'ють Росію і, може, зроблять з України окрему державу, як це планував, як кажуть, ще Бісмарк. Ми пробалакали майже цілу ніч».

Но разбить Россию оказалось не так-то легко, как думали друзья. Она упорно сопротивлялась, воюя одновременно против Германии, Австро-Венгрии и Турции, и даже однажды осмелилась потребовать у помещика Чикаленко как своего верноподданного лошадей для нужд армии. Помещик обиделся. Ему было жаль лошадей. Особенно племенных жеребцов. Чикаленко ответил уряднику, что обычных лошадей, так уж и быть, даст, а жеребцов и кобыл, предназначенных на расплод, все равно оставит, поскольку имеет от министерства «свідоцтво, що вони не підлягають військовій службі». Урядник пытался воззвать к его патриотизму и даже заявил, что соседи-помещики уже заплатили свой «долг» государю императору конским составом. Но Чикаленко уперся – жаль лошадей и все! И в сердцах поплакался приехавшему к нему в гости после санатория московскому другу: «Коли Винниченко почув оце, то радив мені ліпше отруїти тих жеребців, ніж давати їх до війська, жеребців і кобил я таки не дав, і в мене забрали лише робочих коней».

К слову сказать, очень скоро в революционные дни вся эта конюшня все равно пропала. Царское государство, защищавшее дворянина-фантазера Чикаленко, исчезло, а мужички, плохо понимавшие его новаторские идеи «розбудови нації», просто увели племенных жеребцов и кобыл с барского двора, запрягли в тачанки и подались в махновцы.

Выбор политической ориентации первыми профессиональными украинцами часто зависел от причин, которые читателю бы даже в голову не пришли. К примеру, в 1917 году всеобщее удивление вызвало то, что председатель Центральной Рады Грушевский объявил себя социалистом, примкнув к партии украинских эсеров. Понятное дело, Винниченко или Петлюра – люди без собственности, типичные представители творческой интеллигенции. Им только в социалисты и податься! Куда же еще? А Грушевский – почтенный домовладелец, построивший перед самой войной многоэтажный доходный дом на Паньковской и лупивший три шкуры с жильцов – типичный буржуй. Его-то как к голозадой эсеровской молодежи

занесло? А отгадка, оказывається, проста.

«Грушевський спитав мене, як я думаю – чи безпечно тепер робити купчу на землю, яку він сторгував, щоб мати самостійний ценз по повіту до Державної Думи, щось коло 100 десятин. На це я відповів йому: «На мою думку, не варто купувати землі, бо Установчі збори, на яких переважатимуть селяни, певне, реквізують поміщицькі землі за ціну дешевшу, як ви за неї заплатите». Так він землі і не купив».

Открываем те же мемуары Чикаленко. Весна 1917-го. Грушевский только-только приехал из Москвы в Киев, чтобы приступить к работе в Центральной Раде, но желает избратся еще и в общероссийскую Государственную Думу. Для этого, по закону, нужен имущественный ценз.

Желание получить землю на шару и толкнуло Михаила Сергеевича в объятия украинских эсеров. К тому же и жених дочери Александр Севрюк оказался из этой партии. В результате весь Киев удивлялся, почему вслед за Винниченко должность украинского премьера получил никому не ведомый «киндерсюрприз» эсер Голубович, а послом в Германию отправился тот же Севрюк. А виноваты были всего лишь дочь на выданье да не купленная по жадности земля.

Сразу после того, как Грушевский перехотел покупать землю, на заседании Общества помощи украинской литературе, науке и искусству (в оригинале: «Товариству підпомоги українській літературі, науці і штуці») решили сброситься по пять тысяч рублей на газету «Рада», в очередной раз находившуюся на грани банкротства. Дали почти все, кроме известного композитора Николая Леонтовича, отличавшегося прижимистостью, и все того же бородатого господина, который сидит теперь в виде памятника в Киеве под Домом учителя – Грушевского. По словам Чикаленко: «Грушевський сказав, що у нього немає грошей; я ж не мав сміливості сказати йому, що він же роздумав купувати маєток, то гроші zostалися вільні».

Как и кони Чикаленко, денежки Грушевского тоже пропали – во время революции их съела инфляция.

Самым веселым и противоречивым персонажем из компании профессиональных украинцев был все тот же «конский палач» Владимир Винниченко. В 1910 г. он издал в сборнике «Земля» в Москве повесть «Честность с собою». Причем на русском языке. Завистливые коллеги по профукраинству стали упрекать автора: почему, мол, не на будущей державной мове? В письме в газету «Рада» Винниченко оправдывался, что сначала написал повесть по-украински и даже послал ее в Литературно-научный вестник во Львов, который редактировал Грушевский. Но Вестник отказался печатать произведение Винниченко, «бо передплатники і так докоряють редакції, що вона містить аморальні твори».

Герои повести были списаны с молодого Петлюры, еще одного украинского деятеля – Порша, а также самого автора и живо обрисовывали их сексуальные нравы. «Господи! – восклицал Чикаленко. – До чого може дописатися людина! Всі жінки в повісті тільки й думають, тільки й роблять, що віддаються любимим і нелюбимим і просто навіть незнайомим молодим і здоровим мужчинам у номерах... Всі жінки в повісті Винниченка рвуться «до бугая». И добавил, что, прожив полвека на свете, таких людей и не видел. А Грушевский заметил, что повесть написана только одним органом и просил сменить тему, «бо прочія часті тіла ображаються».

Тем не менее, за этот шедевр по половому, а не национальному вопросу в России Винниченко отвесили целых 2500 рублей – в четыре раза больше, чем он получил бы во

Львове в Литературно-научном вестнике. Так, по крайней мере, уверял всеведающий Чикаленко. И будущий премьер-министр независимой Украины не выдержал – продал «москалям» свои эротические фантазии. А если бы накинули еще пару гривенников с царскими орлами, то Винниченко в голем виде станцевал бы гопак прямо на Красной площади!

Леся из пробирки

Справедливости ради, скажем, что первую украинку удалось вывести раньше, чем первого украинца. Ее так и назвали – Леся Украинка. Хотя это было ее ненастоящее имя. В детстве у нее были другие выходные данные» – Лариса Петровна Косач. Превращение шло поэтапно. Сначала удалось изменить имя. И только по мере обретения новой этнической идентичности – еще и фамилию.

Главную роль в этой искусственной мутации сыграла мать подопытного крольчонка – Ольга Драгоманова, малоизвестная детская писательница, сочинявшая под псевдонимом Олена Пчилка. По происхождению род матери был греческим. Драгоман – кличка пращура Леси-Ларисы, прибудившегося, как гласила семейная легенда, к войску Богдана Хмельницкого и подрабатывавшего при безграмотных казаках переводчиком – драгоманом. Со временем его профессия стала кличкой, а потом и фамилией. Окончание «ов» свидетельствовало о пророссийских симпатиях рода – при Екатерине Второй прапрадед Леси Стефан Драгоманов, еще писавший свою фамилию греческими буквами, получил, как и большая часть малороссийской старшины, дворянство от имперского правительства.

Стефан Драгоманов удачно женился на дочери гадячского казачьего старшины – Колодяженского и приобрел, благодаря удачному вложению своего мужского естества, отличный дом в Гадяче (теперь – райцентр Полтавской области) и усадьбу под ним в селе Монастырские Будищи. Наличие крепкой экономической базы, основанной на труде крестьян, позволило впоследствии Драгомановым, как и многим русским дворянам XIX века, «дурковать» в свое удовольствие, не слишком заботясь о карьере. Так в лоно этой семьи проникли «прогрессивные» идеи.

Брат деда по материнской линии прапорщик Яков Драгоманов, не зная, чем себя занять, подался в «декабристы». Правда, до Сенатской площади не дошел – сказался больным, но, по решению следственной комиссии, был переведен из Петербурга в Староингерманландский полк без лишения офицерского чина – «под строгий надзор полкового, бригадного и дивизионного начальства». Под «строгим надзором» он пописывал стихи, которые публиковал в петербургских журналах. Естественно, о родных местах, но на русском языке:

Кипит и пенится великолепный Псел,
Как мило вы над ним дремучие дубравы,
Склонились с берегов! Но волны величавы,
Оставляя вашу сень, плывут в зеленый дол...

В общем, графоманствовал понемногу – большого литературного таланта внучке не оставил.

По мужской линии предки Леси Украинки происходили из коронной шляхты Речи

Посполитой – правда, православной. Некий Петр Косач служил королю Яну Собесскому и участвовал в битве под Хотинном в 1673 году. Со временем Косачи осели на Черниговщине – в Мглине (ныне Брянская область Российской Федерации) и влились в состав казачьей старшины. Это удивительные места. Ни Россия, ни Украина – с переходными говорами, представляющими смесь двух языков. Во времена Гетманщины – сотенное казачье местечко. Потом – уездный город Черниговской губернии.

В историю русской культуры Мглин вошел благодаря стихам, написанным Алексеем Константиновичем Толстым, в ответ на эпиграмму Пушкина. Как-то Пушкин обмолвился:

Есть в России город Луга
Петербургского округа.
Хуже б не было сего
Городишки на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего.

Помещик Мглинского уезда из села Красный Рог Алексей Толстой – великий остроумец и один из создателей Козьмы Пруткова – добавил к этим бессмертным строкам не менее хлесткое четверостишие:

Город есть ещё один,
Называется он Мглин,
Мил евреям и коровам,
Стоит Луги с Новоржевом.

Как видим, из одного и того же уезда и сословия – российского дворянства – могли происходить выдающийся русский поэт Алексей Толстой и никому неизвестный папа украинской поэтессы – Петр Косач. Так случается! Причем, по маминой линии Алексей Толстой был прямым потомком гетмана Разумовского. Вот как, оказывается, все переплелось! А нам хотят доказать, что украинцы – это одно, а русские – совсем другое. Как будто это мухи и котлеты!

У папы будущей Леси Украинки было одно лично мне симпатичное качество – он любил делать детей. Поучившись недолго в Петербургском университете и поучаствовав там в каких-то студенческих «брожениях» в 1861 г., Петя Косач перевелся в Киевский университет Св. Владимира, по окончании которого был причислен к министерству юстиции. Заблуждения молодости на его служебной карьере никак не сказались – сразу же после получения диплома молодой человек поступил на службу в Киевскую палату уголовного суда и защитил диссертацию кандидата законовещения. А в 1866 году – всего в 25 лет – получил теплое место председателя Новоград-Волынского собрания мировых посредников.

Как выгодный жених, к тому же имевший явную предрасположенность к вступлению в брак, молодой судейский чиновник легко добился руки Ольги Драгомановой – сестры своего университетского приятеля. Темпераментная и честолюбивая Ольга мечтала стать известной писательницей, но коварный юрист не давал ей сублимировать – стоило ей присесть к

письменному столу, как молодой человек увлекал любимую жену в постель и принуждал выполнять супружеские обязанности. Вскоре после свадьбы родился первенец – Михаил. А всего через год – Лариса (будущая Леся). Неугомонный председатель собрания мировых посредников ликовал и жаждал немедленно приступить к созданию третьего ребенка – мол, вся Европа переживает бэйби-бум, и мы должны не отставать! Такое страстное желание плодиться и размножаться повергло Ольгу Драгоманову в шок, и она сбежала от ненасытного мужа за границу – под благовидным предлогом поправления здоровья после тяжелых родов.

Но чадолюбивый юрист и тут проявил себя с лучшей стороны! Как пишет официальный биограф Леси Украинки Анатолий Костенко: «Петр Антонович взял отпуск и, советуясь с врачами, сам выхаживал дочь при помощи искусственного питания, которое по тем временам было делом новым и непривычным». Конечно, проще было взять обычную кормилицу. Искусственное питание не прибавило здоровья маленькой Ларисе, как не прибавляет никому и сегодня. Старорежимная сиська – и теперь надежнее! Ничего лучше наука так и не придумала для возвращения здорового потомства. Но не будем забывать – это была передовая семья, стремившаяся экспериментировать даже на собственных детях. К тому же, г-н Косач побаивался ревнивой супруги. А вдруг, вернувшись с курорта, приревнует?

Подкармливая дочь из бутылочки, как медвежонка, папа «в декрете» (неслыханное дело для того времени!) дождался возвращения супруги и тут же сделал ей еще одну девочку. В честь мамы малышку назвали Ольгой. А потом (чего останавливаться на достигнутом!) добавил к выводку своих детей Оксану, Исидору и Николая! Это был настоящий сексуальный гигант! Просто племенной бугай, а не председатель суда, предназначенного для рассмотрения по ускоренной процедуре мелких уголовных дел. Хотя, может, эта «ускоренная процедура», оставлявшая много свободного времени для личной жизни, и была виновата в такой сексуальной активности?

Как бы то ни было, искусственное питание вошло в жизнь будущей поэтессы буквально с пеленок – сначала в прямом, а потом и в идейном смысле. Ее молодая мать, не имея возможности развивать собственный талант, решила сделать знаменитыми писателями своих детей и принялась бурно воспитывать их в псевдонародном стиле. Маленьких Михася и Лосю (так первоначально ласкательно называли в семье еще не переименованную Лесю) одевали в мужицкие костюмчики, стремились оградить от русскоязычной среды и таскали по глухим селам Новоград-Волынского уезда на свадьбы и языческие игрища.

С переодеванием (правда, ткани выбирали дороже, чем у крестьян, сохраняя только фольклорный стиль кроя) все шло по коварному материнскому плану. Во время приездов в Киев ряженные братик и сестричка запомнились своим ровесникам из интеллигентных семей именно диким «туземным» дизайном прикида. «Михаил в серой чумарке, – вспоминала Л. Старицкая, – Леся – в вышитой рубахе, белые волосы аккуратно собраны и перевязаны ленточкой. Уже тогда Леся имела болезненный вид, была тихой, стеснительной».

Хуже обстояло дело с изоляцией от литературного русского языка. Пока сидели в деревне под Новоград-Волынским, оборону более-менее удавалось держать, как в схроне. Но стоило выехать в город или пригласить в гости кого-нибудь из родственников (а они, как на грех, в отличие от помешавшейся на идее тотальной украинизации, Ольги Драгомановой не желали забывать родной русский язык – особенно сестры Петра Антоновича Косача), и вся «чистота эксперимента» шла насмарку. Бациллы великого и могучего языка Пушкина и Толстого проникали в неокрепшее сознание маленькой Ларисы и шептали: «Ты Лося, а не

Леся – помни!».

Письма Ларисы Косач к бабушке показывают, что в детстве она разговаривала на суржике. Папу называла «папой», а не «татом», бабушку – «бабушкой», а не «бабуней», письмо – «письмом», а не «листом». Где тут, скажите, украинский язык?

Тринадцатилетняя Леся пишет бабушке в Гадяч из Колодяжного на Волыни 14 мая 1884 г.: «Милая бабушка, дуже мені неприємно, що папа Вам написав, що він нас приганяє писати, чого ніколи не буває, і хоть я, може, нечасто пишу до Вас, но зато всегда з охотою і приємністю... Нам тепер багацько роботи, бо ми насадили садок... Ми насіяли багацько цвітів, котрі теж треба поливати... Вчора ми получили ваше письмо. Вчора були Тамарині іменини, і папа їй подарив повозочку з лопаткою... Вона дуже багацько говорить і все рисує щось... Прощайте, милая бабушка, цілую Вас... Ваша Леся».

К этому времени Лося уже была переименована в Лесю. Это произошло еще в 1876 году. «Мене переzwали на Лесю», – сообщила наша вундеркиндка в письме из Новоград-Волынского маминим родственникам Драгомановым. Но процесс переименования детей в семье продолжался – украинизационный маразм Ольги Петровны крепчал, и конца ему не было видно! Упомянутая в письме к бабушке сестричка Тамара, которой подарили на именины «повозочку» – это не еще один неучтенный ребенок в семье неутомимого производителя пана Косача, а уже упомянутая мною выше Оксана. Подумав, мама решила возвысить ее из лермонтовских Тамар в шевченковские Оксаны! Во имя все той же украинской народности и борьбы с «москальськими впливами».

«Милая бабушка, – докладывает Леся Е.И. Драгомановой в Гадяч 9 июня 1884 г. – Вчора охрестили Тамару, впрочім, вона тепер вже не Тамара, а Оксана, бо мама переіменила їй ім'я».

Такие вот дела! Легли спать вечером, была сестричка Тамара. Проснулись – нет ее. Мама «съела». Вместо нее – Оксаночка. Любите теперь эту. А будете плохо вести, и вас переименуем.

Еще хорошо, что пани Косач мальчиков не переодевала в девочек, и наоборот. А то есть мамы, которые и такими фокусами балуются. Причем, даже в наши дни. Но определенная «акцентуированность» психики Ольги Петровны налицо. Это была еще та «пчилка». Пчелы и осы целыми роями гудели у нее в голове!

В Киеве – городе многонациональном и терпимом – супругу председателя Новоград-Волынского собрания мировых посредников воспринимали если не как городскую сумасшедшую, то, как минимум, бабу со странностями. Она люто ненавидела Марко Вовчок, считая, что та похитила ее литературную славу. Ольга Петровна называла ее «нахабною кацапкою, що вкрала українську личину».

Особенно было смешно слышать такие формулировки от дамы, чьи предки – греческие эмигранты – имели к Украине еще меньшее отношение, чем Маша Вилинская, вышедшая замуж за малороссийского помещика Марковича и взявшая для своих дамских литературных делишек украинский псевдоним. Ведь о происхождении Драгомановых и их умении приспособливаться к «проклятому» царскому режиму все хорошо помнили.

Но Ольга Петровна не унималась. То, что лучшей малороссийской писательницей общество признало «москальку», ранило ее до глубины души. «Яке то було колись неславне для української мови і літератури переконання, возмушалась мама Леси Украинки, – що нібито якась перша-ліпша кацапка, зроду не чувши української мови, ледве захотіла, у два дні перейняла мову зо всіма найтонкішими її властивостями... Далєбі це зневажало українську

мову; що ж то за така осібна характерна мова й письменність, що всякий чужосторонець возьме й зараз писатиме, та ще як досконало».

Мол, ми тут надриваємося – учим Лесю, учим, переименовуємо її, ізолюємо від «вредних» впливів, а ніхто не хоче читати її «шедеври». Да й Олену Пчилку не читають! Восхваляють по-прежнему якую-то «кацапку», в два счёта доказавшу своїм творчеством, що любой москаль може стати українським «класиком»!

Не менше роздраження мами майбутньої поетеси викликали й євреї – «жиди», як вона їх завжди називала. «І охота вам возитися з жидами!» – упрекнула як-то Лариса Косач секретаря першої киевської україноязычної газети «Рада» Василя Королева-Старого року едак в 1907-м. К тому часу її дочка вже стала широко відомою в вузьких колах української драматургині. – Та ж і ви, Ольго Петрівно, їх не бойкотуєте, – парировал журналіст і тут же намекнул на теми деяких творів її дочки. – Та й ось і Лариса Петрівна все пише про жидів. Чом же ви їй не дорікаєте?» «Леся пише тільки про мертвих, – ужалила в відповідь Пчилка. – Я теж проти жидів мертвих та ще й таких, що померли перед двома тисячами років, нічого не маю».

Маленьку Лосю, перетворену в Лесю, і її братика в чумарці, за рішенням Ольги Драгоманової, виховували вдома. Науки, природно, крім забороненого російської мови, їм викладали спеціально запрошені вчителі. «Було вирішено, – писав біограф Леси Українки Анатоль Костенко, – в школу дітей не посылати, щоб не піддавати небезпеці небажаного спілкування з дітьми з багатих і дворянських родин і, таким чином, уникнути впливу оточення». Цей факт, природно, дивував оточуючих».

Але витримати драконовську систему на практиці до кінця не вдалося. Для жінок вище і навіть середнє освіта в ті часи не вважалася обов'язковою. Дівчата з пристойних родин закінчували гімназію або Інститут благородних дівчат. Деякі вчилися потім на вищих жіночих курсах. Крестьянка вважалася цілком «освіченою» і без вміння читати. Але чоловіки повинні були працювати і утримувати родину, як утримував свою дружину з психічними відхиленнями і вихованням дітей Петро Антонович Косач. Освіченому людині знайти пристойну роботу простіше, ніж малограмотному. Тому старшого брата Леси Михайла Косача, в кінці кінців, ця родинка, трохи одичавша в волинському селі, віддала в російськомовну гімназію в Холмі, де він пройшов повний курс навчання, після чого вступив до університету.

А строго українському вихованню Леси несподівано допомогла... хвороба. Туберкульоз кісток, який вона підхватила, промокнувши ноги на святі Крещення (ох, ось це «народне» виховання панської дитини!) назавжди виключив для неї можливість навчання поза домом. Отныне політика домашньої українізації Ольги Драгоманової отримала собі найбільш надійного союзника в особі... палички Коха, в кінці кінців, знищившої її небажану дочку. Увы, так буває. Підсвідомим небажанієм народити і виховувати цього «лишнього» дитини (яка любляча мати втече від новонародженого немовляти за межі?!). Ольга Петрівна убивала маленьку Ларису Косач, і за мірою перетворення її в трупу робила з неї Лесю Українку.

Страшно?! Мені самому не по собі. Думаєте, я очікував таких висновків? Але в цій справі, як і в рядовій чиновницькій малоросійській родині, відбулася справді антична трагедія прихованої нелюбові один до одного. Причина? О, тут у мене теж є версія. Хтось-то пам'ятає, як виник псевдонім Леси – «Українка»? Може бути, хтось його використовував до того, як він став надгробком на крихлі плечі цієї з'їденої чахоткою біло головою

девочки?

Да, его трепали на страницах изданий и до Леси. В мужском варианте – «Украинец» – этот ярлык использовал великий богоненавистник Михаил Драгоманов – старший брат Ольги Петровны Косач. Так этот один из первых социалистов «на теренах» Украины подписывал свои крамольные статьи на политические темы, когда не хотел быть узнанным. Псевдоним дяди достался Ларисе не по доброй воле. Его выбрала не она, а, как обычно, мама. В 1884 году, когда девочке было только тринадцать, она по знакомству, как это почти всегда и делается в подобных случаях, поместила стихотворение дочери во львовском журнале «Заря». Для подписи был выбран вариант тайного имени брата – Леся Украинка.

Смею предположить, Ольга Петровна не любила своего мужа, зато испытывала тайное противоестественное обожание к своему родному брату – была влюблена в него. Это же чувство восхищения Михаилом Драгомановым вместе с некоторым пренебрежением к «заурядному» отцу передалось, если верить биографам, и новоиспеченной Лесе.

Михаил Петрович был мелкий бес. Но вредный. Из тех, кого называют отравителями детских душ. Лесе запомнился эпизод из раннего детства. С братом и родителями она приехала в Киев к дяде – тогда доценту университета. Все вместе пошли к друзьям Житецким. Маленький Гнатко Житецкий, качаясь на качелях, распевал слова только что выученной молитвы: «Чаю воскресения мертвых»... Проходивший мимо Михаил Драгоманов тут же одернул его: «Если хочешь чаю, пошел бы в дом и попросил у матери!»

Неизвестно, подействовала ли эта издевка на Гнатка. Но на Лесю – подействовала! Она стала атеисткой. Как и любимый дядя. Каким цинизмом нужно обладать, чтобы убивать веру в неокрепшей детской душе, насмехаясь над словами важнейшей для христианина молитвы – над «Символом Веры» – над надеждой воскреснуть из мертвых, которой, может, только и держатся рабы Божьи в царстве Князя Мира сего!

Вот ведь как бывает! «Стрелял» по сыну друга, а «попал» в племянницу.

Слезы капаят на мой письменный стол, когда я пишу эти строки. Потому что я помню, как в тяжелую черную минуту, ночью, повторял слова этой молитвы вслед за женой, державшей мою руку, и нам обоим становилось легче, тьма отступала, и я засыпал, успокаиваясь. «Чаю воскресения мертвых» – это вам не чаю попросить... Даже с коньяком и лимоном.

Пытаясь читать произведения Леси Украинки, я все время ловил себя на мысли, что им чего-то не хватает. Вроде бы все на месте – и слова, и ритмы. а «не берет! Все плоско, надуманно, из головы. Только «Лесная песня» живая – крик Лесино подсознания, навеянным детскими посещениями крестьянских праздников на Волыни и постоянной нехваткой мужчины. Недаром она ассоциировала себя с мавкой – беспомощным мелким чертеняком. Я долго не мог понять, чего же мне в ней недостает – то, что я находил в Пушкине, Лермонтове, Толстом, Достоевском, Гоголе? И вдруг понял – не хватает духовного опыта, искренности, открытости – попросту говоря, Бога, пронизывающего теплыми лучами творчество любого своего посланника.

А у Леси над всем царил хозяин смерти – Каменный господин, забирающий Дон Гуана и «Тот, кто в скале сидит», уволаскивающий мавку в финале «Лесной песни». Сатана.

Эксперимент, вдохновленный им, удался.

Ольга Петровна получила свою Украинку. Но мертвую. В виде памятника.

Была ли Леся Украинка лесбиянкой?

Первым заметил неладное Иван Франко. Сделав немало для превращения Леси в национально-литературную «святую», он, по-видимому, подозревал, что на самом деле имеет дело со «святым». «Мимоволі думаєш, що ся хора, слабосильна дівчина – трохи чи не одинокий мужчина на всю новочасну соборну Україну», – утверждал он в статье 1898 года, поставив Лесю в один ряд с Шевченко. Фрейдистом Франко не был. И не мог быть. Первая работа «венского шамана» по психоанализу появится только через два года. Но дух времени уже носился в воздухе, и будущий украинский классик, шагая в ногу с эпохой и даже чуть-чуть обгоняя ее, уже чувствовал, что под длинной юбкой скрывается не только Леся, но и некоторым образом... Олесь. Фразу по поводу мужских качеств Леси Украинки он ввернул настолько многозначительную, что начинаешь сомневаться в мужественности самого Каменяра: «Чи не одинокий мужчина»... А ты же кто тогда – обладатель псевдомопассановских усов, строгавший детей, как матрешек?

Впрочем, о Франко и его загадочной сексуальности чуть позже. Давайте закончим разговор о нашей «мужчине» в юбке. В 1997 году, публикуя в «Киевских Ведомостях» статью «Была ли Леся Украинка лесбиянкой?», я даже не предполагал, какой скандал получится. «Сразу оговорюсь, – писал я тогда, – что рассматриваю свою роль исключительно как популяризаторскую. Большинство фактов, о которых пойдет речь, хорошо известно. Правда, только немногочисленным знатокам. В «своем» академическом кругу их обсуждают, опровергают и смакуют, но наружу из кипящего котла вырвались пока только две тоненькие струйки пара».

Первой стружкой пара стала статья Юрия Ключа «Либи́до поэтессы», напечатанная в 1995 году в журнале «Лель». До тех пор семья лесиных родителей считалась, как трубили официальные биографии, «на редкость дружной». Автор, скрывшийся под псевдонимом Ключ, опроверг это. По свидетельству современников, несчастный папа Косач был подкаблучником – он добывал деньги, но парившая в интеллектуальных небесах супруга его не очень ценила. Образ морально раздавленного отца подсознательно повлиял на сексуальность будущей поэтессы. Возле нее всегда будут слабые мужчины и... сильные женщины. Однажды Леся обмолвилась: «Колись, як вийду заміж, то мій чоловік буде секретарствувати у мене».

Так и получилось – скромный судебный чиновник Климент Квитка, за которого Леся вышла в конце жизни, был всего лишь ее тенью. Он не любил вспоминать свою унижительную роль. И на вопросы исследователей приоткрыть тайну их отношений всегда отвечал отказом: «Кожний запит що до її біографії так на мене впливає, що на кілька днів падає здатність до роботи»...

Тайну этого странного брака приоткрывает фраза из письма Леси сестре Лиле: «Ты права в том, что Квиточку следовало бы взять в руки»... Кроме таких ценных деспотичными женщинами достоинств, как покорность и мягкость, молодой человек обладал еще и стабильным жалованием государственного служащего. Российская империя, платившая ему как помощнику секретаря окружного суда в Тифлисе, не дала бы таким образом умереть с голоду и его будущей супруге – неудачливой поэтессе, чьи пьесы и поэмы не приносили дохода. Конечно же, для продолжения привычного образа жизни писательницы-любительницы слабовольного «Квиточку» следовало прибрать к рукам! А вообще весело получается – не только род занятий – литературу, но и мужа Леся выбрала по примеру мамы – из судебных.

В той же статье в «Леле» было названо имя тайной любовницы Леси – писательницы Ольги Кобылянской. Правда, открытой дискуссии не вышло. «Науковці» стыдливо приняли позу страуса. Зато профессор Николай Сулима в разговоре со мной признался, что кое-кто из знакомых требовал от него после публикации статьи выйти из редколлегии «Леля».

Хорошо, скажет читатель, «Лель» – эротический, а не научный журнал, я вам не верю. Что ж, раз вы доверяете только официальному признанию, вынужден прибегнуть к последнему доказательству. В том же 1995 году в Киевском институте литературы была защищена необычная докторская диссертация «Дискурс модернизма в украинской литературе», автором которой была Соломия Павлычко. Несмотря на квазинаучное название, этот текст содержал ряд совершенно несвойственных украинскому литературоведению глав: «Модернизм как феминизм», «Конфликт между полами», «Сексуальность» и, наконец, «Дискурс личных отношений. Биографическое отступление». Последний раздел и содержал рассказ о романе Леси и Ольги Кобылянской.

Мы встретились с Соломией Павлычко в уютном кафе в двух шагах от помпезного сталинского дома на Крещатике, где она жила. За бокалом вина она сказала: «Кое-кто предлагал мне исключить эту главу из текста, а на защиту явился какой-то неизвестный господин и минут пятнадцать держал речь, сравнивая меня с моим отцом. Сравнение, по его мнению, явно не в мою пользу».

Но диссертация была защищена и в 1997 году вышла отдельным изданием. Иначе быть не могло. Она содержала неопровержимые документы – выдержки из дневника и личных писем.

Обе женщины пережили разочарование в мужчинах. Кобылянскую бросил критик Осип Маковей. Леся Украинка из-за болезни никогда не пользовалась особым успехом – вокруг нее постоянно всплывали одни аутсайдеры. «Господи, невже на світі нема жодної людини такої, як я, людини, з якою я могла б жити, хоча б жінки?» – записывает в отчаянии Ольга. И такой человек нашелся – Леся, расшифровавшая скрытый лесбийский намек в ее рассказе «Меланхолический вальс», повествующем о странных отношениях трех женщин-эстеток.

Сам по себе этот мотив не был чем-то исключительным для мировой литературы – еще в XVIII веке Дидро написал «Монахиню», где коснулся и темы лесбийской любви. Но для зажатой в теплых патриархальных объятиях Украины он казался более чем шокирующим – тот же Иван Франко, редактируя тексты Кобылянской, предпочитал вычеркивать некоторые места. Впрочем, Кобылянская была барышня не промах, и в 1895 году тиснула в шпугартской газете «Die Neue Zeit» рассказ «Природа», содержащий первую в украинской литературе сцену физической любви – до этого он пролежал ненапечатанным восемь лет! Но до выхода украинского перевода пришлось ждать еще три года.

Леся Украинка сразу почуяла в Ольге Кобылянской родственную душу. Их переписка завязалась в мае 1899 года и сначала была посвящена исключительно литературным делам, но через два года резко перешла на интимный тон – сразу после встречи двух женщин в Карпатах. Письма Ольги – возможно, наиболее откровенные из этой пары, были уничтожены – факт тем более красноречивый, что Леся тщательно сохраняла все, что ей писали.

Зато остались ее собственные послания, содержавшие прозрачные интимные намеки: «Хтось тепер і завжди однаково когось любить і хоче комусь “неба прихилити”, але часом він не вмiє писати так, як хотів би: розкис, голова болить, різні зайві думки заважають, от хтось і пише так якось блідо, апатично, зовсім не так, як думає про когось, як любить когось. А якби був тепер прикомусь, то не потребував би сидіти та мазати пером по папері, а ліг би собі

коло когось, наводив би на когось паси, може б мало що говорив, а проте більше б сказав, ніж в сьому недотепному листі» (5 декабря 1901 г.). «Хтось когось хотів би поцілувати і погладити, і багато чогось сказати...» (19 декабря 1901 г.). «І хтось когось любить і ніколи ні на кого не гнівається, і не гнівався, і не буде гніватись... когось цілує і гладить і так, і так... і ще так...». Стоит ли объяснять, что слишком много разновидностей поглаживаний для обычных подруг?

«Ніжні поцілунки не дуже личать двом тридцятирічним жінкам, – сделал вывод в статье «Либи́до поэтессы» Юрий Ключ, – зате цілком логічні для двох закоханих лесбіянок: відомо ж бо, що вони особливу перевагу віддають дотику уст. «А тут ще нема з ким в позу втомлених коней стати, то вже й зовсім біда», – в цій фразі Леся, як можна гадати, прямо вказує на позу прихильниць одностатевого кохання».

Как известно, туберкулез резко повышает чувственность больного, заставляя стремиться к сексуальным наслаждениям. Умирающая от чахотки страстная любовница недаром была ходячим образом в популярных романах XIX – первой половины XX века от «Дамы с камелиями» Дюма-сына до «Трех товарищей» Ремарка.

Но иногда Леся писала еще и под влиянием наркотиков. Морфий был тогда распространенным обезболивающим препаратом, продававшимся в обычных аптеках. «Останніх три ночі можу спати при помочі брому і сульфазолу, – признается Леся Украинка подруге в одном из писем, – а перше без морфію і не думати». Ее послания полны подобными жалобами с упоминанием различных наркотических препаратов: «Стан був настільки критичний, що я вже думала з журбою про морфій», «напад з нирками припинила опієм». Украинка?.. Наркоманка?.. Лесбиянка?.. Все не так просто, как в школьном учебнике. «Ото тільки якби Заньковецька знала, хто такий Лесбос!» – написала Лариса-Леся матери 5 марта 1898 года из Ялты, узнав, что знаменитая актриса якобы согласилась играть в ее драме «Блакитна троянда» («Голубая роза»).

Марии Заньковецкой – возлюбленной одного из основателей профессионального украинского театра Николая Садовского – незачем было знакомиться с Лесбосом. У «хохлацкой королевы», как назвал эту пикантную даму Чехов, видевший ее однажды на сцене, хватало поклонников-мужчин. Зато Лариса Косач была глубоко просвещена в темном «лесбийском вопросе». Воистину «передовая» женщина!

Однако в пьесе начинающей драматургини («Голубая роза» была первым театральным опусом Леси) Заньковецкая так и не сыграла – прима не любила провальных ролей. Вместо нее в сценическую авантюру впуталась другая актриса – Ратмирова. Растянутое представление не пользовалось успехом у зрителей. Публика, зевая, уходила из зала – постановку «первой украинской психологической драмы» не спас даже образ врача-психиатра, копающегося в развинченных мозгах главной героини. Тогда Леся лично перевела свое творение на русский язык! Представляете, какая жертва? Но и это не помогло – попросту говоря, пьеска получилась нудненькой. Даже через десять лет «единственному мужчине» украинской литературы (письмо Леси Украинки к матери от 3 февраля 1908 г.) оставалось только сетовать на неприкаянную судьбу «Голубой розы»: «Може б, хто її й поставив, якби вона була доступніша, все ж, може, вона не гірша від многих “новинок”».

Статья «Была ли Леся Украинка лесбиянкой?» вышла в субботу 13 сентября 1997 года. А уже через несколько дней я узнал, что являюсь автором «чергового брудного пасквілю на одну з наших національних святинь (цього разу за об'єкт нападу обрано геніальну поетесу Лесю Українку)» («Літературна Україна», № 32 за 18 вересня 1997 р.), «дрібним плюгавцем,

що посягнув на святе» («Час-Тіме», № 37 за 18–24 вересня 1997р.) и производителем «підступної клубнички» («Сільські вісті», № 111 за 16 вересня 1997 р.). И это были, пожалуй, самые лестные эпитеты, которыми наградило меня украинское болото!

Аргументов у моих «критиков» не было. Поэтому единственное, что произвели их разгневанные мозги, вмещалось в короткую формулу обозревателя «Сельских вестей»: «Сперечатися з Бузиною безглуздо». Автор этой мысли, достойной страуса, даже не заметил, что фактически признал мою правоту. Спорить с Бузиной бессмысленно, ибо возразить ему... нечего.

Я, конечно же, понимал, почему все шишки посыпались именно на меня. Я не был первым. Но я был самым смелым. Статья в «Леле» называлась нейтрально – «Либи́до поэтессы». Ее автор предпочел предусмотрительно скрыться под псевдонимом. Соломия Павлычко была надежно защищена связями своего отца, поэта-гимнописца Дмитрия Павлычко – великого воспевателя советской власти, вовремя переквалифицировавшегося, как и все «литукраинцы», в националиста. А я был просто корреспондентом «Киевских Ведомостей», осмелившимся поставить вопрос с прямотой ребенка: «Так была ваша Леся лесбиянкой или нет?». Правда, стоит учесть, что «Ведомости» являлись на тот момент самой тиражной газетой Украины – можно сказать, я отхлестал своих оппонентов по постным рожам сразу сотысячным тиражом! Что же странного, что они так взвыли, а потом перешли на лай?

Но клянусь, не меньше скандальной славы меня интересовала истина. Что мог я поделаться с любопытством и сомнениями, буквально сжигавшими мои внутренности? Вновь и вновь перечитывал я письма к Ольге Кобылянской, опубликованные в двенадцатитомном собрании сочинений Леси Украинки. Как известно, в них она называет себя в третьем лице, полушифром: «Хтось біленький». И почти также именуется Ольгу: «Хтось чорненький», словно бы опасаясь, что тайна их отношений будет раскрыта. Некоторые места звучат более чем пикантно: «Хтось когось хотів би поцілувати, і погладити, і багато чогось сказати, і багато подивитися, і багато подумати», «хтось когось дуже жалує і любить, з охотою і сів би, і ліг би навколо когось, і розважив би ліпше, ніж ті духи (хтось на них ревнивий), духи не можуть любити, а хтось може і любить», «хтось дякує комусь за уважність і добрість і – не може описати рухів своїх рук», «хтось когось пасами гладить», «а тут ще нема з ким в позу втомлених коней стати, то вже й зовсім біда»...

«Письма эти отличались своеобразным стилем, – утверждал биограф Леси Украинки Анатолий Костенко, – в них вместо имен обоих писательниц фигурировали местоимения кто-то (хтось, хтосічок, когось), Ольга Кобылянская была кто-то черненький; Леся Украинка – кто-то беленький».

Я понял, что обязан увидеть подлинники этих писем. Оформление разрешения в Институте литературы заняло считанные минуты. Через полчаса я уже сидел в архиве в двух шагах от памятника Лесе Украинке.

Первое же послание к Ольге из Кимполунга (Буковина) от 6 июня 1901 года объяснило, почему Леся решила прибегнуть к полушифру. В нем она извиняется, что пишет обычное письмо в конверте, а не карточку, доходившую значительно быстрее, и просит, чтобы «хтось» часто писал именно карточки: «То буде чіча-ляля». Следующее обращение от Ольги пришло уже на карточке – аналоге современной открытки, только без рисунка. С лицевой стороны (там, где теперь размещают картинку) на ней писали адрес, а на обороте совершенно открыто текст – любой почтовый служащий прочтет! Ну, могли ли они писать напрямую в

первом лице? Конечно, нет! Выигрывая в скорости, пылким дамам, решившим поиграть в лесбияночек, пришлось прибегнуть к намекам. Необходимость пользоваться почтовыми карточками и определила «шпионский» стиль всей переписки. Замечу, что «особый», подчеркнуто нежный тон Леся допускала только по отношению к Ольге. И что все письма Ольги к себе она неизменно уничтожала.

Некоторые затруднения для интерпретации вызывало только слово «паси». До сих пор (и в примечаниях к изданному в 70-е годы двенадцатитомнику) считалось, что речь идет об особых магнетических движениях пальцев по системе Месмера – ими Ольга и Леся якобы успокаивали нервы друг другу. Так сказать, о невинной психотерапии. Но в оригинале письма Леси из Сан-Ремо от 14 ноября 1902 года это слово употреблено явно в переносном смысле – в кавычках. Значит, речь шла совсем о другом танце рук – куда более интимном. Эту пляску действительно «невозможно описать». В собрании же сочинений кавычки почему-то исчезли. Из скромности публикаторов, наверное...

Уже в феврале 2013 года, готовя эту книгу к публикации, я еще раз открыл советскую биографию Леси Украинки, написанную Анатодем Костенко для серии ЖЗЛ и перечитал ее. Конечно же, ее автор все знал. Знал еще в далеком 1971 году, когда в СССР «секса не было» – тем более лесбийского. Стоит только прочесть одну его фразу, стыдливо спрятанную между залежей ничего не значащих дифирамбов покойной поэтессе: «Еще будучи в Берлине, Леся написала через Павлыка первое письмо Ольге Кобылянской, заочно предлагая знакомство. Тотчас же получила быстрый и благосклонный ответ... Обе женщины, чье творчество составляло предмет восхищения современников, были влюблены друг в друга и эту взаимную любовь сохранили на всю жизнь, никогда не позволив не то что туче – даже тени омрачить свое чувство».

Итак, были влюблены друг в друга. Яснее не скажешь. На этом и поставим точку в их сладких сюсюкающих отношениях. Пусть «хтосичка» любит свою «когосичку», раз уж им так надо для женского счастья.

Иван Франко – масон, «расист» и украинофоб

Не менее занятным фруктом, чем Леся Украинка, был и человек, первым почувший в ней мужчину, – Иван Франко. Этот добрый господин в вышиванке, большую часть жизни проживший в польско-австрийском Лемберге, негров и папуасов считал низшей расой, а в мужчинах видел не только друзей, но и объект для влюбленности.

Общеизвестно, что Франко родился 27 августа 1856 года в селе Нагуевичи на Львовщине, жители которого твердо верили в нечистую силу и еще незадолго до рождения будущего писателя сжигали колдунов. Но немногие помнят, что по мужской линии предки писателя были немцами. На это указывает их фамилия. «Франками» на Галичине называли выходцев из Германии – преимущественно кузнецов. Они селились между крестьянами-русинами и зарабатывали на жизнь своим ремеслом. Простым кузнецом был и отец писателя – весельчак и гуляка.

Но «арийские» корни все-таки сказывались. В юности Иван Франко не только увлекался социализмом, но и был убежденным сторонником расистских теорий. Знания по этому вопросу он почерпнул во Львовском университете, где, кроме лекций по филологии, прослушал «бесплатные курсы психологии, палеонтологии и национальной экономики».

Свои воззрения, почерпнутые из немецкоязычных брошюр, он изложил в «Мыслях об

эволюции в истории человечества», изданных, когда их автору едва исполнилось двадцать пять. Молодой Франко верил, что расы делятся на низшие и высшие. К первым он относил вымерших неандертальцев, а также негров, бушменов и папуасов, которых скопом вообще называл «найнижчими» – то есть самыми примитивными.

По теории Франко, примитивные расы раньше других «вирізнилися з мавп». И только от них через тысячи лет произошли более совершенные индивидуумы. Случилось это где-то между Африкой и Индией, где сейчас плещется океан, а в допотопные времена, по утверждению Ивана Яковлевича, находилась «суха земля» – утонувший впоследствии континент Лемурия.

К чести Франко следует сказать, что он всегда оставался расистом-теоретиком. Негров на улицах Львова не бил – как по причине отсутствия таковых в Австро-Венгрии XIX в., так и из-за слабого телосложения. Низкорослого, рыжего и физически недоразвитого литератора даже не взяли в армию. Специальная «суперарбитрационная» комиссия признала хилого расиста непригодным для службы императору Францу-Иосифу II с винтовкой в руках.

К сожалению, об интересных антропологических взглядах юного Каменяра у нас сегодня умалчивают.

Наверное, чтобы не привлекать внимание скинхедов к его творчеству.

Расистские взгляды Франко гармонично сочетал с масонством. Стихотворение Ивана Яковлевича «Каменярі» сегодня, как и в советские времена, входит в школьную программу. При социализме его трактовали как гимн революции – свидетельство истинно пролетарской ориентации украинского классика. «Лупайте сю скалу!» – учили мы на уроках, продираясь через завалы франковского творчества. На самом деле, в пору написания «Каменярей» поэт пережил бурное увлечение масонством. Именно их называли «вольными каменщиками». Да и вся символика стихотворения – отнюдь не рабоче-крестьянская.

По словам историка и политолога Константина Бондаренко, «в середине XIX столетия, наверное, процентов девяносто всей галицкой интеллигенции (и поляков, и немцев, и украинцев) принадлежали к масонам. Масонских лож существовало несколько. Некоторые вели свой отсчет еще с XVIII века. Некоторые только образовались. Система строгого признания со стороны мирового масонства еще не считалась обязательной. К какой именно ложе принадлежал Франко, неизвестно. Однако его творчество периода 70-х гг. во многом пронизано масонскими мотивами. В «Каменярах» это влияние, несомненно – мессианство, голос сверху, призывающий к жертвенности во имя других – все это очень характерно для идеологии «вільних каменярів». Но масоном Франко пробыл недолго. С конца 70-х годов он включился в социалистическое движение, которое отвергало и религию, и масонство как пережитки прошлого».

Но не стоит полагать, что Иван Франко только то и делал, что горел на общественных работах. Искал он себя и в других сферах. Иногда довольно пикантных. Вот отрывок из письма слегка растаявшего «каменяра» к невесте Ольге Рошко. В январе 1879 г. он признается ей в своих тайных увлечениях: «Красота людська, – чи то мужчин, чи то женщин, – все робить на мене дуже сильне враження... Впрочім женщины тутешні відстрашують, ні, відражають мене. З мужчинами я сміліший. Ти не знаєш, певно, що коли хто міг бути предметом твоєї заздрості, то скорше мужчины, ніж женщины. Я більше мужчин любив у своїм житті, ніж женщин знав. І знаєш що, – се в мене якась неприродна дика, любов».

Двадцатитрехлетний Франко описывает, как он обожает разгуливать по Львову,

всмагруваючись в мужские лица, иногда знакується, заговаривает с приглянувшимися екземплярами, разочаровується... Все это вызывает у него очень противоречивые чувства: «Мені встидно і страшно не раз, коли почну викликувати в своїй пам'яті ті лица, що мені подобалися і притягали мене до себе, але що я можу зробити? Я знаю, що причина того неприродного потягу до мужчин дуже проста – виховання, зовсім відособлене від женщин, – але чи ж міг я се змінити?»

Наслушавшись таких признаний, Ольга Рошко – дочка священника – взяла и вышла замуж. Но не за Франко, а за надежного сельского попа – Владимира Озаркевича. И чего, спрашивается, испугалась? Ну, любил жених цепляться на улицах к понравившимся представителям своего пола. Что ж тут такого? Члены нашего Союза писателей наверняка в этом никакой крамолы не усмотрят. Мол, скучал человек, хотел поговорить...

В конце концов Каменяру все-таки удалось жениться. Невесту он нашел аж «за границей» – в Киеве. Приехав в «мать городов русских» из австрийского Львова за деньгами для задуманного журнала, Иван Яковлевич встретил девушку, которая «созрела». Звали ее Ольга Хоружинская. Она приходилась сестрой жены преподавателя коллегии Галагана Е.К. Тригубова. Светла их так называемая «українська справа», имевшая порой сексуальный подтекст.

Вскоре Франко предложил Ольге руку и сердце. И сразу же получил положительный ответ. Ученой барышне страшно хотелось замуж! Чтобы жених, не дай Бог, не передумал, она приехала во Львов сама с двумя сотнями рублей, собранными на журнал. Впоследствии Франко признавался, что женился без любви – «з доктрини, що треба оженитися з українкою і то більш освіченою, курсисткою». Свой выбор он называл не архиблестящим, утверждая, что с другой женой мог бы «розвитися краще і доконати чогось більшого». В общем, по примеру большинства наших мужчин во всех неудачах винил не себя, а бабу.

Идейный украинский брак оказался не лучшим проектом. Буквально накануне свадьбы странный литератор познакомился с полной противоположностью своей невесты. Девушка была по национальности полькой, украинским вопросом не интересовалась и служила на почте. «Фатальне для мене було те, що вже листуючись з моєю теперішньою дружиною я здалеку пізнав одну паночку польську і закохався в неї, – признался Франко в письме историку Агатангелу Крымскому. – Отся любов перемучила мене дальших десять літ». Звали панночку Целина Журавская. Ради нее Каменяр, плюнув на идейность, даже опубликовал по-польски в одном из львовских изданий повесть «Манипулянтка». Да, да! Сначала по-польски, и только потом – на украинском языке. Чуть было не пропала «українська справа»!

Личная жизнь на два фронта подорвала молодую семью. Не получая должной порции мужниной ласки, супруга писателя медленно, но надежно сходила с ума. Как однажды выразился Иван Яковлевич, «на тлі зразу еротичнім». Если верить Франко, она даже покушалась на его жизнь.

После этого сердце Каменяра стало как гранит.

В 1914 году великий писатель сдал Ольгу в знаменитое львовское заведение для сумасшедших – «до Кульпаркова». А на ее место пришла Целина Журавская – успевшая за тридцать лет этого кошмара превратиться во вдову с двумя детьми.

К этому времени и сам «идеалист» стал инвалидом – даже писать мог только левой рукой, выводя отдельно каждую букву. По словам канадского исследователя Томаса Примака, «в начале 1908 года Франко переболел тяжелым параличом и расстройством умственной деятельности, от которого так и не оправился».

О причинах болезни франковеды спорят. Одни называют сифилис. Другие – прогрессирующую шизофрению. Возможны, и другие версии. Как бы то ни было, под конец жизни Иван Яковлевич стал все чаще общаться с «духами» и слышать «голоса».

Несмотря на посмертный статус украинского классика, при жизни Иван Франко в основном добывал пропитание как газетный журналист и... корректор. «Я зарабатываю на хлеб главным образом корректурой, из-за которой литературная и научная работа является для меня только роскошью», – жаловался он в 1904 году петербургскому профессору Венгеру.

Растроганный Венгер подбросил Каменяру работенку – заказ на статью «Южнорусская литература» для энциклопедии Брокгауза и Эфрона. «Южнорусская» в то время означала то же самое, что сейчас «украинская».

С заданием Иван Яковлевич справился успешно. Работу сдал в срок и, получив 803 кроны гонорара, поинтересовался у Венгерова, не нужен ли какой-нибудь петербургской редакции корреспондент в Галиции? «Или, может быть, кому-нибудь была бы интересна моя беллетристика?» – спрашивал он. – Мне кажется, что работая и на русском языке, я не изменяю интересам моей родины»...

Но беллетристика Франко Петербургу не понадобилась.

Современники вспоминали Франко как человека со странностями – желчного и обидчивого. Трудно найти видную фигуру, о которой он отозвался бы с восхищением. Разве что Лесю Украинку признал «настоящим мужчиной» в литературе. Сейчас мы назвали бы такого субъекта мизантропом.

Но и весь украинский народ – или, по крайней мере, его западную ветвь – Иван Яковлевич не жаловал. До начала XX века название «украинцы» еще не устоялось. Жившие в Российской империи, официально именовались «малороссами». А те, кому посчастливилось появиться на свет в европеизированной Австро-Венгрии, галичанами или просто «русинами». В статье «Дещо про самого себе» Франко называет себя именно так: «Почуваю себе русином» – пишет он. И тут же раздражается ядовитой филиппикой: «Не люблю русинів. Так мало серед них найшов я справжніх характерів, а так багато дріб'язковості, вузького егоїзму, двоєдушності й пихи, що справді не знаю, за що я мав би їх любити, незважаючи навіть на ті тисячі більших і менших шпильок, яки вони, не раз з найкращим наміром, вбивали мені під шкіру. Зрозуміло, знаю між русинами декілька винятків, декілька осіб чистих і гідних усякої пошани (говорю про інтелігенцію, не про селян!), але ці винятки, нажаль, тільки стверджують загальний висновок».

Своих земляков-галичан Франко считал «расою обважнілою, незграбною, сентиментальною, позбавленою гарту й сили волі, так мало здатною до політичного життя на власному смітнику, а такою плідною на перевертнів найрізномірнішого сорту». Зато «справжню польську шляхту» считал «елітою польського народу». О ней у Франко другие слова: «Ціню і люблю, як люблю всіх благородних людей»...

Мечтал ли он о независимой Украине? Историк Константин Бондаренко считает: «Не стоит забывать, что за исключением некоторого периода в молодости, Иван Яковлевич был законопослушным гражданином Австро-Венгрии. Он родился и умер при одном императоре Франце-Иосифе. Франко мечтал стать депутатом парламента, но несколько раз проваливался на выборах. Вся его жизнь прошла в стабильном государстве, где были немыслимы социальные потрясения и, тем более, мечты об отделении какой-либо его части. Я думаю, Франко был реалистом и не ставил перед собой немыслимых задач. На что он мог надеяться,

так это на культурную автономию и равноправный статус украинского народа в рамках Австро-Венгерской империи. О независимости Украины он никогда не говорил».

Как же так случилось, что Иван Яковлевич попал в «корифеи»? Прозаик он достаточно посредственный, скучный. «Борислав сміється», в отличие от «Милого друга» Мопассана, на десятки европейских языков не переводили. «Украдене щастя» – тоже не гоголевский «Ревизор». Поэзия Каменяра, за исключением нескольких стихотворных строк, в памяти не задерживается.

Но, как говорится, на безрыбье и рак – рыба, и Франко – классик. Литературный пантеон слепили из того, что было. А потом что было, то и полюбили. Или сделали вид, что любят. Не зная и не собираясь знать, кем были на самом деле предметы этой казенной страсти.

Забывтый геноцид русских в Галиции

Наверняка большинству из нас покажется невероятным, что человек, родившийся в Галичине в конце XIX века, официально числившийся поданным Австро-Венгерской монархии, ходивший в греко-католическую или, что значительно реже, в православную церковь и разговаривавший в быту на том, что теперь именуется украинским языком, считал себя по национальности... русским. Но так было. И таких людей было много. Очень много! Даже больше, чем можно представить. Только один замалчиваемый ныне, но красноречивый факт. В начале прошлого столетия, незадолго до Первой мировой войны, среди членов австрийского имперского парламента пятеро принадлежали к Русской Народной Партии. На выборах в Галицкий сейм (краевой парламент Галичины) в 1908 году та же политическая сила провела 8 своих депутатов – «послов», как тогда говорили.

Причем все их противники – «украинофильские» партии (подчеркиваю, все вместе – от Национально-Демократической до Радикальной!) смогли провести тогда же только 12 депутатов. А несколькими годами ранее, на предыдущих выборах, Русская Народная Партия вообще побеждала в Галичине, имея одиннадцать своих представителей. Ровно столько же, кстати, получили тогда и все украинские политические партии. Выходит, что сторонников Русской Народной в Галичине было столько же, сколько их насчитывалось в нескольких украинских партиях, а кроме упомянутых мною Национально-Демократической и Радикальной, их имелось немало – около десятка!

Ни в учебниках, ни в официальных историях никакой информации по этому поводу вы не найдете. Скажем, в широко известной истории Украины канадского профессора Ореста Субтельного, которую печатали у нас на заре независимости огромными тиражами, выдавая за образец объективности, говорится, что в 1910 году в Галичине «было зарегистрировано более 58 % населения польской национальности и только 40 % украинцев». А о русских в той же Галичине нет ни слова! Как будто их кот языком слизал! Но кто же тогда массово голосовал за Русскую Народную Партию, если там не было русского народа?

В некоторых трудах можно найти упоминания о каких-то загадочных «украинцах-русофилах» или «москвофилах», как их еще иногда называют. Наши нынешние историки задним числом записали эти «мертвые» галичанские души, как сказал бы Гоголь, в эдаких неполноценных украинцев – не совсем сознательных, что ли, надеявшихся не на близкую Австрию, а на далекую Россию.

Но дело в том, что такая трактовка – обычное псевдонаучное жульничество.

Один из основателей Русской Народной Партии в Галичине Осип Мончаловский в ее программе открыто декларировал, что она «исповедует, на основании науки, действительной жизни и глубокого убеждения, национальное и культурное единство всего русского народа... Принимая во внимание принадлежность русского населения Галичины к малорусскому племени русского народа, а также местные условия, русско-народная партия признает необходимым и целесообразным просвещать русское население Галичины на его собственном, галицко-русском наречии, не отказываясь, однако, от помощи, какую русскому народу в Австрии могут принести и действительно приносят общерусский язык и общерусская литература, представляющие национальное и культурное выражение всего русского народа».

Никакими «украинцами-москвофилами» ни Мончаловский, неоднократно арестовывавшийся австрийцами за свои взгляды, ни его единомышленники просто не могли быть. Это признает любой человек в трезвом рассудке, который прочтет еще один пассаж этого популярнейшего некогда в Галичине публициста, писавшего в издании «Червонная Русь». «Украинствовать, – утверждал он, – значит отказываться от своего прошлого, стыдиться принадлежности к русскому народу, даже названий «Русь», «русский», отказываться от преданий истории, тщательно стирать с себя все общерусские своеобразные черты и стараться подделаться под областную «украинскую» самобытность. Украинство – это отступление от вековых, всеми ветвями русского народа и народным гением выработанных языка и культуры, самопревращение в междуплеменной обносок, в обтирку то польских, то немецких сапогов».

Я понимаю возмущение тех, кому не нравятся эти слова. Но они были сказаны. И их должен учитывать любой мало-мальски серьезный исследователь, пишущий об украинской истории. Иначе это будет не история, а сказка для идиотов, за которых нас держат грантоеды-наголизы и вчерашние пропагандисты КПСС, съевшие свои партбилеты в ночь после путча 1991 года. История – это конфликт. А конфликт невозможен без двух противоборствующих сторон. Зачем же одну из них замалчивать?

Можете себе только представить тот скандал, когда в 1907 году депутат австрийского парламента от РНП Дмитрий Марков впервые в истории Западной Европы произнес с трибуны речь о правах русского народа Галичины на чистейшем русском языке! Вся Вена вздрогнула! Кем только не называли Маркова – вплоть до «изменника» дорогой австро-венгерской родины. А он всего лишь совершенно логично полагал, что если во времена Данилы Галицкого его родная земля именовалась Русью, а ее население – русскими, то и он как прямой потомок этой Руси тоже имеет законное право так же называться и отстаивать свои права!

Куда же девался целый русский народ в Галичине? Почему никто не вспоминает об этих неопровержимых фактах? А потому, что в августе 1914 года, в первые же дни мировой войны, австро-венгерское правительство провело жесточайший геноцид против русских в этой провинции. Их вешали, расстреливали, ссылали в концентрационные лагеря Талергоф и Терезин, затыкали им рот, обвиняли в шпионаже, а потом старались даже не вспоминать о всех тех преступлениях, которые совершало одно из самых «либеральных», по заверениям наших историков, «европейских» правительств. Так бы мы и не знали ничего, если бы не подшивки старых газет и четыре выпуска «Талергофского альманаха», изданного уцелевшими жертвами этого террора во Львове в 20 – 30-е годы.

В некоторых селах репрессии правительства стали поводом для сведения довоенных

счетов. Те, кто голосовал за украинские партии, сдавали теперь австрийцам избирателей Русской Народной, которой продували выборы: «В Каменке Струмиловой, – по свидетельству «Талергофского альманаха», – один священник расстрелян и один арестован, повешено и расстреляно 10 крестьян и арестовано свыше 120 крестьян – все по доносу местного униатского священника Михаила Цегельского.

В селе Полоничная Каменецкого уезда “галицкие украинофилы” распространяли заведомо ложные и нелепые слухи о том, что война вызвана “москвофилами”, написавшими к русскому царю прошение... На людей русских убеждений посыпались со всех сторон угрозы и доносы, которые встретили весьма благоприятную почву, так как жандармским постом заведовал у нас в то время заядлый украинофил Иван Чех». Уже на четвертый день войны ранним утром он арестовал целую толпу односельчан (32 человека!), избил несколько женщин, конфисковал домашнюю библиотеку у одного из задержанных и всех отправил в концлагерь Талергоф. Ни возраст, ни пол не могли служить оправданием. За колючую проволоку гнали от малых детей до 80-летних стариков.

В селе Устьи Жидачивского уезда австрийцы увели десять человек крестьян и в течение двух дней зверски издевались над ними. Арестованных настойчиво спрашивали: русские они или поляки? Крестьянина Федора Горака, назвавшего себя русским, тут же убили. Опасаясь судьбы несчастного Горака, остальные арестованные (в основном женщины) заявили, что они польки. После этого им приказали молиться по-польски. Польскую молитву знала только одна. Ее отпустили. Остальных взяли с собой и во время боя держали впереди боевой линии. Напор русских войск заставил австрийцев бежать. Только это спасло арестованных от смерти.

Исследователи этой трагедии, которую называют «Галицкой голгофой», считают, что через концлагеря Талергоф и Терезин прошло не меньше 100 тысяч человек. Количество расстрелянных и повешенных вообще не поддается учету. По сути, был репрессирован чуть ли не каждый сознательный русский галичанин.

В моей домашней библиотеке есть все выпуски «Талергофского альманаха», собранные в книгу «Военные преступления Габсбургской монархии 1914–1917 гг.» и переизданные в Соединенных Штатах к 50-летию трагедии. Ее опубликовал активист карпатско-русского движения Петр Гардый, посвятивший ее погибшему в Талергофе священнику Олимпию Полянскому из села Юровцы Сяноцкого уезда и «всем убитым, замученным и пострадавшим от австро-венгерского террора во время Первой мировой войны». Я купил эту книгу на интернет-аукционе – толстенный том, не уступающий по объему Библии. Каждая страница пропитана страданием и кровью.

«Вот видите, на этих деревьях перед окнами висели заподозренные в “русофильстве”. Так прямо на деревьях вешали. Сутки повисят, снимут – и других на них же вешают... А шпионов развели австрийские власти массу. На заборах, стенах – всюду висели объявления с расценками: за учителя – столько-то, за священника столько-то, за крестьянина цена ниже и т. д. И достаточно было одного голословного доноса, чтобы несчастного схватили и бросили в тюрьму либо предали казни», – такими картинами переполнен «Талергофский альманах».

В 1914 году австро-венгерская армия отступала. Не имея силы справиться с русскими войсками, злость сгоняли на русских галичанах. Это были сцены в духе абсурдного юмора «Бравого солдата Швейка». В селе Дубровице священника Илью Лаголу жандармы арестовали и стали искать царский портрет, винтовки и бомбы, так как, по их словам, «русские все это привозили на аэропланах». Но ни бомб, ни портрета Николая II так и не

нашли. Обнаружился только портрет Льва Толстого. По мнению полицейских, это было явным доказательством «государственной измены» – отца Илью тут же арестовали и отправили в концлагерь.

Священника Г.А. Полянского арестовали только за то, что нашли у него на чердаке самодельный глобус, который послужил доказательством его «шпионской работы». Бедного попа обвинили в том, что он якобы нарисовал на этом глобусе раздел Австрии. Не помогли даже его объяснения, что с помощью глобуса он просто пытался нагляднее объяснить историю Ветхого Завета своим прихожанам. В селе Речки под Жовквой крестьянку Паранович казнили за то, что она, вернувшись из Угнова, рассказала соседям о приближении русской армии: «Ее вытащили на улицу, избili до крови, а затем вывели за село и повесили. Прибывшую за ней соседку, просившую солдат не убивать несчастной женщины, они повесили тоже».

Русские депутаты австрийского парламента были с началом войны тут же арестованы и обвинены в государственной измене. С 11 июня по 21 августа 1915 года в Вене по их делу прошел знаменитый судебный процесс. Главным обвиняемым был известный своими громкими выступлениями Дмитрий Андреевич Марков, а рядом с ним на той же скамье подсудимых сидели венский корреспондент петербургской газеты «Новое время» Дмитрий Янчевецкий и простой кузнец из Каменки Струмиловой Гавриил Мулькевич. Как пишет книга «Военные преступления габсбургской монархии», свидетелями обвинения «відзначились самі «чільні» українофіли» – депутаты парламента Семен Витык, Стефан Анешкевич, Вячеслав Будзиновский. Кость Левицкий (лидер Украинской национально-демократической партии) и будущий диктатор Западно-Украинской народной республики Евгений Петрушевич.

По сути это было сведение политических счетов. И Петрушевич, и Левицкий яростно ненавидели яркого красноречивого Маркова, который до войны мешал установить им монополию в Галичине. Австрийцы прекрасно использовали противоречия между галичанами – русскими и антирусскими, но говорившими на одном языке! Маркова и шестерых его товарищей приговорили к смертной казни. Несмотря на военные действия, через испанского короля Альфонса XIII за них просил русский царь Николай II. Австрийский кайзер Франц-Иосиф заменил осужденным смерть на пожизненную тюрьму. И только после его смерти в следующем 1916-м новый император Карл – совсем молодой и достаточно гуманный человек – выпустил их из тюрьмы, понимая, что процесс был обыкновенным фарсом. Никакой государственной измены за Марковым и его товарищами не числилось. Они просто отстаивали свою национальную идентичность и культурные права.

Сечевые стрельцы в боях за Австрию и красную Россию

На исходе своего президентского срока – буквально накануне «прощания с нацией» 7 января 2010 года Виктор Ющенко подписал один из своих последних «исторических» указов – о всенародном праздновании 95-летия (дата не очень круглая, но, когда сдаешь дела, это не важно!) победы сечевых стрельцов «над росіянами» в битве на горе Маковка. Народу предписываются массовые гулянья, которые по размаху должны превзойти День Победы 9 Мая вплоть до выпуска фильма, марки, проведения научных конференций, шествий и переименования улиц.

Отдадим должное Виктору Андреевичу. Как бывший член «преступной» компартии и «совицкий окупант» он не ограничивает свое гуманитарное образование историей родной КПСС, которую ему преподавали в Тернопольском финансово-экономическом институте, но и регулярно заглядывает в националистические пропагандистские брошюры начала прошлого века. А может, и не заглядывает – просто слушает на ночь сказки о стрельцах от своей второй супруги Кэтрин Клер-Чумаченко. Уверен, этих сказочек она знает немало – на них традиционно воспитывали молодую поросль в диаспоре, прививая ей духовные идеалы.

Но так как мозги «диаспорянам» промывали не меньше, чем детям, росшим на исторической родине (только на другой, антисоветский, манер), то и ей будет интересно узнать кое-что новое о сечевых стрельцах. Ведь Виктор Андреевич распорядился в своем указе это явление не только отпраздновать, но и «объективно» осветить. А как же не осветить уникальный феномен украинских сечевых стрельцов, начавших свой марш по страницам истории войной за Австрию, а закончивших битвами... за Красную Россию?! Многие из них стали видными деятелями «української радянської культури», а один даже дослужился при Сталине до советского генерала, подружился с маршалом Рокоссовским и проделал карьеру обратную ющенковской – из националиста в члены Компартии!

Легион сечевых стрельцов был сформирован в 1914 г. в Галичине в подражание польским национальным формированиям на службе Австро-Венгрии. Галицкие украинствующие политиканы старались во всем не отстать от поляков и тоже кинулись наперегонки выявлять свою лояльность императору Францу-Иосифу, в связи с начавшейся Первой мировой войной. Раз полякам Вена разрешила создавать легионы, значит, и мы должны показать, какие хорошие из галичан верноподданные! Примерно так же в застойные 70-е годы, уже в советские времена, Тернопольская область, где учился Ющенко, будет лидировать по числу желающих вступить в компартию.

Впоследствии возникнет миф, будто бы, записываясь в сечевые стрельцы, «національно-свідомі галичани хотели воевать за независимую Соборную Украину. Это полная ложь. Ее легко опровергнуть, открыв любой доступный источник. Официальной программой Головной Украинской Рады, возникшей уже на второй день войны 2 августа из числа членов австрийского парламента и местных украинских партий и поднявшей вопрос о стрельцах, была национально-территориальная автономия Галичины в составе Австро-Венгрии. И не более того! Еще самые радикальные из галичан мечтали об отдельной независимой Украине из малороссийских губерний, на престол которой после победы над царской Россией должен был сесть принц из династии австрийских Габсбургов.

Другой миф гласит, что верные Францу-Иосифу украинцы-галичане кинулись в легион тысячами, как вода в Черемоше во время паводка, и только препоны официальной Австрии помешали сформировать из этого моря добровольцев полноценную армию, ограничившись всего одним легионом, численность которого равнялась обычному австрийскому пехотному полку – 2000 человек. Но вот свидетельство противоположного. Историк Ярослав Тинченко о «массовом энтузиазме галичан: «Во Львовском государственном архиве видел множество документов осени 1914 года, которые свидетельствуют о массовом дезертирстве сечевых стрельцов из легиона, бежавших домой во время отступления австрийской армии из Галичины».

Война действительно началась крайне неудачно для Австрии. Русские войска Киевского округа, превратившегося с началом боевых действий в Юго-Западный фронт, стремительно наступали. Уже 21 августа, через три недели после объявления войны, они без боя заняли

Львов. Австрияки поспешно удирали в Карпаты, бросив галичан на съедение «московским варварам», каждый четвертый из которых был родом из Украины. В этих условиях самым естественным для галичан было драпать по домам.

На самом деле население будущей Западной Украины очень ждало русские войска. Многие симпатизировали России. Поэтому австрийское правительство проводило против галицких украинцев массовые репрессии. Заподозренных в русофильстве тут же вешали или депортировали в концлагеря. Главными исполнителями этих репрессий были венгерские части, которые традиционно ненавидели галичан за участие в подавлении венгерского восстания 1848 года. Свои счета сводили с ними и местные поляки, составлявшие правящее меньшинство в Галичине. Висящий в петле греко-католический священник, которого вздернули отступающие австро-венгры, – типичный образ из послевоенных западных романов, описывающих 1914 год. Он присутствует и в «Бравом солдате Швейке» Гашека, и в «Марше Радецкого» галичанина Йозефа Рота. Нужно быть слепым, чтобы его не заметить.

В таких условиях дезертирство галичан из армии Франца-Иосифа было вполне закономерным. Недоверие австрийского командования к украинским сечевым стрельцам было настолько сильным, что, сформировав легион, оно побоялось применять его как цельную боевую единицу, бросая на фронт отдельные роты, за благонадежностью которых присматривали другие части многонациональной австро-венгерской армии.

По иронии истории, первый бой сечевых стрельцов, претендовавших на историческое наследие Запорожской Сечи, произошел с самыми настоящими потомками запорожцев – казаками 2-й Кубанской дивизии. Впрочем, боем назвать это сложно. В последних числах сентября 1914 г. стрелецкая сотня Осипа Семенюка столкнулась с пикетом кубанских казаков под селом Сянки в Карпатах. Кубанцы подстрелили пять сечевиков. Зато тем достался ценный трофей – кобыла. Летописцы боевых подвигов легиона УСС утверждают, что это был боевой конь одного из бежавших с поля боя казаков. Но не исключено, что, потеряв в перестрелке пять товарищей, легионеры выдали за взятого в бою коня реквизированную местную крестьянскую клячу, чтобы хоть как-то «подсластить» свою победу. Вопрос, куда девался сам хозяин героически захваченной лошади, так и не решен историками Первой мировой.

Из-за репрессий, которые проводили австрийцы в Галичине, отношение простых русинов к воякам УСС было неоднозначным. «Сечевых стрельцов даже называли гончими псами Франца-Иосифа, говорит историк Ярослав Тинченко. – Многие галичане надеялись на лучшую участь с приходом русской армии. Но новая власть во главе с графом Бобринским предпочла, по примеру австрийцев, заигрывать с местной польской аристократией. Тогда украинцы-русины охладели к войне вообще. Правда, русское командование считало, что солдаты-украинцы из армии Франца-Иосифа будут массово переходить на сторону русских, но ничего для этого не делало». Сечевым стрельцам, брошенным австрийцами на фронт, тоже приходилось несладко. У нас любят самоуничтожительно бичевать русскую и советскую армии. Но идиотизма хватало во всех армиях мира, в том числе и в австрийской. Недаром именно она подарила миру роман Гашека. Зимой 1914–1915 гг. в Карпатах легион УСС самые большие потери нес не убитыми и ранеными, а обмороженными. Тонкие европейские шинели и ботинки, в которые нарядили галичан перед тем, как они принесли присягу Австрии, плохо подходили к военному карпатскому «слалому». Вооружили их тоже по принципу: на тебе, Боже, что мне не гоже. Об отношении австрийского командования к УСС говорит тот факт, что часть стрельцов вооружили однозарядными винтовками Верндля,

снятыми с вооружения еще в 1888 г. при переходе на магазинную винтовку Манлихера. И это несмотря на то, что в легионе служил «цвіт галицької інтелігенції», – адвокаты, учителя и студенты составляли в этот период до 70 процентов личного состава двухтысячного легиона.

Ющенко собирался праздновать 95-летие победы украинских сечевых стрельцов над русской армией на горе Маковка. Увы, ни целая русская армия не могла уместиться на одной горе, ни легион УСС никогда не действовал самостоятельно. Бои за Маковку весной 1915 г. продолжались два месяца. Русские части то захватывали ее, то сдавали после контратак австрийков. Кроме сечевых стрельцов, за нее дрались и другие части австро-венгерской армии, значительно превышавшие их по численности. Это были обычные нудные позиционные стычки, каких случалось множество за Первую мировую войну. Ни в одной приличной истории «битвы за Маковку» вы не найдете. О «размахе» ее говорит тот факт, что за два месяца «бесперывных подвигов» сечевые стрельцы потеряли 42 человека убитыми, 76 ранеными и 35 пленными. Маловато, как для эпохальной битвы!

Русские войска отступили от Маковки не из-за героизма стрельцов, а из-за прорыва немецкой армии под Горлицей в Польше – кайзер Вильгельм бросился спасать своего австрийского союзника и нанес мощный удар, не пожалев снарядов для артподготовки. После этого русское командование начало отвод из Карпат всего Юго-Западного фронта, которому грозил обход, – в том числе и из-под никому не известной горы Маковка.

Австро-венгерская армия не была слабым противником. Но УСС не принадлежал к ее лучшим частям. Элиту воинства Франца-Иосифа составляли немецкие и венгерские полки, а также те, в которых служило много хорватов. На протяжении всей войны русские неоднократно и со вкусом разделялись с «украинским легионом», таявшим на глазах, несмотря на пополнения. Во время Брусиловского наступления 1916 г. сечевые стрельцы поспешно удирали, проявив выдающиеся беговые качества. Они много теряли пленными. Но братской могилой их стала невысокая гора Лысоня на Тернопольщине.

По разным данным там в 1916 г. погибло от 700 до 1000 солдат-галичан. В плен к русским попал даже будущий глава ОУН сотник Андрей Мельник и множество других. От «легиона», переименованного к тому времени просто в полк, осталось всего 16 офицеров и 150 стрельцов.

Чтобы придумать этому разгрому оправдание, пришлось сочинить легенду, что против УСС сражались лучшие части российской императорской армии. Автор вышедшей в 2008 г. книги «Украинские легионеры», некий Иван Монолатий даже утверждал, что русское командование атаковало Лысоню «силами 113-ї елітної пішої дивізії». Разочарую апологета стрелецких подвигов – 113-я пехотная дивизия не могла быть элитной. Она относилась к так называемым «третьеочередным» дивизиям – самым слабым в русской армии. Ее сформировали только во время войны из саратовских ополченцев. Но командовал этой дивизией украинец, генерал-лейтенант Александр Тимченко, имя которого то ли не знает, то ли постеснялся упомянуть автор легенды. Ни один украинец никогда не командовал в австрийской армии дивизией. В русской – их было полно даже среди командиров корпусов. После катастрофы под Лысоней отправленным на переформирование «усусам» (так еще галичане называли сечевиков) даже прислали командира-неукраинца – чеха подполковника Кикаля. В командные способности галичан добрая бабушка Австрия больше не верила. Разгром УСС был настолько сильным, что несколько месяцев австро-венгерские генералы даже не хотели восстанавливать эту воинскую часть. Однако к концу войны таки восстановили.

После окончания Первой мировой войны в 1918 г. сечевые стрельцы стали частью Галицкой армии – вооруженных сил ЗУНР (Западно-Украинской Народной Республики). Их пополнили и развернули в бригаду. Вскоре Галицкая армия была разбита поляками и перешла через Збруч на территорию Украинской Народной Республики Симона Петлюры. Потом она стала частью Вооруженных Сил юга России генерала Деникина, а после победы красных объявила себя ЧУГА – Червонной Украинской Галицкой Армией. Так 1-я бригада УСС (Украинских Сечевых Стрельцов) была переименована в 1-й полк Червонных Украинских Сечевых Стрельцов. «Вместе с 3-м и 7-м полками Галицкой армии, – рассказывает военный историк Ярослав Тимченко. – Он стал 1 й бригадой ЧУСС. Кстати, в 3-м полку служило много представителей украинской львовской интеллигенции. Красные включили сечевых стрельцов отдельной бригадой в 44-ю стрелковую дивизию (бывшую 1-ю Украинскую Щорса). Началась война Красной России с поляками. Когда в конце апреля 1920 г. еще две бригады ЧУГА восстали против красных и ушли к полякам, бригада сечевых стрельцов осталась в Красной Армии. Во время наступления поляков она оказалась в окружении под Казатином, но прорвалась ценой атаки Львовского куреня. После этого сечевые стрельцы высоко котировались у красных. После окончания Гражданской войны несколько сотен молодых людей из состава бригады были отправлены в Харьковскую школу червонных старшин. Многие из них сделали карьеру в области советской культуры. Например, Мирослав Ирчан. Но самым известным среди военных оказался и одновременно самый молодой сечевой стрелец Остап Стеця. Он вступил в сечевые стрельцы в 1915 году, имея 15 лет от роду, провоевал Первую мировую и гражданскую войны, а в 40-е годы стал советским генералом и одним из руководителей Войска Польского, организованного во время войны на советской территории. Среди его военнослужащих было много галичан-украинцев. Генерала Стецю направили в Войско Польское как уроженца Галичины, с детства знавшего польский язык. Есть фотография, где он стоит рядом с Рокоссовским».

Такой неожиданный финал имеет история сечевых стрельцов...

Революция, похитившая победу

Подлинной причиной возникновения в 1917 году зародыша «самостийной» Украины стало не единодушное желание украинской нации, еще не существовавшей, да и ныне существующей больше в воображении, чем в реальности, а кризис власти, вызванный Февральской революцией в Петрограде. В православии царь – «удерживающий». Его миссия – сохранить вверенный ему Богом народ от крайних проявлений сатанинского начала.

Царь не просто держит в руках скипетр и державу. Он – удерживает мир от прихода Антихриста. Не только нас, русских, избранных Богом сохранить светоч истинной веры, но и всю землю. Стоило пасть монархии в России, и через год рухнули короны в Германии и Австро-Венгрии. Ночь нацизма накрыла Европу. Зажглись топки концлагерей. Вот она – мистическая связь между евреем-террористом Мордехаем Богровым, стрелявшим в Столыпина – премьер-министра православного царя – и его безымянным соплеменником, сгоревшим в печи Дахау. Причина и следствие. Выстрел Богрова услужливо открывал... дверь газовой камеры и дверцу крематория – расчищал путь Гитлеру. Пули Юровского и его подручных, прекративших в Екатеринбурге земную жизнь православного императора и членов его семьи, – это первый порыв ветра Провидения, который загонит топор в железную башку Троцкого. Масонская наглость начальника Генерального штаба Алексеева,

потребовавшего у государя отречься в дни Февраля, приведет его к позорной смерти беглеца в обозе деникинской армии, а не к славе победителя во Второй Отечественной войне, как называли Первую мировую в тогдашней России. Душевная слабость Николая II, позволившего себе на мгновение забыть об обязанностях помазанника Божия и поддаться на уговоры Алексеева и ему подобных, вместо того, чтобы сказать: «Вы можете убить меня, господа, но я – ваш император, и я не отрекусь, и пусть кровь моя будет на вас», ввергнет царя в тот самый подвал, где его ждет пуля Юровского. Все замыкается. Спасения нет. Ибо царь отрекся от своего народа. А народ отрекся от своего царя. И горе всем тому поспособствовавшим. Всем.

Февральская революция 1917 года до сих пор остается одной из самых великих исторических тайн. Взорвался не просто паровой котел – целая империя. «Наше православное царство», по словам Шевченко, сказанным в минуту просветления. Да так взорвался, что осколки его – в том числе и наша заблудшая Украина-Малороссия – разлетаются по сей день. Все мы в той или иной мере наследники кровавого февраля 1917-го. И главное – никто точно так и не сказал, почему случилась эта катастрофа.

В школьных учебниках моего советского детства писали, что в Петрограде тогда начинался голод. Мол, возникли очереди за хлебом. Потом восстали рабочие, солдаты столичного гарнизона. Ситуация вышла из-под контроля. Царь отрекся. А победой воспользовалась хитрая буржуазия, породившая Временное правительство.

Потом, уже после распада СССР, историки не раз писали, что голода в столице империи не было. И не только голода, но и вообще никаких проблем с продуктами. В 1917 году из всех стран, участвовавших в Первой мировой войне, Россия оставалась самой сытой. Германия задыхалась в тисках морской блокады. У немцев дети в то время рождались без ногтей из-за костлявых мамаш, вынашивавших плод на голодный желудок! Но никто не бунтовал и кайзера не свергал!

Маленькая 50-миллионная Австро-Венгрия, которую у нас презрительно именовали «лоскутной империей», сражалась впроголодь на два фронта – против России и Италии. И успешно сражалась – в основном на чужой территории. У нас ее армию до сих пор представляют только по «Похождениям бравого солдата Швейка». Но правда заключается в том, что не Россия закончила Первую мировую войну захватом хотя бы Львова, а Австро-Венгрия – оккупацией Одессы и Екатеринославля. Это при тотальной нехватке ресурсов!

Союзники России – Англия и Франция – мобилизовали в армию все, что смогли – сначала красивых и спортивных, а потом дохлых и плоскостопых. Все призывные возраста, вплоть до стариков, за исключением только сумасшедших и совсем уж дряхлых, с которых песок в прямом смысле сыпался! Именно тогда Западная Европа стала континентом массово работающих женщин. Тот трудовой подвиг, которым советский народ прославится в Великую Отечественную войну, когда мальчишки будут точить снаряды, английские, французские и немецкие подростки совершили уже в Первую мировую! И союзники России, и ее враги в феврале 1917-го давно жили по карточкам. Все продукты там распределялись строго по нормам. Никакого свободного рынка в Европе на тот момент не было! Только тотальная мобилизация и учет всего – та экономическая политика, которую потом большевики, ничего не придумав – только слямзив, назовут «военным коммунизмом»!

А в России на момент Февральской революции по карточкам распределялся лишь сахар. Все остальные продукты, вплоть до красной и черной икры, находились в свободной продаже. И было их столько, что хватило бы даже не на две, а на три России. Есть красноречивый пример. Уже когда закончится не только Февральская, но и Октябрьская

революция, и немцы после Брестского мира весной 1918-го войдут в Киев, их поразит прежде всего обилие еды. Кайзеровские солдаты будут пялиться на витрины киевских магазинов, переполненные колбасами и булками. И нажираться от пуза впервые за всю войну!

Вспомните еще один исторический факт. В другую войну – Отечественную – бывший Петроград, который станет Ленинградом, окажется в полной блокаде. Начнется настоящий голод – с людоедством и трупами на улицах. Но никто не восстанет и революцию не устроит. А в 1917 году очереди в Петрограде возникли в один прекрасный день (даже дата известна точно – 21 февраля по старому, 6 марта – по новому стилю). И так же в другой прекрасный день через неделю исчезли. И всю весну, лето и осень революционные граждане будут трескать свой хлеб за обе щеки и заплевывать улицы столицы империи шелухой от семечек чуть ли не по колено. Значит, кому-то было нужно, чтобы хлеб в совершенно определенный момент куда-то подевался, а потом снова нашелся! Словно чудо революционное случилось! Отрекся Николай II и тут же булочные наполнились буханками, а очереди ушли на митинги.

Но чуда не было. Было совсем другое. Те, кто организовал Февральскую революцию, понимали, что делать ее необходимо немедленно, потому что ровно через три-четыре месяца Россия одержит полную победу в войне, самодержавие докажет свою эффективность, а Керенский, Гучков, Львов, Терещенко и прочие деятели февраля так и умрут никому не ведомыми масонами, высчитывая в своем узком кругу, у кого масонский градус круче.

В одном из писем, как всегда исподтишка, признался лидер конституционных демократов Милюков: «Твердое решение воспользоваться войной для производства переворота было принято нами вскоре после начала войны, вы знаете также, что наша армия должна была перейти в наступление (весной 1917 года), результаты коего в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования. Вы понимаете теперь, почему я в последнюю минуту колебался дать свое согласие на производство переворота, понимаете также, каково должно быть мое внутреннее состояние в настоящее время. История проклянет вождей, так называемых пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю».

Николаю II его победившие враги дали прозвище Кровавый. Ну, какой же он Кровавый? Он в жизни своей никого, кроме ворон и прочего мелкого зверья, не убивал. Это все его «кровавые» деяния! Войну устроил? Так не только он один. Там целая компания, составлявшая так называемый «европейский концерт». Вообще непонятно, кто первый войну начал и кто кого подстрекал. Тогда по справедливости почетное прозвище Кровавый необходимо присвоить всем сановным современникам последнего царя. Так и писать – премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж Кровавый, первый лорд адмиралтейства Уинстон Черчилль Кровавый. (Мало он, что ли, народу погубил в двух мировых войнах, да и лично пострелял из пистолета во время колониальных карательных экспедиций?) Король их Георг V Кровавый, допустивший двух этих душегубов на высокие посты. И так далее по списку: Вильгельм II Кровавый, Франц Иосиф II Кровавый, Раймонд Пуанкаре Кровавый – президент Франции... Господи, сколько этот Пуанкаре народу французского из-за немецкоязычных Эльзаса с Лотарингией отправил на тот свет! Да и немецкого тоже. И ради чего? Теперь и Франция, и Германия все равно в Евросоюзе в обнимку. Как две лесбиянки. Стоило ли ради этого делать «потерянным» целое поколение, превращая его в окопах в черепа, обглоданные крысами до идеальной белизны и гладкости?

Чтобы лучше уяснить положение Российской империи накануне Февральской

революции, я позволю процитировать того же Черчилля из его книги «Мировой кризис»: «Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была на виду. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена... Долгие отступления окончились; снарядный голод побежден; вооружение притекало широким потоком; более сильная, более многочисленная, лучше снабженная армия сторожила огромный фронт; тыловые сборные пункты были переполнены людьми. Алексеев руководил армией и Колчак – флотом. Кроме того, никаких трудных действий больше не требовалось: оставаться на посту; тяжелым грузом давить на широко растянувшиеся германские линии; удерживать, не проявляя особой активности, слабеющие силы противника на своем фронте; иными словами – держаться; вот все, что стояло между Россией и плодами общей победы... В марте царь был на престоле; Российская империя и русская армия держались, фронт был.

Думаю, те, кто хотел в тот момент отстранить Николая II от власти, не хуже Черчилля осознавали это положение. После победы самодержавие только укрепилось бы. Ни о замыслах русских либералов, мечтавших ограничить власть императора по английскому образцу, ни о глобальном эксперименте большевиков не было бы и речи. Страна проходила точку бифуркации. Нервы у всех были напряжены до предела. И тогда внутренние враги империи решили надавить на самую уязвимую точку в системе самодержавия – на самого Николая Второго.

Мы привыкли слышать, что последний царь был слабым правителем. Но это не так. Попробуйте хоть раз мысленно встать на его место. В 1917 году шел двадцать третий год его правления. Нынешние президенты «выдыхаются» максимум за два срока. У Николая II это был в пересчете на президентские уже пятый срок! И решал царь проблемы не наподобие финансового кризиса в Греции, а по-настоящему трудные. Ему выпала русско-японская война, революция 1905 года, Первая мировая. Эсеровский террор достиг пика. Ни министры, ни генералы, ни сам глава империи не были уверены в своей безопасности. Но Николай держался! А еще строил линкоры, развивал армию, проводил реформы. Это был совсем не слабый человек!

Но в начале 1917-го все было против него. Думская оппозиция попыталась действовать через ближайшее окружение Николая II, чтобы убедить его назначить так называемое «ответственное министерство» – то есть кабинет министров, который подбирал бы не царь, а парламент. Это был так называемый «заговор великих князей» – именно через них, расстрелянных потом большевиками, пытались вложить в уши самодержца эту идею. Убийство Распутина – всего лишь зримое ответвление верхушечного заговора. Старца убили великий князь Дмитрий Павлович и депутат Пуришкевич. Царя лишили его последнего энергетического донора.

Революция планировалась как попытка переворота сверху. Ее подлинные тайные вдохновители – глава военного комитета Думы Гучков, лидер кадетов Милюков и председатель Думы Родзянко – рассчитывали, что все ограничится маленькой заварушкой. Народ в Петрограде побунтует, царь отречется, малолетний царевич Алексей не сможет ни на что влиять, и в России воцарится дорогая их сердцу олигархическая «демократия».

Но вышло не так, как мечталось. Эсеры и большевики слишком уж подогревали революционный котел снизу – просто, как черти в аду. Николай II, вопреки ожиданиям, отрекся не только за себя, но и за Алексея, что нарушало, кстати, законы Российской империи. Его брат Михаил отказался принимать скипетр. У страны временно не оказалось лидера. И началась война всех со всеми. Произошло то, о чем еще в XIX веке предупреждал

Николай Гоголь: «Всеобщая беда – государь ли позабудет своего подданного и отрешится от него или подданный позабудет своего государя и от него отрешится».

Уже в наши дни вспомнили, кто же все-таки нарушил временно железнодорожное сообщение, вызвавшее хлебные очереди в Петрограде. Это был скромный чиновник Министерства путей сообщения – Юрий Ломоносов – толстопузый жизнелюб и приятель депутата Думы Бубликова. Через несколько дней два этих друга с группой уголовников захватят министерство лично. Ломоносов, кстати, был приятелем еще и Ленина! Уже после Октябрьской революции его назначат уполномоченным Совнаркома по закупке паровозов за границей. Умрет в Лондоне! Напрасно говорили, что Февраль обошелся без большевиков. Они тоже были в числе расшатывателей устоев и подгрызателей опор!

И напоследок еще одна цитата из Черчилля: «Согласно поверхностной моде нашего времени, царский строй принято трактовать как слепую, прогнившую, ни на что не способную тиранию. Но разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен был исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которые она оказалась способна».

Единственное, что не смог выдержать этот гигант, – это удар в спину. Хотели победить самодержавие, а победили самих себя.

Самозванная Центральная Рада

Бывает, что ничтожные события, как искра, проносятся в сознании современников, а потом через десятилетия неожиданно превращаются в исторический миф. Так случилось с Центральной Радой, существовавшей чуть больше года – с марта 1917-го по конец апреля 1918-го. Киевляне начала столетия, видевшие этот режим воочию, припечатали его презрительным определением – «оперетка».

Без февральской революции в Петрограде, покончившей с тремя столетиями Романовых, никакого национального возрождения в Украине, наверняка, не было бы. В то время, когда в столице России бушевали уличные страсти, в Киеве стояла тишь и благодать. «К концу февраля 1917 г., – писал местный мемуарист Гольденвейзер, – наша киевская атмосфера не была сгущена более, чем обыкновенно, и ничто не предвещало близкой грозы».

Все изменилось 15 марта (3-го по старому стилю), когда отчеты о перевороте в Петрограде опубликовали киевские газеты. Засевшим в тылу общественным деятелям революция очень понравилась. Всем хотелось чего-то новенького, и вот оно наступило! Сразу же возникло множество организаций, из щелей вылезли подпольные партии всех окрасов. Было среди них и так называемое «Товариство українських поступовців» – сокращенно ТУП. Название это сейчас мало что говорит душе и уху. Тем не менее, именно этот ТУП и постановил основать организацию, которая бы представляла интересы украинцев.

В чем они состоят, толком еще никто не понимал. Решили, что делегатов должны прислать украинские общественные организации. Но так как таких почти не имелось в природе, то некий Дмитрий Антонович – сын известного историка, оббегал в Киеве все, что мало-мальски их напоминало, и набрал первоначальный список членов. Рассмешил он даже будущего первого председателя Центральной Рады Михаила Грушевского, так как Антонович

включил в него тринадцать самых разнообразных кружков социал-демократического окраса, вплоть «до церковных хоров».

Единственная причина, почему Антонович развернул такую бурную интриганскую деятельность, был страх, что власть в украинском объединении захватит ТУП во главе с известным в узких украинофильских кругах литературоведом и журналистом Сергеем Ефремовым. Не будет преувеличением сказать, что и родилась-то Центральная Рада из внутриукраинской партийной грызни. Специалисты до сих пор не решили, какой день считать первым в истории Центральной Рады. Самый ранний протокол ее зарегистрирован 22 марта. Но первую годовщину отпраздновали под председательством Грушевского в 1918 г. почему-то 20 марта. В справочниках чаще всего попадаетея дата 17 марта (4-е по старому стилю). А в самой популярной газете нашего города того периода – «Киевской мысли» – сообщение о возникновении некоего комитета «Центральная Рада» отнесено все-таки к 17 марта.

Что же касается «версии» Грушевского, то дед, скорее всего, что-то напутал – ведь его в это время не было в Киеве. Грушевского пришлось пригласить на родину, чтобы навести хоть какой-то внутренний порядок. Ведь все члены Рады чувствовали себя гениями, носителями прогрессивных идей и никто никому не хотел подчиняться. Они так ненавидели друг друга, что решили передать власть над собой человеку старшего поколения, по возрасту годившемуся на роль «отца».

Чтобы придать новому органу хоть какую-то легитимность, было решено созвать Всеукраинский национальный съезд. Он произошел в начале апреля. Тем не менее, даже точное число его делегатов известно только примерно. Называют цифры от 700 до 1500 участников. Но документы показывают, что в выборах председателя Рады 8 апреля участвовало только 593 делегата. Чему верить?

Но представляли они не граждан Украины, большинство из которых даже не догадывалось, что в Киеве возник некий самозванный «парламент», а только общественные организации. Такой трюк сделал орган власти нелегитимным, так как народ его не избирал. Впоследствии это сильно сказывалось на самоощущении членов Рады, ведь в глубине души они понимали, что являются всего лишь политическими жуликами, попытавшимися узурпировать власть.

Больше всего делегатам хотелось выговориться. Так в бесплодных дебатах и прошел год. Никакой реальной власти Рада не хотела. Даже отделяться от России решила только после того, как в Петрограде победили большевики. На бумаге с разрешения Временного правительства у Рады были целые «украинизированные» корпуса русской армии, а на практике все это разбегалось по домам с немецкого фронта и никому не подчинялось.

Опять же только на бумаге существовал и кабинет министров во главе с драматургом Винниченко. Чиновники его не уважали и не слушались. Военный министр Центральной Рады Симон Петлюра однажды из-за нехватки помещения даже вынужден был проводить заседание своего ведомства в парламентском туалете. Что еще могло родиться в таком месте, кроме идеи послать необученных студентов под Круты?

Только по причине полной недееспособности Центральной Рады большевики так легко захватили Киев в январе 1918 г. и выгнали Грушевского с компанией в железнодорожный эшелон, превратив эту говорильню в правительство на колесах. Единственным практическим делом, которое совершила Рада, было приглашение в Украину немцев. На штыках оккупантов этот «уряд» и вернулся в Киев, чтобы опять приступить к привычному делу – болтовне.

Устав от дискуссий ни о чем, 30 апреля 1918 г. кайзеровская армия заменила Грушевского куда более вменяемым правительством гетмана Скоропадского. «Оперетка» кончилась.

Третий президент Украины Ющенко горячо наезжал на идею федерализма. А Юрий Луценко в бытность министром внутренних дел даже пустил в обиход обидное словечко «федерасты». А напрасно! Ведь отец-основатель Украинской народной республики Михаил Грушевский, по луценковской терминологии, тоже «федераст»! Он автор работы «Якої ми хочемо автономії і федерації», увидевшей свет в 1917 г. Никакой независимости Грушевский в этой книжонке не хотел. Вершиной его политической мечты было, чтобы Украина входила в Российскую федеративную республику. «Федерація, – объяснял он, – означає об'єднання в одній державі кількох держав». И расшифровывал: «Се зазначається... в самій назві федерацій: найбільш звісна з них назва північно-американської союзною держави «Сполучені Держави Америки (Соединенные Штаты – штати се значить держави)». Звучит немного коряво. Но в общем понятно.

Единственное, чего требовал от России косноязычный профессор-спикер, – чтоб она была демократичной: «Ми хочемо, щоб держава, до складу котрої входитиме Україна, були федеративною демократичною республікою». Целая глава у него так и называется: «Автономна Україна в Федеративній Російській республіці». Отказаться от этой мысли Грушевского заставила только Великая Октябрьская революция и восстание большевиков в Киеве. Лишь после них 9 января 1918 года своим Четвертым универсалом Центральная Рада объявила о полной независимости Украины.

Несмотря на то, что Центральная Рада вещала якобы от имени всего украинского народа, большинство граждан на Украине даже не понимали, кто такие украинцы. До революции употребляли слово «малороссы», которые считались наряду с белорусами и великороссами частью единого русского народа. Идея не то, что независимой, а просто хоть какой-то Украины была чисто интеллигентской штучкой узкого круга избранных политиканов.

Поэтому Михаилу Грушевскому в экстренном порядке пришлось написать целую брошюру «Хто такі Українці і чого вони хочуть». Загадочное природное явление профессор объяснял в чисто биологических терминах: «Подивитися на вигляд українців – зараз можна помітити, що се люди не одної породи: одні чорняві, інші біляві, одні мають голову круглу, інші подовгасту, одні тілом худі і костисті, інші товсті, тілисті. Видно, що се потомки людей з різних порід і племен, що помішалися і злилися в один народ, об'єднані одною мовою, а головне – одною свідомістю народною»...

Грушевский провел целое филологическое исследование этой смеси и утвердился в выводе, что она действительно состоит из разнородных компонентов: «Переглядаючи прізвища українські, побачимо тут і потомків родин великоруських, і польських, і німецьких, і сербських, і жидівських, що пристали до українців в різні часи і вважають себе українцями». Но к евреям первый украинский спикер относился очень подозрительно. «Бували і з жидів українські патріоти, котрі не відрікалися своєї жидівської віри, – писал он. – Правда, що небагато було таких».

Как утверждал «батько нації», не важно, «якого хто роду, якої хто віри, а часом, навіть – і якої хто мови». Главное, чтобы они «вважали себе українцями».

Все это показывает, что украинская нация в 1917 году только начинала складываться. Это показали и единственные демократические выборы, которые тогда удалось провести – в органы местного самоуправления. Даже американский историк украинского происхождения

Тарас Гунчак был вынужден признать, что в Екатеринославе при выборах в городскую думу из 110 мест украинцы получили только 11, в Одессе из 120 – пять, в Житомире из 98 – девять, в Херсоне из 101 – пятнадцать, и даже в Киеве украинские партии взяли только 25 мандатов из 125!

«Яка іронія, – писав Гунчак в книзі «Україна: перша половина ХХ століття», – у той самій хвилині, коли у Києві засідала Українська Центральна Рада, містом керували люди, які вкрай вороже ставилися до боротьби українського народу за самостійне існування».

Но ведь так получилось, что избирателям дали право свободно высказаться на выборах в городские думы! А за Центральную Раду никто из них не голосовал – она сама собралась без спросу избирателей. Самозванно. Куда же девались потом эти избиратели? Одни погибли во время гражданской войны, другим – заткнули рот победившие в конце концов большевики.

Главной причиной, почему Центральная рада воспринималась киевлянами как оперетка, была комичность ее вождей. Нельзя сказать, что Грушевский и Винниченко – полные ничтожества. Но оба они оказались явно не на своем месте. Грушевский, уставая от галдежа на заседаниях «парлямента», вместо того, чтобы выполнять свои обязанности спикера, строчил прямо в сессионной зале какие-то брошюры и учебнички, за которые ему платили щедрые гонорары. Его «Иллюстрированную историю Украины» наконец-то стали хорошо раскупать. Обывателю было интересно почитать, чего там накалякал новый начальник. А Винниченко, возглавив первый украинский кабинет, никак не мог избавиться от ремесла драматурга, которым занимался до того, как податься в политику.

Киевский мемуарист Григорий Григорьев вспоминал, как в разгар революции 1917 года зашел к знакомой машинистке на Фундуклеевскую, 20 и неожиданно столкнулся лоб в лоб с главой украинского правительства: «С машинисткой разговаривал Винниченко. Вскоре он ушел, пожав ей руку. Я не удержался, чтобы не расспросить о таком известном деятеле нового правительства. Она рассказала, что Винниченко, наверное, больше, чем государственными делами, интересуется своими пьесами. Принес, чтобы немедленно напечатать исправленный экземпляр для нового издания «Черной пантеры и белого медведя».

По словам девушки, печатать для премьера ей приходилось очень много. Винниченко, боясь разрушить имидж державного мужа, стеснялся напрягать левой работой машинисток в Центральной Раде и обратился к ней как к старой знакомой. Печатать свои пьесы Владимир Кириллович предпочитал в Москве в русском переводе – так было больше славы. Вскоре в киевских книжных магазинах появился московский сборник произведений 37-летнего украинского премьер-министра.

Говорят, достигнув предела компетентности, люди на новой должности с наибольшим увлечением делают не то, что нужно, а то, что у них хорошо получалось раньше. Именно так и случилось с Грушевским и Винниченко. Они с успехом издавали во время революции своих книг и потеряли независимость Украины сразу же после ее обретения.

Галоша Грушевского против украинской армии

Но как получилось, что Октябрьскую революцию шустрая Центральная Рада встретила практически безоружной? Почему за восемь месяцев после падения царского режима «батьки нації» не сумели создать собственную армию?

Действительно парадокс! Особенно на фоне аналогичных сюжетов той эпохи.

Национально-освободительные войны против большевиков умудрились выиграть крошечная Финляндия, сшитая на скорую руку из лоскутов Польша и даже такие геополитические недомерки, как Латвия или Эстония. И только огромная Украина (уже тогда все знали, что размером она, как Франция!), имея целую орду бывших военнослужащих Российской императорской армии – по происхождению украинцев (в том числе, 700 генералов, 60 тысяч офицеров и почти 2 млн. солдат) умудрилась продуть все и всем!

Единственным самостоятельным успехом украинских вооруженных сил было взятие Петлюрой в декабре 1918 года Киева, который отбили у украинского же гетмана Скоропадского! Получается, это была победа над своими же в карликовой гражданской войне. А все остальные «подвиги» – и предыдущие, и последующие – совершались только при помощи внешних сил. Весной того же 1918-го Грушевский и Петлюра вошли в собственную столицу в обзоре немецкой армии. Через два года уже один Петлюра без Грушевского появился все в тот же Киев, благодаря полякам. Смешно сказать, но петлюровцы неизменно терпели поражения не только от таких серьезных противников, как белые и красные, но даже от разбойников-махновцев. Роскошные гайдамацкие курени со шлыками на шапках и «непобедимые» сечевые стрельцы в самый неподходящий момент драпали как угорелые!

Чтобы разгадать причину такого упадка боевого духа, следовало бы вернуться в самое начало революции – весну 1917 года, когда в Киеве только что возникла Центральная Рада.

Если кто-то думает, что эта «контора» собиралась бороться за независимость, он глубоко ошибается. Главным политическим принципом Рады был федерализм, выраженный в лозунге «Вільна Україна у вільній Росії!» Но эта вывеска предназначалась для дураков. Никто из наивных граждан, ходивших на митинги под красными и желто-синими флагами, даже не догадывался, что на самом деле, после февральской революции власть в бывшей Российской империи захватили масоны с Керенским во главе. А в Киеве сидел только их филиал, оформленный в виде Центральной Рады. Ведь и Грушевский, и Петлюра – тоже были масонами.

Об этой части своей биографии Грушевский нехотя упоминает в мемуарах, написанных уже в 20-е годы. Правда, там же он говорит, что после февральской революции фактически порвал отношения с бывшими соратниками по киевской ложе. Но факты доказывают обратное. Пока в Петрограде сидело масонское Временное правительство, бородастый Карабас-Барабас националистического «театра» ни разу не поднял на них хвост!

По большому счету, Грушевский еще и не умел что-либо организовывать. Вернувшись в Киев из Москвы, где при царском режиме находился в «ссылке», он поселился в собственном огромном доме и, по его словам, «чув себе щасливим, по кількох літах заслання, в своїм милім кабінеті, серед зібраного в нім старого українського мистецтва – образів, портретів, посуду, арматури, що дивилися на мене з усіх стін, коли я підіймав очі від паперу, а в вікна заглядало наше українське сонце». Вместо того, чтобы, засучив рукава, начинать строить государство, «вождь» строчил брошюру за брошюрой – «Вільна Україна», «Якої ми хочемо автономії і федерації» и «Звідки пішло українство і до чого воно йде».

«Українство», между тем, едва родившись, уже шло к пропасти. На фронте наступали немцы. В Петрограде к власти рвались большевики. А Грушевский с компанией даже не догадывались, что скоро им придется взять всю ответственность за события в Киеве на себя.

Если бы история была более благосклонной к тогдашним украинцам, она Наверное, оперативно убрала бы этого малопригодного для великой политической миссии профессора

со сцены и заменила кем-нибудь другим. Теоретически такой шанс был. Грушевский, разменявший шестой десяток, страшно боялся простудиться и в начале марта в основном сидел дома. У него не было галош, и он не мог участвовать в митингах и демонстрациях. «Я сам все ще не виходив нікуди, крім Центральної Ради, що була неподалеку, – пише он, – щоб не промочити ніг і не перестудитись».

Нужного размера резиновой обуви в условиях начинающегося дефицита не находилось. Но как раз накануне первой киевской манифестации украинцев 19 марта Грушевскому привезли галоши его покойного знакомого. Они оказались, по словам «отца нации», как раз впору: «Так що я міг марширувати хоч куди». И бородатое чудо промаршировало в галошах... мертвеца! Строить оно не умело. Зато разрушать было на все руки мастер. Первое, чему свернул голову Грушевский, был «Військовий клуб імені гетьмана Полуботка» – зародыш независимой украинской армии.

5 мая в Киеве открылся Украинский военный съезд. Он должен был решить, кто возглавит национальные формирования – Центральная Рада или, как писал в мемуарах Грушевский, «наші фашисти, Михновський й К». Разгорелась даже ссора, кому открывать форум. Михновский доказывал, что эта честь принадлежит ему. В ответ Грушевский заявил: «З'їзд скликала Центральна Рада і я як її голова відкрию його». «Змагання вийшло в сам момент, коли з'їзд відкривався, – у великій залі педагогічного музею, – розповідає он, – і мушу признатись: я рішив його тим, що просто злегка відпихнув Михновського фізичним рухом і відкрив збори. Признаюсь, для мене се зісталось доказом слабості Михновського як діяча, що він, будши в порівнянні зо мною і фізично сильнішим, і досвідченим демагогом, одначе спасував перед рішучім рухом в такий важний для нього момент і випустив з рук провід».

По-видимому, Грушевскому просто не приходило в голову, что его соперник не видел ничего героического в том, что оттаскал бы за бороду нахального, но хилого профессора. Но как политик Михновский действительно проиграл. Съезд избрал генеральный военный комитет, главной фигурой которого оказался Петлюра – ставленник масонской клики Грушевского.

Конфликт достиг апогея 5 июля. Ночью сторонники Михновского из полка им. Полуботка захватили арсенал и окружили караулами государственные учреждения. Они заявили, что на фронт не пойдут, потому что их фронт тут – в Киеве. А от Центральной Рады потребовали провозгласить независимость Украины.

Полуботковцы надеялись, что Грушевский и Рада присоединятся к ним. Каково же было их удивление, когда уговаривать сложить оружие к бунтовщикам вышел Петлюра. Растерянным сторонникам независимости ничего не оставалось, как сложить оружие перед своими же товарищами-украинцами из полка им. Хмельницкого.

Впоследствии деятели Центральной Рады очень не любили вспоминать этот эпизод. Ведь получается, что они сами задавили первых настоящих «самостийников». А уже 25 октября в Петрограде произошла Октябрьская революция, после которой Грушевский и его сторонники взяли курс на отделение. Но потерянное время было не вернуть. Большевиков под Крутами будут встречать собранные на скорую руку студенты. Галоша Грушевского растоптала украинскую армию в зародыше.

Ни одно «доброе» дело не остается безнаказанным. По замыслу организаторов переворота, полк им. Хмельницкого должен был поддержать полуботковцев. Вместо этого, он их... разоружил. Так случилось потому, что командовал хмельничанами редкий

проходимец подполковник Юрий Капкан. Кадровый офицер русской армии, в 1915 году он дезертировал и объявился снова в войсках только после Февральской революции. Причем, из-за необыкновенно боевой импозантной внешности и подделанного послужного списка оказался на должности комполка им. Хмельницкого.

Во время переворота 5 июля Капкан решил не рисковать и остаться верным Временному правительству и Центральной Раде. После подавления бунта его полк двинули с Киевского вокзала на фронт против немцев. И тут случилось неожиданное. Пьяные казаки полка им. Хмельницкого стали «салютовать» из винтовок. Как они утверждали впоследствии, в воздух. Но стоявшие в районе Кадетского гая солдаты гвардейского кирасирского полка, сформированного в основном из «москалей», в ответ на этот «салют» ударили по эшелону всерьез из всего имевшегося у них оружия. Несколько хмельничан было убито.

Дурацкий инцидент имел огромный общественный резонанс. Редкая киевская газета не написала тогда о нем. Скандал разбирали даже на экстренном заседании комитета Центральной Рады. Рада требовала вывести из Киева всех кирасир и донских казаков и сместить командующего военным округом полковника Оберучева. Но дело так и окончилось ничем. Через некоторое время полк им. Полуботка снова отправили на фронт. Но едва оказавшись там, выдающийся трус подполковник Капкан сразу же снова сбежал в тыл, оформив отпуск.

Участие Михновского в подготовке июльского переворота главарям Центральной Рады доказать не удалось. Тем не менее, они считали, что за бунтом полуботковцев стоит именно он. Поручика-адвоката срочно перевели на Румынский фронт в бессарабский городишко Болград. Тут он вел себя необыкновенно тихо. Не участвовал ни в каких митингах, а только читал лекции по украиноведению.

Отказавшись от идеи создания собственных вооруженных сил, Центральная Рада согласилась летом 1917 года на план Временного правительства сформировать так называемые «украинизированные» части в составе русской армии. В первую очередь украинизировать решили 34-й корпус, переименовав его в I Украинский. В нем оставили только солдат-украинцев, а остальных – перевели в другие места службы. Полки корпуса носили очень громкие имена старых гетманов – Хмельницкого, Скоропадского, Сагайдачного и Полуботка.

Тем не менее, декрет Ленина о мире подействовал и на них. Зимой 1918 года все эти «гетманоносные» части расплылись по домам, узнав о демобилизации старой армии. Поколебавшись, кому подчиниться, – большевикам или Центральной Раде – они выполнили тот приказ, который пришелся им больше по душе. И вместо того, чтобы защищать Украину, разворовали военное имущество и сбежали к женам и детишкам.

Октябрь 17-го – битва за «Арсенал»

В первые дни после петроградского Октябрьского переворота в Киеве вообще никто не понимал, что происходит – ни обыватели, ни даже сами политики. Из Петрограда доносились противоречивые известия о борьбе между большевиками и Керенским. А в Киеве выясняли отношения между собой даже не две силы, как в столице, а целых три – созданный на скорую руку большевиками Военно-революционный комитет, штаб Киевского военного округа, по-прежнему признававший только Временное правительство, и Центральная Рада. Началась война трех.

Все эти политические центры сидели буквально в минутах ходьбы друг от друга: ревком – в Мариинском дворце, штаб округа – на улице Банковой, где сейчас Секретариат президента, а Центральная Рада – на Владимирской в здании нынешнего Дома учителя.

А в городе находились четыре военных училища, кадетский корпус, пять школ прапорщиков, военный завод «Арсенал» и трудно поддающиеся исчислению массы солдат киевского гарнизона, за души которых шла борьба между соперничающими политиками. Для полноты картины можно прибавить еще Всероссийский казачий съезд, который как раз в эти дни происходил в Киеве, и чехословацкую бригаду из бывших австрийских пленных, вызванную штабом округа и прибывшую к вечеру 28 октября. От такого обилия шахматных фигур на доске просто голова шла кругом!

Кстати, среди лидеров всех враждующих сил оказались украинцы. В Раде заправляли Грушевский с Петлюрой. Силы Временного правительства возглавляли краевой комиссар Кириенко – по партийной принадлежности, меньшевик. А самым заметным среди деятелей ревкома был 29-летний Владимир Затонский – преподаватель Политеха и будущий нарком в правительстве Советской Украины.

Вечером 28-го октября отряды юнкеров и казаков арестовали ревком в Мариинском дворце. Но ускользнувшему от ареста Затонскому удалось организовать новый в 3-м авиапарке. Новым центром большевиков стал «Арсенал». Начались уличные бои. Киевляне впервые слышали орудийные выстрелы. Арсенальцы и авиапарковцы пытались захватить киевское Константиновское училище на Печерске. В ответ юнкера-константиновцы безуспешно штурмовали «Арсенал». Тем не менее, сражение выглядело каким-то вялым. Настоящего озверения еще не было. Как вспоминал один из мемуаристов А. Гольденвейзер, «на этот раз судьба пощадила киевлян, и большого артиллерийского обстрела не было. Дело обошлось несколькими орудийными выстрелами, не причинившими особого вреда. Вообще в октябре 1917 года в Киеве не было настоящей вооруженной борьбы; стороны ограничились выяснением своих сил».

От противостояния ревкома с штабом округа выиграла третья сила – Центральная Рада. Ей удалось притащить с фронта больше всего частей – так называемых «украинизированных». В то время их еще не успели разложить большевики. А чехословаки, хоть и прибыли в Киев, но отказались драться и заняли нейтралитет. По достигнутому соглашению, большевики должны были сидеть тихо и не претендовать на монопольную власть на Украине, а юнкера получили право выехать с оружием на Дон, где начинала формироваться белая армия. 31-го октября Центральная Рада опубликовала обращение к военным частям и гражданам: «На Україні ллється кров! Одні частини війська йдуть проти других... У Києві на улицах йде бій. Генеральний секретаріат України... вимагає, щоб всі частини війська, всі громадяне України негайно припинили напад один на одного... Всі війська і всі партії повинні признавати власть Генерального секретаріату і всеціло підлягати його розпорядженням. Досить крові! Хто буде продовжувати вести криваву боротьбу, той ворог отчизні і революції».

Но своей временной победой в Киеве Рада так и не сумела воспользоваться. Грушевский и Петлюра по-прежнему оставались федералистами, выступавшими за Украину в составе демократической России, несмотря на то, что последняя распадалась на глазах. 7-го ноября по старому стилю (20-го – по новому) Центральная Рада выпустила III Универсал: «Однині Україна стає Українською Народною Республікою. Не одділяючись від Республіки Російської і зберігаючи єдність її, ми твердо станемо на нашій землі, щоб силами нашими допомогти всій

Росії, щоб уся Республіка Російська стала федерацією рівних і вільних народів».

Но все это осталось только прекрасными мечтаниями. Вокруг начиналась Гражданская война красных с белыми, чего Грушевский еще не осознавал. Справедливость требует признать: и в 1917 году Российскую империю, и в 1991-м СССР развалила не Украина, а борьба самих российских кланов. Только противоборство в Петрограде и Москве дважды развязало руки национализму на окраинах. Легкомысленные Керенский и Ельцин, сами того не желая, стали отцами украинской независимости. Большинство из нас даже не представляет, какое количество предметов искусства и старины находилось в это время на Украине. На Правобережье большинство крупных поместий все еще принадлежало польским родам, оставшимся тут со времен Речи Посполитой. Левобережье было покрыто именьями и хуторами потомков казачьей старшины, получившей при Екатерине II статус российского дворянства. На протяжении двух столетий до Октябрьской революции Украина не знала ни войн, ни народных восстаний. Крепкая царская власть, которую теперь совершенно несправедливо называют «деспотической», позволила накопить бесчисленные материальные ценности. В парках загородных дворцов еще стояли мраморные статуи обнаженных греческих богинь, в семейных галереях сохранялись портреты предков, в секретерах лежали нетронутыми семейные архивы.

Но и в семьях зажиточных крестьян сундуки ломались от накопленной за годы стабильности дорогой одежды, а горшок с золотыми «дукачами», которыми девушки украшали праздничный убор, не был редкостью. Добавьте к этому сделанную на заказ мебель, хорошую коляску и пару добрых лошадей, и вы поймете, чем обладал средний украинский «кулак», – отнюдь не мироед, а просто непьющий хозяйственный мужик, умевший работать.

Осенью 1917-го все это постепенно стало подвергаться разграблению. Толпы сельской гольтыбы первым делом набросились на панские усадьбы, сахарные заводы...винокурни, где находились запасы спирта. Пьянство и грабеж переплелись в неразрывный клубок. Люди тонули в цистернах со спиртом, замерзали спяну в уличных лужах, когда прихватили первые заморозки, и тащили домой даже совершенно ненужные вещи. Фольклорные экспедиции уже в 70-е годы XX века будут находить у крестьян Качановки – знаменитого поместья украинских меценатов Тарновских – отбитые головы и задницы греческих «венер» – туземцы приспособили их вместо прессов, чтобы удобнее было квасить капусту! Вот это и было подлинное «творчество» народных масс – инициатива снизу.

Кое-кто понимал, какой пласт культуры теряет страна. И даже пытался с этим бороться. Отдел охраны памятников старины генерального секретариата народного просвещения Центральной Рады 19 ноября 1917 года опубликовал обращение к народу: «Маючи на увазі, що розрухи на Україні все збільшуються, відділ охорони пам'яток старовини й мистецтва Секретарства народної освіти звертається до всіх культурних громадян з-поміж солдатів, селян, духовенства, сільської інтелігенції з гарячим закликком – не псувати і не нищити пам'яток старовини, не допускати до грабунку і розгрому панських дворів та будинків, де часто переховуються дуже цінні старі папери, книги, картини, старі меблі, вжити всіх засобів, щоб зберегти усе це і передати до музеїв, де вони стануть у великій пригоді для нашої освіти, для науки й культури, де будуть служити не для одної людини або родини, а для усього народу».

Но все это осталось прекраснорудными пожеланиями! «Культурні громадяни» не грабили чужие дома, а некультурные не читали газет, где публиковались подобные «вопли».

Мой дед Григорий Бузина 1902 года рождения вспоминал, как некоторые его односельчане разносили по частям панскую усадьбу. Один из них пьяным забрался на крышу и стал отдиравать кровельное железо, но свалился и расшибся насмерть. Это была первая «жертва революции» в селе. Причем, добровольная. Вряд ли этот мародер из Полтавской губернии слышал ленинское: «Грабь награбленное!» Вообще же те времена дед характеризовал кратко, но емкой фразой: «Тоді людину вбити було раз плюнути». Сам он не желал ни грабить, ни убивать, а потому любил мне рассказывать, как в 17 лет дезертировал из Красной Армии.

Великие исторические события всегда сказываются на коммунальном хозяйстве. Попытки сделать мир справедливее почему-то всегда оборачиваются грязью на улицах и в уборных. Справедливости ради, нужно сказать, что Киев стал «сдавать» уже до революции. Мировая война и наплыв мобилизованных потихоньку превратила красивый город в помойку. Студент Университета св. Владимира Анатолий Полетика – потомок известного малороссийского дворянского рода – так описывает свои впечатления от Киева уже 1916 года: «Этот старый, красивый и чистый город нельзя было узнать: засоренные мусором улицы, переполненные вагоны трамваев (число «больных» вагонов все время росло и чинить их становилось все труднее и труднее), тусклое освещение улиц, особенно на окраинах, очереди у лавок и булочных и дороговизна. Мне скоро пришлось убедиться в том, что моей стипендии в 25 рублей в месяц (зимой 1914–1915 гг. этой суммы было бы вполне достаточно на мою жизнь) теперь хватает всего на две недели, даже при наличии привезенных мною из Конотопа продуктов».

С началом революции стало еще хуже. Лето 1917-го запомнилось в Киеве как время бесконечных массовых акций. «Митинг был сплошным, – вспоминает Полетика. – Он начинался с раннего утра и продолжался до поздней ночи. Ораторы один за другим поднимались на трибуну – это обычно была скамейка, стол, подножие памятника: памятники Николая I и Александра II прекрасно пригодились для этой цели. Но свободы слова, провозглашенной Временным правительством, все же не получилось. Солдаты, толпившиеся на этом перманентном всероссийском митинге, слушали только то, что им хотелось слушать, а именно скорейший мир во что бы то ни стало и раздел помещичьих земель. Ораторов, призывавших продолжать войну для защиты свободы и демократии в России против германского империализма или говоривших о необходимости созыва Учредительного собрания и компенсации, хотя бы частичной, помещикам за конфискацию земли, встречали криками «долой» и сгоняли с трибуны».

Толпы разложившихся нижних чинов заплевали семечками все мостовые и загадили киевский вокзал. Отмоют его только весной 1918 года, когда в город войдут немцы и наведут идеальную чистоту. Оккупанты собрали на вокзал несколько десятков баб и заставили его отдраить с мылом. Обалдевшим от революционной «свободы» коренным киевлянам это казалось настоящим чудом. Как ни странно, но именно германское нашествие оказалось в памяти киевлян самым приятным временем, по сравнению с властью петлюровцев или красных.

В массовом сознании киевский 1918 год запомнился благодаря «Белой гвардии» Булгакова. А вот предшествующие события остались белым пятном. Обычный читатель даже не представляет, что происходило в Киеве во время Февральской и Октябрьской революций. Так получилось, потому что в это время в городе физически отсутствовали писатели, которые составляют его наибольшую гордость. Доктор Булгаков на протяжении 1917-го

служил в больнице захолустной Вязьмы, где постепенно погрязал в пучине наркомании. А Константин Паустовский, оставивший увлекательные воспоминания «Далекие годы» и «Начало неведомого века», находился в Москве и вернулся в Киев только в начале 1918-го. Воспоминания Михаила Грушевского прерываются как раз на осени 1917-го. А отличные мемуары журналиста и одновременно министра Центральной Рады Николая Ковалевского до сих пор не изданы в Украине и широкой публике не известны. Их австрийское издание 1960-го года является библиографической редкостью. Отсутствовал в Киеве и будущий гетман Скоропадский, в это время находившийся на фронте. Одним словом, революции в нашем городе не повезло – для нее просто не нашлось подходящих летописцев. Ведь важны не только великие дела, но и великие художники для запечатления в веках. Кто бы помнил о походе неудачливого князя Игоря на половцев, не окажись в его дружине замечательный поэт?

Как Петлюра за канализацию воевал

А ведь великого и смешного хватало. Какой замечательный материал пропадает! Взять хотя бы так называемое Январское восстание в Киеве, вылившееся в битву между большевиками и петлюровцами за завод «Арсенал» и... городскую канализацию. Сколько дерьма и крови ждет своего художественного воплощения! В начале XX века назвать Киев украинским можно только условно. Большинство жителей города считало себя либо великорусами, либо малороссами – представителями двух ветвей единого русского народа. Фраза из летописи: «Киев – мать городов русских» была не историей, а действительностью. В 1917 году разделение внутри этой группы произошло не по этническому, а по классовому признаку. Рабочие поддерживали большевиков. Интеллигенция, буржуазия и дворянство стояли за белую «единую и неделимую Россию».

Значительную часть киевлян составляли поляки, остававшиеся тут еще со времен Речи Посполитой. И, естественно, очень мощной и многочисленной группой была еврейская община. Состоятельная ее часть держалась от революции в сторонке, выжидая лучших времен, а малоимущий, но горючий и преимущественно вкусивший образования элемент бросится в революцию, поставляя кадры для парработников и чекистов. Дора Иткинд, Яков Гамарник, Александр Горвиц, Исаак Крейсберг – имена вождей киевского Январского восстания говорят сами за себя.

По сути, украинцы в 600-тысячном городе были в меньшинстве. Центральную Раду поддерживали только некоторые военные части. Как известно, под те же Круты отправилось только 118 студентов и гимназистов – преимущественно из Кирилло-Мефодиевской гимназии и Украинского Народного университета. А где же остальные? Где студенты Политехнического института, Университета св. Владимира – крупнейших киевских учебных заведений? Где старшекласники более чем тридцати казенных и частных гимназий? Где не меньше десяти тысяч бывших царских офицеров, находившихся на тот момент в городе?

подавляющее большинство из них осталось в сторонке от противостояния «красные – украинцы», не чувствуя его своим. Только некоторые из них присоединились к петлюровцам. Например, упоминаемый в мемуарах штабс-ротмистр лейб-гвардии Кирасирского его величества полка, приставший к гайдамакам и воевавший на их стороне с большевиками в своих серебряных погонах и бело-желтой фуражке. Удивительно он смотрелся в одном строю с гайдамаками в красных кожаных штанах и шапках со шлыками! Этот офицер погиб в

последний день киевских боев. Но слова этого молодчаги вошли в историю: «В таком виде и желаю умереть!» Он был прав – значительную часть из тех офицеров, кто не вышел тогда на улицы, большевики расстреляли сразу же после вступления в Киев.

Восстание на «Арсенале» должно было начаться не 15 января по старому стилю, как это произошло в действительности, а, по крайней мере, неделей раньше. Но среди сторонников Центральной Рады оказался очень энергичный и инициативный человек – комендант Киева Ковенко. Он разнюхал, что на заводе готовится выступление, и в ночь на 5 января с отрядом вольных казаков после короткой перестрелки ворвался на завод и захватил все оружие. В ту же ночь его люди отобрали винтовки и пулеметы на судостроительной верфи, механическом заводе и в мастерских Политеха. Весь конфискат свезли в дом № 7 по Московской улице – буквально рядом с «Арсеналом».

И тут украинцев предали. Причем, солдаты части, носившей самое украинское название, какое только можно представить – Полк имени Шевченко! «Шевченковцев» поставили охранять склад на Московской, а те слили информацию киевскому партийному комитету да еще и пообещали немедленно поддержать восстание.

Впрочем, этому есть объяснение. Солдат-шевченковцев не купили за сало. Они действовали из идейных побуждений. Большинство из них совсем недавно служили в Петрограде в лейб-гвардии Волынском полку – том самом, который начал Февральскую революцию 1917 года, а потом сделал и Октябрьскую. Только два месяца назад их перевели в Киев, и они унесли большевистские традиции с собой. «Своими» для них были красногвардейцы, а не Петлюра и Грушевский.

«Ворохобницьке повстання почалося вночі на 16 січня, – писала в те дни газета «Нова Рада». – Большевицька «червона гвардія», прихиливши на свій бік частини полків ім. Шевченка та Сагайдачного, вже давно розагітованих большевицькими брехнями, засіла в арсеналі на Печерську й звідти почала обстрілювати місто. Зчинився бій між повстанцями та українськими військами і вільним козацтвом, що рушили на оборону міста й обложили арсенал, силкуючись вибити звідти ворохобників».

Благодаря фильму Александра Довженко «Арсенал», эти события именно под таким названием и вошли в массовое сознание. А на самом деле, у выступления киевских большевиков было еще три очага – Подол, Шулявка, где отряд красногвардейцев сформировал завод Гретера и Криванека (ныне «Большевик») и Главные железнодорожные мастерские.

На самом деле, «Арсенал» только отсиживался в обороне. А самой боевой частью оказался отряд подольских красногвардейцев. Вверх по Андреевскому спуску они прорвались в самый центр города и были остановлены только у Золотых ворот – буквально в пяти минутах ходьбы от здания Центральной Рады. Тут разгорелся жесточайший, стоивший красным 60 человек, бой за гостиницу «Прага» – здание на углу Владимирской и Прорезной. Теперь на нем висит мемориальная доска, сообщающая, что тут жил писатель Ярослав Гашек. А до революции находились знаменитые «номера», куда водили проституток господа-офицеры и студенты. В комнатах, где совсем недавно предавались плотским утехам, засели большевистские пулеметчики. Штурм гостиницы шел, как в боевике. Один отряд украинцев прорвался на крышу, а другой – при поддержке двух броневику и гранат ворвался на первый этаж. Через несколько минут большевики полетели, по словам одного из очевидцев, «як жаби», с последнего этажа. Руководил обороной «Праги», по воспоминаниям участников штурма, опубликованным во львовском издании «Літопис Червоної Каліни» в 1938 году,

бывший юнкер-еврей Константиновского училища – как видим, и со стороны красногвардейцев воевало много молодежи.

Во время подавления Петлюрой Январского восстания в Киеве два коварных гимназиста, только что вернувшиеся из-под Крут, подкрадывались к красногвардейцам в районе Золотых ворот с тыла, набив свои ранцы ручными гранатами. У работяг-большевиков на них рука не поднималась – как же можно убивать мальцов? А те вытаскивали вместо школьных чернильниц гранаты и отправляли сторонников учения Маркса-Энгельса к праотцам, чтобы они могли проверить: действительно ли правы материалисты или загробный мир все-таки существует? Много народу на «переменках» положили!

Главной ошибкой восставших была нескоординированность действий. Пока подольская красная гвардия шла в наступление, остальные отряды не проявляли активности. Главным достижением шулявских красногвардейцев во главе с киевским поляком Всеволодом Довнар-Запольским стал 1 февраля (по н. ст.) захват Кадетского корпуса. Теперь в этом здании возле Воздухофлотского моста находится Минобороны Украины. А тогда никакого моста не было. Поднятых ночью с постели кадетов – по сути детей – ограбили до нитки и тем ограничились. Но улица Довнар-Запольского и соответствующая трамвайная остановка на Дегтяревской до сих пор существует в Киеве. Кстати, самому Довнару было только девятнадцать. Он погибнет в конце 1919 года.

Зато накануне, 31 января, «великую победу» одержали арсенальцы. Около полуночи в кромешной тьме они вылезли из своего логова на заводе через канализационные коллекторы и, прокравшись на склоны Днепра, захватили водокачку. Киев остался без воды! В здании Центральной Рады и элитных особняках Липок дерьмо зависло в унитазах. Досадили-таки буржуям! Все мемуаристы из интеллигентных слоев в один голос описывают этот «ужас». Рабочие кварталы подобными трудностями было не испугать – там не было таких развращающих человека удобств.

Наступил переломный момент. Судьба сражения повисла на волоске. Или Центральная Рада захлебнется в эксcrementах. Или поднятой «волной» захлестнет самих большевиков. И тут 2 февраля (по старому – 20 января) в город ввалился Симон Петлюра со своими гайдаками. Их театральный вид наводил ужас даже на своих. Вот как описывает встречу с живым гайдаком еще один сторонник Рады Всеволод Петров: «Смужкова шапка з червоним шликком, голена голова з довгим чорним оселедцем за вуха та свіжим шрамом від кулі, та нерухоме самовпевнено залізне обличчя маніяка аномальної людини, нібито справді воскресший гайдамака прастарих часів»... То, что раньше видели только в пьесах, забегало по улицам!

Но кроме «театра», у Петлюры были еще и пушки. На следующий день артиллерия в упор пробила пролом в стенах завода, куда хлынули эти красношлычные «черти». Интеллигент Петлюра (даром, что ли, до революции был журналистом и бухгалтером!) приказывал стрелять так, чтобы не повредить монумент Кочубею и Искре.

Сейчас на его постаменте торчит крошечная горная пушечка возле метро «Арсенальная». «Стріляйте так, щоб пам'ятник оставався цілий!» – приказывал атаман, щадя культурные ценности.

3 февраля около 6 часов вечера колонна Петлюры из гайдаков и солдат полка им. Хмельницкого ворвалась на завод. Кое-кого перебили. Остальных, как стадо, согнали в кучу во дворе. «Кілька ще завзятих арсенальців-більшовиків виявили були спротив, але скоро переконалися, що даремно, – вспоминает участник штурма П. Выдыбайло. – Всі добровільно

віддавали зброю. Багато оборонців арсеналу поховались по пивницях, іще довго хлопці вишукували і витягали перестрашених людей, навіть жінок і дітей, не роблячи жодної кривди нікому і збирали їх на одному з арсенальських дворів... Багато з них жалувало свою вчинку»...

«Красивую» ідею замочить всіх на месте пришлось оставить из-за гуманизма Петлюры. Разгоряченных атакой гайдамак, уже направивших пулеметы на толпу, остановил лично атаман: «Коли хочете розстріляти їх, то розстріляйте перш мене! Це ж робітники... Між ними може є чимало несвідомих українців, і ви їх хочете розстріляти? Я того не дозволю, першу кулю в мене!»

Пленных построили по четыре и отконвоировали к казармам возле Лавры. Напрасно горсовет переименовал улицу Январского восстания в Мазепы. Именно ей и носить бы имя Петлюры! Это место, где он проявил как военные способности, так и подлинное благородство, редкое в гражданской войне.

Андреевский спуск

Во время уличных январских боев за Киев сражалось всего 1940 украинских бойцов и чуть больше 2 тысяч красных повстанцев. Значительную часть из них тоже составляли украинцы – поддавшиеся на пропаганду большевиков подразделения полков им. Шевченко и Сагайдачного. Понтонеры, располагавшиеся через дорогу от «Арсенала», остались в стороне от боя и с удовольствием продавали рабочим оружие и патроны. А полк Богдана Хмельницкого разделился. Часть его сражалась на стороне красных, а другая – штурмовала взбунтовавшийся завод.

Это были самые жестокие уличные бои за всю историю города со времен монгольского нашествия. Сторонники Центральной Рады оказались энергичнее, смелее, а их командиры – более грамотными, чем руководство большевистского ревкома. «Арсенал» – одна из немногих украинских побед.

Именно в холодные январские дни 1918 года Украина получила своего первого вождя. Только что уволенный Центральной Радой с должности военного министра, официально он был никем. Но вскоре красные, наступавшие на Киев, уже знали, что воюют с Петлюрой и петлюровцами.

Как так получилось, что символом украинской контрреволюции стал именно Симон Петлюра? Не Грушевский, возглавлявший тогда Центральную Раду, не Винниченко – первый премьер-министр Украины, а именно этот бывший журналист, только что смещенный самими самостийниками с поста секретаря по военным делам (по современной терминологии, министра обороны) И находившийся, как говорится, не у дел?

А случилось это вот как! Октябрьский переворот в Петрограде оказался для Рады полной неожиданностью. Временное правительство масона Керенского заменили большевики. Верхушка Центральной Рады – сама по большей части из тех же масонов куда плыть, не знала. То ли в независимость. То ли в федерацию с новой большевистской Россией.

На фронте продолжалась война с немцами. Полуразложившиеся от революционной пропаганды всех мастей солдаты старой армии полками разбегались по домам. Большая часть из них поддерживала большевиков, пообещавших мир и землю. Так называемые «украинизированные» части, разбросанные от Балтики до Черного моря, как изюм в булке, на бумаге подчинялись Киеву, а на деле тоже расплзались по хатам. Донские казаки,

сохраняя армейскую организацию и остатки дисциплины, эшелонами двигались в родные места через Украину. Туда же устремились самые убежденные из сторонников старого порядка и единой неделимой России – немногочисленные отряды офицеров и юнкеров – ядро будущей Добровольческой армии. Это было время всеобщего хаоса, когда у простого человека голова шла кругом. Кто за кого и против кого, окончательно еще никто не понимал. По сути, только большевики в Смольном и генерал Корнилов на Дону знали, что будут драться друг с другом до последней капли крови. А Центральная Рада в Киеве металась, как неизвестный предмет в проруби, не приставая ни к какому берегу и все еще надеясь прожить по старому хуторянскому принципу: моя хата с краю.

Разбираясь, почему так трагически и позорно закончился для нее первый период борьбы с большевиками, я вдруг поймал себя на мысли: да ведь ее официальные вожди попросту не соответствовали занимаемым должностям. Шабаш непрофессионалов. Председатель Рады Грушевский – историк по основной профессии – шлепает одну за другой брошюры и новые издания своей «Иллюстрированной истории Украины» (благо, должность позволяет) и радуется их тиражам, вместо того, чтобы заниматься формированием государственного аппарата. Очевидцы рассказывали, что на некоторых заседаниях парламента он в разгар прений продолжал дописывать очередной учебник.

Премьер-министр Винниченко – самый популярный на тот момент украинский литератор – явно тяготится своей высокой должностью. Его дневник за конец 1917-го и начало 1918-го годов полон смешных жалоб. Он сетует буквально на все: на то, что ему приходится покупать стулья для заседаний правительства, выдавать деньги представителям комитетов, рассматривать проекты различных организаций, которые, по его словам, «витворює “белетрист” Петлюра». «Кожний хапа мене, де попаде, і вимагає залагодження своїх справ, – ноєт он. – А серце болить і тужить за тишею степових днів, за працею улюбленою, незалежною й не менш корисною, ніж на фотелі “міністра”».

Спрашивается, зачем этот человек, так поэтично описывающий, как шуршал песочек под шинами его велосипеда в парке Фонтенбло под Парижем и мечтающий после войны снова вернуться в Европу (он особенно любил Италию, Францию и Швейцарию), занял чужое место? А ведь занял же! И даже не постеснялся записать в дневнике: «Маю бути першим міністром України. І смішно, і дивно, і радісно».

Хороши и его соратники. 18 декабря 1917 года, когда красные уже движутся на Киев, Центральная Рада рассматривает вопрос «про негайну потребу організації власного гаражу». Директор хозяйственного отдела предлагает ассигновать для этого полезного деда 443 160 руб. Сумма выделяется тут же в полном объеме. Для сравнения: на следующий день «на охорону порядку» во всей Украине Рада выделяет только 50 тысяч рублей. Еще 100 тысяч ассигнуется «на пособіє біженцям». Гараж для новых правителей в три раза перевешивает затраты и на беженцев, и на внутреннюю безопасность в стране!

Порой заседания «першого українського парламенту» напоминают сборища патологических кретин. 22 декабря 1917 г. рассматривают вопрос о Черноморском флоте. Решают, что для охраны побережья достаточно оставить два броненосца и флотилии миноносцев с командой в 10–12 тысяч матросов: «Решту кораблів демобілізувати і перетворити в державний торговельний флот, розвиток якого лежить в ближчих інтересах Української республіки». Мудрецы из Рады явно видели эти корабли только на картинках в журналах. На момент их соломонова решения броненосцев официально на Черном море нет вообще – шесть старых броненосцев давно перекавалифицированы в линкоры, а два новейших

дредноута, на каждом из которых по двенадцать 305-миллиметровых орудий, никогда к классу броненосцев не относились. Они изначально линкорами и назывались. Интересно, как они собирались перековывать это наследство царского режима в торговые суда? По большому счету, линкоры состоят только из брони, пушек и мощных турбин, не отличающихся экономичностью. Превратить это предназначенное исключительно для убийства дорогостоящее чудо в какой-нибудь сухогруз технически невозможно. Даже если выбросить пороховые погреба и демонтировать орудийные башни, то возить на дредноуте зерно – все равно, что пахать на мерседесе! Что вообще хотела Рада сказать своим решением? Что новые дредноуты, введенные в строй в 1916–1917 гг., отправят на слом, а парочку изношенных старичков-броненосцев, только числящихся в линкорах, оставят дымить горизонт? Но ведь они к тому моменту проплавали уже по 20–30 лет и годились только на слом! Любой морской специалист только покрутил бы у виска, силясь понять логику Центральной Рады. Да и она сама вряд ли ее понимала!

И только Симон Петлюра несколько выделялся среди этой образцовой коллекции воинствующих дилетантов. До 18 декабря 1917 года он занимал должность генерального секретаря по военным делам. Наверное, Симон не был гением. Ни по темпераменту, ни по размаху он не ровня Ленину, Троцкому или Корнилову. Но от остальных коллег по первому украинскому правительству его отличала важная черта. Наверное, главная для политического деятеля – способность совершать решительные поступки. Официально вождями считались Грушевский и Винниченко, а неформальным лидером был Петлюра. Благодаря ему в конце октября Центральная Рада вышла победительницей в киевской междоусобице большевиков и сторонников Временного правительства. Те истожили друг друга в уличных боях. А Петлюра подтянул к городу украинизированные части и заставил белых и красных «драчунов» признать власть Рады. Киевских юнкеров бывший журналист, подавшийся в атаманы, свободно пропустил на Дон. Перед этим с них взяли смешное обещание, что там они будут только «учиться», а не воевать. Как будто юнкера – это какие-нибудь ученицы Института благородных девиц.

Красные в Петрограде не простили Петлюре этот поступок. Еще большее раздражение вызвало у них решение украинского военного министра свободно пропускать на тот же Дон эшелоны с казаками. Донцы считались оплотом реакции. Ленин и Троцкий прекрасно понимали, что без них белое движение невозможно. Но Петлюра резонно считал и открыто заявлял об этом на заседаниях генсекретариата, что «порвати зносини з козаками нам не вигідно». Он предвидел, что тогда Украине придется воевать со всеми – и с красными на севере, и с белыми на востоке.

Другого мнения придерживался Винниченко. Он все еще грезил возможностью договориться с петроградским Совнаркомом. Иногда его посещали попросту бредовые идеи. Так на заседании 26 декабря премьер-министр вдруг высказал опасение, что русская буржуазия в Петрограде может «з'єднатися з більшовиками», чтобы не допустить отделения Украины. Мысль – абсолютно утопическая, свидетельствующая только о том, что Винниченко ничего не знал о сущности программы коммунистов, не допускавшей никакого компромисса с «эксплуататорскими» классами.

Но больше всего и Грушевский, и Винниченко боялись намечавшейся популярности Петлюры в украинизированных частях киевского гарнизона. Гражданская война должна была выдвинуть на первые роли военных – главный аргумент в тот момент, когда обычные доводы силу утратили. Профессор и писатель никогда не служили в армии и по-интеллигентски

боялись ее. Оказавшись только волею нахальства и революционной говорильни во главе зарождающегося государства, они словно предчувствовали свое скорое фиаско. Военный переворот был их самым страшным ночным кошмаром. Поэтому 18 декабря два завистника увольняют военного министра с должности.

В тот самый момент, когда по железной дороге на Лозовую и Бахмач уже движутся собранные наспех красными отряды под командованием подполковника Муравьева, украинская армия оказалась без командования. Впереди были Круты...

У австрийского писателя Стефана Цвейга есть цикл миниатюр «Звездные часы человечества» – о переломных моментах истории и людях, оказавшихся в эти мгновения на высоте. Или растерявшихся и сброшенных навсегда со сцены. Есть там рассказ о Руже де Лиле – этот провинциальный офицер остался в памяти потомков только из-за одной знаменитой мелодии – «Марсельезы», которую написал за несколько часов. Рассказ называется «Гений одной ночи».

Симона Петлюру, отправленного в отставку завистниками из Центральной Рады, можно назвать гением одного месяца – января 1918 года. Он не только не растерялся, но и заслужил за эти четыре недели свою боевую репутацию. Грушевский или Винниченко, потеряв власть, тут же превращались в частных людей. Они начинали любоваться природой и строчить мемуары, сочащиеся обидами. Петлюра, получив отставку, воспоминаний писать не стал. Он бросился формировать личную гвардию – Гайдамацкий кош Слободской Украины.

Над ним посмеивались. Его уверенность, что кудлатая шапка с красным шлыком делает украинца героем вызывала иронию. Но именно эта шапка и стала отличительным знаком петлюровских гайдамаков. Деньги на формирование своей «миниармии», как поговаривают, Петлюра нашел, благодаря старым масонским связям. Их якобы дали французские представители в Киеве, которым Симон пообещал, что, несмотря ни на что, Украина будет продолжать войну еще и с немцами.

Гайдамаки оказались самой боевой украинской частью январских сражений против большевиков. Именно они подавили восстание на киевском «Арсенале». Петлюра лично водит их в атаку. И, наконец, именно благодаря отставному министру на фронт в Дарницу выступила 2-я киевская военная школа. Петлюра раззадорил этих украинских юнкеров лично. Он явился в один из вечеров в здание школы на Подоле и буквально взял за душу своей речью: «Якщо більшовики увійдуть до Києва, вони розстріляють ваших офіцерів, як це було в Харкові, вб'ють ваших рідних... Ви будете боятися своєї тіні. На фронті зараз немає сил, щоб зупинити червону орду. Я вірю, що лише молоді леви з криком «Слава Україні!» можуть змінити хід всієї історії. Я не наказую, а закликаю вас стати добровольцями моєї армії! Якщо ви вірите мені, якщо відчуваєте відповідальність перед Україною, ви станете під мої знамена!»

Это было время, когда один толковый агитатор мог действительно изменить ход истории. Репутация, заслуженная Петлюрой в январе, превратила его в бесспорного лидера среди украинских политиков. Благодаря ей Петлюра трижды будет возвращаться в Киев – лучшего все равно не было.

По странной иронии истории получилось, что вся деятельность Петлюры на посту военного министра в конце 1917 года фактически позволила белогвардейцам собрать силы на Дону для противодействия партии Ленина и Троцкого. Займи Петлюра другую позицию, той Гражданской войны, которую мы знаем, с походом Деникина на Москву, скорее всего, просто бы не было.

Полк имени Тараса Шевченко предал Раду и перебежал к красным

В отличие от импровизированных, но проникнутых подлинным боевым духом подразделений, вроде Гайдамацкого коша Петлюры, так называемые «украинизированные части», с которыми, как с писаной торбой, еще с весны 1917-го носилась Рада, разбежались, куда глаза глядят. На бумаге у Грушевского с Винниченко было 300 тысяч войска. А на практике ситуация выглядела угрожающе. Сменивший Петлюру на должности военного министра Николай Порш констатировал на заседании генсекретариата Рады 29 декабря: «Настрій гарнізону в Києві різний: одні частини займають нейтральну позицію, інші – ворожу, як, приміром, полки Тараса Шевченко, Дорошенка. Деякі частини, на які можна було б опертися, як «Курінь смерті», Полуботківський полк, Богданівський, дуже стомились і до активної роботи зараз мало придатні».

Через несколько дней, 3 января, тот же Порш заметил: «Фактично армія вступила в стадію стихійної демобілізації. Солдати розбігаються. Майно гине. Штаби, ради, комітети – безсилі боротись з цим. Люди тікають з фронту юрбами». Теоретически можно было бы снять несколько дивизий с немецкого фронта и двинуть их против большевиков. Но на практике снимать уже было некого. Фантастические проекты формирования новой украинской армии на наемной основе остались на бумаге – у Рады для этого уже не хватало ни времени, ни сил, впустую растраченных на болтовню.

Зато оригинальным идеям спасения Украины в новом парламенте не было конца. К примеру, 26 декабря 1917 года заместитель военного министра подполковник Жуковский – редкий балбес – высказал мысль объявить независимость и «вступити в федерацію з Румунією, Болгарією для виходу в Адріатику». Подумать только: красные наступают, а этот «наполеон» мечтает о выходе в теплое Адриатическое море! И ведь это запротоколенный факт, значащийся на 69-й странице сборника «Українська Центральна Рада. Документи і матеріали».

Полк имени Шевченко, направленный в Нежин, не выполнил ни одного приказа, а потом попросту перешел к красным. Как заметил в воспоминаниях советский командующий Антонов-Овсеенко: «Нежинский гарнизон, во главе с куренем Шевченко, решительно высказался против Центральной Рады, отказываясь выступить против большевиков».

Официально до 11 января 1918 года по старому стилю, когда был объявлен IV Универсал, Украина все еще считалась частью федеративной России. Но на практике по линиям железных дорог уже всюду шла Гражданская война с красными.

Независимость объявили... ночью

До марта 1918 года Украина жила еще по старому стилю. Поэтому датированный 11 января IV Универсал Центральной Рады, который объявлял независимость, по новому летоисчислению, выпадает на 24 января.

Календарь этот ввели, как известно, большевики в Петрограде, Раду не жаловавшие и даже объявившие ей войну. Выходит, что Грушевский и компания отставали от своих врагов во всем – и в организации войск, и в государственном строительстве, и даже в календарных экспериментах. Просто плелись в хвосте у Ленина и Троцкого, как первоклашки за

опытными школьными хулиганами.

Сама же «велика подія» об'явлення незалежності пройшла так, що її майже ніхто в Україні і не помітив. Справа відбулася вночі, як на воровському сході. Засідання Центральної Ради відкрилося рівно в час по півночі, коли всі нормальні люди в Києві спали. Той, хто бував в Домі вчителя, де тусувався в революційні дні «перший парламент», знає, що зал засідань там маленький, майже камерний. Будівля будувалася до Першої світової війни і призначалася для Педагогічного музею. По задуму архітектора, в найкращому випадку там повинні були святкувати різні бюрократичні заходи викладачі київських гімназій.

Але тепер тут давав відкритий урок «прохватор» Грушевський. Він вийшов на трибуну і, розклав рот, оздоблений неохайно, як дворничий веник, бородою, почав читати по папірці: «Високі збори! Українські Установчі збори, призначені 3-м Універсалом нашим, не могли зібратися у призначений день 9 січня тому, що останніми днями виникли всілякі завади... Народ наш прагне миру. І Українська Центральна Рада доложила всіх зусиль, щоб дати мир негайно. Але петроградське урядовство, Радні народних комісарів, оголошує нову священну війну... це урядовство насилає військо своє, червоногвардійців та більшовиків, на Україну і веде з нами братовбивчу війну. Щоб дати нашому урядовству змогу довести справу миру до кінця і захистити від усіляких замахів нашу країну, Українська Центральна Рада постановила не відкладати до Установчих зборів ті справи і в цій цілі Українська Центральна Рада вже з 9 січня відбувала постійне, безперервне засідання аж до цього часу і постановила важну річ – видати оцей Універсал».

Річ Грушевського була записана. Як легко помітити, «пан прохватор» говорив на суржикі – до кінця життя він так і не навчився української мови, хоча на протязі трьох десятиліть до цього важливого історичного події знімав пенки з «української справи». Слухали керівництвом сорок дев'ять членів Ради. Тридцять дев'ять з них висловилися за. Четверо – проти. І ще шість – вдержалися. По партіям це виглядало так: три українські фракції (соціал-демократи, есери і соціалісти-федералісти) Універсал підтримали, російські меншевики і єврейська партія Бунд, теж входивші в Раду, висловилися проти. Російські есери і ще одна єврейська фракція – Поалей Цион, незважаючи на те, що серед них не було ні одного українця, заявили, що їх хата з краю. А депутат Неронович, знаючи, що голосування буде поіменним, на всякий випадок втік з зали. Хитрий Неронович уже передчував, що скоро з Петербурга приедуть в лихих безкозирках матросики на бронепоезді і надають всьому чесному зібранню по шапкам.

Потім всі розійшлися спати. Так як було вже дуже пізно і депутати втомлені. Вся церемонія разом з читанням Універсала зайняла всього пів години. Як написала 13 січня 1918 року київська газета «Нова Рада»: «За пізнім часом о пів на другу засідання переривається до наступного дня».

Коллективный труд плагиаторов из Центральной Рады

Сам же IV Універсал, як мінімум, на половину складався з звичайної політичної брехні. «Ми, Українська Центральна Рада, – гласив він, – обрана з'їздами селян, робітників і солдатів (так і написано в документі – через «а»!) України... ніяких з'їздів ніяких

крестьян и рабочих, а тем более солдат Раду не избирали. Полсотни «депутатов», включая и сбежавшего «по нужде» Нероновича, были самозванцами. Они собрались еще весной 17-го года от различных общественных организаций и, если кого и представляли, так это себя. Многие в стране даже не догадывались, что в Киеве сидит такая контора.

Другая часть документа представляла собой просто плагиат с ленинских Декретов о земле и мире, провозглашенных двумя месяцами ранее в Петрограде сразу после Октябрьской революции. Но она не дотягивала до него по решительности. Ленин и большевики пообещали землю и мир по всей бывшей Российской империи, в том числе и в Украине, сейчас и сразу, без бюрократических проволочек. Мол, берите, сколько сможете, и тащите, куда хотите! И народ потащил! Солдаты толпами обсели вагоны и бросились с немецкого фронта по деревням делить помещичью землю. На немцев, наступавших с запада, никто не обращал внимания. Все стремились успеть на дележу – а вдруг без него поделят?

А Центральная Рада в IV Универсале только загребла себе на бумаге побольше территории, заявив, что «ліси, води і всі багатства підземні, як добро українського трудящого народу, переходять в порядкування Української Народної Республіки». Что же касается конкретных участков, то простой человек пока ничего не получал. Документ расплывчато гласил, что «в справі земельній комісія, вибрана на останній сесії нашій, уже виробила закон про передачу землі трудовому народові без викупу... Закон сей буде розглянено за кілька день в повній Центральній Раді».

Комиссия... Сессия... Закон, который разработали, но еще не приняли... Все это навевало на простого человека, как всегда ждавшего всего и сразу, такую тоску, что и слушать не хотелось. Ленинская короткая бумажка ложилась на душу куда лучше!

С миром, как явствовало из Универсала, тоже было ничего не ясно. Он только предписывал «Правительству Республіки нашої... від сього дня вести розпочаті переговори про мир з Центральними Державами цілком самостійно і довести їх до кінця»...

И, наконец, последняя ложь заключалась в том, что принятый 11 января документ Рада датировала двумя днями ранее – 9 января. Ей очень хотелось ускорить исторический процесс.

Премьер Винниченко поздравил Украину с катастрофой

Но никакой реальной силы эта бумага с любой из двух дат не имела. Репортер «Киевской мысли» – самой популярной газеты столицы новообразованной Украины С. Сумский описывал эту ситуацию в воспоминаниях, названных им «Одиннадцать переворотов. Гражданская война в Киеве»: «Январь 18-го года. Борьба большевиков за власть была не только угрозой, она уже начиналась. На последних выборах в совет коммунисты получили большинство. За исключением специальных украинских янычар, – а их было очень мало, – все войсковые части требовали захвата власти советами. Рада, лишенная опоры в широких слоях населения, настроившая против себя города – своей националистической политикой, деревню – боязнью разрешить земельный вопрос, солдат – продолжением войны, была уже властью призрачной. Министры произносили речи, требуя защиты республики, а по улицам, угрюмо поглядывая по сторонам, бродили, именно бродили, а не ходили, серые шинели. Правительство Рады играло в солдатики, украинизировало армию, вводило в моду оселедцы и бритые головы, полковников переименовывало в старшин, а поручиков – в

хорунжих. Плохие актеры играли роль запорожцев».

Другие очевидцы чувствовали примерно то же. Дмитрий Дорошенко – видный украинский деятель, впоследствии министр иностранных дел гетманского правительства, а в начале 1918-го один из комиссаров, назначенных Центральной Радой, оставит интересные мемуары о том, как в Киеве отметили новогодние праздники: «Наступал новый 1918 год. В старом помещении Украинского клуба на Большой Владимирской собралось около сотни представителей украинского и общественного, и литературного мира встретить Новый год. Явились и некоторые из генеральных секретарей (недавно переименованных в министры) с В.К. Винниченко во главе. Настроение у всех было подавленное – отовсюду приходили недобрые вести. Пробил 12-й час, и никто не решался поднять бокал и провозгласить традиционный тост. Все взоры устремились на главу украинского правительства – на Винниченко; дамы стали упрашивать его сказать хоть несколько слов. «Что я могу сказать вам? – начал он. – Разве то, что варвар с севера стоит у наших дверей и грозит смять, уничтожить все наши достижения, разрушить наше молодое государство, смести нашу культуру»...

Вся речь Винниченко была проникнута предчувствием надвигающейся катастрофы. А министр почты и телеграфа Н. Шаповал вообще каркнул, как ворона: «Morituri te salutant!» Этим возгласом в римские времена гладиаторы в Колизее обращались к императору перед поединком. В переводе она означала: «Идущие на смерть приветствуют тебя!»

По словам Дорошенко, «такое настроение членов правительства передалось всем присутствующим, и на другой день тревога распространилась по всему городу».

Даже Грушевскому становилось понятно, что такого премьер-министра пора менять. Винниченко как вконец разложившегося бездельника отправили в отставку. А вместо него 18 января главой кабинета назначили Всеволода Голубовича. Его правительство состояло в основном из украинских эсеров – членов той же партии к которой принадлежал Грушевский. Но кандидатура нового главы исполнительной власти вызывала искренне недоумение у всех в Киеве. Кто такой Голубович, никто не знал. Дорошенко в воспоминаниях даже патетически восклицает: «Как вообще мог выдвинуться и занять пост премьера этот кретинообразный субъект, не умевший связно произнести даже коротенькой речи, вялый, без инициативы, тупой – остается загадкой, которую можно пояснить разве тем, что при общем уровне лидеров эсеровской партии, не подымавшемся выше студентов второго курса, человек с высшим образованием (Голубович был инженер) являлся такой ценной величиной, что уже в силу одного этого считался кандидатом на все высшие посты. Злые языки утверждали, что профессор Грушевский, истинный режиссер всех таких махинаций как «министерский кризис», «формирование кабинета» и т. д., умышленно выдвигал людей бездарных и безличных, чтобы ему легче было самому ими управлять».

Сталин: «Между русским и украинским народами нет конфликта»

А вот петроградские большевики не испытывали недостатка в сильных личностях. Уже 23 ноября (6 декабря) 1917 года в «Правде» появилось интервью с только что назначенным народным комиссаром по национальным делам товарищем Сталиным. Нарком заметил, что центральная власть, которую «избрал Всероссийский съезд советов», признает за всеми национальностями бывшей Российской империи право на полное самоопределение, вплоть

до отделения и создания самостоятельного государства. Но воля нации должна определяться путем референдума. Власть же в Украине должна принадлежать не просто кучке людей, а «всей совокупности рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

«Мы все думаем, – заявил Сталин, – что абсолютно необходимым есть съезд представителей рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины. Нам непонятно то недоверие, с которым украинцы относятся к идее такого съезда».

Мы все считаем, что вы – киевляне, одесситы, харьковчане, екатеринославцы и другие, должны немедленно взяться за созыв такого съезда, конечно, совместно с Радой. Если же она откажется сотрудничать с нами в этом деле, то созвать его без Рады».

В том же интервью нарком обвинил Центральную Раду в империализме и назвал ее недемократическим учреждением: «Это видно еще из того, что Рада сверху присоединяет к себе все новые и новые губернии, не спрашивая жителей этих губерний, хотят ли они войти в состав Украины. Мы все тут думаем, что в таких случаях вопрос должен и может быть развязан только самим населением путем референдума. Поскольку Рада этого не делает, а сверху аннексирует новые губернии, она сама разоблачает себя, как организацию недемократическую. Съезд советов Украины должен дать, между прочим, мысль о способе опроса населения в вопросе о принадлежности к той или иной области».

Война между Радой и Совнаркомом «за губернии» была неминуема. Через две недели в той же «Правде» появилась статья Сталина «Генеральный секретариат Рады и кадетско-калединская контрреволюция», в которой нарком совершенно справедливо напомнил, что Центральная Рада встала в Киеве на сторону белых, пропустив верные Временному правительству войска на Дон к генералу Каледину, а революционные войска против Каледина «не пропускает». «Только в этом дело, – писал Сталин. – Между народами России, между русским и украинским народами нет никакого конфликта. Вместе боролись они против царизма и керенщины, вместе же доведут они нынешнюю революцию до полной победы. Конфликт существует только между Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Генеральным секретариатом Рады».

Никто не хотел ехать под Круты

На одном из телевизионных ток-шоу меня настойчиво допытывали: то, что произошло 29 января 1918 года под Крутами – это героизм или трагедия? Я намеренно ушел от однозначных определений, сказав, что у нас найдется множество людей, готовых ринуться в словесный бой друг с другом по этому поводу. Одни будут доказывать, что студенты, павшие на этой железнодорожной станции, были героями. Другие назовут их жертвами. Но при этом сами спорщики в большинстве своем даже не представляют, что происходило накануне боя под Крутами, во время боя и после него.

По моему же мнению, Украине не хватает не хлестких ярлыков, а обычного анализа. Без лишних эмоций. Историю нужно рассказывать так, как она была. Невзирая на политические симпатии и личные пристрастия. Это касается в том числе и боя под Крутами. Хотя бы потому, что множество его участников уцелело и оставило воспоминания об этом событии. Профессиональные историки хорошо знают эти документы. Но, цитируя их, предпочитают умалчивать самые острые места, сбиваясь на привычные штампы, вроде: «Чорний вал червоного нашестя» и «День слави і печалі».

Круты стали поводом для создания политического мифа, потому что среди убитых там

оказался племянник министра иностранных дел Центральной Рады Александра Шульгина – Владимир. Членам Центральной Рады, вернувшимся в Киев в хвосте немцев, было совестно перед своим коллегой. Все они были живы и здоровы. Все во главе с Грушевским и Винниченко благополучно бежали под защиту германского оружия. И только в одной из семей, волей революционных событий вознесенных в тогдашнюю украинскую «элиту», случилась трагедия. Как же было не сделать «приятное» своему же брату-министру?

Но были и другие причины. Вместе с Владимиром Шульгиным погибло еще почти три десятка совсем молодых мальчишек – студентов и гимназистов. Привыкшее за время Мировой войны к жестокости общество было трудно чем-либо поразить. То, что взрослые гибнут на фронтах даже не тысячами, а миллионами, уже стало привычным. Газеты за 1914–1917 годы пестрели бесчисленными фотографиями погибших офицеров. Но эти лица мужчин в погонах, отмеченные похоронными крестиками, уже, простите, не трогали. Нервы публики огрубели. Общество нуждалось в чем-то особенно сентиментальном. Это понятно. В массе своей люди эгоистичны. Только сыграв на самых уязвимых точках их психики, можно вызвать сочувствие. А что более поддается манипуляциям политтехнологов, чем родительский инстинкт?

Именно поэтому символом эпохи стала песня киевлянина Александра Вертинского «Я не знаю, зачем и кому это нужно...» – о юнкерах, погибших в ноябре 1917-го в московских боях с Красной гвардией, и стихотворение будущего советского классика Павла Тычины «На Аскольдовій могилі поховали їх» – о тридцати «мучнях», сложивших головы под Крутами.

Старый, хитрый, горячо любящий свою единственную дочь Катю, которую не нужно было посылать в армию, председатель Центральной Рады и большой специалист по сочинению различных «историй» Михаил Грушевский безошибочно выбрал тему для очередной народной «сказки». Перезахоронение «крутян» стало, извините за прямоту, первым «праздником» украинской власти, за которым и донныне «верхи» любят скрывать свою трусость и непрофессионализм. Культ официального государственного мазохизма начался с Крут. «Детьми» в гробах отвлекали внимание от своих лукавых лиц и вертлявых политических задниц. Хотя бой под Крутами был отнюдь не детским делом. Немногочисленные «дети» попали туда по своему почину. И никто из взрослых дядь в Центральной Раде даже не попытался их задержать.

Махно в гостях у Ленина

В июле 1918 года Нестор Махно находился накануне своей всеевропейской славы и переодетый в форму царского офицера пробирался из Москвы на свою родину в Гуляйполе.

Нестор Махно всегда пользовался популярностью у деятелей искусства. «А у батьки у Махна волосня густая», писал еще в 20-е годы советский поэт Эдуард Багрицкий. Он стал персонажем кино и литературы еще при жизни – героем романа Алексея Толстого «Хождение по мукам», выдержавшим две экранизации и главным «злодеем» в фильме «Александр Пархоменко».

«Батька», давно состригший космы, сидел в эмиграции в Париже, а в СССР шел о нем немой приключенческий фильм «Красные дьяволята» (предшественник «Неуловимых мстителей»), юные герои которого, в отличие от чекистов, с успехом поймали главного анархиста бывшей Российской империи. И даже в последние годы о нем пели группа «Любэ» («Батько Махно смотрит в окно, за окном темным-темно...») и «лысый и босый» Иван

Миколайчук («Нестор Иванович – батько наш!»...). Человек-легенда – лучше не скажешь!

Изумляла анархистская республика в Гуляйполе и немногих очевидцев, оставивших о ней воспоминания. «То, что мы увидели в селе, нас несказанно поразило, – писал в вышедших в 1922 году в Берлине мемуарах некий Н. Герасименко. – Нам казалось, что мы присутствуем при нелепом маскараде. Возле опрятных хат толпились люди. Воистину это была современная Запорожская сечь, и нужна была мощная репинская кисть, чтобы изобразить на полотне эти ярко-красочные, нелепые, дикие фигуры. Большинство из махновцев было одето в белые цветные фуфайки, на ногах болтались необычайной ширины шаровары с красными поясами вокруг талии, концы которых спускались почти до земли. Вооружены все были до зубов. Помимо шашек и револьверов, у многих за поясами торчали ручные гранаты, а пулеметные ленты, очевидно как щегольство, висели по поясам или висели через плечо. Как бы дополняя полноту картины тут же, у стен, валялись винтовки и кое-где понуро торчали пулеметы».

Фотографии подтверждают достоверность этого «исторического полотна». Правая рука Нестора Махно матрос Федор Щусь на снимках неизменно позирует в невообразимо прекрасном наряде, перед которым меркнет фантазия современных кутюрье – матросскую бескозырку с ленточками, оставшуюся от флотской службы, он носил вместе с гусарским доломаном, расшитым шнурами, щегольскими галифе и парадной кавалерийской саблей образца 1827 года в металлических ножнах. А на шее вместо кулона у этого модника болтался кавказский кинжал! Чтобы не испортить все это великолепие, в дождливую погоду Щусь дополнял свой туалет прорезиненным непромокаемым плащом. Простые, имевшие более скромные возможности махновцы тоже запечатлены на снимках в самых невероятных комбинациях стиля «милитари». Рядом с папахами попадают персонажи в гвардейских дореволюционных киверах, трофейных австрийских кепи, двухплечном офицерском снаряжении с узорчатыми запорожскими поясами поверх ремней – ни одна революционная армия, что красная, что белая, не могла соперничать с махновцами в дембельской «элегантности».

Тот, кто видел знаменитую махновскую тачанку, поймет, что в переводе на современную терминологию эти молодцы рассекали по степи на мерседесах. По происхождению тачанка – экипаж немецких колонистов. В гуляйпольском музее стоит такая – упругие рессоры, изящная откидная подножка, чтобы было удобнее заскакивать вовнутрь, и поворотная передняя ось, позволявшая закладывать лихие виражи. Это не крестьянская телега! Это почти что «феррари»!

Но в июле 1918 года ничего этого еще не было. Была гетманская Украина, австро-немецкая оккупация и кайзеровские отряды по деревням. А сам Махно, переодетый в форму царского офицера и еще не отпустивший свою знаменитую «волосню», пробирался из революционной Москвы на родину. По крайней мере, так он утверждал в своих мемуарах, вышедших в Париже. Многие исследователи отрицают достоверность этого маскарада. И напрасно. Оккупационная армия контролировала, прежде всего, железные дороги. Махно ехал домой на поезде. Офицерские погоны и поддельные документы идеально гарантировали его безопасность. Как следует из многочисленных воспоминаний, бывших царских офицеров немцы и австрийцы не только не преследовали, но наоборот поддерживали – те совершенно свободно разгуливали по Киеву и другим городам. Сойти за так называемого «офицера военного времени» (из «простых» – то есть сыновей зажиточных крестьян) Махно вполне мог. Тем более, что разговаривал он преимущественно по-русски, а «родного» украинского

языка, как признавался в воспоминаниях, почти не знал.

Вообще стоит почитать книжку Нестора Махно, чтобы лишний раз убедиться: никакой украинской нации тогда не существовало. Украина для большинства ее жителей была понятием географическим, а не политическим. Посудите сами, Гуляйполе находится на территории земель бывшей Запорожской сечи. И Махно, и его соратники носят типично «украинские» фамилии – Каретник, Марченко, Гавриленко, Куриленко, Виктор Белаш (начальник штаба анархистской армии), Лепетченко, Щусь. Но украинцами они себя не считают. Наоборот, являются злейшими врагами Симона Петлюры! В начале 1919 года, сразу после антигетманского переворота, петлюровцы займут Екатеринославль. А махновцы их тут же выбьют из города! Дважды за гражданскую войну – в том же 1919-м и в конце 1920-го Махно будет поступать на службу к красным. Но на союз с Петлюрой не пойдет никогда!

Ни в одном из советских фильмов, где Махно представлен обычным бандитом, нет разговора Нестора Ивановича с Лениным. Зато в парижских воспоминаниях Махно такой эпизод есть. Оказавшись в июне 1918 года в Москве, он добился через Свердлова аудиенции у вождя российской революции. По его словам, тот набросился на него с вопросами: «Первое: из каких я местностей?.. Затем: как крестьяне этих местностей восприняли лозунг «Вся власть Советам на местах», и как реагировали на действия врагов этого лозунга вообще и Украинской Центральной Рады, в частности? И бунтовались ли крестьяне моих местностей против нашествия контрреволюционных немецких и австрийских армий?».

Махно сказал, что лозунг «Вся власть Советам на местах» – «по-крестьянски значит, что вся власть и во всем должна отождествляться непосредственно с сознанием и волей самих трудящихся». И добавил, что он сам так считает. «В таком случае, крестьянство из ваших местностей заражено анархизмом», – заметил Ильич. «А разве это плохо?» – спросил Махно. «Я этого не хочу сказать, – ответил Ленин. – Наоборот, это было бы отрадно, так как это ускорило бы победу коммунизма над капитализмом и его властью».

Незадолго до этой встречи большевики разгромили московский центр анархистов. Терпеть бузу в своем тылу они не желали. Зато развести анархизм за спиной гетмана Скоропадского и немцев Ленину показалось очень своевременной идеей. Вот как описывает завершение этой беседы Махно: «Заметив, что я начал постепенно таять перед его красноречием, он вдруг, совершенно неожиданно для меня спросил: «Итак, вы хотите перебраться нелегально на свою Украину?» Я ответил: «Да», «Желаете воспользоваться моим содействием?» «Очень даже», – ответил я. Тогда Ленин обратился к Свердлову со словами: «Кто у нас теперь непосредственно стоит в бюро по переправе людей на юг?» И, выяснив этот вопрос, подхватил: «Так вот, товарищ, зайдите завтра, послезавтра, или, когда найдете это нужным, к товарищу Карпенко и попросите у него все, что вам нужно для нелегальной поездки на Украину. Он вам укажет и надежный маршрут через границу. «Какую границу?» – спросил я его. «Разве вы не знаете? Теперь установлена между Россией и Украиной граница. Она охраняется немецкими войсками». «Да вы же считаете Украину югом России»», – заметил я ему. «Считать – одно, товарищ, а в жизни видеть – другое», – ответил Ленин».

Так, с поддельными документами Махно оказался в поезде, следующем на юг. Можно только удивиться, как вождь оценил потенциал этого «ходока». «Зачем в Москве такой талантливый беспокойный человек? – по-видимому, подумал Ленин. – А на Украине он будет на своем месте – вредить нашим врагам».

Я далек от того, чтобы выставлять веселого кремлевского беса непогрешимым

провидцем. Но это моментальное решение картавого лысого коротышки имело глобальные последствия. Махно фактически взбунтовал весь юг Украины. Он развалил тыл сначала Петлюре, а потом и белой армии в тот самый момент, когда осенью 1919 года она наступала на Москву. Удар махновцев в спину генералу Деникину белогвардейские историки будут называть главной причиной провала контрреволюции. Подсаженный в нужное время и в нужное место вирус анархизма уничтожил врагов большевизма на «юге России» и сам обессилел в этой борьбе. После этого кремлевским «докторам» оставалось только изгнать ослабленную «бактерию» из страны. До конца жизни Нестор Иванович так и не отдал себе отчет, что его страстность использовали в темную.

Несмотря на иностранное звучание, анархизм – чисто славянское, русское изобретение. У истоков его стояли два аристократа – Михаил Бакунин и князь Петр Кропоткин. Оба они были помещиками и офицерами, но от великосветской скуки подались в бунтари и большую часть жизни провели за рубежом. Бакунин дружил с Карлом Марксом. Кропоткин – прославился побегом из Царской тюрьмы. Однако по натуре они являлись полными противоположностями. Кропоткин муху не мог обидеть. Он испытывал отвращение к кровопролитию и настаивал только на мирных методах борьбы, грезя о всеобщем братстве трудящихся без убийств и насилия. В противовес ему Бакунин отличался принципиальной аморальностью. Он считал, что революционер имеет право на любой обман и жестокость, лишь бы восторжествовала справедливость. По мнению этого идеолога мирового переворота, гибель сотни невинных жертв ради уничтожения всего одного врага революции, вполне оправдана...

За красную звезду и двуглавого орла!

А потом осенью в боях под Орлом и Курском произошел перелом в Гражданской войне. И за белых, и за красных сражались целые полки из украинцев.

Перелом в Гражданской войне произошел там же, что и впоследствии в Великой Отечественной – под Орлом и Курском. Но о Курской дуге все знают, а о битве за Курск между белыми и красными осенью 1919 года известно только узким специалистам да любителям военно-исторических реконструкций.

А ведь в тех позабытых ныне боях определилась наша история на долгие-долгие годы. Могла же она повернуть совсем иначе – маятник качался, чашечки весов поднимались и опускались. Это задним числом легко рассуждать о железных «закономерностях» исторического развития. А в реальности одна удачно брошенная песчинка могла оказаться решающей – той самой, благодаря которой на башнях Кремля утвердятся красные звезды вместо двуглавых орлов, а в Харьков, откуда началось белое наступление на Москву, придет новый правитель УССР – Лазарь Моисеевич Каганович, чтобы парадоксально продолжить дело не раз битого большевиками Петлюры и провести в Малой Руси тотальную украинизацию.

Разве могли рядовые красные, белые и петлюровцы догадываться, что на самом деле «мочат» они друг друга в братоубийственной войне ради... успешной партийной карьеры совершенно неизвестного им пока Лазаря Моисеевича? Да, возможно, и сам Лазарь Моисеевич еще не догадывался о подлинном смысле Гражданской войны, по молодости, думая, что она ради мировой революции затеяна. А, может, и догадывался – кто его, хитреца, из деревни Кабаны Киевской губернии знает?

«В смутные годы российского лихолетья на Украине обозначились три силы, – вспоминал в эмиграции в мемуарах, озаглавленных «На Украине в 1919 году», бывший белогвардейский офицер Василий Матасов, – общероссийские белые, общероссийские красные и марксистско-самостийнические. Украина и голосами, и действием предпочла идею общероссийскую».

Большинство жителей Украины ориентировались на общероссийские ценности – революционные или контрреволюционные. В боях под Орлом и Курском с обеих сторон сражались друг против друга люди с украинскими фамилиями. У красных – бригада Червоного казачества. У белых – целые полки, сформированные из жителей Украины и даже пленных махновцев. Не говоря о многочисленных офицерах-украинцах, считавших себя малороссами, частью триединого русского народа, который нужно вытаскивать из всероссийской смуты.

Не падайте духом, поручик Стаценко! Раскрываю наугад воспоминания о боях осени 1919-го за Курск. Прославленная Марковская дивизия – одна из самых героических в Добровольческой армии – лобовой атакой берет сильно укрепленные позиции красных. Те не выдерживают, выскакивают из траншей и пускаются наутек. И сразу же на страницах вспыхивают украинские фамилии: «Нагонять противника поскакали командир батальона капитан Перебейнос, начальник пулеметной команды поручик Стаценко с верховыми» (Цит. по сборнику мемуаров «Марков и Марковцы»), Впоследствии тот же пулеметчик поручик Стаценко вспоминал о взятой ими «красной крепости» Курск: «Окопы были полной профили, с проволочными заграждениями в три кола, с ходами сообщения, с артиллерийскими щелями, со скрытой под землей телефонной связью по фронту и в глубину с землянками и убежищами. Почти каждый стрелок в окопах имел стальной щит. Неимоверное количество гранат валялось повсюду. Взяв такие окопы, мы ахнули. Просто не верилось, что с нашими силами и к тому же почти без потерь мы взяли так хорошо оборудованную позицию». Да, что там говорить, если даже автором знаменитой песни «Не падайте духом, поручик Голицын» был генерал-поэт Георгий Гончаренко! И сколько еще их, таких капитанов Перебейносов и генералов Гончаренко сражались под трехцветным флагом за общую белую Русь! А другие – за Русь красную. К примеру, прославленный командарм-танкист Великой Отечественной Рыбалко и сын известного украинского прозаика Михаила Коцюбинского – Юрий, воевавшие в бригаде Червоного казачества.

14 октября, по новому стилю, наступление белых достигло пика. В этот день Корниловская дивизия захватила город Орел. Американская газета «Нью-Йорк таймс» написала: «Крушение большевизма – дело ближайших дней». Русские газеты, сочувствовавшие белогвардейцам, запестрели призывами: «Орел – орлам!» Даже командующий Добровольческой армией генерал Май-Маевский полагал, что возьмет Москву к декабрю.

Несмотря на успех наступления, большевики не были окончательно сломлены. В распоряжении Реввоенсовета оставались силы, которые можно было перебросить с других направлений. На Западном фронте было заключено перемирие с поляками и петлюровцами, боявшимися, что белые восстановят дореволюционную империю. На юг срочно перебрасывалась дивизия красных Латышских стрелков и бригада Червоного казачества – национальная часть, сражавшаяся за социалистическую Украину в союзе с красной Россией.

Из них создали ударную группу, которая должна была подрезать левый фланг наступающих белых в районе городка Кромы. Латыши считались одной из лучших частей

Красной армии. Теперь, когда в Латвии любят говорить о советской оккупации 1940-го, им бы следовало вспомнить, что советская власть никогда бы не победила в России без героической помощи горячих латышских парней. Именно латыши спасли кровавый режим Ленина-Троцкого. Ирония истории заключается в том, что «доброе» дело никогда не остается безнаказанным. Кто же мог предположить, что установленная латышским штыком тоталитарная власть вернется в Латвию уже на русских штыках? И чего, спрашивается, искали латыши в России под Курском? Ловили бы себе шпроты на Рижском взморье и горя не знали!

15 октября Ударная группа красных заняла Кромы. Над белыми нависла угроза обхода с тыла. К сожалению, их командование слишком поздно оценило эту опасность. Вместо того, чтобы одним махом отрезать латышскую голову красной гидры, кинув на нее, как минимум дивизию, ограничились ударом одного 2-го Корниловского полка. Но и он дрался отменно. По свидетельству советской «Истории латышских стрелков», «Латышская дивизия в Орловско-Кромских сражениях потеряла более 50 % командного и до 40 % рядового состава... Бригада червонных казаков потеряла около 33 % конников и отдельная бригада П.А. Павлова – до 30 % бойцов». Эти цифры показывают, каков был накал сражения – 2-й Корниловский полк, в котором служили в основном уроженцы Украины, дрался отлично. Но и его силы были на исходе.

Противоречивость гражданской войны, которая не укладывается ни в старые советские, ни в новые националистические схемы, доказывают факты, буквально взрывающие идеологизированные «теории». К примеру, 2-й полк Корниловской дивизии Вооруженных сил юга России был сформирован из (сложно представить!) пленных махновцев. Как же так, корниловцы – «контрреволюционное офицерье», элита белой армии, названная по ее первому командующему генералу Корнилову, и какие-то махновцы? А вот поди ж ты! Против фактов не попрешь!

«После успехов на фронте, – вспоминал офицер-корниловец Михаил Левитов, – большое количество пленных махновцев и красноармейцев направляются на формирование полка. Капитан Пашкевич не сторонится офицеров, перешедших к нам от красных, и усиленно собирает их... Полтора месяца усиленной работы – и Ростов-на-Дону с изумлением отмечает появление вновь созданного полка, которому волей главнокомандующего суждено было стать 2-м Корниловским Ударным полком».

Обратите внимание: пленных из разных мест белые не расстреливают, а транспортируют в Ростов, где из них же формируют новую часть. «Полк сразу был поставлен на должную высоту, – продолжает Левитов, – старые корниловцы постоянно вели беседы с солдатами о России, о ее былом величии и теперешнем унижении, о целях и смысле борьбы, начатой генералом Корниловым. Махновцы вели себя примерно. Не было случая, чтобы кто-либо продал выданную пару белья или другую принадлежность обмундирования, они были всегда трезвы, исполнительны и добросовестно несли службу. По вечерам они собирались и пели песни».

Сегодня из махновцев задним числом тоже лепят «украинских патриотов». Но приведенный отрывок убедительно свидетельствует: хлопцы волосатого батьки легко становились белогвардейцами. «Махновскому» 2-му Корниловскому полку пришлось сыграть выдающуюся роль в наступлении на Москву. Именно Корниловская дивизия захватила Орел, продвинувшись дальше всех белых к столице красной России.

Белым удалось задержать Ударную группу красных под Кромами. Но в затяжных боях

они исчерпали свой потенциал. Для дальнейшего наступления на Москву уже не хватало сил. Через несколько дней белогвардейские части стали медленно откатываться на юг, оставив сначала Орел, а потом Курск. Отступление их закончилось только в Новороссийске, откуда остатки армии Деникина эвакуировались в Крым, где над ними принял командование генерал Врангель.

Почему так случилось? Потому что в руках красных находился центральный промышленный район с Москвой и хорошо развитой сетью железных дорог, по которым было удобно перебрасывать войска.

У красных не было недостатка ни в вооружении, ни в боеприпасах, ни в обмундировании. Официальные советские источники никогда не скрывали огромный численный перевес армии большевиков.

Войска Южного фронта красных насчитывали осенью 1919-го 75 тыс. штыков и сабель, 278 орудий и 1119 пулеметов. А противостоящая им Добровольческая армия деникинцев – всего 45 тыс. штыков и сабель, 93 орудия и 403 пулемета.

По пушкам и пулеметам красные превосходили белых в три раза, по людям – в 1,7 раза. Но и при этом соотношении белые несколько месяцев успешно наступали! Но бесконечно так продолжаться не могло. Энтузиасты-добровольцы гибли в боях, белые дивизии теряли качество личного состава. А заменить их равноценным человеческим материалом уже было не из кого.

Как Лазарь Моисеевич с Израилем Юделевичем Украину украинизировали

У нас обожают говорить о «русификации», насаждавшейся царской Россией и СССР. Но очень не любят вспоминать о насильственной украинизации 20-х годов, проведенной советской властью. Историки хорошо знают о ней все. Но на официальном уровне в нашей «свободной» стране их не слышат.

Специально возьму для примера очень известную книгу «Украина: история» канадского профессора Ореста Субтельного. В начале 90-х она была бестселлером. Выдержала несколько изданий огромными тиражами. Так что, найти ее и проверить мои слова – проще простого. Достаточно заглянуть в любую библиотеку или на книжный рынок «Петровка».

«У 1923 р. на XII з'їзді партії, – пишет Субтельный, – її керівництво поклато початок політиці коренізації. Воно закликало спільними зусиллями добитися, щоб у партію та державний апарат йшли не росіяни, щоб службовці вивчали і користувалися місцевими мовами, щоб держава підтримувала культурний і соціальний розвиток інших народів. Український різновид цієї політики називався українізацією.

Перш ніж братися за українізацію, належало провести зміни в партійному керівництві України. Це керівництво переважно складалося з присланих із Москви радянських урядовців чи місцевих євреїв. В основній масі вони не виявляли великого розуміння необхідності українізації й ще менше були схильні втілювати її».

Субтельный не особенно распространяется о причинах такого непонимания в украинских партийных кругах. Но она заключалась в следующем. До революции украинцы считались частью единого русского народа, состоявшего официально из трех ветвей – великорусской, малорусской и белорусской. Жители городов разговаривали на русском языке. И даже крестьяне предпочитали читать написанные по-русски книги.

Революция показала, что подавляющая масса населения Украины не поддержала курс Центральной Рады на отделение. Большинство украинцев сражались или в красной, или в белой армиях, или у батьки Махно и других атаманов. На Грушевского, а потом Петлюру ориентировалось меньшинство.

Победив в Гражданской войне, красные создали Украинскую социалистическую советскую республику, включив в нее, кроме традиционных «малороссийских» областей (бывшей Гетманщины Богдана Хмельницкого), еще и три новороссийские губернии – Таврическую, Екатеринославскую и Херсонскую, завоеванные в XVIII веке у татар Екатериной II, а также Донбасс, относившийся до этого времени к Области войска Донского.

Сделано это было, чтобы наказать донских казаков, поддержавших в Гражданской войне белых, и разбавить крестьянскую массу украинского народа рабочим классом востока и юга. Но разговаривал этот рабочий класс, естественно, по-русски. На это справедливо указывали московскому руководству некоторые местные коммунисты, например, видный деятель компартии Дмитрий Лебедь, который говорил, что русская культура связана в Украине с прогрессивным пролетариатом и городом, а украинская – с отсталым крестьянством.

«Хоч ідеї цього діяча поділялися багатьма його зверхниками у Москві, їх вважали передчасними, – продолжает Субтельный, – тому його та ряд інших визначних партійних чиновників-неукраїнців відкликали. На їхні посади призначили таких лояльних і дисциплінованих представників Москви, як Лазар Каганович (український єврей, котрий очолив партапарат України й був готовий проводити лінію партії на українізацію), або українців, які щиро зичили успіху українізації».

Сегодня у Лазаря Моисеевича в Украине плохая репутация. Ультранационалисты регулярно называют его «катом украинского народа». А ведь какая несправедливость! Именно этот «кат» и взялся со всей свойственной ему энергией за воплощение в жизнь политики украинизации – то есть переучивание горожан, независимо от их происхождения, на украинский язык села.

Дело это было в высшей степени непростое. Ведь никакого выработанного литературного языка, понятного большинству «украинцев», которых срочно в массовом порядке создавали по приказу из Москвы, не существовало! Помните, как тужил по этому поводу Евгений Чикаленко?

Но то, что приводило в ступор просвещенного украинца Чикаленко, совершенно не смущало еврея Кагановича. Если эти так называемые украинцы не желают говорить на этом никому не понятном, новоизобретенном украинском языке, мы их заставим! Заставим со всей большевистской энергией и энтузиазмом! И горе тем, кто нам не подчинится – партия ему покажет кузькину мать!

Кагановичу деятельно помогал бывший комиссар юстиции Николай Скрыпник, переквалифицировавшийся в наркома просвещения. В 1923 году партийным и государственным чиновникам приказали пройти спецкурс украинского языка. Через два года его ввели в государственную переписку. А в 1927-м Каганович постановил, что все партийное делопроизводство будет вестись только по-украински.

«Працюючи з майже одержимою заповзятістю», по словам Субтельного, Скрыпник добился того, что более 80 % общеобразовательных школ преподавали на украинском языке. Пик украинизации совпал, как ни странно, с голодомором 33-го года, когда кулачество стали уничтожать как класс. Именно в этом году из 426 газет республики 373 выходили на украинском языке. А если мы посмотрим на снимки этого периода, то обнаружим, что все

лозунги, призывающие уничтожать кулаков, написаны на украинском языке.

В городах, где традиционно разговаривали по-русски, а также в Новороссии, в которой разговорным исконно был только русский язык, политику Кагановича и Скрыпника воспринимали когда с иронией, а когда и с откровенным раздражением. Профессор Толстой из Одессы даже высказался с полной откровенностью: «Я считаю всех товарищей, которые перешли на чтение лекции на украинском языке, ренегатами».

Постепенно и в Москве начали понимать, что перегнули палку, заставив украинизироваться, словно стричься под горшок. Официально считается, что с середины 30-х курс на украинизацию стали сворачивать. На самом деле это не так. Его просто смягчили, добавив в школы вторым языком русский. Но большинство книг, газет, а в 50–70-е годы и телепередач продолжали выпускать только на украинском языке.

Сложилась удивительная ситуация. Народ хотел читать по-русски, а Спілка письменників впаривала ему свою продукцию на украинском по принципу – лопай, что дают. Партия и правительство поддерживали эту политику. Хорошо помню, как в середине 80-х я ходил в литстудию при Киевском доме ученых. Почти все участники ее – городские молодые люди – писали по-русски. Но публиковаться было негде! В УССР выходил только один русскоязычный литературный журнал – «Радуга». Самодовольные члены Союза писателей, иногда заглядывавшие к нам, важно надувались в ответ на наши претензии: «От напишете щось путне, тоді й опублікують!» Нас они не слышали – ведь их защищала советская государственная монополия.

У нас любят рассказывать о жестокости советского режима по отношению к сознательным украинцам в 20-е годы. На самом деле это не так. Разбив Петлюру, большевики сразу же стали переманивать бывших петлюровцев на свою сторону. В Украину из эмиграции приехал Юрко Тютюнник – бывший генерал УНР. На родине он занялся литературной деятельностью. Советское государственное издательство в Харькове уже в 1924 году выпустило его мемуары «С поляками против Украины».

Его судьбу повторили и многие другие известные по школьным хрестоматиям «письменники». Например, популярный юморист Остап Вишня. При царском режиме он окончил военно-фельдшерскую школу в Киеве. Но медициной занимался недолго. Во время «визвольних змагань» гражданской войны пописывал юморески для петлюровских газет. А потом занялся тем же в газетах советских. Между прочим, откликнулся в свойственном ему сатирическом стиле и на убийство Петлюры в Париже. Не сдержался! А мог бы! Ведь служил когда-то головному атаману!

Бывший офицер русской армии Петро Панченко оказался сначала в петлюровской артиллерии, а потом... в советском союзе писателей Украины. Петлюровскую молодость он вспомнил в повести «Голубые эшелоны», описав режим УНР как республику на колесах. А потом сочинял для детей – о хороших красных и плохих петлюровцах и белых. Как он так перестроился – уму непостижимо! Я б не смог!

Но самым знаменитым экс-петлюровцем на службе советской литературе был Владимир Сосюра. Совсем молодым мальчишкой он дослужился до бунчужного – по-нынешнему сержанта. Потом вместе со своим командиром – атаманом Волохом перешел к красным. Как утверждал впоследствии, по убеждению. А дальше пошло-поехало – поэмы про Мазепу в перемешку с поэмами, восхваляющими советскую власть. От перенапряжения и внутренней раздвоенности чуть не сошел с ума. Даже сидел в харьковской «дурке». Несмотря ни на что, оставил очень талантливую книгу «Третья рота» – о своих приключениях в 1918—1920-м

годах. Советую почитать – замечательно описано, как петлюровцы расстреливали пленных. Вышла книжка уже при независимости. В советские времена цензура не пропускала ее из-за натуралистических сцен.

Служил в молодости у Петлюры и автор фильма «Щорс» кинорежиссер Довженко. Попал в плен к красным. Но те его не съели и не порезали его кожу на кобуры для наганов, а выучили на «кіномитця». Выучился так славно, что в разгар голодомора снял классический фильм «Земля» – о сытых наглых кулаках, убивающих на селе коммунистов. В действительности все было наоборот. Но Довженко предпочитал этого не замечать – жить же надо было! Числился он и по Союзу писателей – как автор сценариев.

Всеми этими бывшими головорезами из петлюровских банд, неожиданно превратившимися в деятелей культуры, надо было кому-то руководить. В 1934 году образовали Союз писателей Украины.

Его главой назначили Израиля Юделевича Кулика – уроженца города Шпола на Черкащине. В независимой Украине ему не повезло из-за национального происхождения. Очень уж не любят вспоминать у нас, что первым председателем украинского Союза писателей был еврей. Тем не менее, это факт, против которого, как говорится, не попрешь.

Большинство уроженцев Украины, до революции окончивших гимназию и занимавшихся литературой, бежали от политики украинизации в Москву. Так поступили Валентин Катаев, Ильф и Петров, Бабель, Булгаков, Нарбут. А согласившимся украинизироваться литераторами рулил из Харькова Кулик. Это было его «болото».

Человек этот имел необычную биографию. Родившись в 1897 году, он поступил в Одесское художественное училище, а потом в 17 лет эмигрировал в США. Работал там на шахтах Пенсильвании и пописывал на русском языке в социал-демократическую газету «Новый мир». Узнав о революции, бросился в Россию и уже в октябре 1917-го руководил в Киеве ревкомом. А в декабре того же года стал самым молодым членом Советского правительства Украины – наркомом иностранных дел. В 20-е годы работал консулом в Канаде. И только потом наставлял на путь истинный писателей. Кончил плохо – расстрелян в 1937-м году. Между прочим, как украинский националист. В книге «Писатели Украины – жертвы сталинских репрессий» цитируется его признание на следствии: «Я настільки зрісся з українськими націоналістами, що коли... запропонували мені – єврею – вступити до української націоналістичної контрреволюційної організації, я розцінив це як висунення мене на роль «рятувальника» українського народу».

Жаль, что этот человек, так много сделавший для «украинизации», теперь несправедливо забыт.

Насаждение шевченкомании

Одним из проявлений политики украинизации стал государственный культ Тараса Шевченко, который внедряли в массы коммунисты. Перед Первой мировой войной попытки установить в Киеве памятник Шевченко вызвали недовольство общественности. Против монумента этому «религиозному и политическому анархисту» протестовал в своем письме министру внутренних дел в 1914 году киевский священник Алабовский. Большевики эту проблему миглом решили! Памятники Шевченко установили и в Киеве, и в Харькове, и в Каневе, и везде, где можно. Так спешили, что киевское и каневское изваяния Кобзаря отлили из одной формы, как оловянных солдатиков. Именно советская власть стала печатать

произведения Тараса многотысячными тиражами и забивать ими школьную программу.

С утверждением культа Шевченко так спешили, что даже выгнали из домика, где когда-то он снимал квартиру, жильцов. Вот как описывает эту ситуацию академик Сергей Ефремов в своем дневнике 1927 года: «Знайдено на Козиному болоті дімок, де жив колись Шевченко. Академія прибила там дошку з відповідним написом. А київський виконком заходився реставрувати той будиночок... Вигнали пожильців, розруйнували будівлю, обставили риштованням та й... покинули напризволяще. Дві зимі стоїть будинок у такому стані».

Дальше Ефремов описывает, как народ стал разносить эту хату на дрова. Но, видимо, до конца не разнес. Так как сейчас именно в этом домишке в двух шагах от Майдана Незалежности находится филиал музея Шевченко. Довела все-таки советская власть его ремонт до конца!

Союз плуга и трезуба

Престарелый Франц Иосиф пропустил удобный момент для восстановления Польши, после того как русские войска очистили ее в результате Великого отступления 1915 г. Что же делать с Украиной, чтобы не обидеть поляков и не вызвать неудовольствия у своих союзников немцев, старик Прогулкин, которому в год его смерти исполнилось 86 лет, просто не представлял. Преклонный возраст не давал никаких надежд на то, что перед смертью его внезапно посетит озарение, полезное для наследников. А у молодого императора Карла, вступившего на трон 21 ноября 1916 года, до Украины так и не дошли руки. Единственное, что он успел осуществить, – это переименовать официально галицких русинов в украинцев. Целых два года бюрократических раздумий ушло на то, чтобы разрешить труднейшее государственное противоречие: сформированный Австрией из галичан Украинский Легион воюет с Россией, а состоит он из... русинов, что подталкивает личный состав к весьма каверзным вопросам: кто же мы такие, на самом деле?

На самой же Украине – по другую сторону фронта подавляющему большинству будущих «украинцев» это слово оставалось по-прежнему совершенно неизвестным, в отличие от простых и понятных терминов: официального – «малороссы» и неофициального – «хохлы».

Когда работа над этой книгой уже подходила к концу, к одному из киевских букинистических магазинов мне попала потрепанная брошюрка почти столетней давности – историческая повесть Адриана Кащенко «Під Корсунем». На титульной странице ее значилось:

«Катеринослав. Друкарня І. Війсьман і І. Мордхілевич. Феодосійська 9. 1917 р.». Сразу же после выходных данных шло предуведомление жирным шрифтом:

«Як читати українську книжку»

«Хто не знає ще, як саме читати книжки, писані нашим правописом, – поясняв автор, – тому подаємо такі правила:

1. Ъ зовсім не пишеться, бо його ні нащо не треба: пишемо не ракъ, ладь, а рак, лад.

2. Замість Ы пишеться И, й вимовляється це И не мяко, а твердо; написано: рыба, сини, – треба читати рыба, сыны».

Энтузиаст самостийной орфографії пан Кащенко утверждал, что с помощью нового правописания без твердого знака, но с буквой «є» слова украинского языка можно писать «найкраще», что, впрочем, выглядело несколько самонадеянно. Ведь «рак», «лад» и «рыба»

одинаково звучат и по-русски, и по-украински. Однако Кащенко настаивал, что в языковой реформе, которую он пропагандирует, скрыт величайший экономический смысл и прямая народная выгода: «Слова, написані цим правописом, беруть менше місця, а через те й книжки, так друковані, можна видавати і продавати дешевше».

Но главное не это, а то, что в год возрождения Украины, когда в Киеве уже заседает самозванная Центральная Рада, фабрикующая свои универсалы, жителям Украины приходится объяснять, как читать по новому украинскому правописанию, не понятному на тот момент никому, кроме его создателей. Ведь дореволюционная украинская орфография НИЧЕМ не отличалась от общероссийской. В ней красовались те же имперские «яти» и «еры», унаследованные со времен Киевской Руси.

Российские большевики еще не успели отменить эти пережитки царизма. Они возьмутся за правописание только в следующем 1918 году. Но, опережая их, Адриан Кащенко (между прочим, литератор весьма известный в тогдашних узких украинских кругах) объясняет массам при содействии типографской фирмы Мордхилевича и Вейсмана, спешно «украинизировавшегося» в Вийсмана, что глубокая разница между украинцами и русскими заключается в отказе первых от твердого знака – ибо он не нужен – «ні нащо не треба».

В общем, долой твердый знак – хай живэ вильна Украина!

В крохотном подвальчике киевского букиниста на Пушкинской улице с легкомысленной вывеской «Купідон» у входа (согласно кащенковской орфографии) мне удалось поймать переломный момент истории – самое начало насильственной украинизации, которую потом подхватят большевики. Правда, буквально в двух шагах на той же улице все еще тосковали по твердому знаку – название ресторана «ОнегинЪ» даже весной 2013 года в Киеве имело в конце неискоренимый дореволюционный «ер».

И как-то сразу вспомнились слова киевского историка Андрея Стороженко, написанные по окончании гражданской войны: «“Украинцы” – это особый вид людей. Родившись русским, украинец не чувствует себя русским, отрицает в самом себе свою “русскость” и злобно ненавидит все русское. Он согласен, чтобы его называли кафром, готтентотом – кем угодно, только не русским. Слова: Русь, Русский, Россия, российский – действуют на него, как красный платок на быка».

Этот вырвавшийся в запале полемики пассаж можно было бы не цитировать. Но любой честный историк обязан его вспомнить. Дабы передать накал страстей, кипевших в начале XX века, в связи с выходом на сцену удивительных существ, назвавшихся в афише украинцами и устроивших зажигательное выступление с гетманской опереткой и петлюровским гопаком.

Их антрепризу многие не восприняли. Большинство жителей Украины выбрали тогда другие театральные «труппы» – красную, белую, черную (анархистскую) и зеленую (против всех). В том числе и Андрей Стороженко – не просто случайный прохожий, оставивший автограф на заборе истории, а потомок древнего казацкого рода, один из лучших исследователей прошлого старой Малороссии и родной брат Николая Стороженко – директора 1-й Киевской гимназии, воспитавшей Михаила Булгакова. Новшества Грушевского и Петлюры г-н Стороженко не принял и украинизироваться не пожелал – отбыл вместе с белыми в Германию, где и выпустил книгу «Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям».

Объяснять, кто такие украинцы и чего они хотят, должен был и председатель Центральной Рады Михаил Грушевский. В 1917 г. он выпустил целую брошюру с таким

названием («Хто такі українці і чого вони хочуть»). Она начиналась словами: «В Інформаційне Бюро Центральної Української Ради, де даються всякі пояснення в українських справах, записуються запитання, з якими приходять туди люди. Переглядаючи ці запитання, я бачу, як іще багато є людей, які неясно собі розуміють, ЩО таке українці, чого вони хочуть, до чого йдуть, і хто може йти разом з ними»...

Извольте представить эту скандальнейшую картину. Киев. Весна 17-го. В здании Педагогического музея цесаревича Алексея заводится некое самозванное, никем не избранное сообщество, именующее себя Центральной Украинской Радой. Туда приходят киевляне с вопросами: кто вы такие? Чего хотите? «Мы – украинцы!» – гордо заявляют клерки новой бюрократической структуры. «А что такое украинцы?» – настаивают киевляне, так ничего и не уразумевшие из этого ответа. Но сотрудники Информбюро Центральной рады сами неясно представляют, что это за неведомый «зверь» такой, хотя и получают за участие в непонятном представлении жалование, убеждающее их в реальности всего происходящего. А на парадном фасаде наспех «украинизированного» классического здания все еще висит (его снимут только при немцах – в марте 1918-го) двуглавый имперский орел, «высидевший» этих «украинцев». По версии Андрея Стороженко – из русских яиц.

И тогда сам «батько» Грушевский, кряхтя, садится за письменный стол, поглаживает бороду-веник и строчит официальное объяснение, из коего следует, что украинцы – это новая смесь из самых разнообразных племен. Диалектический переход количества в качество! «Подивитися на вигляд Українців – зараз можна помітити, що се люди не одної породи, – виводит на листе бумаги Грушевский, вспоминая лица соратников. – Видно, що се потомки різних народів і племен, що помішалися і злилися в один народ»...

И опять не обошлось без двусмысленностей. Слово «помешаться», как известно, имеет два значения. Перемешаться. И... сойти с ума. Но что взять с профессора Грушевского, выросшего в русскоязычной семье и выучившего «рідну мову» по книжкам – самостоятельно? Он до конца жития своего многохитростного владел ею туго – почти, как иностранной!

Андрей Стороженко вполне согласился бы с Грушевским, что украинцы – потомки различных племен. Однако, этот один из первых исследователей украинского этногенеза, в первую очередь, выделял тюркскую в смеси степную составляющую. И придавал ей злое значение. «Как же понять такой парадокс, что русские ненавидят свою «русскость» как что-то им чуждое и отвратительное? – вопрошал Стороженко в «Украинском движении». – Мы полагаем, что это странное явление может быть объяснено только из учения о расах. Население Южной России в расовом отношении представляется смешанным. Русское в своей основе, оно впитало в себя кровь целого ряда племен, преимущественно тюркского происхождения. Хазары, печенеги, такие мелкие народцы, как торки, берендеи..., половцы, татары, черкесы – все эти племена преемственно скрещивались с русскими и оставили свой след в физических и психических особенностях южнорусского населения»...

“Украинская идея» – это гигантский шаг назад, отступление от русской культуры к тюркскому или берендейскому варварству», – делал вывод Стороженко.

Но не могу полностью согласиться и с мнением автора «Украинского движения». Гайдамаки Петлюры действительно впервые появились в Киеве с татарскими шлыками на шапках. Но, кроме тюркского, в украинском движении не менее важную роль сыграли и другие этнические элементы. Что сами изобретатели новой нации отлично понимали! Предоставим снова слово Грушевскому: «Переглядаючи фамілії українські, побачимо тут і

потомків родин великоруських, і польських, і німецьких, і сербських, і жидівських, що пристали до Українців в різних часах і вважають себе Українцями».

И тут я позволю себе еще одну цитату, которая даст нам возможность уточнить мифические легендарные времена, упомянутые председателем Центральной Рады, как всегда, не договаривающим главное. Михаил Грушевский родился в 1866 году. Но даже через два года после его рождения в книге, изданной в Галичине, еще не подозревающей, что пускающий пузыри в детской кроватке мальчик (пока еще без бороды!) объявит ее «украинским Пьемонтом», население этой австрийской провинции все еще будет называть себя русскими. Вот эта книга. Она тоже есть в моей библиотеке – «Науковий сборник, издаваемый литературным обществом Галицко-Русской Матицы. Год издания четвертый. 1868. Выпуск I и II. Во Львове. В книгопечатне Ставропигийского института».

Открываем на 51-й странице и читаем: «Все народонаселение города Станиславова по народности составляют: Русские, Поляки, Армяне, Немцы, Евреи». Страница 214-я: «Народонаселение Ярославля составляют Русские, Поляки, Немцы, Жиды». Страница 194-я с характеристикой города Яворова: «За исключением евреев и не многих языком различающихся иноплеменников, здешний народ коренно-русский». А где же «украинцы»? А их еще не придумали Грушевский и компания! По малолетству и младенческой беспомощности. Но уже плачет, словно предвидя страшное антирусское грядущее Галичини, автор изданного в 1868 году во Львове научного сборника, настаивая, что Станиславов будет русским городом, «як долго край останется русским», независимо от того «владеет ли в нем династия Сассов или Габсбургов, Польша или Австрия».

Оказывается, даже Галичина во второй половине XIX века все еще ощущала себя русским краем под австро-польской оккупацией! Вынос мозга. Так, кажется, это в просторечии называется? Причем, вынос, имеющий документальные основания в виде огромного корпуса печатных материалов. Наверное, такой же восторг испытывает ученый-палеонтолог, которому удалось обнаружить вымершую переходную форму. Все стало на свои места. Никаких украинцев на Галичине не было не только в XIV веке, как нас учили в советской школе, но и через 500 лет. Украинцы – изобретение XX столетия. Трагическая мутация русского самосознания на самой границе Русского Мира, вызванная польско-австрийским идеологическим облучением.

Степан Шухевич – офицер 33-го полка ланвера, сформированного преимущественно из русинов, и родной дядюшка небезызвестного Романа Шухевича – вспоминал, как произошла эта подмена этнонимов в австрийской армии зимой 1916 года. На фронт прибыл наследник престола эрцгерцог Карл. Он провел смотр полка: «Нас заведено десь далеко-далеко поза фронтом до якогось густого лісу... лежав сніг... урядове наше назвисько було тоді «Рутенен», а слова українець або українці не люблено. Коли Карло підступив до мене, запитав, за що я дістав моє доволі високе відзначення, а опісля запитав, якої народности мої люди. Я відповів, що рутенці.

– Ніяких рутенців, усі українці, – відповів Карло, подав мені руку і пішов перед фронтом моєї сотні...

... від тієї хвили з розказів, наказів, звітів і т. і. в австро-угорській військовій команді зникло слово «Рутенен», а писано та говорено тільки «Українер»».

Чтобы эта этническая мутация обрела легитимность, ей пришлось придумать фальшивую родословную, флаг, герб и гимн. Необязательно этим гербом мог стать знакомый всем трезуб. В 1917 году Михаил Грушевский написал статью «Украинский герб». В качестве

герба новой страны он предложил... золотой плуг на синем фоне, чтобы «этот знак новой Украины занял центральное место в государственном гербе»...

Нетрудно догадаться, что эта идея была подсказана наивным народническим мышлением председателя Центральной Рады. Малороссийское дворянство в XVIII веке просто посмеялось бы над таким предложением. Плуги, грабли и косы – орудия крестьянского труда – не имеют никакого отношения к гербам, являвшимся признаком благородного воинского сословия. Плуг в гербе, с точки зрения геральдики, – это издевка над его владельцем, намек, что он обычный проходимец, решивший присвоить дворянский статус, на который не имеет права. Грушевского все это, видимо, не смущало. Его государство должно было стать державой рабов, понуро бредущих за миражом – золотым плугом.

Но экзотическое предложение полоумного профессора все-таки не прошло – в результате долгих дебатов на синий щит Украины попал не плуг, а трезуб первых Рюриковичей – древний символ феодального рода, создавшего некогда Русь. Отказаться от него, признать, что Украина к Руси не имеет никакого отношения, решительно порвать со всем «русским» в себе и упасть в дорусское прошлое к древлянам и полянам Центральной Раде не хватило душевных сил. Хотя, по логике, вслед за принятием трезуба следовало провозглашать монархию, приглашать Рюриковичей на киевский престол и претендовать на их наследие – Новгород, Полоцк, Владимир-на-Клязьме и всю Великую и Белую Русь впридачу к Руси Малой. Однако суженное «половецкое» сознание первых украинских националистов такой размах не вмещало, протягивая загребуший, но все-таки хуторской взгляд только до Кубани – где мазанки, то и наше!

В реальности Центральная Рада оказалась именно Союзом плуга и трезуба. Чем-то вроде Союза меча и орала из «12 стульев». Ее будущие деятели вымалевывали на картах свою Украину годами. На детскую игру «в государство» они радостно осваивали сотни «грантов» – только в 1909 году австрийское правительство потратило на содержание львовского «научного» общества им. Шевченко во главе с Грушевским 14 000 крон, по постановлению краевого Галицкого сейма, и еще 8000 крон из бюджета имперского Министерства просвещения.

Но к внезапному крушению Российской империи и необходимости взять на себя ответственность за ее осиротевшую без царя окраину, впадшую в смуту, ни профессор Грушевский, ни журналист Петлюра, ни писатель Винниченко оказались совершенно не готовы. Великие дела невозможны без преодоления великих трудностей. К делам же кабинетные мечтатели оказались не способны совершенно, предпочитая витать в наркотических грезах о золотом плуге, который сам упадет им с неба.

Показательно, на что тратились деньги, выделяемые австрийским правительством тому же Обществу им. Шевченко во Львове в уже упомянутом 1909 году. Будете смеяться! На создание «культу Шевченка в його розвитку» и изучение... украинских похоронных обрядов. – Члены этого псевдонаучного сообщества составили тогда перечень вопросов, который требовалось изучить в первую очередь. Привожу только некоторые – самые любопытные:

«1. Які знаки віщують смерть і хто їх видить або чує? Які сни або пригоди проповідують смерть?

<...>

3. Що роблять з тілом небіжчика? Хто його мие, чеше і убирає?.. Де дівають соломку з

сінника, на яким лежав мерлець?

4. Де кладуть мерця, на стіл чи на лавку, куди ногами, і як убирають катафальок?

<...>

6. Хто робить трумну, з чого, коли і за що?»

По-видимому, этот консилиум ученых кретинов изобретал не так Украину, как гроб для нее. Не забывая, впрочем, своих повседневных жизненных нужд – тот же Грушевский на «изучении» технологий истинно украинского гробостроительства умудрился разжиться перед Первой мировой войной особняком во Львове, дачей в Карпатах и многоэтажным «небоскребом» в Киеве, квартиры в котором сдавал внаем – неплохо, видать, кормила бородатого прохиндея «украинская справа»!

Подводя итог неудавшемуся эксперименту по изобретению новой страны, Дмитрий Донцов – идеолог украинского национализма уже следующей, бандеровской, эпохи (и еще один новый «украинец» из щирых москалей) был вынужден признать в том же 1926 году, когда в Париже был убит Петлюра: «Украина, которой жаждем, еще не существует, но мы можем создать ее в собственной душе».

Языческая химера, зародившаяся в душах малочисленной группы интеллектуалов, страдавших малороссийским комплексом неполноценности, требовала новой порции жертв, дабы воплотиться в действительность.

Ведь каждая душа создает только «свою» Украину.

Личную!

... И где найти достаточное количество чистых, праведных душ?

1 июля 2013 г., Киевъ.

(Продолжение следует)

Так заканчивается первая часть вышедшей книги Олеся Бузины. А вы представляете, читатель, что за гигантское полотно было задумано? Ведь впереди – продолжение гражданской войны на территории нынешней Украины, первая столица советской Украины – русскоязычный Харьков, где и зарождался украинский национализм. Ну, а дальше – Голодомор и созидание, репрессии и великие стройки от Днепрогэса до Запорожья, Великая Отечественная, Герои Советского Союза и Бандера с Шухевичем. Весь этот трагический, славный и окровавленный путь к черно-красным знамёнам УНА-УНСО, которые реют над майданом и нынешней Украиной. Неохватный замысел, бездонные исторические глубины и – мелочность, местечковость нынешних деятелей и толкователей. Вот потрясающий контраст, вот подлинная драма Олеся Бузины...

В этой главе составитель пытается представить широту взглядов и интересов журналиста Олесь Бузины, его гражданскую и гуманитарную позицию. Ведь сегодня на Украине ой как не просто оставться честным и совестливым человеком. Просто человеком, наконец! Надо учитывать, среди каких нелюдей и отморожков надо было творить, писать, выступать Бузине. Да просто ходить по улицам. Например, в апреле, когда был убит Олесь, Следственный комитет РФ возбудил уголовное дело в отношении его коллеги – Юрия Романенко. Кто это такой? Звание звучит достойно: политолог, директор Центра политического анализа «Стратагема», шеф-редактор аналитического портала «Хвиля». В 2010 году он предрекал такое будущее Украины: «К 2020 году исчезнут большинство государств, в том числе Россия и Украина. Поэтому территория Украины будет представлять пространство плохо структурированных феодалов под руководством местных лидеров, воюющих между собой». И вот началась реальная война «феодалов» или бандеровских уродов. И что же теперь проповедует кровожадный политолог? «ВСУ должны избирательно и тщательно уничтожать российских журналистов, которые освещают ситуацию в Донбассе. Нужно дать указание снайперам ВСУ, чтобы люди в касках с надписью “Press” являлись приоритетом на уничтожение. Уничтожение нескольких десятков журналистов в зоне конфликта позволит ухудшить качество картинки в российских СМИ, а значит, уменьшить эффективность их пропаганды». В России против него было открыто дело по ч. 4 ст. 33 и пп. «а», «б» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 282 УК РФ (подстрекательство к убийству, разжигание ненависти или вражды). Как оправдывался Романенко, такими призывами он просто попытался внести свежую струю в дискуссию по ситуации на Украине. Но, во-первых, надо напомнить, что для пятерых российских журналистов командировка в Донбасс, действительно, стала последней. А, во-вторых, он сделал это заявление на конференции в Гарвардском университете, отработывая очередной грант, а после этого накануне убийства Бузины опубликовал текст выступления на своей странице в соцсети Facebook под заголовком «Как мы в Гарварде об Украине дискутировали». Надо ж было перед хозяевами по полной отчитаться. Ну а разве Бузина не входил в круг тех, кто должен быть уничтожен, чтобы «уменьшить эффективность их пропаганды»?

Уровень ненависти возрастал на Украине стремительно, люди, в том числе и в победившей власти – тупели и зверели на ходу. А Олесь оставался всё тем же – иронично-безжалостным, но и добросовестно-доказательным. Вот для сравнения – два интервью, две интернетных и эфирных беседы с ответами на самые острые вопросы. Первое – ещё перед майданом, после победы Януковича и донецких, второе – к годовщине майдана, приведшего к власти Порошенко и... не знаю даже как сказать, каким словом по национальному или географическому признаку определить. Что потрясает – Олесь и в этом страшном, трагическом промежутке времени остаётся сам собой – изменяется, конечно, обретает новые качества бойца-полемиста, но принципиально – не меняется, не протитутуирует и не подстраивается, как поголовная армия «журналистов-политологов» к бандеровской власти в Раде, правительстве, СМИ.

Итак, РИА «Новый регион – Киев», в эфире и на сайте не только украинские, но и русские пользователи:

Александр, Днепрпетровск: Олесь, спасибо Вам за Ваши хлесткие и остроумные рассказы. С идиотами бесполезно бороться их методами. Главное действенное оружие против них – острая правдивая сатира, против неё они бессильны. Ваши рассказы тому подтверждение.

Олесь Бузина: Что я могу ответить? Когда говорят о тебе что-то хорошее, остается только согласиться. Не будешь ведь спорить с тем, что ты кому-то нравишься? (смеется. – *Ред.*).

Владимир, Крым: 1. Олесь, мне Ваши статьи нравятся, узнаю кое-что новенькое. Но вижу проблемку в Ваших публикациях: они находят отклик только в душах русских людей – малороссов. А галициянтам хоть сцы в глаза – в упор не видят и не ввязываются в обсуждение фактических материалов в СМИ, форумах. Может быть, стоит вызывать конкретных говнюков-русофобов на открытые диспуты в СМИ с привлечением широких масс «прогрессивного человечества»? Не пора ли развернуть открытую дискуссию по наболевшим вопросам? Потыкать их носом в лайнецо? Ведь этот нарыв сам собой не пройдет, а жить с ним вечно невозможно. 2. Как у вас написано в паспорте – Олесь чи Алексей?

Олесь Бузина: В паспорте, как и в свидетельстве о рождении, у меня записано Олесь (произносит по буквам. – *Ред.*). Что касается открытых диспутов, то я – писатель, и пишу книги, статьи. Бесконечно дискутировать с националистами, либералами, консерваторами, коммунистами и пр. я не вижу смысла. Достаточно того, что я пишу. Кто хочет – может соглашаться, кто хочет – может не соглашаться. Но если я начну спорить с каждым третьим, то вся моя жизнь уйдет не в книжки, а в пустую болтовню по телевизору, по радио.

Сергей: А какие вопросы могут быть к вурдулаке Бузине? Только осиноый кол изгонит бесов с этого малоросса.

Олесь Бузина: Я – малоросс, и никогда этого не отрицал. Предки мои были малороссы. Возможно, что у человека, который в меня собирается загонять осиноый кол, тоже предки были малороссы. Это означает, что он предал свою сущность. Если бесы собираются в кого-то кол загнать – подозреваю, что кол ждет их самих.

Анонимно: По вашему мнению, белорусы, русские и украинцы – это один народ, разделенный искусственно, или все таки совершенно разные?

Олесь Бузина: По моему мнению, это один большой народ. Конечно, есть некоторая разница между жителями Белоруссии, Украины, России, тем не менее, мы очень близки ментально, очень легко находим общий язык. Несмотря на то разное, что есть, общего больше. Потому что, если поставить любого из нас напротив француза, сразу видно, что это – представители совершенно разных народов. Сам спор о том, белорусы, украинцы, русские – одно или разное, говорит о том, что близость такая сильная, что постоянно вызывает вопрос – а, может, мы и есть одно целое?

Евгений, Симферополь: Корни галичанской русофобии находятся на генетическом уровне или в среде обитания?

Олесь Бузина: Корни галичанской русофобии находятся в австрийской казарме. В польских планах раскола православия, которое привело к возникновению унии. Они также находятся в местном галицком сепаратизме, который еще в XII веке развалил единую Русь.

Кстати, этот сепаратизм тогда объединялся с сепаратизмом суздальским. Галичане были исторически союзниками таких суздальских сепаратистов как князь Андрей Боголюбский, или Всеволод Большое гнездо. Галичане и Суздаль разваливали Киевскую Русь и развалили. Но потом суздальцы оказались более удачливыми. Они на этих развалинах стали строить Русь, ну а галичане до сих пор завидуют другим разновидностям русского племени. По моему мнению, галичане – тоже русские. Хотя они сами себя называют «русьскими», с одной буквой «с». Но это не меняет сути дела. То, что они не поляки, – они это твердо знают.

Александр, Киев: Читал, что Вы пишете книгу о Богдане Хмельницком, когда ожидать ее на книжных полках??? И еще по казачеству. На Ваш взгляд, кто из исторических казачьих персонажей достоин уважения, если не брать в расчет «самостийницку историю»? И какую роль сыграло или нет казачество в истории Украины?

Олесь Бузина: Казачество создало Украину. Украина в переводе – пограничье. Вот на этой окраине Руси зародилось казачество. Слово татарское по происхождению. Тем не менее, большинство казаков были русскими, которые бежали на это пограничье. Без казаков историю Украины представить невозможно. Делить персонажей на положительных и отрицательных можно. Мы всегда их оцениваем со своей точки зрения. Например, для нас Богдан Хмельницкий – положительный персонаж, а Мазепа – отрицательный. А для Виктора Ющенко – наоборот. Поэтому это – кто как считает.

Но, по моему, если говорить об исторических персонажах, то, естественно, Богдан Хмельницкий, гетман Разумовский и те предводители запорожских казаков, которые добились смягчения отношения к ним Екатерины II и в результате перевели запорожское казачье войско на Кубань. Вообще, очень симпатичный среди казачества исторический персонаж – генерал Шкуро. Несмотря на то, что во время Второй мировой войны он воевал на стороне немцев, тем не менее, это был очень харизматичный, храбрый и остроумный человек.

Что касается книги о Богдане Хмельницком. Я сейчас пишу несколько книг. Одна из них – о Богдане Хмельницком, другая называется «Неизвестная история Украины. XX век». Еще одна книга будет посвящена Киеву в эпоху Белой Гвардии. Сказать точно, когда я допишу книгу про Богдана Хмельницкого, не могу, но я над ней работаю. Могу сказать, что раньше других выйдет «Неизвестная история Украины. XX век».

Дончанин Шура: Вот все таки интересно, вы в огороде бузина или в Киеве дядько? Не тешьте себя иллюзиями, что вы писатель. Никогда скандал не являлся показателем хорошей литературы. Так может примазаться к цеху литераторов каждый, кто, к примеру, обосрет на страницах какого-нибудь своего литературного опуса ВАС... НЕЭТИЧНО так говорить и писать о покойниках. Тем более, если они, покойники, являются символами и за себя ответку дать не могут. Грех берете на свою плодово-ягодную душу, ох!!! берете ГРЕХ...

Олесь Бузина: Шура, не тешьте себя иллюзиями, что вы – критик. Вы очень плохо знаете литературу. Любая хорошая литература всегда начиналась со скандала. Те же упреки, которые вы адресуете мне, можете адресовать покойному Александру Пушкину за «Маленькую трагедию. Моцарт и Сальери», а также огромному числу персонажей, которые оставили свой след в литературе благодаря скандалу в том числе. Например, Михаилу Булгакову, который тоже воспринимался как скандальный писатель. Вообще, Шура, все хорошие литераторы при жизни воспринимаются как скандальные. Поэтому меня зовут Олесь Бузина, и меня очень многие люди знают. А вас зовут просто Шура, и вы так и умрете в безвестности. Потому что я не вижу никаких причин того, что, говоря прямо, вы станете

поумнее.

Киевский вурдалак: Олесь, вы как-то писали еще в «2000» в целом одобрительно о Сталине, но сказали, что он, дескать, с генетикой и кибернетикой ошибся. Сейчас появилось немало материалов о том, что это, мягко говоря, не соответствует действительности. Нет желания в ваших «субботних историях» осветить этот момент?

Олесь Бузина: У меня была статья, в которой я обратил внимание, что Сталин как верховный менеджер Советского Союза оказался на уровне почти всех передовых технических идей его времени. То есть и атомную бомбу он не проворонил, и в военных делах он, на самом деле, разбирался очень неплохо. И даже среди литераторов, как ни поразительно... Среди тех, кого он отправил на тот свет, пожалуй, нет ни одного талантливого. Ну, наверное, за исключением Осипа Мандельштама. Хотя поэта очень малоплодовитого. А все остальные при Сталине уцелели. Та же Ахматова и другие, – те люди, которых мы читаем до сих пор. Потому что Сталин неплохо разбирался в литературе. Да, он был деспот, он не давал литераторам развиваться так, как они хотели. По определенным причинам это объяснялось тем, что весь мир пребывал в состоянии острейшей исторической борьбы. Даже писатели в этот момент должны были быть мобилизованными, если они хотели уцелеть в Советском Союзе, который в тот момент боролся с капиталистическим Западом и нацистской Германией.

Два раза Сталин ошибся. Не заметил он успехов, которые сулит кибернетика. Ну и не понял всю ту прелесть, которую представляла на тот момент генетика. Это были слишком далеко забрасываемые научные удочки. Но это факт, и его не вычеркнешь. Я за то, чтобы Сталина воспринимать не идеализированно, а таким как он был. А был он очень талантливым диктатором, который жил в очень тяжелую эпоху. Когда множество капиталистических деятелей тоже хотели быть диктаторами, тоже хотели быть сталинами, гитлерами. Но он является одним из символов этой эпохи. Хотя мой прадед при Сталине тоже сидел на Беломорканале, как бывший царский офицер, а семья его была раскулачена в 1929 году. Я это тоже помню, это было.

Валерий. Комсомольск: Какую Украину как государство вы видите лет через 10? Грозит ли разделение Украине?

Олесь Бузина: Украине постоянно грозит разделение. Но разделения пока не происходит. И сейчас его не произойдет. У тех же галичан будут расти сепаратистские настроения, но они попробуют сделать независимую Галичину, и проворачивать в этой Галичине те же фокусы, которые крутили с газом Виктор Ющенко и Юлия Тимошенко, то у них это не получится. Галичина маленькая, слабенькая, в отличие от Украины, которую многие любят. К Украине ведь в России хорошее отношение, на самом деле. Там преобладает положительное отношение. А к Галичине положительного отношения нет ни у кого. Галичан не любят поляки, не любят румыны, восточные украинцы, русские. Наконец, галичан не любят сами галичане.

Так вот, я уверен, что, если галичане решат отделиться от Украины, никто не будет воевать за покорение Галичины. Я, например, точно за это не пойду воевать. А в случае каких-то попыток играть с газовой трубой в этом гипотетическом государственном образовании, которое мы можем назвать «Королевство Галиция», то там просто высадится немецкий, или франко-немецкий, или польско-франко-немецкий десант, и быстро возьмет эту трубу под контроль. Такое государство просто не имеет никакой перспективы для жизнедеятельности. Поэтому Украина не распадется. Она будет такая, как она есть. В своих

нынешних границах. А через 10 лет я вижу страну, которая в значительной степени восстановит свою индустрию благодаря теснейшим связям с Россией и Белоруссией. Другого пути у нее нет. Другой путь – это продолжение этого умирания, в котором находится украинская промышленность в последние 20 лет.

Никобенко Вячеслав. Донецкая обл., г. Славянск: В документальном фильме «Убить Русского» Вы, описывая модель становления т. н. «украинской нации», привели пример образования французской нации, когда региональные этнические и лингвистические различия были убиты, и на их базе была образована одна нация и один язык. В целом эта концепция верная. Но не кажется ли Вам, что она не вполне вписывается в украинскую реальность? У нас вначале отделили Украину от единого тела Матери – России (то есть налицо сценарий, обратный французскому). А затем в рамках уже выделенной Украины был запущен обратный процесс – попытка сплавить всех, волею судеб оказавшихся на ее территории, в единую «нацию»? И как Вы думаете, удастся ли русским жителям Крыма, Новороссии, Слобожанщины и др. избежать судьбы гасконцев, аквитанцев и пр., ставших в конце концов французами? Какие у нас шансы? И, если можете, ответьте, себя-то Вы кем считаете – русским, малороссом, украинцем?

Олесь Бузина: Для меня русский, малоросс и украинец – до боли близкие понятия. Русский – понятие общее, потому что до переворота 1917 года русскими называли великороссов, малороссов и белорусов. Я, естественно, малоросс. Если меня при этом называют «украинцем», то я не обижаюсь. Потому что «малоросс» и «украинец» – синонимы. Это одно и то же. Два разных названия одного понятия. В слове «украинец» мне слышится что-то очень хорошее. Это – человек, который живет на окраине, на пограничье. А на пограничье очень часто живут смелые и веселые люди, которые привыкли смотреть в глаза опасности. Некоторые думают, что «украинец» и «малоросс» – противоположное явление. Они придают слову «украинец» значение антирусское. Но каждое слово имеет два значения. С моей точки зрения украинец – это тоже русский.

Александр Зубченко, г. Киев: Олесь, хочу виртуально пожать Вам руку и поддержать Вашу человеческую позицию. Вопрос такой: как-то видел Вас на «Свободе» у Андрея Куликова, восхищался Вашими ответами фашиствующим провокаторам, но после этого ни разу на ток-шоу я Вас не видел. Вас не приглашают, или Вы не идете? А если не идете, то почему? Ведь Ваши, пусть резкие, но справедливые и объективные оценки солидаризируют всех граждан, стоящих на одной позиции с Вами.

Олесь Бузина: Меня не приглашают на ток-шоу. Потому что меня боятся. Потому что не хотят, чтобы моя позиция, совпадающая с позицией огромного количества граждан Украины, звучала по телевидению. Поэтому я очень редко появляюсь на ток-шоу. Ну, например, Шустер меня боится просто панически. Для него «Бузина» – это страшное слово. Это ужасно, что иностранец так нагло распоряжается украинским эфиром. Хотя надо отдать должное: он сделал очень многое как для дискредитации украинских политиков, так и для дискредитации себя.

Один раз я был у Куликова на «Свободе слова», по-моему, в 2007 году. И сравнительно недавно – осенью прошлого года на канале «Интер». Судя по тому, что на тот же «Интер» ни разу не приглашали на встречу с Тимошенко, я нахожусь в списке людей, которых всегда вычеркивают, чтобы я, не дай Бог, не задал Тимошенко неудобный вопрос. Например, не расспросил подробно, как все-таки они с Павлом Лазаренко работали?

Аноним: Вы за восстановление СССР? И как этого можно добиться?

Олесь Бузина: Нет, я не за восстановление СССР. Добиться этого невозможно. Это абсолютно нереалистично. Никто не будет сейчас восстанавливать советскую власть, социализм. Соответственно, что вкладывать в слово «СССР»? «Союз свободных славянских республик»? А если к этому захочет, например, присоединиться Казахстан? Так он славянский только наполовину. А наполовину – тюркский, казахский.

Я за то, чтобы существовали дружественные союзнические отношения между постсоветскими странами. Прежде всего, между четверкой Украина, Россия, Белоруссия, Казахстан. Как это будет называться – евразийский союз экономической взаимопомощи, или как-то еще, не важно. Главное, чтобы этот евразийский проект стал полноправным игроком на международной шахматной доске.

Леонид, Киев: Когда-то я книжки «Вурдалак Тарас» раздал учителям школы, где учится дочка. Восхищаюсь Вашим донкихотством, я лично уже подустал воевать с антирусским мракобесием.

Два несвязанных вопроса:

– Ваше мнение о «Неизвращённой истории Украины-Руси» Дикого и не считаете, что неплохо было бы её включить в школьную программу?

– Ваше отношение к Наталье Витренко?

Олесь Бузина: Наталья Витренко мне симпатична по своим взглядам как политик. Я этого никогда не скрывал. Она – веселая активная женщина, которая изо всех сил пытается быть в украинской политике, это у меня вызывает симпатию. Многие мысли, которые она высказывает, – абсолютно верные. В отношении того же Международного валютного фонда.

«Неизвращённую историю Украины-Руси» Дикого я читал недавно. Книжка хорошая. Написана популярно, толково. Можно ее переиздавать, можно включать в школьную программу.

Аnonimno: Вы чужды Украине. Ненавидите ее биологически. Вообще на Кремль или Моссад работаете?

Олесь Бузина (смеется. – *Ред.*). Я думаю, что человек, который задал этот вопрос, чужд Украине, ненавидит ее органически и должен самому себе задать вопрос: на Кремль, Моссад или ЦРУ он работает?

Сергей Рулёв, Киев: Кем был Ваш отец при СССР? Правда ли, что его бывшие сотрудники, одновременно с глубоким уважением, испытывают чувство жалости к нему из-за Вас?

Олесь Бузина: Мой отец был профессиональным контрразведчиком. Он был подполковником КГБ СССР. Я этого никогда не скрывал. К сожалению, среди коллег моего отца есть несколько подонков, которые были в том числе и в КГБ. Они могут сожалеть о чем угодно, их мнение меня абсолютно не интересует. Советую им также никогда не попадаться мне на глаза. Потому что первое, что они от меня получают, – увесистую пощечину, невзирая на то, в каком возрасте и в какой физической форме они будут находиться.

Сергей, г. Джанкой: Не подлежит сомнению, что Т. Шевченко люто ненавидел крепостное право и хлестким печатным словом боролся против эксплуататоров трудового народа. Это и вызывало к нему ненависть помещиков и официальных властей – не каждый гражданин Империи в то время осмеливался на подобное. Между прочим, в Санкт-Петербурге не разделяют ваших взглядов, и лет пять назад установили памятник великому украинскому поэту.

А украинское крестьянство всегда ценило, любило и уважало великого Тараса, причем

еще задолго до Октябрьской революции и советской школы с ее учебной программой. Коммунисты лишь оформили всенародную любовь в привычные для них рамки агитпропа. Личные же недостатки есть у любого человека, в том числе и у поэтов. Выпячивая именно их на передний план, можно попытаться опорочить любую личность, даже великую. Как вы считаете, нормально, например, в России, отнеслись бы к публикации, очерняющей имя великого русского поэта А. Пушкина посредством тотального муссирования его половой несдержанности, нерусского происхождения, чрезмерного франкофильства и т. д.? Ведь из песни слова не выкинешь. Ну а если целую главу посвятить фактам его гомосексуальных связей, причем с лучшим другом Кюхельбекером и причем еще в лицее, то уверен, в среде русофобов такая книга вызовет приступ восторга. Состряпать можно любую гадость, в стиле желтой прессы... К сожалению, этим вы и не брезгуете, подыгрывая низменным чувствам лубочного черносотенного люмпена. Жаль.

Не собираетесь ли издать следующие опусы: «Чудовище Иван Франко», «Шалава Леся Украинка», «Терпила Квитка-Основьяненко» или «Сутенер Панас Мирный»? Валяйте, вы найдете своего читателя.

Олесь Бузина: Я никогда не прибегал к плагиату, и книжки с такими бездарными названиями, как придумали вы, Сергей из города Джанкоя, я писать не собираюсь.

Биографию Пушкина вы знаете очень плохо. Он никогда не был франкофилом. Более того, он погиб на дуэли с французом, что полностью отрицает его франкофильство. У него никогда не было гомосексуальных половых связей. Ни с кем. В том числе с его другом Кюхельбекером. Но если вы, конечно, учились в лицее, посматривали в замочную скважину (в чем я глубоко сомневаюсь) – можете поделиться своими воспоминаниями по этому поводу. Можете также рассказать о своих гомосексуальных связях со своими одноклассниками. И эту книжку, возможно, захлеб прочтет человек в городе Джанкое.

Что касается моих взглядов по Шевченко – я их абсолютно аргументировано изложил в своей книжке. И речь там шла и о его жизни, о его творчестве, о его и положительных, и отрицательных сторонах. «Вурдалак Шевченко» – вообще очень объективная книжка. На данный момент это – самая полная биография Тараса Шевченко. Из жизни человека ничего не выбросишь. И каким он был, таким его и нужно знать. Я желаю знать подлинного Шевченко. Если кто-то хочет смотреть на него через розовые очки, или на любого другого писателя, – пусть смотрит. По-моему, в этом вопросе очень много зависти к Бузине, что он знаменит. Так я хочу напомнить этому человеку, который задает этот вопрос, что, кроме всего прочего, у Бузины было 11 судов. На Бузину было несколько нападений. Поэтому пусть он меньше завидует Бузине.

Олег, г Старый Крым: Здравствуйте. 1. Насколько документальны ваши произведения; 2. Есть ли на Украине писатели, историки, думающие как вы, сколько их? 3. Почему до некоторых не доходят исторические факты, это врожденно-приобретенная тупость, или что?

Олесь Бузина: Мои книги абсолютно документальны. Те, кто их читают, знают, что всегда там присутствует огромное количество ссылок на исторические документы. Что касается второго вопроса. Очень сложно расписываться за других писателей и историков. Каждый человек очень ревниво относится к своим взглядам. Очень часто ему кажется, что его взгляды оригинальны и не похожи на остальных. Поэтому мне бы никого не хотелось записывать в число тех, кто думает точно так же как я. Лучше, чтобы имена этих людей называли другие со стороны. Мне самому было интересно послушать, с кем у меня совпадают взгляды.

Анонимно: Олесь! Тут перед вами давал интервью Владимир Корнилов. А как вы к нему относитесь?

Олесь Бузина: Очень хорошо. Часто перезваниваемся. Иногда встречаемся. Вообще, я считаю Владимира Корнилова очень хорошим публицистом и веселым надежным человеком.

Санек, Крым: Вы знаете такую поговорку «В Киеве дядька, в огороде бузина». Я уверен, что вы заказной борзописец. Пример тому – как в свое время вы в «Киевских ведомостях» написали о Федоре Поддубном и его детище Славянском вузе. Вы ни разу не встретились с этим человеком, а выдали на гора полную бредя статью. Ну что ж цыплят по осени считают. Жаль, что Поддубный умер. Вечная ему память. Но его ученики создали в память о нем сайт. Советую почитать.

Олесь Бузина: С удовольствием почитаю сайт. Думаю, что те факты, которые были изложены в моей статье в «Киевских ведомостях» еще в 96 году, неопровержимы. Думаю, что никто не будет отрицать, что Поддубный не имел высшего образования, а при этом открыл частный вуз, что по законодательству Украины запрещено. Это конкретные факты, я их брал не с потолка. Против него было возбуждено уголовное дело, после чего он скрылся, и это тоже было фактом. Почему, если журналист излагает факты, на него начинают набрасываться и обвинять в заказной деятельности? Попробуйте опровергнуть эти факты. А то, что к Поддубному хорошо относятся его ученики – я тоже, как ни странно, хорошо к нему отношусь. Человек, который, не имея высшего образования, смог быть некоторое время ректором славянского частного университета, – тоже вызывает у меня восхищение. Я бы на такое не решился.

Аноним: когда произойдет следующее воссоединение Украины и России?

Олесь Бузина: Если говорить о том, как это произошло в XVII веке, то произойдет только тогда, когда в Москве появится царь, восстановится какая-нибудь монархическая династия. Хоть Романовых, хоть Рюриковичей. Вот как только в Москве появится царь, так произойдет воссоединение Украины с Россией. Сразу после этого.

Виктор, Одесса: Уважаемый Олесь, спасибо Вам за Вашу работу. Вопрос: Вы знакомы с Новой хронологией (Фоменко-Носовский)?

Олесь Бузина: Так, слышал. Считаю это полным бредом.

Ирина, Винница: Олесь, Вы хорошо знаете историю Украины. Как Вы думаете, есть ли какой-нибудь период этой самой истории, которым украинский народ мог бы гордиться? И если да, то какой, по-Вашему?

Олесь Бузина: Вообще, история Украины очень короткая. Потому что украинская независимость началась только в 1918 году. Второй раз это случилось в 1991 году. То есть очень короткие периоды независимости. А можно рассматривать историю Украины как части Российской Империи, Советского Союза, Польши, Австро-Венгрии.

Мне симпатична эпоха XIX века. За это время, на протяжении XIX века, население Украины как минимум утроилось. Примерно с 12 до более чем 30 млн человек. За это время были освоены огромные территории. Вся Новороссия, Крым, Одесская область, Николаевская, Херсонская, юг Днепропетровской области. В XIX веке была построена мощная индустрия. Судостроительные заводы на побережье Черного моря. Открыто огромное количество вузов. Возник такой феномен как Донбасс. Я думаю, что всем этим можно гордиться. Можно также гордиться созидательным периодом истории Советского Союза. И в 30-е, и в 40-е, и в 50-е годы было очень тяжело, были перегибы, были

преступления. Но, в то же время, была построена мощная страна. В этой стране каждый человек получал бесплатное образование. Сыновьям кухарок давали образование на уровне дореволюционной гимназии. Я сам закончил советскую школу в Киеве и считаю, что она по уровню была намного лучше, чем та украинская, в которой сейчас учится моя дочь.

Аноним: Почему РФ все никак не проглотит Беларусь?

Олесь Бузина: Я думаю, что потому что не ставит целью поглощать Беларусь. Россия – вообще очень большая страна. В России можно ехать целый день и встретить только леса. Причем, не обязательно где-то в Сибири, а и в европейской части РФ. То есть, земли – выше крыши. Я думаю, что России прежде всего приходится заниматься порядком на своей территории. Завоевывать или поглощать Белоруссию или Украину, по моему мнению, Россия не ставит такую задачу.

@н@рхiстЪ: а про коллаборациониста Александра Невского слабо написать? Рубануть правду-матку, как он под татарву лёг?...

Олесь Бузина: Я пишу о тех темах, которые лично мне интересны. Кстати, тот взгляд, о котором говорит читатель, об Александре Невском уже опубликован. Такая разоблачительная книжка у меня на полке пылится. К сожалению, я не помню ее автора. Тираж, насколько я помню, около 3 тысяч экземпляров. То есть, особой популярностью не пользуется. Но каждый имеет право иметь свою точку зрения на что угодно, в том числе, и об Александре Невском. Лично я же об Александре Невском думаю очень редко. Например, в тот момент, когда в Петербурге смотрю на Александро-Невскую Лавру, и в тот момент, когда в детстве смотрел фильм Эйзенштейна. Не мой это герой, и писать о нем я не собираюсь. Мне есть о чем писать. Дай Бог успеть.

Аноним: Что вы можете сказать об Андрусовском мире? Ведь заключив Андрусовское перемирие, Россия окончательно не выполнила свои обязательства 1654 года об оказании помощи Украине в борьбе с Речью Посполитой. Андрусовское перемирие нарушило условия Переяславского договора и закрепило насильственное разделение украинских земель.

Олесь Бузина: Очень легко задним числом критиковать Андрусовское перемирие. Тем более, что от критики оно не перестанет быть перемирием. Историю вспять не повернешь. Андрусовское перемирие закончило очень длительную войну, которую вела Россия с Польшей. Ментальность многих украинских гетманов, таких как младший Хмельницкий Юрий, Выговский, не давала возможности добиться больших успехов в защите Украины, потому что среди украинской элиты было очень много предателей, которые нарушали слово, данное царю. Вот попробуйте защищать таких людей как Юрий Хмельницкий – взял и перебежал на сторону поляков! Так что результаты Андрусовского перемирия были реальным отображением реальной ситуации, вот и все.

Алексей, Чита: Мне уже за 50, Интернет я подключил недавно. Случайно нарвался на Ваше имя. И теперь в свободное время ищу на украинских сайтах ваши статьи. Восхищаюсь смелостью суждений и четко подобранном словом. У нас в Забайкалье, к сожалению, ни в одном книжном магазине не смог найти Ваших книг. Всё, что я знаю о Вас – из Интернета. Пишите ещё. Надеюсь, что всё Вы находите в архивах и в документах.

Олесь Бузина: Спасибо. Можно написать в Киеве в издательства, которые издают мои книги, и заказать книги по почте. Это достаточно просто. Я также сделаю все для того, чтобы издавать мои книжки также и в России. Чтобы они распространялись по русскоязычному пространству – от Бреста и до Вашингтона, где живет тоже очень много людей, которые хорошо понимают русский язык.

Аноним. Мариуполь, Донецкая обл.: А когда вы были у психиатра на приеме?

Олесь Бузина: Никогда не был у психиатра на приеме. И в ближайшее время не собираюсь. У меня очень здоровая психика. Психиатр – это последний врач, к которому я обращусь в своей жизни. Я вообще к врачам крайне редко обращаюсь. Потому что образ жизни веду здоровый. Купаюсь в проруби, бегаю, подтягиваюсь на турнике, могу без остановки проплыть 2 км, я не пью и не курю.

Алекс. П-Камчатский: Олесь, кто по Вашему честней – проститутка или журналист-публицист?

Олесь Бузина: Несравнимые вещи. У проститутки своя работа, а у журналиста – совершенно другая работа. Это две разные профессии. Насколько я знаю, бывают проститутки честные, а бывают проститутки-халтурщицы. Точно так же бывают честные журналисты, а бывают халтурщики. Поэтому проституток нужно сравнивать с проститутками, а журналистов – с журналистами. Тогда это будет корректно.

АнтиСовок, МСК: Как вы считаете, когда наконец-то общество в России избавится от вируса советчины и наконец-то себе позволит нашим соседям из Украины иметь свой взгляд на историю, свободную от советской лжи? С уважением, АнтиСовок, Русский национал-демократ.

Олесь Бузина (смеется. – *Ред.*): Я думаю, что человек, который задает мне этот вопрос, в ответе вообще не нуждается. Потому что я не понимаю, что такое «вирус советчины». Из Советского Союза вышел Бузина, который остается человеком небогатым, как я считаю, честным и, в то же время, по своим убеждениям очень симпатизирующим Белой гвардии. И из этого же Советского Союза вышла Юлия Тимошенко. Человек очень богатый. Человек очень хитрый и беспринципный. Все это вышло из одного Советского Союза. Поэтому что такое «советский вирус»? Я просто не понимаю, что это такое! Советский Союз постоянно менялся за свою историю. СССР сталинской эпохи – это одно, а Союз времен Горбачева напоминает сталинскую эпоху меньше, чем папуас напоминает белого расиста. Об истории всегда спорили. И в России, и в Украине. И нет единого взгляда на историю, как в России, так и на Украине. Так было и так будет.

Макаров, Симферополь: Олесь, спасибо за Вашу твёрдую и честную жизненную позицию. У меня к Вам два вопроса.

1. Нет ли у Вас интереса описать, каким образом произошло уничтожение всех русофилов в Галичине во время Первой мировой войны, в том числе в первых в истории Европы концентрационных лагерях? Нет ли опасения повторения этой истории в Левобережной Украине и в Крыму? (тогда ещё не российском. – *А.Б.*)

2. Все украинские работающие чиновники от Львова до Харькова и от Киева до Севастополя продались оранжевой власти. Во всяком случае, я не видел ни одного противного примера. Не могли бы Вы поделиться своим опытом, как Вам удаётся в логове оранжистов жить, воспитывать детей с новыми учебниками и не сойти с ума? В Крыму и то они достали до крайности. Каков секрет Вашей стойкости и оптимизма?

Олесь Бузина: Что касается уничтожения русофилов, то я уже описывал это в книжке «Тайная история Украины-Руси». Одна из последних глава этой книжки как раз посвящена уничтожению русофилов в Галичине и концентрационному лагерю Талергоф.

По поводу чиновников. Я вообще мало внимания обращаю на них. Чиновники были советские, потом они были украинскими, потом стали украинскими «оранжевыми», потом... Чиновник всегда является частью власти. Он служит тем, кто эту власть оседлал.

Чиновник – это такой хитрожопый конь, который едет под крупным начальником, и за то, что он едет, он постоянно требует себе новое седло, новые подковы, самый вкусный овес. Вот природа чиновника. Я не собираюсь по этому поводу психовать и выходить из себя. Зачем? Я достаточно ироничный человек, который полученную от рождения страстность сумел переплавлять в ироничные, порой издевательские тексты. Поэтому пусть они страдают от меня. А я от них страдать не буду.

Александр, Днепрпетровск: Ваше мнение – кем и как, а главное – почему так легко был разрушен Советский Союз?

Олесь Бузина: Советский Союз был разрушен ложью, накопившейся в Союзе за все годы существования. Когда потом открыли шлюзы, и туда кинулась правда, то у всех сорвало крышу. И у Горбачева, и у Ельцина, и у Бузины. Потому что я, как и все жившие в Советском Союзе, немножко приложил руку к разрушению. По крайней мере, в 1991 году я бунт не поднимал, не переходил на сторону ГКЧП. Пусть все вспомнят себя, какие они были в 1991 году. Не было тогда жалко Советского Союза. Народ мечтал о другом. Что вернется капитализм, все станут миллионерами. Была большая иллюзия, что наступит капиталистический рай, если закончится СССР. А другие люди, более активные, успели этот капиталистический рай для немногих построить. И теперь многие из нас испытывают ностальгию если не по СССР в целом, то по молодости, бесплатной медицине и образованию. По тем благам, которые тогда были, а сейчас их нет. Но, в то же время, во времена СССР было проблематично купить джинсы, или двухкассетный магнитофон. Или до середины 80-х годов было проблематично выехать за границу. Это ведь тоже было.

И еще. Власть всегда пронизана сексом, эротикой. Так вот, у советских вождей было невозможно любить. Покажите нормальную бабу, которой бы понравился маленький картавый смешной Ленин? Ну какой нормальной бабе будет нравиться Никита Хрущев? Кому, кроме Раисы Максимовны, хотелось мастурбировать на Михаила Сергеевича Горбачева? Оттого, что вожди СССР были пожилыми, скучными, плохо одевающимися, поэтому он и развалился.

Hindu, Днепрпетровск: Олесь, как Вы относитесь к идее проведения Всеукраинского референдума о государственных языках на Украине?

Олесь Бузина: Хорошо отношусь. Я вообще не вижу ничего плохого в том, что русский будет иметь унизительный статус – второго государственного языка на Украине. Русский язык и сейчас на Украине продолжает оставаться языком межнационального общения. Это его, кстати, официальный статус в украинском законодательстве. Я за то, чтобы широко возвращался русский язык. Это только поднимет культуру в Украине.

Венера Пустомельская, г. Бердянск: Олесь, очень интересно вас слышать, спасибо! К своему стыду, ваше имя открыла для себя недавно. Все ваши оппоненты – просто закостенелые, неспособные к развитию и восприятию нового люди. Когда нет обоснованных доводов – в ход идут любые, вплоть до грубости. Как вы относитесь к недавно разгоревшемуся скандальному эпизоду вокруг храма София Киевская? Организацией Юнеско уже признано, что тысячелетие собора – было в 2011 году. Как вы относитесь к реакции на это украинских корифеев-историков? Считаете ли вы, что деяния Ярослава после всего этого должны быть подвергнуты более тщательному и непредвзятому изучению?

Олесь Бузина: Я считаю, что Софийский собор начали строить при князе Владимире в 1011 году, основную часть этого собора построили при князе Святополке Окаянном, а достраивали при Ярославе Мудром. То есть, поскольку в гражданской войне после смерти

Владимира победил Ярослав, то он и приписал себе все, что делалось в это время в Киеве. В том числе, и строительство Софийского собора. Победил бы Святополк – приписал бы себе.

Я вообще считаю, что нужно по-другому смотреть на историю Руси. Ярослав Мудрый и Святополк Окаянный не были такими, как их описывают официальные историки. Все они были людьми своей эпохи, резали друг друга, убивали, хотя и были братьями. Факты очень противоречивые. Факты очень много. О том, что Ярослав был не единственным строителем Софийского собора, можно было узнать, внимательно читай Новгородскую летопись.

Марина, г. Евпатория: Как Вы относитесь к федерализации?

Олесь Бузина: Положительно отношусь. Германия федеративная страна. США – федеративная страна. Россия – федеративная страна. Это – отличный опыт, который позволит разным частям Украины более свободно развиваться и оставлять себе огромное количество денег, которые они зарабатывают. Федерализация покажет, какая часть Украины лучше работает. Слишком сильный диктат киевской власти не нужен. Любая страна сильна регионами. Поэтому я за федерализацию.

Валентин, Москва: Откуда на Украине такая патологическая ненависть к России и всему русскому, откуда появились эти историки – самые настоящие проститутки, которые историю Украины пишут под заказ власть имущих? Зачем заведомо сфальсифицированными учебниками калечат детей, ведь дети подрастут, и большинство из них поймет, что это были за учебники.

Олесь Бузина: Есть такое выражение: «дураков не сеют, не жнут, они сами рождаются». Это как раз про таких псевдоисториков. Если бы я знал, откуда они рождаются, я бы, извините за выражение, это влагалище заварил с помощью сварочного аппарата. И я все время ищу, откуда они рождаются, а влагалища этого найти не могу.

Валера, г. Судак: Совет: больше появляться на телеканалах, больше разоблачать ложных историков, выполняющих националистский заказ! Ваши грамотные, логические рассуждения, капля по капле заставляют население нашей многострадальной, непутёвой Родины, задумываться об истинных ценностях, фактах кои Вы подаёте! С уважением, ждём новых статей!

Олесь Бузина: Спасибо, буду писать.

Иван, Москва: Из-за чего, несмотря на перевод, почти всех школ на Украине на мову в 90-х годах прошлого века, абсолютное большинство населения, в том числе и молодёжи её так и не восприняло и продолжает разговаривать и покупать прессу на русском языке? В своё время известные малороссийские писатели П.Кулиш и И. Нечуй-Левицкий считали, что галицкий письменный язык следует выбросить на мусорник. Насколько сегодняшняя державная мова стала галицкой? Сможет ли имеющая, бумажно-государственный статус мова, в конечном итоге вытеснить русский язык на Украине?

Олесь Бузина: Нет, русский язык на Украине мова никогда не вытеснит. Потому что для Украины характерно двуязычие. Я, например, слабо представляю самого себя, не знающего русского или украинского. Я бы тогда меньше бы знал природу славянских языков или диалектов. Бывают моменты, когда здесь преобладает русский язык. Например, в 1970-е годы. В 90-е годы начался обратный процесс. На самом деле это два диалекта одного языка. Их конфликт постоянно присутствует на Украине. И он будет сохраняться. Но, поскольку на русском языке выходит много интересной литературы, он неистребим.

Я приведу один пример. Я пишу по-русски. Меня единственного на Украине подделывают пираты. Книжный рынок «Петровка» в Киеве забит пиратскими изданиями

Бузины. Они передрали все книжки. Но если бы я плохо продавался, то пираты меня точно бы не подделывали. Они ведь не подделывают тех, кто пишет на украинском языке! Вот, например, Забужко, Андрухович. Я не знаю пиратских изданий их книг. Просто потому, что у них очень ограниченные тиражи, круг читателей, несмотря на то, что их навязывает украинское государство через школу. Но в итоге именно я самый читаемый писатель Украины, это – факт. Я отвечаю за это, с цифрами в руках и с ведомостями об уплате налогов.

Украинский диалект спасло от исчезновения появление такого поэта, как Котляревский. Не Шевченко, не надо ему все приписывать! Так, как Котляревский написал «Энеиду», то любому человеку, понимающему малороссийский диалект, интересно ее читать. Ее ведь никто из-под палки не заставлял читать! А я сейчас спасаю нормальный киевский диалект русского языка, на котором тот же гимназист Мишка Булгаков разговаривал!

Русский язык неистребим. Хорошее не гибнет. Я разговариваю по-русски, по-украински, по-английски, немножко по-польски, понимаю немецкий язык. Я вижу, насколько русский язык великолепный инструмент для писателя. Я точно так же свободно могу писать по-украински. Но русский – инструмент потрясающий!

Андрей, Севастополь: Олесь, признаюсь честно – вы мне противны как человек! Читал ваши произведения и не мог понять, как один человек может вмещать в себе столько гадости. Вы глумитесь над историческими личностями, которые не в состоянии защититься. Вы пользуетесь архивными сведениями, которые, как известно собирают люди, отталкивающиеся от политической целесообразности своего времени. История это лживая наука, так было всегда. История СССР сплошная ложь. И сегодня это постоянно подтверждается. Рассекречиваются документы. Да и им верить полностью нельзя, поскольку присутствует человеческий фактор. Это касается и истории тех периодов, о которых вы пишете. Нужно это учитывать. Такое ощущение, что вы преследуете цель не пролить свет на реальные события, а максимально очернить их участников. Причем, ваша злоба направлена исключительно против украинцев. На мой взгляд, вы просто очередной проплаченный проект Москвы, призванный разъединять общество и поддерживать сепаратистские настроения. Таким образом России легче влиять на Украину.

Мне как коренному севастопольтцу, который с подобными вам товарищами встречается каждый день, вышеприведенный тезис кажется довольно правдоподобным. У Украины есть большой недостаток – демократия, которую превратили в анархию. Думаю, в России не позволили бы опубликовать ни одну вашу писюльку. Одним словом – вы продажная сволочь. Надеюсь, и на вас найдется управа.

Олесь Бузина: Я даже знаю, где работает этот человек, что задает вопрос. Этот человек работает в газете «Флот Украины». Меня очень радует, что таких людей, как он, мало. Он мне настолько равнодушен, что даже не противен. Если я вызываю у него какие-то эмоции, значит, я недаром ем писательский хлеб. Читая вопрос, я еще раз убеждаюсь, что человек работает в проплаченной газетке «Флот Украины». Вот флота у Украины нет, а газетка такая есть. Масса людей в Севастополе меня любят. Более того, я просто обожаю этот город, это один из моих любимых городов. Но там есть такое явление, как «Флот Украины». То, что этой газете не побили окна, говорит о том, что город Севастополь – очень терпимый и демократичный, за что я его уважаю.

Я вижу этого бывшего советского то ли мичмана, то ли лейтенанта, который переродился теперь в украинского писаку из этого «Флота Украины». Ему страшно хочется

«управы», «расправы», «кандалов». Но чем больше будет кандалов, тем больше будет знаменит Бузина. Меня даже управой и кандалами не испортишь.

Валерий, г. Н. Новгород: Ваше отношение к тому, что происходит на Украине, будем ли мы, русские, братьями украинцам, сколько будет продолжаться эта вакханалия в наших взаимоотношениях?

Олесь Бузина: Я думаю, что мы не только будем братьями. Я когда приезжаю в Петербург, во Владимир, кстати, собираюсь по Волге проехаться, у меня вообще нет никаких сомнений, что мы – братья. Я чувствую себя одинаково хорошо, что в Киеве, что в Петербурге, что в Москве. В принципе, никого в Москве или в Нижнем Новгороде не волнует, что плохо относятся к русским поляки или какие-нибудь, например, латыши. Потому что поляки и должны плохо относиться к русским. А, возможно, потому, что русские и украинцы – братья, потому мы так и переживаем тяжело наши отношения. И еще. Тут внутри Украины тоже очень тяжелые отношения, семейные ссоры, хотя галичане и донетчане – тоже братья. Но хочется, чтобы ссоры скорее закончились, чтобы механизм заработал, чтобы у всех нас были деньги, чтобы работала промышленность, чтобы мы были счастливыми и богатыми.

Андрей, Краснодарский край: Олесь, это не вопрос, это желание высказать восхищение Вашим мужеством, Вашими трудами, Вашей гражданской позицией. Спасибо Вам, Олесь! А у этих «Харьковчан» и «Из Крыма» больше чем уверен, галицийские айпишники. Нас больше, и поверьте, если бы довелось быть знакомым лично, гордился бы, что когда-то пожал Вашу руку! Удачи Вам!

Олесь Бузина: Спасибо, тронут.

Abdulhakim, Qirim (в подтверждение правоты предыдущего автора вопроса насчёт галицийских провокаторов. – *А.Б.*): Олесь, в своей статье «Неизвестное Крымское ханство» Вы пишете о крымских татарах как о некоренном народе Крыма и как о потомках рэкетиров и работорговцев. Относится и к казанским татарам? Или против хозяина (Рината Ахметова) гавкать нельзя?

Олесь Бузина: Татары действительно не коренной народ Крыма. Это – неопровержимый исторический факт. Татары действительно появились в Крыму намного позже, чем христиане и иудеи, которые там жили задолго до монголо-татарского нашествия в XIII веке. То, что татары занимались грабежом, уводом в плен жителей Руси и работорговлей – тоже является неопровержимым фактом. Неважно, нравится это крымским татарам, или не нравится. Точно так же является неопровержимым фактом то, что многие татары во время Великой Отечественной войны сотрудничали с Гитлером. Это неопровержимый факт. Другие татары в это же время, например, известный советский ас Амет-Хан Султан, героически воевали. И это тоже является неопровержимым фактом.

А теперь у меня вопрос: где вы нашли, что у меня есть хозяин – татарин? Моя работа в газете «Сегодня» связана только с тем, что я журналист и работаю в газете «Сегодня». Вот если мне покажут хоть один документ, где было бы сказано, что у Бузины есть хозяин – татарин! Этого документа не существует. У Бузины нет хозяев. Я сам себе хозяин. Я выбираю, где мне работать, кем мне работать, кто мне больше симпатичен, кто мне менее симпатичен. И мнение тех, которые хотели бы, чтобы меня не было вообще нигде, меня не интересует. Таким людям ответ мой будет таким: «Не дождетесь. Вы сдохнете раньше».

От составителя: увы, в этот раз такой находчивый, нестигаемый и убедительный в ответах Олесь ошибся – недоброжелатели благодаря нацистскому террору на Украине – «дождались»...

Журнал «Репортер» по случаю годовщины майдана пригласил в редакцию двух известных журналистов – Олесь Бузину и Егора Чечеринду для обсуждения последствий Евромайдана для Украины. Считаю уместным включение этого полемического разговора в книгу, потому что он даёт представление о том, как Бузина мог держать удар, вести свою твёрдую линию, но и слушать оппонента, что сегодня напрочь отсутствует во многих российских телешоу, где Бузина порой замыкался, открыто выражал недовольство и в результате был малоубедительным. Кстати, на Украине, а уж особенно в России журналисты пишут вразнобой само слово «майдан» – то с маленькой буквы, то с большой. Смотрю, в текстах самого Бузины майдан чаще с прописной, но в материалах «Репортёра», конечно, уважительно – с большой. Пусть читателя не смущает это разнописание: Майдан – он и есть майдан!

Правда и мифы о евромайдане

Репортер: Сегодня мы отмечаем годовщину Майдана, и у многих людей, которые изначально выходили на площадь, появились сомнения: а стоило ли?.. Ведь мы сейчас оказались в очень сложной экономической ситуации. Как Вы считаете, по прошествию года, Майдан – это позитивное или негативное явление для нашей страны?

Олесь Бузина: Поскольку я не был за Майдан, я не могу ощущать разочарование – я же не был очарован. Я вот знаю, что Егор Майдан поддерживал, может, пусть он ответит на этот вопрос?

Егор Чечеринда: Во-первых, люди выходили на Майдан не за деньги. Главной целью протеста было не желание получить доллар по пять гривен. Жажда свободы – вот была основная причина выхода на Майдан. Люди просто сделали то, что должны были сделать. Скажу сугубо о своей профессии. Я очень хорошо помню, как раньше, когда я приезжал на «1+1», у редактора уже было письмо из Администрации Президента, в котором было расписано, что давать в сюжетах, в каком порядке вносить их в сценарный план, какие синхроны показывать, какие нет... Конечно, всем хочется жить лучше, но главным мотивом были все же не деньги, а свобода.

Репортер: А сейчас вы получили эту свободу?

Егор Чечеринда: Лично у меня эта свобода была и раньше, просто у других моих коллег ее не было. Вообще в Украине была ситуация несвободы, и она с каждым днем, с каждым месяцем только обострялась. Если бы мы оставили Януковича до 2015 года, он бы здесь «царил» до конца своих дней, а свобода свелась бы к масштабам нашего жилища: мы бы только в своих квартирах свободными были, а только выйдешь на улицу – уже начнется несвобода. Да, сейчас сложно. Да, возможно, люди выбрали не тех руководителей государством. У меня тоже есть много вопросов к Порошенко и всем тем, кто сейчас находятся при власти. Но мы сделали так, что теперь мы можем выбирать свою власть и можем ее переизбирать. А это очень важно.

Олесь Бузина: А я просто реалист. Я знал, что страна дважды стояла на пороге гражданской войны: в 2004-м, во время первого Майдана, и в 2007 году, когда Ющенко и Тимошенко абсолютно незаконным образом разогнали Верховную Раду. Я гуманист. Я не люблю, когда убивают людей. Я не люблю, когда протестант бросает бутылку с горючей смесью или стреляет в милиционера, а милиционер потом вынужден в ответ стрелять в

протестанта. Я не считаю, что свобода – это когда люди убивают друг друга. Мы получили в результате Майдана гражданскую войну на востоке Украины. Мы получили гривну, которая упала с 8 гривен за доллар до 16-ти, если я не ошибаюсь. И я не согласен, что майдан выходил не за деньги. За деньги он выходил! Потому что если бы нет, то зачем бы тогда Яценюк стоял на Майдане и говорил, мол, если победит Майдан, если будет подписан договор об ассоциации с ЕС, Европа даст нам \$30 млрд инвестиций. Потом он говорил, что Европа даст \$40 млрд, а в третий раз назвал цифру в \$65 млрд? Если люди на Майдане этих миллиардов не ждали, то им вообще не должны были об этом говорить. А им говорили, и они слушали. Майдан – это технология. Любая революция – это технология.

Может ли Украина найти всех виновных в расстреле Небесной сотни

Я очень не любил Януковича. За то, что он поставил Анну Герман 13-м номером в списке «Партии регионов». За то, что вместо того, чтобы выполнять свои предвыборные обещания (сближение с Российской Федерацией, вступление в Таможенный союз, наделение русского языка статусом второго государственного), он затеял аферу. Почему я был против Майдана? Я же не против волеизъявления, мирных протестов. Но я считаю, что власть нужно менять во время выборов. Мне не нравился президент Ющенко – я не менял его силой. Я его терпел с 2005-го по 2010-й год. Мне не нравилась Юлия Тимошенко, но я был против того, чтобы Янукович ее сажал в тюрьму, потому что Янукович сам был ничуть не лучше. Я терпел любую по закону избранную власть. Я и нынешнюю власть терплю точно так же и не собираюсь выходить против нее на Майдан. Потому что если будет еще один Майдан, еще один кусок Украины отвалится.

На Майдане не понимали одну главную вещь: изгнав Януковича силовыми методами, через кровь, мы оскорбили выбор второй половины Украины. И это содействовало тому, что ушел Крым, а на Донбассе началось восстание. Там тогда еще не террористы были, там был самый обычный народный мирный протест. Донбасс впервые поднялся. И что стал навязывать победивший Майдан? Объявили террористами пол-Украины и развязали войну. Как же я могу быть за Майдан?!

Егор Чечеринда: Подождите. С чего начинался Майдан? Требовали подписать договор с ЕС и отправить в отставку экс-министра МВД Захарченко. Президент этого не сделал. Потом добавилось еще одно требование – отправить в отставку Азарова. Люди требовали все большего, а власть не шла на уступки, и, конечно, на арену вышли радикалы...

Олесь Бузина: Смотрите: сейчас олигархи – Порошенко, Яценюк, Коломойский – сформировали правительство. У каждого из них своя медиа-группа, свой миллиард и каждый из них контролирует свою фракцию в Парламенте. Победил Майдан? Нет. Майдан в очередной раз победили, его использовали олигархи в своих интересах.

Егор Чечеринда: Частично я соглашусь. Но тем не менее мы вышли на улицы и остановили упыря...

Олесь Бузина: А следующего упыря, который обстреливает Донецкий университет с помощью украинской артиллерии, почему вы не останавливаете? Я звонил в Донецк. Там же тоже наши люди, наши граждане. Там возле университета специально положили снаряды, выбили полторы сотни окон, чтобы не начались занятия. Если Донбасс – это Украина, а я считаю, что это так, то относиться к этим людям нужно как к людям, а не обзывать их

террористами. Нужно говорить им: «Мы вас любим». Мне, как киевлянину, крайне стыдно за то, что украинская армия обстреливает Донбасс, убивает там людей. Я люблю трезубец, а надеть его сейчас не могу, потому что мне стыдно, понимаете?

Репортер: Егор, к Вам вопрос. Многие считают, что Майдан спровоцировал гражданскую войну. Считаете ли Вы так же?

Егор Чечеринда: Я так не считаю. Гражданская война была спровоцирована извне. Майдан выходил за ценности, свободу, равенство, европейскую демократию, а не за войну. Часть украинского населения на Донбассе просто на протяжении длительного времени не получала полноценной объективной информации.

Репортер: А какие Вы видите положительные последствия Евромайдана?

Егор Чечеринда: Мы теперь можем переизбирать Президента. Это, возможно, единственная положительная черта, но она положительная. И Порошенко мы переизберем. Я удивлен, что до сих пор не переизбрали.

Олесь Бузина: Егор, проблема в том, что мы не смогли переизбрать Януковича. Мы допустили то, что его согноли. Вот если бы мы сместили Януковича через выборы – это был бы другой разговор.

Репортер: Вы думаете, Янукович дал бы себя сместить?

Олесь Бузина: А куда бы он делся? Он в 2004 году выиграл президентские выборы и дал провести третий тур. Он был абсолютно легитимным премьер-министром в 2007 году, но вопреки всем существующим законам дал тогда себе уйти в отставку. Зачем ему свалилось это счастье в 2010 году, я даже не знаю... Он всегда трусил в ответственный момент. Неужели вы не видели, что имеее дело с банальным трусом? Все так обернулось, потому что он постоянно пытался переложить ответственность на кого-то другого. В том избиении студентов до сих пор не можем найти виноватых... После Майдана у нас новый Президент, который стоит перед теми же вызовами, что и Янукович, но и он, точно так же, не берет на себя ответственности. В частности, по проведению переговоров на Донбассе, потому что Украина не способна военными силами привести к повиновению этого региона.

Егор Чечеринда: Да, согласен, Донбасс – это Украина, и там украинские люди, и я это принимаю, но только если они сами себя признают украинцами.

Олесь Бузина: Есть территориальная целостность наших границ, за которую вроде как мы все стоим. По какому праву украинское правительство отказывается платить пенсию жителям Донбасса? Они эту пенсию заслужили еще тогда, когда Яценюк с Порошенко ели кашу в детском саду. Если Германия до сих пор платит евреям, пострадавшим от нацистского режима, как же мы можем своим гражданам не платить пенсию? Мы же делаем их врагами.

Егор Чечеринда: Возьмем, к примеру, опыт Второй мировой войны: было бы странно, если бы СССР выплачивал в оккупированном Киеве людям пенсии, когда в нем стояли немцы. Мне кажется, что сейчас ситуация точь-в-точь как тогда. Если эти люди считают себя украинцами, любят Украину и хотят жить в ней, давайте создадим условия, чтобы они переехали на свободные территории, построим им там жилье, обеспечим их работой. А отказ от социальных выплат – это был очень сильный геополитический ход. (Вот что такое политиканство чистой воды и любой ценой: люди умирают с голода и от болезней – плевать! – «сильный геополитический ход»! – А.Б.)

Олесь Бузина: Давайте не будем фантазировать, что украинское правительство кому-то построит дома. Вот разрушить дома и инфраструктуры с помощью снарядов оно смогло

очень много. И ситуация не похожа точь-в-точь на Великую отечественную войну. Через границу свободно передвигаются люди, до сих пор работала банковская система, и сейчас работает много предприятий, заводов. Зачем мы усугубляем конфликт? Моя позиция – это позиция нормального, рационально мыслящего патриота Украины: если граждане Донбасса отличаются от всех остальных украинцев, а они отличаются, то мы должны учитывать их отличия, а не обстреливать из пушек. Львовяне тоже отличаются от всех остальных жителей Украины, но по Львову не стреляли.

Егор Чечеринда: Потому, что во Львове никто никогда не провозглашал самостоятельных республик и не говорил, что это – не территория Украины.

Репортер: Егор, вопрос к вам. Благодаря Майдану сейчас у нас есть свобода и выбор переизбирать президента. Но этого мало. Это нельзя «потрогать», понимаете? Они такое «улучшение» не могут прочувствовать. То, что они по-настоящему чувствуют сейчас – это глубочайший экономический кризис. Не думаете ли Вы, что в таких условиях возможен третий Майдан?

Егор Чечеринда: Безусловно. Я думаю, что он и будет. Главная задача сегодняшней власти – побороть коррупцию: если эта власть начнет реально сажать тех людей, которые разворовывают бюджет, берут взятки, тогда люди за них проголосуют на следующих выборах, если нет – тогда будет третий Майдан. Причем радикальный, как Колиивщина, с резней и кровью.

Олесь Бузина: Я только добавлю, что если это произойдет, то, я думаю, помимо этих двух областей от Украины отвалится еще шесть.

Егор Чечеринда: Я этого не хочу. Но объективно, сегодняшнюю власть не слишком волнует коррупция – она больше занята коалициадой и распределением портфелей. А ведь именно коррупция и была, по сути, одной из базовых причин Майдана...

Олесь Бузина: Я не думаю, что причина была в этом. Средняя зарплата раньше составляла около 450 долларов в месяц – очень высокая даже по европейским меркам. Сербь кстати получают значительно меньше, при том, что Сербия сейчас является кандидатом на вступление в Евросоюз. А сейчас, после этого скачка курсов, мы в среднем получаем чуть выше 200 долларов. Люди в принципе-то жили очень неплохо...

Егор Чечеринда: Но бизнес отжимали.

Олесь Бузина: Бизнес отжимали, я не спорю. Это-то как раз и послужило причиной Майдана. Велась олигархическая игра. А народ просто использовали. Он не знал, что с ним происходит. Нашим людям просто не объясняли, как они хорошо жили. Вот сейчас Запад дает нам около 7 миллиардов в кредит. Россия предлагала 15 миллиардов Януковичу. Там 15, тут около 7, но под повышение коммуналки. Вот сейчас люди и заскрипели по-настоящему...

Репортер: Как вы думаете, что сейчас чувствуют матери, родственники тех, кто погиб тогда на Майдане, веря, что, что мы будем жить в лучшей стране?

Егор Чечеринда: Я не знаю, что они сейчас чувствуют. Думаю, внутреннюю пустоту. И заполнять эту пустоту необходимо реальными делами со стороны новой власти, в том числе, борьбой с коррупцией... Смерть комментировать всегда тяжело. Никто не вернет этих людей, этого не компенсировать материально. Четыре с половиной тысячи – это огромная цифра. У меня нет рецепта, как к этому относиться. Это надо воспринимать, как крупнейшую национальную трагедию.

Олесь Бузина: Я бы сказал так: на Януковиче лежит Небесная сотня. А на Петре

Порошенко, Яценюке и всех остальных, кто только пришел к власти, – на них лежат Небесные тысячи. Я не знаю, как они с этим будут жить. Они развязали войну на востоке вместо того, чтобы просто договариваться с людьми.

Егор Чечеринда: Если бы на Донбассе не было тяжелой танков, которые приехали из России, никакой бы войны там не было. Была бы самая настоящая антитеррористическая операция.

Олесь Бузина: А почему тогда там появился Стрелков? Почему появилась возможность спровоцировать конфликт? На протяжении двадцати трех лет украинские власти не решали проблемы страны. Когда Кучма приходил к власти, он обещал, что русский язык получит статус государственного. Вместо этого, что он сделал? Тут же об этом забыл. Янукович и «Партия регионов» тоже обещали сделать русский язык вторым государственным. Я вырос в Киеве, в украиноязычной семье, я пишу стихи на украинском языке. И если для определенной части людей Украины русский язык является такой ценностью, за которую они готовы умирать, то каждый политик, если он ответственный, обязан обращать на это внимание.

Егор Чечеринда: А если другая часть страны готова умирать за то, чтобы украинский язык был государственным? Давайте не будем поднимать вопрос языка.

Олесь Бузина: А я его и не поднимаю. Я просто говорю о том, что украинская власть не решала проблемы десятилетиями. Они росли и росли, в конечном итоге вылившись в войну.

Егор Чечеринда: Давайте теперь обсудим проблемы, которые есть на Донбассе. Знаете, какая средняя пенсия у шахтера в Донецке?

Олесь Бузина: Её сейчас уже не платят.

Егор Чечеринда: Но все-таки! Около 4500 гривен. А у моего отца в Запорожье 1400 гривен. А какая зарплата у шахтера? 7–8 тысяч! А в том же Запорожье – 2 тыс. Люди получают в четыре раза больше. И пенсии у них в четыре раза больше, чем у людей из других областей. Вот вам и проблемы Донбасса. И так было всегда.

Олесь Бузина: Они сейчас получают снаряды в свои дома. Самая рискованная профессия в Украине не у олигарха и не у милиционера, а у шахтера. Влезть в эту дыру желающих особо нет. Да, там были пенсии, были зарплаты... Но не такие высокие. До 1000 долларов практически нигде не доходило.

Егор Чечеринда: Эти люди ложились под украинские БМВ, которые хотели выкинуть Стрелкова из-под Славянска.

Олесь Бузина: Да не Стрелкова они защищали. И потом, они ложились под БМВ, но не бросали в них гранаты.

Егор Чечеринда: Хорошо, а что они тогда защищали?

Олесь Бузина: То же, что и другие люди на Майдане. Большое количество людей на Майдане защищали свою честь. Так вот у них тоже есть честь. Я готов признать честь львовянина, харьковчанина, киевлянина, да кого угодно, но при этом нужно признавать честь того же крымчанина, луганчанина и дончанина. Я не раз туда ездил. Это один из моих любимых регионов Украины. Очень сильный регион, который давал треть валютной выручки для бюджета Украины. Там живут абсолютно нормальные, трудолюбивые люди. Мы же с вами не враги. Мы обсуждаем одну проблему, мы обязаны думать о будущем страны. Если Порошенко не справится, он действительно уйдет. Не справится Яценюк – тоже уйдет. Но я скажу честно: жить в большой стране лучше, чем в маленькой. Жить в империи намного

лучше, чем жить в карликовой стране. Если Украина сократится до размеров Киевской области, то ничего хорошего из этого не получится.

Егор Чечеринда: Я не согласен. Я считаю, что лучше жить в маленькой стране, чем в большой.

Репортер: Егор, а считаете ли Вы, что после Майдана Украина может потерять еще большую часть территорий? Что Донецк и Луганск – это только начало?

Егор Чечеринда: Я сейчас не как журналист скажу, а как гражданин. Я считаю, что если люди в ДНР и ЛНР, как они себя называют, не хотят жить в Украине – Бог им судья. Пускай они тогда не живут в Украине. Не будем же мы силой притягивать людей.

– А если из Запорожья тоже захотят?

Егор Чечеринда: Ну, я очень надеюсь, что такого не будет.

Олесь Бузина: Если мы начнем разбрасываться направо и налево, у нас вообще ничего не останется. Украина не только была, но и остается большой страной. Разве можно Украину сравнить со Словакией или с Хорватией, к примеру? Да у нас же огромная страна. Мы даже иногда не понимаем насколько мы сильные, насколько мы большие, какая в нас энергия. А если война дойдет до атомных станций, например? Мы должны эту войну срочно прекратить. Вы поймите правильно, в гражданской войне героев нет. Вот я взрослый мужик, тоже бывший реконструктор, а в этой войне не участвую. Я просто не могу позволить себе убивать своих друзей. На какую сторону ни стань, и по ту, и по эту сторону мои друзья. Как же я могу их убивать?

Егор Чечеринда: Я частично поддерживаю Вас. Единственное, что хочу сказать: нам нужно брать пример с Балкан. На Балканах в 1991—94-х годах погибло больше ста тысяч людей – хорваты, сербы... А сейчас они все вместе живут, ездят друг к другу. Лично я на бытовом уровне не видел, чтобы между Сербией и Хорватией ненависть какая-то была. Как из военного положения выходить нужно? Психологически.

Репортер: Мы сейчас обсуждаем такие вещи, о которых еще год назад, наверное, и подумать не могли: гражданскую войну, вторжение... Почему вдруг люди на востоке страны стали думать, что их не устраивает Украина, и почему именно украинцы стали думать, что эта страна их не устраивает? Майдан в этом виноват?

Егор Чечеринда: Опять-таки, как гражданин я говорю: рабы больше всего ненавидят рабов, которым удалось освободиться от рабства. Тех, кто был раньше рабом, но кому удалось спастись. Вот такой ответ.

Репортер: То есть в Донецке люди, по вашему мнению, рабы?

Егор Чечеринда: Это я просто говорю. Не хочу никого называть рабами. Просто есть такая мысль, что это ненависть по отношению к тем, кому удалось спастись.

Репортер: Олесь сказал, что в случае Колиивщины Украина может расколоться окончательно. Вы с этим согласны?

Егор Чечеринда: Если не будет вторжения со стороны России... А я очень надеюсь, что не будет. Я думаю, Путину осталось еще максимум полтора года при власти. А дальше Россия будет заниматься исключительно своими проблемами, поскольку они там будут очень существенными.

Олесь Бузина: Я не согласен с этой постановкой вопроса. Дело в том, что власть, которая пришла сейчас, действует так же, как их предшественники.

Егор Чечеринда: Согласен. Надо было их не выгонять, а судить. Причем в значительно

большем количестве. Всех коррупционеров нужно посадить.

Олесь Бузина: То есть Тимошенко тоже? Ведь она же украинские интересы Путину продала.

Егор Чечеринда: Я не знаю. Это должен решать суд.

Олесь Бузина: Я считаю, что если есть закон в стране, то он должен быть одинаковым для всех.

Егор Чечеринда: Люди будут поддерживать власть тогда, когда власть будет честной. Когда власть будет бороться с коррупцией, а все коррупционеры сядут. Вот тогда не будет никакой Колиивщины...

Олесь Бузина: С моей точки зрения, надо требовать Януковича из России, и посадить их в одну камеру с Тимошенко. Им будет, о чем поговорить. Может еще мемуары напишут.

Репортер: Как Майдан изменил потребности украинцев, на ваш взгляд?

Олесь Бузина: В стране закрылись почти все автомобильные салоны... Автомобили перестают покупать. Народу нечем платить деньги за квартиры. Посмотрите, какие лица у людей! Рестораны закрываются, кафе закрываются. Поезда полупустые едут, люди не могут позволить себе передвижение даже на территории Украины! В этом году не отдыхали вообще. Что там Крым, даже в Одессе провалился курортный сезон. Никуда нам не деться от России – придется выстраивать с ней отношения. Майдан что говорил? Евроассоциация. Так вот она подписана. Поймите, майданы неэффективны. В Чехии была «бархатная революция». Никто ни в кого не стрелял. Бархатная. Если у нас какие-то революции и должны быть, то только бархатные. А как они у нас будут, если государство отстранилось от управления страной? Это, по-вашему, нормально, что народ обеспечивает свою армию обмундированием и продовольствием?

Егор Чечеринда: А я считаю, что то, что волонтеры обеспечивают украинскую армию – это хорошо.

Олесь Бузина: А я считаю, что это отвратительно. С меня автоматически снимают налог на армию – фактически берут деньги на убийство, а я даже возразить ничего не могу! Давайте поименно перечислим всех наших олигархов – пусть они и платят из своего кармана. Они быстро это АТО прекратят, когда оно им будет в убыток. Мы о таких высоких, красивых вещах сейчас говорим – о материях, о Майдане... А ведь речь здесь идет о грабеже страны. С помощью обманутых граждан в очередной раз унижена и ограблена, а теперь еще и частично развалена Украина! Как говорил товарищ Сталин, «у каждой ошибки есть имя, фамилия и отчество». А имя, фамилия и отчество в данном контексте – это те, кто сейчас находится у власти.

Егор Чечеринда: И все же я бы хотел суммировать. Помните советский фильм «Человек с бульвара Капуцинов», где Михаил Боярский в роли «Черного Джека» говорит известную фразу: «Эту страну погубит коррупция»? Так вот, это самое главное, и с этим надо бороться.

Репортер: Олесь уже рассказал, почему Майдан негативно повлиял на жизнь в стране. Пожалуйста, Егор, суммируйте позитивные последствия Майдана.

Егор Чечеринда: Три слова: Майдан – это свобода. Если ты волен делать свой выбор, ты можешь выбрать все, что захочешь, а если ты не свободен – ты не выберешь ничего.

Олесь Бузина: А можно я добавлю? Майдан – это еще и ответственность. Теперь у нас все всерьез. Армия – это всерьез, милиция – это всерьез, гражданская позиция – это всерьез,

и я полагаю, что Украина у нас теперь будет тоже всерьез, по-настоящему...

Пока надежды Бузины не сбываются, а призывы – не услышаны: у власти всё те же люди, льётся кровь униженных граждан Украины, спекуляции продолжаются и оппоненты Олесь вздохнули свободнее – не стало того, кто разоблачал их и припечатывал к позорному столбу.

Но на такой грустной ноте не хочется заканчивать книгу. Ведь Олесь так любил жизнь, улыбку дорогу, новые впечатления и старинные удовольствия. В этом можно убедиться, прочитав последние очерки Бузины, его остроумные высказывания и стилизованные анекдоты.

Крым ещё украинский

Ялта. Приехав в нее из Бахчисарая, словно попадаешь из Турции в Италию. Все мысли сразу – только об отдыхе.

Из Бахчисарая в Ялту можно добраться двумя дорогами – напрямую или с пересадкой через Севастополь. Я выбрал второй вариант, так как именно этот маршрут от Севастополя идет вдоль моря – по Южному берегу Крыма. Форос, где трусливо прятался Горбачев, рассказывая байки о своем «пленении» агентами ГКЧП, Симеиз, Алушка с Воронцовским дворцом, Ласточкино гнездо, Ливадия, где каждое лето отдыхала царская семья, ждут вас как раз на этом пути. Прямо за окном автобуса. Часовая поездка стоит того. Слева – горы, усеянные домиками там и сям, а справа – море и скалы.

Кому надоедает, как писали путешественники прошлого, «лицезрение роскошеств южной природы», есть другое развлечение – телевизор прямо в автобусе. В тот день, когда я приближался к Ялте, в этом походном кинотеатре показывали «Севастопольские рассказы» – не Льва Толстого, а местный крымский телесериал о том, сколько мяса положили различные европейские «цивилизаторы», пытаясь откусить и себе кусочек Крыма. Так я и развлекался в дороге. Посмотрю направо – море и небо. Загляну в телевизор – фельдмаршал Манштейн ходит по окопам, и лупят во всю дурь немецкие пушки. К тому моменту, когда трупы немецких «туристов» в касках приятно закачались на черно-белых волнах документальной хроники в районе Херсонеса, я и прибыл в Ялту.

Это случилось 22 апреля – в день рождения Ленина. В Ялте эту дату отмечали. Но своеобразно. Очень по-курортному. Памятник вождю мирового пролетариата стоит тут почти у набережной – под развесистыми субтропическими пальмами. От этого вождь тоже имеет курортный вид. Так и ждешь, что сейчас он снимет штаны и пиджак и полезет купаться. Ко всему прочему под Лениным еще и танцевали какие-то милые старички и старушки. Причем не под «Интернационал», а под... «Мурку». Я не вру! Может, это какой-то местный коммунистический обычай. Но на душе сразу стало легко и приятно. Развешенные повсюду лозунги: «Ялта – город счастья!» после Ленина с пальмами и «Муркой» не вызывали никакого сомнения. Я сразу понял, что попал в земной рай.

Аполитичный город. Мне подумалось, что, если кому-то придет в голову безумная мысль заменить ялтинский монумент Владимиру Ильичу идиолом Шевченко или Бандеры (последнее выглядит уже полной фантастикой!), они будут смотреться не менее комично. Впрочем, Тарасу Григорьевичу монументик в «городе счастья» уже есть. Он стоит в скверике на полпути от автовокзала до городского пляжа. Местные жители над Великим Кобзарем, имеющим к Ялте такое же отношение, как и Ленин (оба до «города счастья» так и не

доехали), явно изысканно поиздевались. Тарас стоит без постамента на какой-то подставке. Голова его непропорционально огромных размеров занимает примерно пятую часть тела. Руки – как у орангутанга. Если выпрямит – будут ниже колен.

В общем, из всех памятников Ленину и Шевченко, где-либо стоящих в мире, ялтинские произвели на меня самое неизгладимое впечатление. Думаю, если бы их оригиналы при жизни все-таки доехали до этого благословенного места, то ни революции, ни страшных «виршей» для запугивания детей в школе они никогда бы не родили. Просто нежились бы себе на солнышке и заводили курортные романчики. Ибо всякая мысль о политике пахнет в Ялте откровенным идиотизмом. Тут нужно думать о другом. А лучше – вообще ни о чем не думать.

От советского прошлого в Ялте уцелел разве что Ленин. В остальном город ныне совершенно не напоминает «всесоюзную здравницу», куда выдавали зимой путевки рабочим различных предприятий. Виллы и дома на набережной, как в Италии. В какой-то момент я почувствовал себя, словно на острове Лидо в Венеции. Белые домики. Бутики дорогих брендов, где можно купить все, что душа пожелает, – были бы деньги. Рестораны. Ночные клубы. А билетки на посещение «массажного салона» раздают прямо на улице. «Массаж» с приставкой «in» эти летучие рекламки пропагандируют весьма своеобразно. Визитка, которую вручили мне, гласила: «Новые шоу-программы, работаем 24 часа, всегда аккуратный штат с хорошим настроением, одноразовые комплекты, подобранное музыкальное сопровождение, отличный интерьер». Цена: «от 250 грн». И чтобы вы не сомневались, что массировать вам будут все не только круглосуточно, но и глубоко интимно, без лишних глаз, специальный знак, наподобие автодорожного (перечеркнутая кинокамера в красном кружке), предупреждал, что видеосъемка ваших павианьих утех в этих массажных кабинетах не ведется.

Обилие «массажных» салонов напомнило мне об Антоне Павловиче Чехове – знаменитом малороссийском писателе, любившем посещать подобные заведения по всему миру и навсегда увековечившим Ялту в рассказе «Дама с собачкой». Памятник этой даме, как и все выдающиеся артефакты «города счастья», тоже стоит на набережной. Я не мог возле него не сфотографироваться. Хотя бы для того, чтобы отдать долг памяти человеку, принадлежавшему к той же великой малороссийской нации, что и я.

Чехов, родившийся в Таганроге, который до революции принадлежал Екатеринославской губернии, всегда считал себя «хохлом». Фамилия его деда была Чех. И даже во всеимперской переписи 1897 года о своей национальности Антон Палыч написал: «малоросс». Как всякий настоящий малоросс свои произведения он писал на чистейшем русском языке. Причем невероятно медленно и лениво. «Я медлитель по натуре (я хохол) и пишу туго», – признался он в одном из писем. Написанное читал малороссийским крестьянам с Полтавщины, где, как и в Ялте, любил отдыхать от литературных трудов. Те все понимали – без переводчика. «Заплакали хохлы, и я заплакал с ними», – писал Чехов Горькому после того, как прочитал полтавским селянам свой рассказ «В овраге».

Правда, «Даму с собачкой» Антон Павлович предкам колхозников не читал. Это был первый в русской литературе рассказ о так называемом «курортном романе». Мужики такой разврат не поняли бы. Ведь даже Лев Толстой, ознакомившись с «Дамой», заметил, что ее интеллигентные героини – «почти животные». Но, по-моему, на курорте все люди отчасти возвращаются в животное состояние. Тут прав не Лев Толстой, а все-таки Чехов.

Чашка кофе – 6 грн. За счет ежегодного наплыва таких «животных» Ялта до сих пор и

процветает. Жилье тебе предлагают уже на автовокзале. В мае комнату можно снять даже за 80 гривен в сутки. Нормальная квартира у моря стоит от 250 до 400 гривен. Уже в конце апреля все красят, моют и ремонтируют. За отдыхающего держатся. Он – кормилец и поилец.

Перед поездкой в Крым меня отпугивали: «В Ялте безумные цены! Вас там ограбят! Оберут до нитки! Езжайте лучше сразу в Турцию!» Любят у нас все-таки драматизировать ситуацию. Цены оказались ниже киевских. Чашка хорошего кофе в кафе, расположенном в центре, стоила всего 6 гривен. Отличный эклер – 5.50. В Киеве все это нужно умножать вдвое. Как минимум. (А сегодня на сколько, если тогда доллар стоил 8 гривен, а сегодня – 22 гривны? – А.Б.)

Кроме дорогих магазинов, в Ялте есть самые обычные базары, ничем не отличающиеся от подобных центров торговли по всей Украине. Отдыхающий без претензий купит тут то же китайское барахло, что и на Троещине – тапки, плавки, футболки, батарейки и хот-дог, чтобы не умереть с голоду.

Многие старинные дома Ялты до сих пор сохранили дореволюционную красоту. Еще в начале XIX века никакого города тут не было. Только несколько рыбацких домиков. Само слово «Ялта» по-гречески означает «берег». Городом Ялту объявил в 1837 году император Николай I. Тогда в нем было 30 дворов с населением в 224 человека и единственная улица – Елизаветинская. Как утверждает «Путеводитель по Крыму» 1914 года: «Первый обратил внимание на выдающиеся климатические условия Южного берега Боткин. По его совету, императрица Мария Александровна с 1866 года стала проводить осенние месяцы в Ливадии. С этого года Ялта начала быстро расти. Супруг Марии Александровны, Александр II, тогда же повелел, «чтобы предпринимаемые в Ялте постройки возводились по благообразным фасадам и планам».

Остатки имперской роскоши времен Чехова приятно поражают и сегодня. Даже местное отделение «Сбербанка» расположено в доме, где, если заменить вывеску, можно сразу снимать кино о событиях столетней давности. Прогуливаясь вечером по улочкам, я вышел к роскошной вилле, сплошь украшенной затейливой резьбой. Тут страдала за народ выдающаяся украинская поэтесса Леся Украинка. Папино жалование судьи и бабушкино поместье на Полтавщине позволяло им с мамой страдать со всеми возможными удобствами. И не только в Ялте. В Вене они страдали. В Берлине. В Сан-Ремо. Очень уж тяжело жилось первым «украинским феминисткам» под гнетом деспотического царского режима. Ныне так не страдают. Изменились экономические предпосылки. И вообще – мировой кризис. Виллу, наподобие той, где мучилась на курорте Леся, теперь меньше, чем за 5000 долларов в месяц, не сдадут.

Я тоже решил немного пострадать за народ и снял номер в гостинице в двух шагах от набережной на улице Рузвельта. На ее фасаде сушились чьи-то штаны, которые я сфотографировал для истории, чтобы увековечить прелесть ялтинского колорита. Но в остальном отель абсолютно соответствовал своим звездам. Ковры, картины, чистый номер с двуспальной кроватью и плазменным телевизором, превосходный завтрак, бассейн и тренажерный зал. Все это ничем не отличалось от европейского уровня. А штаны в окнах сушатся даже в Неаполе. Там, кстати, с туриста до сих пор могут и фотоаппарат сорвать. Или мобильник из рук выхватить. Этим неаполитанские мальчишки промышляют – зарабатывают карманные деньги, обчищая чужие карманы.

Дом классика-женолюбца. В Ялте непременно посетите Белую дачу Чехова, построенную всего за несколько месяцев в 1899 году. Там теперь тоже музей. «Дама с

собачкой» – произведение автобиографическое. Хитрый малоросс Антон Павлович выползал из своего «логова» на горе, спускался к набережной и «снял» одиноких дам на отдыхе, а потом превращал свои приключения в массовую литературу, за которую ему отлично платили. «Номера» для любовных утех располагались тут же – в гостинице «Россия». Моралисту Толстому оставалось только завидовать.

Вообще, как я заметил, все веселые малороссы (Гоголь, Чехов, Зощенко) пошли в русскую литературу. А грустные и упадочные (Шевченко, Леся Украинка) попали в украинские писатели. Пример Чехова, потерянного Украиной, это только доказывает. Жил грешно и умер смешно. Тоже на курорте – в Германии. Попросил перед смертью шампанского, опрокинул бокал и отбыл в лучший мир. На родину его тело было доставлено в вагоне с надписью «Устрицы». В одном холодильнике ехал и гроб с Чеховым, и деликатесы для московских ресторанов.

Поэтому всем посещающим Крым я непременно посоветовал бы посетить дегустацию в одном из местных винзаводов, чтобы научиться пить, как Чехов. В Коктебеле эта церемония неплохо организована. Да и Массандра не отстает. Обычно вам подают линейку из пяти бокалов. В каждом по 50 граммов вина. По нарастающей. От легких сухих до крепких портвейнов и мадер. Пить нужно, увеличивая сахаристость и градусность. И ни как не иначе. Тогда голова не будет болеть. И даму с собачкой свою найдете. При удаче, даже несколько дам. В Ялте это просто. Как и каяться от грехов. Новенькую церковь тут недавно построили прямо на пляже. Красавицы в бикини по-античному загорают буквально в двух шагах от куполов с крестами. Такая вот ялтинская фантастика, которую нужно увидеть, чтобы почувствовать вкус жизни.

18.05.2013, Крым

Языческие божки русской бани

Баня до сих пор остается нашим последним языческим храмом, в нее нельзя заносить иконы и заходить, не перекрестившись.

В жизни каждому из нас встречаются субъекты, которых хочется послать далеко и надолго. Когда такой гражданин достает нас окончательно, мы говорим ему: «Пошел в БАНЮ!» И он сразу чудесным образом осознает, что пора оставить нас в покое.

Но почему мы посылаем осточертевшего идиота именно в баню? Не в сарай? Не в хлев? Не в погреб? Или в какую-нибудь другую хозяйственную постройку?

И вообще, почему у входа в баню нужно было обязательно перекреститься, а в самой бане креститься строго запрещалось? Почему в баню никогда не вносили икон? Почему нельзя было ходить в баню на церковные праздники? Почему вся банная утварь (шайки, ведра, веники, ковши) считалась нечистой, и ее нельзя было вносить в избу? И почему на месте развалившейся бани нельзя было дом строить ни в коем случае? Почему?!?! Что за место такое проклятое?

Помню, один рассказ простого мужика, услышанный мною несколько лет назад во время поездки во Владимирскую область: «Был у нас в деревне один. Шибко умный. Баня у него развалилась. Он на ее месте дом строить вздумал. Ему все говорят: «Нельзя! Нехорошо будет»... А он: «Моя земля – что хочу, то и строю. Хоть дом, хоть клуб». И построил. Довольный такой был. Только сгорела у него изба. В тот самый день, как он в нее жить с семьей перешел, в тот и сгорела!»

С баней было связано множество явно нехристианских верований, напоминавших о пережитках славянского язычества. К примеру, наши пращуры были убеждены, что в бане можно получить сверхъестественные способности. И даже стать колдуном. Для этого якобы следовало пойти в баню и там отречься от Бога – снять крест, положить его себе под пятку (желательно левую!) и произнести заветный приговор.

Когда баню топили «по-черному», из всех ее щелей дым валил, как из пекла. Все магические ритуалы в бане производились только после полуночи. И горе тому, кто заходил туда в это время без спросу. Да еще и лез париться.

Смерть нарушителя традиций была ужасна. Утром находили его холодный розовый труп, словно только что отхлестанный банным веником. Кто же это так издевался над человеком?

А еще баня была местом, где жила русская любовь. Самый знаменитый эротический рассказ русской литературы так и называется – «Баня». Его авторство приписывают Толстому. Но не Льву Николаевичу, а Алексею Николаевичу – тому, что, кроме «Бани», написал еще «Петр Первый», «Хождение по мукам», а для детей – «Золотой ключик, или Приключения Буратино».

Вот же был писатель! Всем коллегам на зависть! Сначала антисоветский, а потом советский. Из популярного белогвардейского публициста в один день превратившийся в еще более популярного советского прозаика и к наследственному графскому титулу прибавивший прозвище Красный граф. Кстати, один из любимейших писателей Сталина. Первооткрыватель знаменитого совета начинающим литераторам: «Жен, батенька, надо менять. По жене на романчик!» А также бессмертной фразы: «Уезд от нас останется, и оттуда пойдет Русская земля!» Официально был женат три раза, не считая мимолетных увлечений. И баню очень уважал. И как место, где можно попариться, и как объект для литературных вдохновений.

Римские бани были местом, где парились, любили и убивали политических соперников. Помню, как во времена моего отрочества, на излете советской власти запретную толстовскую «Баню» переписывали от руки и читали друг другу под страшным секретом в школьной раздевалке. А теперь свободно печатают в антологиях со звучными названиями, вроде, «Русская эротическая проза»: «Фроська тихо вошла в баню и в нерешительности остановилась. Барин лежал на лавке на животе, а две девки – Малашка и Наташка – тоже голые стояли с боков, по очереди ожесточенно хлестали веником по раскаленной багрово-красной спине, блестящей от пота.

– Новенькая! – воскликнул барин. – Хороша, нечего не скажешь! Ваша, девки, задача – научить ее всей вашей мудрости»...

Итак, вот что получается. Баня – одновременно место страшное и приятное. И угореть в ней можно, и со всей русской Камасутрой познакомиться.

Но и в других культурах именно в бане происходило множество ужасных и соблазнительнейших вещей.

В бане была умерщвлена политическими противниками королева Амаласунта – правительница государства остготов в Италии. Это случилось в 535 г. н. э. Заговорщики заперли свою королеву в ванной, где она купалась, и буквально запарили до смерти. Это утонченную разновидность убийства, не оставляющую внешних следов насилия, варвары-готы позаимствовали вместе с банями у цивилизованных римлян. Римляне уже несколько веков убивали подобным образом политических оппонентов, проигравших в дворцовых интригах. Именно в бане вскрыл себе вены древнеримский писатель-сатирик Петроний по

прозвищу Арбитр Изящного. Он поступил так, получив информацию, что император Нерон отдал приказ предать его мучительной казни.

Русская баня. Антураж проще, но пар на 20 градусов жарче, чем в римской. Но в бане древние римляне не только мылись и убивали. По свидетельству историка Светония, император Тиберий собрал в своих персональных банях на острове Капри целый гарем. Свои оргии этот предшественник Сильвио Берлускони устраивал прямо в бассейне. А партнеров по групповому сексу, плававших стаями в теплой воде, в шутку называл своими «рыбками». Теперь понимаете, почему так тянуло на Капри Ленина и прочих большевиков? Их звал туда дух римского императора Тиберия, гармонично решавшего в бане сексуальные и политические вопросы «текущего момента».

Однако распутной фантазией римского тирана российские социал-демократы не обладали. Поэтому они устраивали на Капри обычные скучные партийные посиделки, планируя всю Россию попарить в кровавой бане.

Зато достоверно известно, что в обычную баню Ильич тоже ходил. Несколько лет назад в Петербурге даже разгорелся скандал, когда закрылись на ремонт Удельные бани. В них будущий вождь пролетариата в 1917 году помылся перед тем, как убежать в шалаш в Финляндию, чтобы скрыться от Временного правительства. Общественность требовала сохранить Удельные бани как историческую реликвию. Властям даже пришлось успокаивать поклонников товарища Ленина. Тогдашний губернатор Петербурга Валентина Матвиенко заявила: «При всем уважении, что там мылся Владимир Ильич Ленин, это баня все-таки 1834 года. И закрылась она не из-за продажи, а из-за того, что находилась просто в аварийном состоянии. Но, безусловно, судьбе этой бани ничего не угрожает. После реконструкции она так и останется баней, только уже в хорошем цивилизованном виде».

Красный граф. Алексей Толстой увековечил себя не только «Хождением по мукам», но и «Баней». Как жаль, что Ленин ни разу не был в Киеве! Сколько бы бань уцелело! А так из дореволюционных киевских бань дожили до наших дней только Центральные торговые на Малой Житомирской улице рядом с Майданом Незалежности!

До революции Майдан носил название Думская площадь. По имени Городской думы, которая находилась тут. Сначала депутаты (они назывались гласными Городской думы) парились над постановлениями. А потом шли париться в эту баню. Но так как по соседству с Лядскими воротами, располагалась еще и городская биржа сексуальных услуг, то Центральные торговые бани именовались почти так же, как Лядские ворота – «Бл...дские бани». Сняв сочную девицу, ее вели в эти бани в отдельный номер, чтобы «попарить» во всех смыслах.

Но такой утонченности банное дело в наших краях достигло только в XIX веке. Тогда в Москве были построены знаменитые Сандуновские бани. Да и в Киеве решился вопрос с мытьем. А ведь еще во времена Гетманщины публичных бань в Киеве не было вообще. Даже в Киево-Могилянской Академии (в храме наук!) не было бани! Не мылись там студенты. Поэтому Ломоносов и сбежал оттуда учиться в Германию. А при самодержавном деспотизме бани в Киеве наоборот сразу расцвели. Как только ликвидировали Гетманщину, так и начали сразу бани в Киеве расти, как грибы. Заботилось самодержавие о чистоте верноподданных тел!

Киевские бани при самодержавии. В результате справочник «Весь Киев на 1914 год» перечисляет в «матери городов русских» уже сразу десять коммерческих бань – в том числе Днепровские на Андреевском спуске, Московские на Константиновской, 22, Печерские на

Московской улице, 22, и даже бани Левинсона с примечанием в скобках «еврейские» на улице Ярославской. В некоторые из киевских бань в 1914 г. уже можно было позвонить по телефону. К примеру, Центральные торговые имели телефонный номер 474. И главное, какой прогресс! При гетманах в Киеве ни одной бани не было. А за сто лет царской власти – сразу десять появилось! Сколько бы их еще добавилось, не случись Первой мировой войны!

Обычная русская баня была значительно проще этих роскошных городских бань. Она представляла собой бревенчатый домик. Эта избушка разделялась на два помещения – предбанник и парилку. В предбаннике раздевались. В парилке – парились, растянувшись на специальной лежанке, которая называется «полок». Температура в русской бане доходит до 70 градусов. Для этого баню нагревают специальной печью-каменкой, работающей на дровах. А дым выводят в трубу.

А еще баня была местом, где жила русская любовь. Помните «Баню» Алексея Толстого? Известное русское слово «изба» – это уменьшительное от истопка, которое происходит от древнерусского истьба (истобка), что означает «дом, баня». Отделившись от жилища и став отдельной постройкой, баня сохранила все признаки древнего, языческого почитания жилища.

Но все это относится к так называемой бане по-белому. С той самой трубой, через которую выходил дым. Банька по-белому возникла только в XVIII веке. А до нее славяне больше тысячи лет парились в бане по-черному.

В бане по-черному отсутствовал предбанник. А печь представляла собой открытый каменный очаг. Он прогревал не только каменку, но и стены бани. Дым выходил просто через дверь или через дыру в потолке. Бревна внутри бани были сильно прокопчены, а стены – черного, воистину адского цвета.

Именно во времена монопольного существования бани по-черному возникли все поверья и запреты, связанные с тем, что мы сегодня называем баней. Когда баню по-черному топили, из всех ее щелей дым валил, как из пекла. Представляете этот ужас?

Чтобы пользоваться баней по-черному, следовало соблюдать строжайшие правила безопасности. Протопив баню, ее в обязательном порядке проветривали, открыв дверь настежь. А еще – вымывали от копоти потолок. Именно там скапливался угарный газ, убивавший ленивых или пьяных банщиков. По этой же причине существовал запрет на «четвертый пар» – четвертый заход в баню, когда там можно было угореть.

Откуда вера в банника? Во время сгорания дров в бане выделяется невидимый бесцветный и безвкусный угарный газ СО. Он может вызвать галлюцинации, человеку кажется, что его душат и т. п.

А феномен «посмертного румянца» трупов вызывает соединение угарного газа с гемоглобином – образуя карбоно-гемоглобин, который блокирует доступ кислорода в кровь человека и придавая его коже такой приятный глазу оттенок. Открыт был угарный газ только в 1776 году французским химиком Жаком де Лассоном, который увидел его характерное синее пламя.

Откуда было знать все это неграмотным древним славянам, ни дня не ходившим в школу? Механизм воздействия загадочного угарного газа был для них не ведом. То, что мы обозначаем химической формулой СО, они называли «банником». Древние славяне верили, что именно банник убивает нарушителей банных традиций.

И все же, почему в баню нельзя было вносить иконы и, тем более, париться в дни церковных праздников? Есть причина. Славяне, конечно, не древние римляне. Скромные

размеры деревенской русской баньки не позволяли развернуться, как в римских термах Каракаллы. Но широка загадочная славянская душа! Ничто человеческое ей не чуждо. Да и где еще было заниматься сексом зимой в нашем отнюдь не тропическом климате, как не в натопленной жарко баньке?

С баней был связан весь цикл человеческой жизни от рождения до смерти. Крестьянки рожали в банях, так как это было самое продезинфицированное место в деревне. Сажа, осевшая на стенах бани по-черному, играла роль антисептика. Перед свадьбой молодые тоже ходили в баню. Это составляло часть свадебного обряда. А после смерти покойника тоже обмывали в бане. Более того, раз в год на Чистый четверг, выпадающий за три дня до Пасхи, баню специально топили на ночь, но не парились в ней. Это была баня для духов предков. Так славянин поддерживал связь с предшествующими поколениями.

В дохристианские времена, кроме всем известных языческих богов, вроде Перуна или Велеса, славяне верили еще и в мелких бесов – леших, домовых, русалок. В хлеву жил хлевник, в сарае – овинник. А в бане – банник. После крещения все идолы были разрушены. Единственным уцелевшим языческим храмом остался тот, который можно было использовать по двойному назначению – баня. И помылся, и бесам плоти послужил. Двоеверие и двойные стандарты до сих пор присущи практически всем христианам. Не только славянам.

Прокопченная баня по-черному, из которой каждую неделю валил дым, идеально подходила для домашнего языческого храма – места обитания всяческих бесов. Поэтому в баню нельзя было заносить иконы, а все предметы, находившиеся тут, запрещалось заносить в дом. Мол, не путайте грешное с праведным, а веник с крестом.

После крещения Руси нашим пращурам стало немного неудобно держать в одном углу иконы, а домашних чертей – в другом. А вот отдать нечистым нежилую баню – это всегда можно! Вроде бы как вывели всех их из дома, а в то же время держим под рукой, чтобы далеко не убежали.

Богу – Богово, а черту – чертово. Если не грешить, то как каяться? Именно поэтому всех осточертевших нам субъектов мы посылаем ко всем чертям – то есть в баню, намекая на то, что им пора очиститься от телесной и духовной скверны.

Анекдоты и афоризмы от Бузины

Шевченко и Драч

Больше всего на царской службе Тараса Григорьевича донимало то, что нельзя ходить в кожаной обуви и шапке. Конечно, мучила еще и казахская жара. Но не так. Потому что он знал, что через сто лет это место, где он сейчас мучается, назовут фортом Шевченко.

Впрочем, он все знал. Он был пророк. Пророк национальной идеи. От этого было немного скучновато. Противно ведь все знать о будущем. Например, то, что на обед будет горох, а фельдфебель Вишняк («жалкий прислужник царского режима») станет журить за нечищенные сапоги: «Эх, Шевченко, Шевченко, тебе б только стишки кропать...» Еще противней было знать, что в 2000 году в украинской армии на обед тоже будет горох, а сапог не будет совсем.

Из задумчивости Тараса Григорьевича вывел окрик ротного писаря Скрыдлова: «Шевченко! Ты что, забыл, что сегодня царские именины? А ну, живо писать лозунг «Слава самодержавию!»

Втайне Кобзарю очень хотелось написать «Слава Украине!» (точно такой же, как сейчас висит на львовском вокзале), но пришлось смириться – потому что тогда его отправили бы на гауптвахту, а так освободили от строевой.

За писанием приходили в голову разные умные мысли. «А ведь Гомер тоже из украинцев, – подумал Тарас Григорьевич. – Слепой, как наши кобзари, и с этой бандурой древнегреческой – лирой. Таскался в Афины на заработки – петь на улицах. И имя его наше, исконное. Гомер... Гомер... Точно! Хома! Вот выберусь из этой дыры – сделаю доклад для Лондонского королевского общества!»

К тому времени, как был закончен лозунг, Шевченко знал также, что египетские пирамиды, Иисуса Христа, тампаксы, спички, заглушки на водопроводных кранах, утюги, слона, рентгеновский аппарат и гепатит «Б» придумали тоже украинцы. Вообще, надо заметить, гениальный мозг Тараса Григорьевича продуцировал идеи с поразительной быстротой. Если бы лозунг нужно было писать на пять секунд дольше, он успел бы еще изобрести теорию относительности и непромокаемый плащ, но поток сознания прервал вопль писаря Скрыдлова: «Ты что, до вечера будешь копать? Нас уже пять раз спрашивали их благородие прапорщик Дудкин!»

Сдав работу, Шевченко вышел на опустевший плац. Оставалось только перекусить, да нарисовать пару-тройку голых барышень для дембельских альбомов, о чем его давно просили сослуживцы.

За фортом закатывалось белое солнце пустыни. В углу переругивались два солдата из ссыльных польских повстанцев:

– Если бы ты, Скшетусский, тогда ударил москалям во фланг, не сидели б мы тут, как цуцики на привязи!

– Молчи, пся крев, ты пропил отцовский фольварк и фураж для легкой кавалерии!

«От дурни», – подумал Шевченко.

* * *

Ночью ему пришли в голову гениальные стихи: «Садок вышневый коло хаты. Хрущи над вышнямы гудуть». От этого Шевченко даже проснулся и вскочил на постели. «Ностальгия», – промелькнуло в голове. На соседней койке храпел фельдфебель Вишняк и яростно портил воздух лучший ротный запеваля Хрущев из-под Тамбова.

«Блин, – удивился Шевченко, – из какого только дерьма стихи получаются». Он уже знал, что через сто лет Анна Андреевна Ахматова напишет: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда».

«Плагиаторша», – подумал Шевченко, и натянул казенное одеяло.

* * *

Решил как-то Тарас Григорьевич зайти в Киевский университет – проверить, как идет украинизация. А там его уже депутация профессоров встречает.

– Чим займаєтесь, панове?

– Разрешите доложить, Тарас Григорьевич! Вот этот самый университет, который

раньше назывался именем св. Владимира, теперь – имени Шевченко!

– Це добре, – говорит Шевченко. – Я святіший за Володимира!

– А напротив университета стояла статуя Николая I – теперь тут стоите вы, Тарас Григорьевич!

– І це добре!

– И сквер уже не Николаевский, а Шевченковский!

– Дуже добре!

– И бульвар возле сквера не Бибиковский, а ваш! И оперный театр рядом тоже имени Шевченко! И над входом ваш бюст торчит!

– А опера там про мене вже йде?

– Срочно переделывают из «Нюрнбергских мейстерзингеров» Вагнера!

– І як буде називатися?

– «Миргородские кобзари»!

Видит Тарас Григорьевич – хорошо идут дела. Не к чему и придраться. Стал у окна и смотрит на Шевченковский сквер и на статую Шевченко.

А Ивана Франко с Лесей Украинкой взяла обида, что им досталось в Киеве только по театрику, и потому они решили пойти в Шевченковский сквер целоваться – чтобы все видели, что и украинская интеллигенция кое-что смыслит в свободной любви. Сидят, целуются – по неопытности громко чмокают. Леся Украинка даже говорит.

– Як гарно! Просто пісня!

– Лісова! – добавляет Франко.

– Куди краще, ніж наодинці читати під ковдрою усяку заборонену літературу!

– Ще б пак!

Шевченко смотрел на это, смотрел. И так ему грустно стало – аж расплакаться захотелось. «Везет же людям, – думает, – целуются и горя не знают, а я стой тут, как дурак – исполняй гражданский долг. Ну его к бесу – пойду позвоню Пушкину. Пусть берет Ахматову и поедом в Париж стаканы бить – чтобы не думали, что только Есенин с Айседорой Дункан гулять умеют».

Вскоре в парижских газетах в рубрике «Уголовная хроника» появилась заметка. «Новые русские опять бьют стаканы на Монпарнасе». Это дало повод Ивану Драчу, известному поэту и патриоту, возмущаться в кулуарах парламента. «Знову ці неосвічені європейці не можуть нас відрізнити від тих москалів». Поэтому после вмешательства украинского МИДа парижские газеты дали опровержение. «Двое новых русских и один старый украинец опять бьют стаканы на Монпарнасе».

* * *

Шевченко и Пушкин решили выпить. Но выпив, никак не могли решить, что делать дальше. Шевченко, только что написавший поэму «Кавказ», предлагал поехать побороться за национальную идею в Чечню. Пушкин же склонялся отправиться выполнять интернациональный долг в Эфиопию. В конце концов оба решили вернуться в кафе «Эней» в Спилке письменников и накатить еще по сто «Украинской с перцем» и по двести пятьдесят «Посольской» московского завода «Кристалл».

Проходивший мимо известный поэт и патриот Иван Драч укоризненно посмотрел на

«ренегатов» и прошептал: «Безродные космополиты»... После чего надел фрак и отправился в Стокгольм получать Нобелевскую премию.

* * *

Шевченко и Пушкин очень любили играть в карты. Но им был нужен третий, и они пригласили сыграть партию Ивана Драча. Но Иван Драч, уже бывший когда-то в КПСС, очень боялся слова «партия» и отказался. Он не хотел, чтобы его, как и Шевченко с Пушкиным, считали «ренегатом». В отличие от них, ему была дорога его писательская репутация.

* * *

Когда на Всемирном писательском форуме Ивана Драча спросили, почему среди украинских писателей нет Нобелевских лауреатов, он подумал и ответил. «Зате ми гарно святкуємо письменницькі ювілеї». За остроумный ответ Ивана Драча и выдвинули кандидатом на Нобелевскую премию. Однако премию почему-то получил Борис Пастернак. В Союзе писателей Украины этому очень обрадовались – коллеги Драча, как и Шевченко, не могли себе позволить унизиться до антисемитизма.

* * *

Шевченко очень нравилась Анна Андреевна Ахматова. Особенно нравилось, что ее имя, фамилия и отчество начинаются на букву «А». Выросшему в провинции начинающему стихотворцу это казалось литературным изыском. Однако вся эта история жутко будоражила светский Петербург. Вернувшийся из Африки муж Ахматовой, поэт Гумилев, мог вызвать Шевченко на дуэль и пристрелить, как гиппопотама. Кроме того, Ахматова не скрывала, что ей очень нравится Борис Пастернак.

Шевченко знал об этом, но как истинный демократ не мог себе позволить унизиться до антисемитизма. И даже хлопотал в Союзе писателей Украины, чтобы Пастернаку выдали внеочередную Шевченковскую премию.

И только Иван Драч равнодушно относился в этой истории. Он как патриот знал, что не имеет права на личную жизнь. Его невестой была Украина.

Высказывания

Меня интересует история как она есть – без пробелов. Я люблю залезать туда, куда не ходит обычная школьная программа.

Пускай другие, лишенные фантазии народы, скопом идут банальным путем общечеловеческих ценностей. Или ищут особый путь, как Россия. Мы выбрали самое сложное – тупик.

Мы только делаем вид, что выбираем лучшего. Втайне нация давно уже решает задачу куда более высокого порядка – как избрать худшего из худших.

Некоторые старушки в деревнях до сих пор уверены, что всякая власть от Бога, а приезд агитатора – только происки нечистого.

Украинская мечта уже давно сбылась: оставленное в покое после сталинских чисток поголовье свиней восстановилось, самогонный аппарат есть у каждого, красивых баб столько, что излишки приходится вывозить в Европу.

У нас борются не за государство, а за государственный язык! Как будто это одно и то же! Мне хотелось бы знать, что будет после того, когда все украинские граждане забудут русский язык? Наступит счастье? Рай земной?

Оксана Забужко прогремела в основном полупорнографическими «Полевыми исследованиями украинского секса», где пришла к выводу, что мужчины ее не хотят, потому что она сознательная украинка, а сознательные украинцы не хотят, потому что они – не мужчины.

Когда я слышу слово «украинская интеллигенция», моя рука сразу тянется к мухобойке.

На собственном опыте знаю, что евреи – один из самых благодарных народов на свете, помнящих даже небольшое добро, которое ты им сделаешь.

В самом слове «Украина» заключен этот изменчивый характер страны – дух пограничного состояния, двуязычия, двоеверия и «многовекторности».

Особенность (не хочу говорить заезженного слова «трагедия») Украины заключается в том, что контакт цивилизаций происходит тут на низовом уровне, и участвуют в нем в основном солдаты, гайдамаки, казаки и прочий лихой народ, который водится на любой пограничной территории.

Украинский национализм, что бы о нем ни говорили, дал великий исторический шанс хаму. И хам этим в полной мере воспользовался.

Корни галичанской русофобии находятся в австрийской казарме и в польских планах раскола Православия, которое привело к возникновению унии.

Нет ничего обиднее теперь для польского сантехника в Лондоне, чем отремонтировать кран в особняке, который купил новый русский.

Фатальная несправедливость истории состоит в том, что победой пользуются не победители, а уцелевшие побежденные.

Плохо не то, что существует человек толпы. Плохо то, что он перестал стесняться.

Историю Украины, как и любой другой страны, можно написать по-разному. Марксист стал бы рассматривать ее как борьбу классов. Православный идеалист – как назидательный урок свыше человеческой популяции, осмелившейся жить без Бога в сердце и Царя в голове.

Даже у великого «просветителя» всех несвидомых Виктора Ющенко руки до увековечивания памяти Михновского так и не дошли. Почему? Скорее всего, из суеверия. Наши шароварные патриоты считают неприличным вспоминать с высоких трибун, что идею независимости выдумал самоубийца.

Суженное «половецкое» сознание первых украинских националистов имперский размах не вмещало, протягивая загибающийся, но все-таки хуторской взгляд только до Кубани – где мазанки, то и наше!

В независимой Украине И. Кулику не повезло из-за национального происхождения. Очень уж не любят вспоминать у нас, что первым председателем украинского Союза писателей был еврей.

Великие исторические события всегда сказываются на коммунальном хозяйстве. Попытки сделать мир справедливее почему-то всегда оборачиваются грязью на улицах и в

уборных.

Украинцы – изобретение XX столетия. Трагическая мутация русского самосознания на самой границе Русского Мира, вызванная польско-австрийским идеологическим облучением.

Абсурд хорош, когда он занимает свое скромное место шутки. Но когда он превращается в норму жизни, жизнь кончается...

Как общественный деятель и сторожевой пес демократии, наплевавший на свои обязанности, я, конечно же, совершал преступление, не давая украинской интеллигенции в очередной раз спасти Украину от москалей.

Ты превратился в свет...

На смерть Олеся Бузины откликнулись статьями, письмами, стихами многие его друзья и единомышленники. Надо привести целиком стихотворение киевлянки Юнны Мориц, которая всегда была дерзкой и свободолюбивой, за что её книгу пробивал с трудом в печать советский классик Николай Тихонов, в сегодня, как ни парадоксально, ненавидят антисоветчики-либералы. Но и она знает им цену, обличает либеральный тоталитаризм, переходящий в фашизм, командиров из ЕС и говНАТО, бывших земляков – упырей Украины, убивших Олеся. Она написала по горячим кровавым следам:

Сейчас и здесь

Не возвращайся в Украину!
Угроза жизни дышит в спину,
В затылок дышит подлецо —
Фашизма подлое лицо!

Не возвращайся, там – гестапо,
Восторг фашистского нахрапа,
Кровавый скачет карнавал,
По спискам гробит наповал!

Не возвращайся в их зверинец,
Ты – драгоценный украинец,
Тебя убьют за твой талант, —
Убить талант – призванье банд!

Но ты вернулся – и убит.
Имеет Запад жалкий вид,
С фашистами в одной компании
Он Лорку расстрелял в Испании,

С фашистами в одном флаконе
Он полон русофобской вони,
С фашистами сейчас и здесь
Он расстрелял тебя, Олесь!..

Угроза жизни миновала,
Тебя убить, конечно, мало:
Теперь ты превратился в свет,
Где после смерти – смерти нет!

Теперь тебя фашистский мрак
Не ликвидирует никак, —

Твоё присутствие, Олесь,
Огромно – хоть на стенку лезь!

Хоть лезь на стену, мракобесье, —
Теперь присутствие Олеся
Огромно и неистребимо,
Оно бессмертно и любимо,
Стреляй в него – всё будет мимо!

Да, в творческом и даже политическом смысле получилось – мимо. Поэтка, как она себя называет, права: «Он превратился в свет... Кто-то из единомышленников напуган, а гораздо большее их число только убедилось в правоте и прозорливости Олеся, продолжило духовное противостояние. Об этом свидетельствует и авторский сайт писателя, продолжающий жить. Вот одна из посмертных статей на нём, который можно назвать «Проект концлагеря Украины»:

Максим Алексашин:

«Демократия – это власть народа. С убийством Олеси Бузины, одного из лучших сынов своего народа, на Украине была убита демократия. Отныне уже не тайно, а открыто, на некогда благословенных землях славян официально установлена диктатура. Последняя диктатура Европы. Европы, в состав которой новое тоталитарное государство так стремится. Свергая символы «тоталитаризма» Советского Союза, усилиями которого Украина в нынешних пределах обрела шанс на существование, омайданенная толпа во власти насаждает принципы новой тоталитарной системы, основанной на шовинизме и ненависти к человеку. А ведь «тоталитарный» Советский Союз исповедовал как раз противоположные принципы – равенства народов и взаимоуважения. Да, мы можем не любить человека, но этот человек наделён святым правом на выражение собственного мнения. Это и есть свобода. Настоящая свобода слова. И противоположностью этой свободе является свобода действий, готовая превратить любую, даже самую прекрасную идею в беспредел вседозволенности. Украина попутала понятия, выкрикивая речёвки о «воле», требуя какой-то призрачной «свободы», которой в прежней, домайдановской Украине было столько, что окружавшим её соседям оставалось лишь позавидовать. И Олесь Бузина на полную катушку использовал свободу самовыражения, наглядно демонстрируя работу демократических институтов в родной стране, являясь своеобразным детектором их функционирования.

Нынешнее изъятие из всех украинских магазинов книг Олеся Бузины, запрет на их издание и распространение на территории Украины лишь выявляет истинных заказчиков убийства писателя. Его убили не «бойцы АТО» и даже не мифическая «УПА». В Олеся Бузину стреляла его собственная страна, уже не существующая, действующая под кодом «404» на сайте «Миротворец». В Олеся Бузину стреляло государство, в лице писателя убившее ещё и Родину. Государство, которое не простило ему интеллектуального возвышения над толпой бездумных братьев и сестёр, выполнявших в основном роль ретрансляторов телевизора. И не надо после этого сопливить на тему «руки Москвы». В Москве книги Олеся Бузины можно купить в любом книжном магазине. Хотя, нет, уже не в любом. Резкий всплеск интереса к его творчеству привёл к тому, что книги Бузины стали раскупаться с

небывалой скоростью. Пытаясь уничтожить писателя, украинская власть увековечила его имя».

Именем Олесь Бузины осенено и открытое письмо антифашистов:

«Господа Обама и Меркель!

Вашими действиями и под вашим политическим руководством на землю Украины привнесены воинствующий сатанизм и фашизм. Вы, ратующие за демократию и свободу, лукавите, когда поощряете события в Украине и бездействуете на противоправные решения и действия власти Украины. Народ Украины ждет от вас действий, направленных на прекращение в Украине физического, информационного, морально-психологического террора, ритуальных, циничных и демонстративных убийств в нашей стране. Прекратите нагнетать среди украинцев и европейцев антирусскую и сопутствующую ей антиукраинскую истерию. Не пытайтесь навязать нашим народам свою лживую историю – не кто-либо, а наши народы сообща разгромили немецкий фашизм и нацизм. Подло и нелогично подменять историю и действия народов поступками конкретных лиц от власти. Власть – это одно, а народы – это другое.

Подменой фактов, сменой идеологических приоритетов вам не удастся переписать историю и запретить нашему народу праздновать 70-летие Победы во Второй мировой войне, плодами которой Америка воспользовалась сполна, а наши отцы и деды десятками миллионов пролили свою кровь. И сегодня кровь их потомков течет на Востоке и по всей Украине во многом благодаря вашей позиции, именно по вашей вине. Массово сожгли людей в Киеве и Одессе, но за это никто не понес наказания.

При вашем попустительстве и бездействии в Украине давно уже перейдена грань дозволенного и цивилизованного в политике и дипломатии. С каждым днем преступные деяния в Украине все более явно обретают завершённую форму преступлений против человечности и человечества. Сегодня в Украине уже даже не маскируют убийства неугодных под самоубийства, как предыдущих жертв террора диктатуры опекаемого вами режима власти. Циничные и безнаказанные убийства невинных и безоружных людей среди белого дня, имеющих другое мнение и открыто несогласных с антинародной политикой, стали системой и нормой в Украине. Опекаемое вами руководство СБУ и МВД всячески прикрывают, потворствуют, провоцируют и даже планируют террор и циничные расправы над инакомыслящими».

Но всё-таки книгу хочется закончить не гневными и справедливыми тирадами, а пронзительным женским письмом.

Письмо Наталии, жены Олесь Бузины

Здравствуйте.

Меня зовут Наталия.

Я жена Олесь Бузины.

Знаю, что в подобных случаях женам принято давать другое звание. Скорбное, беспросветное, гнетущее одним только сочетанием букв. Но я его не принимаю.

Сила духа Олесь огромна. Она не ограничена пределами плоти или трехмерным пространством. Олесь был и в том урагане, который поднялся после выстрелов. А потом

оплакивал нас, бедных, дождем и снегом в день погребения.

У него всегда был свой язык со стихией.

Да, я знаю, что никогда больше не принесу ему в постель зеленый чай с медом. А он вместо «спасибо!» не промурчит: «Почухай спинку».

Мы никогда не выйдем ночью к пруду, чтобы послушать лягушачий хор и полюбоваться гоголевской ночью.

И он не скажет: «Нигде больше нет таких лягушек, как на Украине!»

Знаю точно: вы, которые пошли на это преступление, никогда не были так счастливы, как Олесь. И вообще, вряд ли кого-то любили в своей жизни. Возможно, у вас есть даже дети, жены и седые матери.

Но вы им врите! Вы их не любите!

И они никогда не помолятся за вас, когда вам это будет нужно.

А Олесь любил всех. «Укропов» и «колорадов», украинцев и русских, евреев и татар.

Он хотел примирить всех нас в нашем общем доме – Украине. И не оставил свою землю, когда пришла беда: «Я не могу бросить моих хохлят. Они запутались. Я должен им помочь».

Спасибо большое, дорогие, что отозвались.

Олесь живет в каждом из ваших сообщений.

А тем, кто хочет от этого собрать себе плоды, скажу: прошу вас, уважайте его имя и честь!

Не рвите на куски каждый себе!

Он уже не сможет вам ответить!

Но у него есть Высший Защитник!